

*Гертрудис
Гомес
де Авельянеда*

**КУАУТЕМОК,
ПОСЛЕДНИЙ
ВЛАСТИТЕЛЬ
ЦАРСТВА
АЦТЕКОВ**

*Гертрудис
Гомес
де Авельянеда*

**КУАУТЕМОК,
ПОСЛЕДНИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ
ЦАРСТВА АЦТЕКОВ**

РОМАН

Перевод с испанского

М. Былинкиной

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

ББК 84.7Ку

Г64

*Gertrudis
Gómez
de Avellaneda*

**GUATIMOZÍN
ÚLTIMO EMPERADOR
DE MÉXICO**

Предисловие и примечания

М. Былинкиной

Иллюстрации и оформление художника

Б. Косульникова

Г 4703040100-259 151-90
028(01)-90

ISBN 5-280-01258-0

© Перевод, предисловие, примечания. Былинкина М. И., 1990 г.
© Художественное оформление. Косульников Б. М., 1990 г.

АВЕЛЬЯНЕДА
И ЕЕ
КУАУТЕМОК

Роман «Куаутёмок, последний властитель Царства ацтеков», написанный кубинской писательницей-классиком XIX века Гертрудис Авельянедой, воссоздает эпопею завоевания в XVI веке испанским конкистадором Эрнаном Кортесом огромных владений Ацтекского государства, находившегося на территории современной Мексики. В основе романа лежат подлинные события, о которых мы вкратце напомним, чтобы читателю было легче ориентироваться в перипетиях открытия и драматической истории освоения испанцами этой части Латинской Америки.

Капитан Кортес, служивший на Кубе, колонизованной Испанией, узнав о том, что капитан Грихальва, достигший в 1517 году — к западу от Кубы — неизвестных земель, названных им Новой Испанией, и поведавший о якобы находящейся там могущественной Империи ацтеков, решил отправиться в глубь открытых территорий, чтобы включить их в состав Священной Римской империи и принести в дар императору Карлу V.

Снарядив на свой страх и риск несколько кораблей, Кортес тайно отплыл с Кубы, высадился в 1519 году на мексиканском побережье и сжег суда, чтобы отрезать своему войску путь назад.

В Америке, в частности, в границах нынешней Мексики, ко времени испанского завоевания проживало большое количество различных индейских племен и народностей, среди которых своей хорошо организованной военной силой и высоким уровнем цивилизации выделялись ацтеки. Согласно древней легенде, ацтеки, воюя в XIV веке с племенами колуа, тепанеками, хочимильками и другими, нашли прибежище на каменном острове среди озера Тескоко, в долине Анауак (или Мексиканской), где около 1325 года основали город Теночтитлан. (Заметим, что имя города связано с другим названием племени ацтеков — теночки, имевших и третье название — мехики.)

К началу XVI века ацтекский полумиллионный город-государство Теночтитлан стал центром могучей тройственной федерации Анауак, в которую, кроме Теночтитлана, входили еще два индейских города-государства: Тескоко (или Аколоуакан) и Такуба (или Тлакопан)¹. Ацтекским царством в территориально-историческом понимании

¹ В романе все имена и названия, кроме имени Куаутемока, даны в транскрипции Г. Гомес де Авельянеды. (Здесь и далее примечания переводчика.)

являлась именно эта федерация (по другим источникам — конфедерация) трех индейских государственных рабовладельческих образований, возглавлявшихся ацтекским вождем-властителем Теночтитлана (или — верховным вождем царства), которому фактически подчинялись вожде-властители Такубы и вожде-властители Тескоко. Однако следует иметь в виду, что в романе Авельянеды понятие Ацтекского царства (или, как раньше говорили, — Империи Моктесумы) распространяется также на завоеванные ацтеками земли других племен — сапотеков, миштеков и т. д., — подчинявшихся своим племенным вождям-правителям, которые находились в вассальной зависимости (платили дань и поставляли воинов) от властителя ацтеков.

Число воинов-индейцев подвластных ацтекам народностей в годы правления (1502—1519) «императора» Моктесумы II Хокойоцина превышало, по оценкам испанских хронистов, три миллиона человек. И тем не менее Кортес, высадившийся с несколькими сотнями солдат на неведомый берег, сумел пройти около пятисот километров по жарким долинам, преодолеть горные цепи и, в конце концов, овладеть Теночтитланом, приозерными союзными городами Тескоко и Такубой, а также многими другими городами и владениями Ацтекского царства¹. В чем же тайна удачи этой, казалось бы заведомо обреченной на поражение, завоевательной экспедиции испанцев?

Романисты, как правило, усматривали ответ в частных фактах и случаях, которые, возможно, несли в себе крупицу истины. Так, они видели, или хотели видеть, причину удивительной победы Кортеса в том, например, что его возлюбленная, индейка Малинче вела его к цели одной ей известными тропами, или что суеверный Моктесума, давно ждавший пришествия на его земли бога Кецалькоатля, принял Кортесово воинство за божественных посланцев; или, наконец, что любовь дочери Моктесумы к испанцу открыла чужестранцам двери Царства ацтеков.

Историки прошлых веков объясняли гибель империи Моктесумы военными способностями Кортеса, умело использовавшего недовольство многих покоренных Ацтекским царством индейских народностей, которые нередко по доброй воле присоединялись к испанскому войску «освободителей». Современная историческая наука уточняет эту версию, подтвердив, что в основе крушения Ацтекского царства лежит распад рабовладельческой деспотии, ускоренный приходом испанцев, которые, однако, несли не свободу, а новое порабощение. Инквизиторская Испания XVI века варварски обошлась с высочайшей цивилизацией ацтеков, обратив прекрасный Теночтитлан с его акведуками, плавающими садами, храмами и дворцами в руины. На развалинах и пепелище руками оставшихся в живых индейцев был возведен город Мехико, названный так в честь ацтекского божества — покровителя и бога войны Мехитли (второе имя — Уицилопочтли): словно бы побежденный индейский на-

¹ В настоящее время на месте древнего Теночтитлана, озера Тескоко и бывших приозерных индейских городов и селений раскинулся более чем пятнадцатимиллионный город Мехико, столица Мексики.

род не пожелал поступиться ни своими древними верованиями, ни стремлением к независимому будущему.

Гертрудис Авельянеда, как, пожалуй, никто из писателей, обращавшихся к теме покорения испанцами большого разнородного индейского государства, сумела разобраться в исторических особенностях Конкисты XVI века и не представила Ацтекское царство неким картонным домиком, рухнувшим при одном лишь появлении испанцев. По-своему строя романтический сюжет, она правдиво показала всю трагедию исчезновения одной из великих древних культур и всю сложность двухгодичной (1519—1521 гг.) борьбы индейских патриотов против испанских завоевателей и изменивших своей земле индейских племен. Важный смысл заложен в том, что роман Авельянеды называется «Куаутемок¹, последний властитель ацтеков», — по имени героя-индейца, оказавшего решительнейшее сопротивление Кортесу. Не напрасно мировая критика оценивает это произведение как первый индеанистский² роман Латинской Америки.

Известный кубинский литературовед Хосе Антонио Портуондо на торжественном заседании в г. Камагуэе (1973) по случаю столетия со дня кончины писательницы сказал: «Авельянеда — самая выдающаяся представительница испаноязычной словесности своего времени... крупнейший драматург и романист». И далее: «Ее роман «Куаутемок, последний властитель Царства ацтеков» — лучший исторический роман испаноязычной романтической литературы».

Естественно, возникает вопрос: почему большая кубинская поэтесса, чьи поэтические произведения (стихи, драмы и комедии в стихах) являются таким же знаменем латиноамериканской поэзии в XIX веке, как поэзия мексиканки Сор Хуаны в XVII веке и чилийки Габриэлы Мистраль в XX веке, обратилась к жанру исторического романа, к далекой эре открытия Нового Света, создала поистине эпическое повествование о завоевании Мексики.

Напомнив читателям о жизни Гертрудис Авельянеды, — ибо события ее жизни тесно переплетены с творчеством, — мы постараемся осветить примечательные факты биографии писательницы, побудившие ее написать этот роман.

Гертрудис Гомес де Авельянеда родилась 23 марта 1814 года на Кубе в городе Санта Мария дель Пуэрто Принсипе (ныне — Камагуэй) и умерла 1 февраля 1873 года в Испании. Мадридская газета «Эль Тьемпо» опубликовала некролог, где были такие слова: «В Мадриде скончалась известная писательница донья Гертрудис Гомес де Авельянеда... Если кратко охарактеризовать ее многогранное литературное дарование, то можно сказать, что она была великолепным драматургом, прославленной поэтессой и превосходной романисткой». Перу Авельянеды принадлежат двадцать пьес (трагедий и комедий в стихах и прозе), множество стихотворений, семь романов.

¹ В оригинале — Гуатимосин, что соответствует транскрипции староиспанского языка, но не отвечает языку ацтеков (науа), который не имеет фонемы «Г».

² Индеанизм (индихенизм) — общественное течение в защиту коренного населения Латинской Америки.

Детство Авельянеды прошло в семье высокопоставленного морского офицера Мануэля Гомес де Авельянеды, женатого на уроженке Кубы (как тогда говорили — креолке) Франсиске Артеаге.

Примечательным и в мировых масштабах переломным было время, когда жила Авельянеда. Год ее рождения совпал с годом отречения Наполеона; в Латинской Америке первая четверть XIX века знаменовалась победоносными военными кампаниями Сан Мартина и Боливара, освобождавших Новый Свет от колониального ига Испании. В европейской литературе бурно расцветал романтизм, как течение, отвечавшее стремительным переменам развивавшегося мира, как протест против бездуховности и разочарования в результатах Великой Французской революции. От общего процесса нового духовного пробуждения не оставалась в стороне и Куба — последняя испанская колония (не считая Пуэрто-Рико), куда вместе с книгами Ж.-Ж. Руссо, И.-В. Гете, А. Виньи и многих других романтиков проникает вера во всемогущество свободного человека, страстная жажда обновления. В начале XIX века начались изменения в сонной атмосфере колониальной Кубы: быстро набирала силы национальная экономика, основанная на производстве тростникового сахара, креольско-испанское общество влеклось к европейской цивилизации, создавались условия для формирования кубинской нации и ее собственной культуры.

Маленькая Гертрудис Авельянеда зачитывалась романами Вальтера Скотта и Гюго, а в возрасте девяти лет написала пьесы «Великан о семи головах» и «Эрнан Кортес» — о завоевателе Мексики испанском конкистадоре Кортесе, в ту пору казавшемся ей чудо-героем, который одним взмахом шпаги обращал в бегство полчища индейцев.

Позже (в 1839 г.) Авельянеда напишет о временах своего детства и юности: «Нашими развлечениями были домашний театр, сочинение невероятных историй... А позже мы зачитывались романами, стихами и драмами... Мы плакали над горестями наших вымышленных героев, которых так любили...»

Шестнадцатилетняя Гертрудис, жившая в фантастическом мире удивительных героических персонажей, с возмущением отвергла сосватанного ей родителями богатого и солидного жениха из высшего общества Камагуэя. Эмоциональная романтическая натура юной кубинки стала смолдоу проявляться в ее поступках и пристрастиях, восторженное восприятие жизни самым естественным образом переплеталось с мировоззрением писателей-романтиков и утверждалось их творениями. Много лет спустя Авельянеда красочно изобразит в своей «Автобиографии», как стремительно она вошла, словно ворвалась в жизнь, воспринимая ее в собственных измерениях, как отдалась литературе, ставшей отражением ее собственного видения жизни: «Раскалывает гром небеса, вспыхивает радуга над громадой падающей воды, озаряемой солнцем. Сквозь свинцовые наплывы туч просвечивают розово-синие лагуны неба... Кубинская девочка — ее зовут Тула, — захваченная величественным и устрашающим зрелищем на закате дня, вдруг, под вспышками молний, бросается с горящим взглядом к двери, открытой в беспощадный ливень. Ей душно под надежной крышей, она отвергает покой. Без оглядки, не помня себя, она устремляется в дивный сумеречный ураган...»

В этих словах — вся Авельянеда: так она шла по жизни («Я слышу только крик, который исторгает мое пылающее сердце»), так достигла вершины испано-американского романтизма и встала рядом с выдающимися романтиками Европы: Гюго, Байроном, Ламартином, Эспронсодой.

Интерес к романтикам-писателям XIX века, так же, как и к романтикам-композиторам (Бетховену, Вагнеру, Листу), никогда не угасал в людях. И вот во второй половине нашего, XX века, — замечает испанский критик Кармен Браво Вильясанте, — в латиноамериканской, и, в частности, кубинской, литературе пробивается, подобно угасшему было роднику, струя неоромантизма, выносящая из литературных недр на поверхность и творения великих романтиков прошлого столетия. На Кубе вскоре после революции 1959 года вместе с произведениями, вызванными к жизни революционной героикой, начинают издаваться и классические произведения. В частности, публикуется роман Авельянеды «Саб» — первое в Америке художественное произведение в защиту негров-рабов, написанное в 1846 году, то есть на девять лет раньше «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. В Гаване в 1962 году появляется на сцене и пьеса Авельянеды «Бальтасар» (1858), в которой главная героиня, иудейская девушка-рабыня Эльда, жертвует собой во имя свободы своего народа. Заметим, что эта драма, имевшая огромный успех при жизни писательницы, ныне, после ее постановки в театрах Гаваны, стала для кубинских зрителей художественным открытием и, по свидетельству кубинского писателя А. Арруфата, критика сравнивает «Бальтасара» с пьесами Шекспира.

1973 год, когда испано-американский литературный мир отметил столетие кончины Авельянеды, стал годом ее второго, литературного рождения, — прежде всего на Кубе и в Испании, где она прожила почти двадцать лет.

В Гаване эта дата была ознаменована торжественными конференциями, публикациями в прессе, широким изданием произведений Авельянеды, постановкой комедий «Дочь цветов», «Миллионер и чемодан», «Заблуждения сердца», выпуском долгоиграющих пластинок, воскрешающих ее поэмы и сонеты. С обложек и цветных иллюстраций на современного читателя снова смотрит прекрасное женское лицо — в молодости с гладкой прической и ниспадающими длинными локонами, удивительно похожее на лицо Наталии Пушкиной, а в зрелые годы словно отвечающее на улыбку Вольтера ироничным, но чуть грустным взглядом больших черных глаз. «Вновь пробудилось любопытство к ней не одних только литературоведов, — замечает в упомянутой статье А. Арруфат, — снова проснулся интерес к ее творчеству широкой читающей публики».

Испания ознаменовала столетие смерти Авельянеды публикациями в 1974 г. полного, в 12-ти томах, собрания ее сочинений в «Библиотеке испанских авторов», издаваемой в Мадриде Испанской Королевской Академией. Как при этом не вспомнить эпизод из биографии Авельянеды, когда прославленная писательница, удостоенная в Мадридском литературном Лице высочайших наград и премий, не была принята в члены

Испанской Королевской Академии только потому, что «сонм бессмертных» не пожелал видеть в своем составе... женщину, даже столь редко-но одаренную. Правда, историк Камила Энрикес Уренья отмечает, что сама Авельянеда соглашалась занять вакантное место в этом высоком учреждении не столько во имя признания своих литературных заслуг, сколько ради того, чтобы поколебать традиционное бесправие женщин той эпохи; Уренья считает ее великой бунтаркой, свободной от многих предрассудков XIX века, и одной из первых феминисток прошлого столетия.

Действительно, при том, что красота и душевная тонкость Гертрудис Авельянеды дали повод современникам наградить ее прозванием «Божественная Тула» («Ла Тула Дивина»), гордый независимый характер и светлый аналитический ум писательницы побудили ее друзей и почитателей согласиться с другой широко известной дефиницией, которую приписывают испанскому писателю Бретону де лос Эррерос: «Женщина, ни в чем не уступающая мужчине». Подобное определение основано, кстати, и на том известном и удивительном для ее эпохи факте, что в испано-американских литературных кругах Авельянеда была единственной писательницей, которая — до своего первого краткого замужества (в 32 года) и после него — жила лишь на литературные гонорары, поскольку не имела ни на Кубе, ни в Испании земель или других источников дохода.

Авельянеда еще в начале своего литературного пути выбрала красноречивый псевдоним («Ла Перегрина») — слово, которое по-испански имеет два значения: «странница» и «странная, удивительная», значения, которые и в русском языке обладают общим корнем). И это будто самим Провидением подсказанное слово — «Ла Перегрина» — в целом верно определяет и ее беспокойную судьбу, поделенную между Кубой и Испанией, и высокий накал чувств, передаваемых творчеством.

После кончины отца восемнадцатилетняя Гертрудис Авельянеда публикует свое первое произведение: «Сонет на смерть лиценциата дона Мануэля Гомес де Авельянеды» (1832). Потеря любимого отца, который не переставал уговаривать мать, донью Франсиску, и детей уехать на его родину, в испанскую провинцию Севилью, была, вероятно, одной из причин, побудивших Авельянеду с охотой последовать за матерью и отчимом — испанским полковником Гаспаром Эскаладой — в Испанию. Другой причиной было то, что молодая кубинка, казалось, впитавшая бунтарский дух родного Пуэрто Принсипе (города, одним из первых поднявшегося против испанского колониализма) и унаследовавшая яркий темперамент Кубы, в то же время воспитанная на сочинениях испанских поэтов — Кальдерона, Эрреры, Кинтаны, увлекавшаяся, как мы упоминали выше, Байроном и В. Скоттом, Шиллером и Шатобрианом, переводившая с французского языка Корнеля, Расина и Вольтера, видела свои желанные «Афины» в обетованных Мадриде и Париже, жаждала широкого литературного общения и возможности стать известной там, где жили и творили ее литературные кумиры.

Что же представляла собой духовная жизнь Кубы в 1836 году, в то время, когда Гертрудис Авельянеда покинула ее на борту французского

корабля? Приведем один небольшой отрывок из книги «Достовернейшая Гавана» кубинского писателя Густаво Эгурена, относящийся именно к этому году: «Писатели поработаны и задавлены бдительной цензурой, которая противопоставлена всем законам и здравому смыслу, и не могут публично выразить самых невинных суждений... В Гаване ничего, абсолютно ничего нельзя издать без разрешения цензора и одобрения капитан-губернатора».

Именно в 30—40-е годы XIX века Куба жестоко страдала от деспотического правления испанского губернатора Такона, презиравшего «сынов страны» — либеральную кубинскую интеллигенцию, одержимую идеями Вольтера и Руссо, жаждавшую независимости, которой уже добились почти все бывшие испанские владения в Америке. Распадавшаяся испанская империя, опираясь на кубинских работаровцев и кофейных плантаторов, на колониальную администрацию, стремясь сохранить для себя богатейший остров, принимала — в лице Такона — самые крутые меры не только против освободителей, но и просветительской деятельности кубинской либеральной интеллигенции, представленной такими блистательными именами, как историк Х. Сако, философ и педагог Х.-С. Лус-и-Кабальеро, философ Ф. Варела, поэт Х.-М. Эредия. Было, например, запрещено создание кубинской Академии литературы; закрыты, как и другие независимые кубинские издания, журнал Сако «Ревиста биместре кубана»; зачинатель национальной кубинской поэзии Эредия, перед которым преклонялась Авельянеда, был вынужден эмигрировать в Мексику.

Желание Авельянеды, совпадающее с твердым намерением отчима, влекло ее в Испанию, где пока еще определялись политические судьбы Кубы. Но, будто отдавая дань покидаемой родине, она тотчас по приезде в Испанию принялась писать свое первое крупное прозаическое произведение — роман «Саб», где решительно высказалась против работаровства на Кубе.

Итак, в 1836 году французский бриг берет курс из Сантьяго-де-Куба на Бордо, надолго унося Авельянеду в Европу. И на серых волнах Атлантики рождается великолепный сонет «Прощание с родиной», который отныне будет открывать все поэтические сборники Авельянеды. Этот сонет — не только проявление ностальгии при расставании с Кубой; это, скорее, ключ к пониманию специфики всего последующего творчества писательницы, несущего — в своей эмоциональности, музыкальной ритмичности, вольной или невольной патриотичности дум — яркие образы сказочного острова, которые придают национальную особенность романтическому почерку Авельянеды и в лирической поэзии, и в драматургии, и в прозе.

Переехав из Франции в испанскую Галисию, показавшуюся ей такой холодной и суровой после лучившейся светом и ласкавшей теплом Кубы, такой сонной и бездуховной после Бордо, где она находила неизвестные ей сочинения Шатобриана и Дюма, Гюго и Жорж Санд, Гертрудис спешит на юг Испании — сначала в родной город отца Константину-де-ла-Сьерра, затем в Севилью. За этот год Авельянеда успевает отказаться от двух «блестящих» партий. Ей предлагает стать его

супругой сын губернатора Галисии молодой Рикафорт (впоследствии она напишет: «Я была слишком горда, чтобы нищей войти в их семью, и решила не выходить замуж, пока не осуществлю задуманного...»). В Константине она отвергла сватовство местного богатого землевладельца: «Мне казалось, что лучше чувствовать себя счастливой вообще, чем искать счастье в любви одного...»

Севиля поразила и очаровала Авельянеду: мавританские дворцы, переплетение извилистых улочек и, конечно, главная площадь Дуке, любимое место вечерних прогулок горожан. «Как радостна Севиля, как хороша», — пишет она своей кузине Эльвире. Этот город, где расцвел талант Авельянеды, стал местом рождения и ее поистине трагической любви, о глубине и силе которой мир узнает лишь через 30 лет после кончины писательницы, после случайного обнаружения и опубликования ее писем к возлюбленному.

Домик Авельянеды в Севилье скоро делается местным литературным салоном, где она читает свои стихи и прозу. Гранада, Кадис и, в свою очередь, очарованная ею Севиля публикуют ее лирику в литературных журналах «Эль Севильяно», «Болетин де Театрос», «Эль Сисне». Именно здесь, в Севилье, Авельянеда сотворила себе кумира, которым, по воле судьбы, становится в 1838 году молодой и приятный, но, по выражению одного из биографов Авельянеды Котарело Мори, «на редкость заурядный» адвокат Игнасио де Сепеда. Он восхищен, он даже иногда робко отвечает на пылкое чувство прекрасной кубинки, но способен видеть в ней не более чем экзотическую заморскую «жарптицу», — из тех, которыми севильцы любовались в лавках «Колониальных товаров». И все чаще письма Авельянеды к Сепеде — молящие или наигранно шутливые — остаются без ответа, но им суждено (после 1907 г.) под названием «Дневник любви» всемирно прославить Авельянеду еще в одном жанре — эпистолярном.

В Испании, в прекрасной Севилье Авельянеда впервые переживает не только личную драму, но начинает все больше проникаться сознанием того, что этот конфликт имеет и социальные корни: определенным образом он основан на предубеждении к «иноземным испанцам» — кубинским креолам, тем более малоимущим. И она, спасаясь от неразделенной любви, стремясь утвердиться на литературном поприще, уезжает из провинции в столицу, в Мадрид.

Однако в Мадриде духовная атмосфера и политическая обстановка оказываются еще сложнее: хотя и закончилась так называемая первая династическая война (1834—1838 гг.) за власть и трон между доном Карлосом (братом умершего короля Фердинанда VII) и Марией Христиной, регентшей при малолетней Изабелле II, жестокое соперничество между карлистами и христиносами продолжается, королевский двор потворствует интригам и коррупции.

В литературных сферах преобладает романтическое течение, представленное такими людьми, как Х. Эспронседа, Х. Соррилья-и-Мораль, А. Сааведра и другие. Однако Авельянеда отважно бросается в бой за место на испанском литературном Олимпе, не поступаясь ни своими принципами, ни стремлением сказать во всеуслышание о том, о чем она

желает сказать. Она очень много работает: заканчивает и в 1841 году публикует роман «Саб», одним из постулатов которого является убеждение автора в том, что «даже негр», раб на рабовладельческой Кубе, может быть душевно благороднее и привлекательнее иных цивилизованных идалго и знает подлинную цену жизни и любви. В этом же году в Мадриде большой успех выпал на долю ее «Книги стихов» и пьесы «Леонсия» — о женщине, страдающей от социального неравенства (замечим, что годом раньше в Севилье на премьеру этой, фактически ему посвященной, пьесы Сепеда не пришел). В 1842 году появляется роман Авельянеды «Две женщины», также изобличающий ситуацию, в которой унижено достоинство женщины, а в 1844—1845 годах на сценах Мадрида и других испанских городов с успехом идут пьесы «Мунио Альфонсо» и «Эгилона», продолжающие эту тему на историческом материале.

Имя Авельянеды звучит все громче. Она вхожа в известные литературные салоны Мадрида, ее приглашают на литературные вечера при королевском дворе. Но ошибается тот, кто полагает, что Авельянеду, которая оказалась едва ли не в центре внимания мадридских литературных и придворных кругов, опьянили поклонение и популярность или, напротив, что она углубилась в воспроизведение своих сугубо личных переживаний. Перешагнувшая порог тридцатилетия «женщина, ни в чем не уступающая мужчине», воспринимает теперь Испанию, идиллическую страну своего детства, гораздо более реалистически. Позже, в 1853 году, в письмах к другу, испанскому либеральному деятелю Антонио Ромеро Ортису, она выскажет достаточно прямые суждения о политике мадридского двора: «Политика — это деградирующая на глазах продажная женщина... То, что Вы называете репрезентативным правлением, нечто несовершенно и рахитичное... Великое слово Свобода, которое произносили столько мучеников, мне представляется ныне пустым звуком...»

Через три года после переезда Авельянеды из Севильи в Мадрид к власти в Испании пришло реакционное правительство так называемых «умеренных либералов» генерала Нарваеса (1843 г.), которое сразу ликвидировало прогрессивные реформы (отмена десятины и феодальных прав, конфискация церковных земель и др.), введенные в результате предшествовавших революционных волнений в Испании. К 1845—1846 годам, времени написания Авельянедой романа «Куаутемок, последний властитель ацтеков», в Мадриде утвердился деспотический режим: по новой Конституции 1845 года королевская власть — в лице регентши Марии Христины и королевы Изабеллы II — получила право назначать пожизненных сенаторов, кортесы не могли более собираться самостоятельно; последовали массовые казни сторонников реформ.

Авельянеда стала свидетельницей нерадостных перемен, которые найдут свое образное отражение в «Куаутемоке».

В это же самое время она, уставшая от своей мучительной любви к такому флегматичному, такому доброму и такому неприступному Сепеде, встречает молодого поэта Габриеля Гарсия Тассару, который тоже приехал в Мадрид из Севильи, тоже сочинял прекрасные лирические стихи, тоже исповедовал идеи Руссо и жаждал Свободы, Равенства и... подлинной Любви. Они словно бы находят друг друга. Но счастье

длится недолго. Авельянеда, подчиняющаяся лишь велениям своей души и своим принципам женской свободы, не считается с мнением общества и не стремится к замужеству. У нее родится дочь Мария, которую Гертрудис (под влиянием вагнеровских произведений) прозовет Брунгильдой. К этой поре Тассара, или, как его окрестили друзья, «Дон Жуан» Тассара, вообще не склонный надолго связывать себя какими-либо узами, обращает все свои интересы к дипломатической карьере (некоторое время он был послом Испании в США). Полный разрыв наступает со смертью семимесячной Брунгильды. На Авельянеду обрушивается новый удар судьбы: она познала радость материнства, она не хочет расставаться, как с Сепедой, с этим человеком, который стал не только отцом ее дочери, но в котором она нашла, как ей казалось, родственную душу поэта. У постели умирающего ребенка она пишет Тассаре поистине трагическое письмо:

«...Придите, Тассара, на коленях стану Вас просить, если так нужно; для меня ничего не существует, кроме моей девочки, я не боюсь ничего презрения, никакое унижение меня не страшит: я брошусь к Вашим ногам, чтобы вымолить у Вас первый и последний взгляд на Вашу бедную дочь. Она же не виновата в моих проступках, если Вы думаете, что я в чем-то виновата... Тассара, я жду тебя. Тула».

Габриель Гарсия Тассара не пришел.

Но Авельянеда не покоряется судьбе. Она снова распрямляется, как гибкая ореховая ветка после грозы (кстати, «Авельянеда» по-русски означает «орешник»). «Одинокая орешина» (и этот образ к ней применим) возвращается к жизни и снова ищет утешения в литературе: публикует сборник стихов «Гордость и любовь», заканчивает роман «Эспатолино», а вскоре на стол Габриеля Гарсия Тассары — теперь главного редактора мадридского журнала «Эль Тьемпо» — ложится письмо Авельянеды, в котором шутливый тон скрывает, как мы увидим ниже, неотступное желание, чтобы он, именно он, прочитал ее новое произведение, о котором говорится в письме: «Тассара... у меня готовы две первых части романа, своего рода поэмы, «Куаутемок, последний владетель Царства ацтеков». Я думаю, вещь неплоха... и веду переговоры с Буа о ее издании в роскошном переплете, полагая при этом, что... книгоиздатель сможет оценить роман еще выше, если его порекомендует столь уважаемая газета (то есть «Эль Тьемпо». — *Прим. авт.*). Да еще, если ты скажешь, что писательница приложила большое старание, досконально проштудировала историю Конкисты, особенности ацтекской цивилизации, характер Кортеса и его окружения, беспристрастно и точно излагала все факты и обстоятельства, словом, даже если ты заверишь издателя, что я из кожи вон вылезла, дабы создать произведение, достойное занять место в одном ряду с солидными историческими романами, что я усердно чистила, шлифовала и совершенствовала свой стиль, ты не допустишь грубой лжи, а я уж постараюсь, чтобы ты оказался на высоте положения...»

Рассказанная предыстория романа «Куаутемок, последний владетель Царства ацтеков» раскрывает важные — личностные и общественные — стимулы его создания, ибо истоки всех произведений Аве-

льянеды прежде всего следует искать в ее восприятии окружающей жизни.

Сюжет романа, как мы говорили выше, достоверно воспроизводит завоевание в 1519—1521 гг. испанским конкистадором Кортесом огромного Ацтекского царства (Империи Моктесумы, как его называли ранее, или Конфедерации Анауак, как оно нередко именуется в современных исторических трудах). В романе — два основных противоборствующих персонажа. Один — испанский конкистадор Эрнан Кортес (1485—1547), другой — вождь Куаутемок (ок. 1500—1522), который после гибели своего дяди, верховного вождя Ацтекского царства Моктесумы II Хокойцина, возглавил «империю» ацтеков и оказал последнее героическое сопротивление испанским завоевателям.

Вспомним здесь о пьесе «Эрнан Кортес», написанной маленькой восторженной кубинкой Тулой Авельянедой, где был единственный главный «герой» — непобедимый и благородный идалго Кортес, преодолевший все трудности и опасности. И вот через четверть века прославленная писательница Гертрудис Авельянеда вновь обращается к Кортесу. Однако теперь, отдавая должное его смелости и уму, она не идеализирует Кортеса, часто называет его не капитаном, а каудильо (то есть вожаком, главарем), даже — «коварным каудильо», и притом отмечает, что, хотя Кортес и обладал «великими способностями», он не смог подняться «выше духа своего века и характера своей нации», имея в виду жестокие нравы инквизиторской Испании XVI века. Слова «политика террора», которую проводил Кортес при колонизации ацтекских территорий, автор выделяет в тексте курсивом, как бы подчеркивая аналогию политической ситуации Испании XVI и XIX веков.

Подлинно главным героем в этом романе становится молодой ацтекский вождь Куаутемок, защищавший родину, древнюю индейскую цивилизацию от вторгшихся пришельцев и в конце концов побежденный ими.

Авельянеда, мастерски строя увлекательный сюжет, умело использует исторический фон для выражения собственных социальных воззрений. То, что не укладывалось в рамки лирической поэзии и драматургии, позволила показать широкая историческая панорама: в речах многих действующих лиц — советников Моктесумы, индейских вождей и, наконец, в авторских монологах о нравственном долге главы государства, о справедливости и соблюдении законов, о свободе народов и позоре рабства, явно слышится порицание политики испанского королевского двора середины XIX века.

Достоин сожаления тот факт, что биографы и исследователи творчества Авельянеды обычно не вникают достаточно глубоко в ее отношение к метрополии, недвусмысленно выраженное, в частности, в романе «Куаутемок»: испанцы предпочитали подчеркивать, — а кубинцы нередко ставили писательнице в вину — то, что кубинский гений творит во славу Испании и испанской литературы. Однако не только ее лирика, пронизанная нежностью к Кубе, не только проникнутая патриотизмом драматургия, но и проза показывают достаточно ясное понимание Авельянедой проблем своего времени. Образ Куаутемока — ныне национального героя Мексики — это выражение высокой и чистой любви

к родине, воплощение устремления к независимости и ниспровержению тирании.

Отметим, кстати, одну любопытную деталь, которая также могла послужить мотивом для обращения Авельянеды именно к этой — мексиканской — исторической теме: начало захватнической войны Соединенных Штатов Америки против Мексики — 1845 год — совпадает с началом работы писательницы над романом «Куаутемока». Так или иначе, но мотив, как известно, способствует выявлению истинных воззрений и эмоций, а в нашем случае — причин создания этого произведения Авельянеды.

Обратимся же ко второй, такой, на наш взгляд, вполне реальной побудительной причине появления «Куаутемока».

Предлагая свою, несущую печать ассоциаций с современной ей жизнью, трактовку происходивших в XVI веке событий, Авельянеда, как уже упоминалось, чрезвычайно бережно отнеслась к подлинным историческим фактам. Однако она позволила себе сделать значительное, чисто романтическое отступление от истины. Одна из основных любовных сюжетных линий введена писательницей не ради пушей занимательности повествования, а в силу неодолимой потребности облегчить и утешить душу после смерти маленькой дочери. У Куаутемока, как известно, не было ни жены, ни сына, когда он, двадцатидвухлетний, погиб от рук Кортеса. Но Авельянеда наделяет его супругой Уалькацинтлой (якобы старшей дочерью Моктесумы, хотя у монарха была всего одна дочь) и младенцем-сыном, посвятив любви молодых супругов друг к другу и к их маленькому сыну ряд прекрасных трогательных страниц.

С волнением, в котором кроется и надежда на счастье, и грустная обреченность, развивает Авельянеда и вторую любовную линию романа, воссоздавая чистые и глубокие чувства, которые связывают испанца Веласкеса и индеанку Текуиспу, «младшую» дочь Моктесумы. Именно в этих, порой идиллических, порой трагических, сценах любви супругов и влюбленных кроется разгадка того, казалось бы, несвойственного гордой Авельянеде поступка, когда она просила оставившего ее Тассару помочь ей опубликовать «Куаутемока»: если Тассара не захотел даже взглянуть на свою дочь, он должен был понять, какого счастья лишился и как был любим. Чувствительная и великодушная Авельянеда не могла не жаждать, подобно большинству женщин, материнского и женского счастья, что отнюдь не противоречило ее феминистическим воззрениям и независимому характеру.

Эти признаки духовной силы и царственно-горделивая внешность Авельянеды часто побуждали современников судить о ней поверхностно, не ведая, что стоит за тем или иным ее, казалось бы, экстравагантным поступком, пылкой строкой или гневной филиппикой. Даже известный руководитель борьбы кубинского народа против гнета Испании, поэт и философ Хосе Марти (1853—1895) видел в Авельянеде прежде всего «кипучую мужскую натуру». «Ее высокая статная фигура, — писал Марти, — само воплощение ее энергичной и крепкой поэзии. Ее глаза — не для нежных взглядов, они всегда сверкали необычным огнем и властностью. Она была похожа на грозовую тучу». Прошло двенадцать лет после смерти Марти, когда после публикации в 1907 году писем Авелья-

неды к Сепеде («Дневника любви») биографы многое пересмотрели в оценке ее человеческих качеств и мотивов творчества.

Но вернемся к «Куаутемоку» и обратим внимание на еще одну примечательную особенность романа, подтверждающую его историческую достоверность в целом. Авельянеда, опубликовав свое произведение, указала главные использованные ею источники, которыми оказались записки испанских хронистов-конкистадоров Берналя Диас дель Кастильо, Хуана Диас де Солиса и других, а также исследования более поздних авторов, в том числе «Древняя история Мексики», написанная испанским монахом-иезуитом Франсиско Хавьером Клавихеро в XVIII веке. Хотя роман создан, безусловно, под влиянием творений Вальтера Скотта, стиль изложения — иногда возвышенный, несколько усложненный — порой близок стилю староиспанской литературы XVI—XVII веков, прежде всего — упомянутых хроник. Их авторы участвовали в завоевательных экспедициях Кортеса и общались, изучив язык науа, с ацтекскими вождями; пытались передать по-испански образность и куртуазность языка ацтеков в несколько высокопарном, приподнятом тоне. Авельянеда тоже старается воспроизвести на многих страницах своей книги особенности говора древних ацтеков, запечатленного старыми источниками. В то же время в некоторых главах, где Авельянеда ведет речь «от автора» — как это было в обычае у романтиков, — неожиданно возникает ироничный или доверительный диалог с читателем в обычной для писательницы манере, когда она обращается ко многим волновавшим ее темам, как-то: политика, любовь, патриотизм, семья, положение женщины, социальное неравенство и т. п.

Можно сказать, что роман «Куаутемок, последний властитель Царства ацтеков» при всей почти безупречной историчности является и откровенной — до публичного вызова — исповедью Авельянеды. Недаром, составляя за четыре года до смерти свое Полное собрание сочинений (1869), она, видимо устыдившись обнаженности некоторых своих мыслей и чувств, выраженных на рубеже первой половины ее жизни, оставила для публикации лишь очень сокращенный вариант этого произведения.

После «Куаутемока» Авельянеда не создала особо примечательных прозаических вещей, хотя и завоевали популярность такие ее исторические романы, как «Артист-лодочник», «Касик из Турмеке» и «Долорес».

Напротив, бурный, подлинный успех сопутствовал драматургии Авельянеды. Ее драмы «Флавио Рекаредо» (1851) и «Заблуждения сердца» (1852), трагедии на библейские сюжеты «Саул» (1849) и «Бальтасар» (1858), социальные комедии «Авантюристка» (1853) — о судьбе «падшей женщины» и «Оракулы из Талии» (1855) — о поэте, расставшемся с поэзией ради чиновного места при королевском дворе, а также другие пьесы и поэтические сборники принесли Авельянеде мировую славу. Мадридское же высшее общество продолжало видеть в Авельянеде украшение литературных салонов и малоимущую креолку.

После выхода в свет «Куаутемока» (1846) Авельянеда бросает испанской аристократии своеобразный вызов, совершая гуманный поступок, отвечающий ее импульсивному нраву: она соглашается стать

женой любившего ее смертельно больного губернатора Мадрида — Педро Сабатера и делается его преданным другом и терпеливой сиделкой. После кончины Сабатера прошло почти десять лет, когда она снова выходит замуж — за полковника Доминго Вердуго — и получает возможность, сопровождая супруга, направленного служить на Кубу, наконец снова увидеть родину, где у нее не оставалось ни близких, ни дома.

В 1859 году Гавана восторженно встретила Гертрудис Авельянеду, которая пишет радостный сонет «Возвращение на Родину». Гаванский лицей — самое авторитетное литературное учреждение Кубы — в торжественной обстановке награждает Авельянеду Золотым лавровым венком. Но возвращение писательницы в эту последнюю важную испанскую колонию, где неодолимо нарастают антииспанские настроения, возвращение после долгих лет жизни в метрополии и к тому же с мужем-испанцем по фамилии Вердуго (по-испански — «палач») невольно бросает на нее тень. Встреча с родиной, триумфальная для Авельянеды-писательницы, становится для нее — в плане человеческом — одновременно и счастливой и мучительной. После кончины мужа Авельянеда возвращается в Испанию, к могилам матери и отца, и 1 февраля 1873 года умирает в Мадриде, больная и одинокая. За гробом шло всего несколько человек. Один из них, ее старый друг кубинец Бетанкур, положил на могилу зеленый лавровый венок — последний по счету лавровый венок Авельянеды.

Так закончилась внешне блестящая, но насыщенная сложными переживаниями жизнь Авельянеды, крупнейшей писательницы Кубы и всего испаноязычного мира XIX века.

Жизнь развенчала кумиров, сотворенных для себя Авельянедой из реально существовавших людей и многих исторических лиц, включая конкистадора Эрнана Кортеса. Но Куаутемок, один из благороднейших героев и мучеников, остался на пьедестале и мировой истории, и в представлении писательницы. Авельянеда, вдохнув в него жизнь на страницах романа, обрела в нем близкого по духу и помыслам человека, который к тому же мог совершать высокие подвиги на поле брани во имя справедливости и свободы, в чем было отказано женщине и о чем полушутливо-полусерьез заметила сама Гертрудис Авельянеда: «Есть во мне простота и искренность, отвага и решимость, благодаря чему я кажусь, вероятно, в самом деле странной, принимая в соображение мой век и мой пол». Подвигами этой замечательной женщины стали ее творения, всегда выражавшие искренние чувства, о которых говорит ее четверостишие:

Я пою, ибо я существую,
Ибо добро меня восхищает,
Прекрасное — вечно чарует,
А злоба и ложь — возмущают.

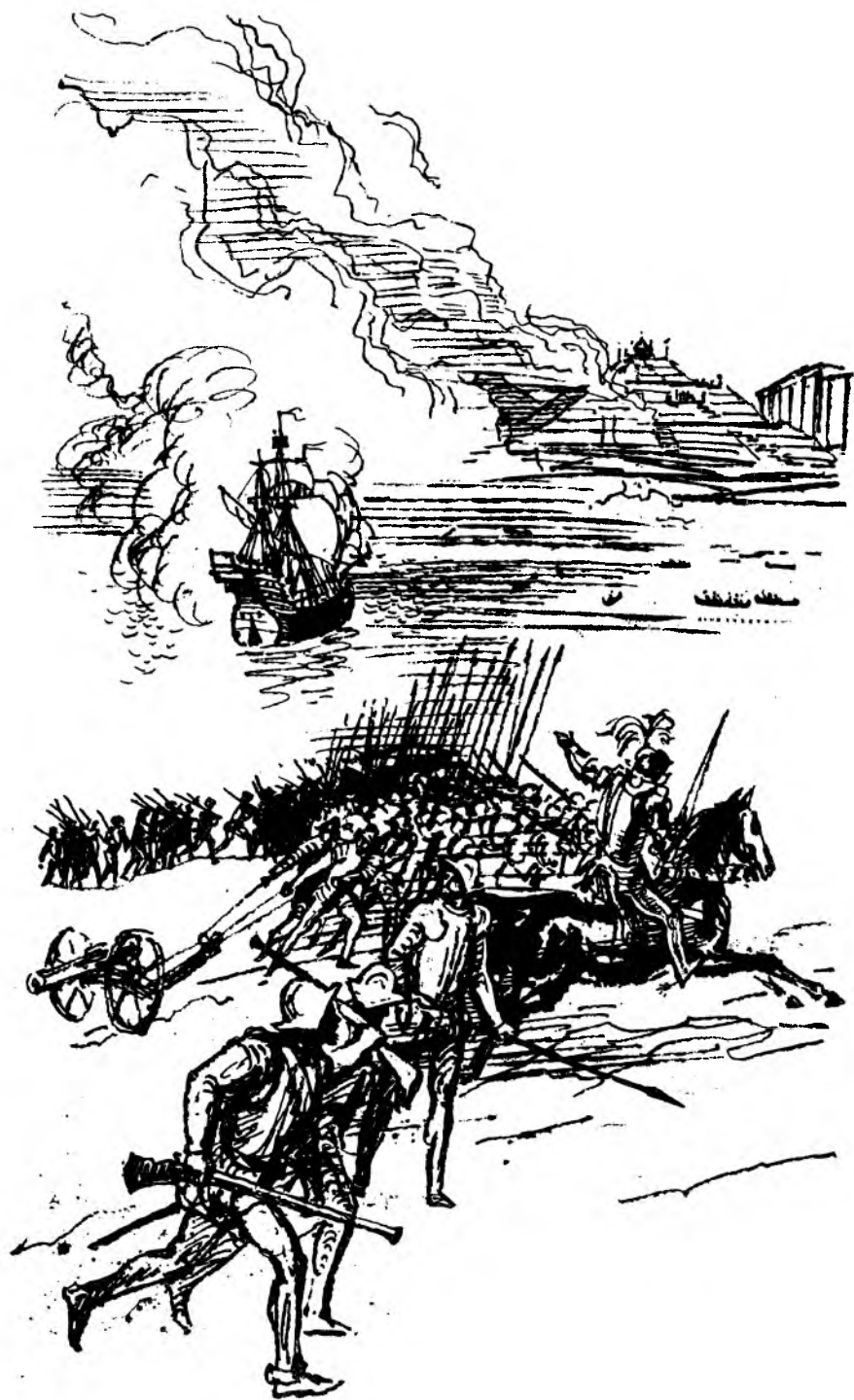
М. Былинкина

*Его высочеству
герцогу Валенсийскому
в знак уважения и
искренней дружбы*

**КУАУТЕМОК,
ПОСЛЕДНИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ
ЦАРСТВА АЦТЕКОВ**

ЭРНАН КОРТЕС И МОКТЕСУМА

Смерть Максимилиана I даровала корону Священной Римской империи Карлу V. и, пока новоявленный Цезарь принимал скипетр в Аквисгроне, а Испания — жертва разбоя и произвола фламандцев — бурлила от внутренних распрей, сметливый и решительный Эрнан Кортес возымел желание приумножить и без того обширные владения Карла и бросить к подножию императорского трона огромный континент — «Восточные Индии».

Напрасно Диего Веласкес, губернатор Кубы, раскаиваясь в том, что поставил Кортеса во главе войска, робея перед его упорством и завидуя удачливой судьбе, старался помешать его быстрым и успешным действиям; напрасно и кое-кто из подчиненных строил козни против напористого каудильо¹.

В Веракрусе² Кортес ловко и вполне законно утвердился в той должности, которую сначала пожаловал, а потом захотел отобрать у него Диего Веласкес, и добился единовластного командования, которого так жаждал, ибо до сей поры вел за собой людей, вдохновляя их лишь своей дерзкой отвагой, а не по праву законного предводителя.

Аюнтамьенто³, созданный самим Кортесом в Веракрусе, облек его вполне официальной властью, и этот предпринятый им хитроумный маневр, увенчавшийся успехом, еще более распалил его честолюбие.

Жестокость, которую он, утвердившись в своем праве командовать, стал широко проявлять, внушала ужас подчиненному воинству, а недругов лишала всякой охоты ему перечить. Многие испанские капитаны, не проявившие к нему должного благоволения, стонали в кандалах, сотрясая воздух проклятиями по поводу его самовозвышения. В то же время Аюнтамьенто — им порожденный — сообщал королю о его завоеваниях, расписывая несметные богатства Нового Света, не скупясь на подробное

¹ Каудильо — главарь, вожак (*исп.*).

² Веракрус — порт в Мексиканском заливе, основанный в 1520 г. Кортесом, где этот испанский капитан сжег свои корабли, чтобы его солдаты не могли вернуться на Кубу. Отсюда начался путь Кортеса в долину Анауак к столице Ацтекского царства Теночтитлану.

³ Аюнтамьенто — в XVI — начале XIX в. орган городского самоуправления в испанских колониальных владениях в Америке.

перечисление покоренных земель, рисуя выгоды, которые должно дать церкви насаждение христианства в этих обширнейших областях, и завершая свое послание нижайшей просьбой утвердить каудильо из Эстремадуры в чине капитан-генерала, коим его провозгласило новое поселение Веракрус, а также назначить его главой войска, полностью независимого от Диего Веласкеса, губернатора Кубы.

Кортес, тоже не жалея красок, изложил королю заманчивые планы, связанные с завоеваниями, и сопроводил оба своих послания роскошными изделиями из золота и серебра, преподнесенными ему дружественно настроенными индейскими вождями и касиками¹.

Несколько солдат, заметивших, как Кортесовы посланцы в Испанию грузились на суда, хотели сбежать и предупредить губернатора, но это намерение не укрылось от зоркого глаза Кортеса, их постигла смертная казнь, которая нагнала такой страх на маленькое войско под началом каудильо, что он вполне мог считать себя огражденным от последующих измен.

Разрешив эту проблему, он занялся осуществлением своей великой мечты, которую лелеял с тех времен, как узнал о существовании огромного Ацтекского государства: все его помыслы, все действия отныне были направлены на завоевание этих богатейших владений.

Военный союз, который Кортес позже заключил с Тласкалой², облегчал его продвижение вперед по индейским землям: будучи одновременно и тонким политиком и упорным воителем, он применял все возможные средства, чтобы добиться дружбы и доверия этой «республики», ибо понял, что ему пока еще не по силам стать ее властителем, и предпочел прослать ее ревностным и верным союзником.

Кортесу было легко вознести себя чуть ли не до небес перед простодушными, хотя и воинственными индейцами, поскольку, кроме того что они приписывали ему божественное происхождение, испанский предводитель обладал качествами, которые вполне могли казаться привлекательными.

В ту пору ему было тридцать четыре года, отличался он благородным и мужественным обликом. Достоинство, с каким он держался, удивительное умение владеть оружием и природный дар красноречия завоевывали ему симпатию этих первобытных «республиканцев» — тласкальцев, оценивших его отвагу в сражениях и приятно удивленных его манерами почтительного гостя, ибо они ожидали увидеть в нем самого злокозненного из богов.

¹ Касик — слово гаитянского происхождения, означает «господин», а в древней Мексике также «вождь племени».

² Тласкала — неподвластное Ацтекскому царству государственное объединение индейцев тласкальцев, отличавшееся демократической формой правления. На этом основании автор называет Тласкалу «республикой».

Даже дерзкое намерение Кортеса вынести из алтарей идолов, почитаемых тласкальцами, не умерило их чувства восхищения белым гостем. Они простили ему это, с их точки зрения, страшное кощунство и довольствовались обещанием впредь не прикасаться к их святыням.

Столь же ненавидя ацтекского монарха Моктесуму, сколь восторгаясь Кортесом, они добровольно согласились сопровождать его в походе (истинная цель которого им, впрочем, была неизвестна). Шесть тысяч человек — лучших индейцев-воинов из Тласкалы — примкнули к испанскому войску, во главе которого Кортес держал путь на центр Ацтекского царства Теночтитлан¹, добившись наконец, после ряда отказов, обещания Моктесумы дать ему аудиенцию.

Дорога на Теночтитлан была испещрена кровавыми следами прохождения испанского войска. В Чолуле, городе, независимом от ацтеков, часть жителей отнеслась недружелюбно к испанцам, и Кортес снова проявил безрассудство и самовластие, устроив в несчастной столице Тласкалы кровавую бойню. Такая жуткая по своей беспощадности расправа за одни лишь косые взгляды, увы, не вселила решимость в сердца чолулцев, а наполнила их души глубоким страхом. На развалинах своих храмов и на крови своих соплеменников они стали воздавать чужеземцам почести, достойные небожителей: не секрет, что многие люди определяют степень могущества мерой проявленной жестокости.

Вдохновленный этим свидетельством невежества и малодушия своих противников, вышел Кортес из Чолулы, и его дальнейшее продвижение к Теночтитлану не назвать иначе, как триумфальным шествием.

Во всех придорожных селениях его принимали с восторгом, его прославляли как истинного благодетеля, а многие касики жаловались ему на деспотизм верховного вождя Моктесумы и, сами того не сознавая, распаляли амбиции испанского каудильо, который, слушая касиков, понимал, сколь непрочна эта держава, силы которой раздроблены и подточены у самого основания.

Действительно, Кортесу грех было желать более благоприятного стечения обстоятельств для осуществления своего грандиозного замысла.

Ко времени воцарения Моктесумы II в древней Мексике господствовал феодализм². Многочисленная и почти самодовлеющая знать, не менее могущественная каста жрецов, поработенный народ и, наконец, монарх, как представитель исполнительной власти, осененный авторитетом, который в действительности принадлежал двум первым упомянутым группам,—

¹ Теночтитлан — столица ацтекского государства, основанная в 1325 г. на острове посреди озера Тескоко.

² Ацтекское общество представляло собой рабовладельческую деспотию с некоторыми чертами государственности.

такова была политическая картина древнемексиканской державы, когда на трон вззошел этот правитель.

Властный, честолюбивый и решительный, Моктесума II был склонен к деспотической системе правления. Отнюдь не стремясь смягчить участь народа, видя в простолюдинах рабов знатных господ, о чем говорилось в законном и нерушимом Договоре ¹, он в то же время старался всячески ограничивать права и привилегии знати.

Тлатоани ², иные из которых были могущественными и не менее властолюбивыми правителями на своих землях, стали проявлять недовольство. Некоторые оказывали открытое сопротивление ацтекскому монарху, но, поскольку междоусобные распри мешали им объединиться и поддерживать друг друга, Моктесума легко приводил их к послушанию с помощью своих трех союзных войск, которые всегда были готовы к действиям.

Недовольство знати, конечно, не улеглось, но враждебные выпады стали заметно сокращаться.

Моктесума обладал достаточно сильным характером, чтобы внушить уважение и страх. Он не раз выказывал мудрость и удивительную храбрость, а будучи также и жрецом, пользовался славой человека, которому покровительствуют боги, о чем, казалось, свидетельствовал успех всех его начинаний.

Ему нравилось слыть великодушным, щедрым и справедливым. Сторонники приписывали ему сверхъестественную проныцательность и высочайшие доблести; враги боялись его, зная силу воли и жестокую мстительность Моктесумы.

Народ, хотя и был закабален так же, как и при предшественниках этого монарха, восхвалял его за то, что он держит знать в узде, и восторгался тираном высшим, который попирает тиранов меньших. Знатные же люди, хотя и потеряли свои самые завидные привилегии, считали нужным принимать с благодарностью показные почести, воздававшиеся им Моктесумой взамен той власти, которой он их лишал. И если трудно полагать, что этот властелин пользовался всеобщей и подлинной любовью, то можно быть уверенным, что никто из его предшественников не сумел добиться такого всеобщего повиновения и почитания. Он завоевал новые земли, правителями которых сделал членов своего семейства; расширил границы соседних городов-государств — Такубы и Тескоко, — плативших ему дань, и, чтобы еще больше

¹ По всей видимости, речь идет об эпизоде, из войны ацтеков против притеснявших их тапонеков (1427—1433), когда ацтекский вождь (будущий правитель Моктесума I) дал клятву освободить свой народ, если ацтеки объединятся против общего врага, то есть если простые люди, в свою очередь, обязуются видеть в представителях ацтекской знати своих «законных господ» — ныне и впредь. Таким образом, при Моктесуме I было положено начало перехода древнемексиканской военной демократии к классовому рабовладельческому обществу.

² Тлатоани — в древней Мексике — «благородная особа», «господин».

связать им руки, выдал свою старшую дочь замуж за наследника Такубы и готов был отдать вторую дочь в Тескоко, но она была еще слишком юной для брачных уз.

В то же самое время он весьма увеличил свое войско, раздавая воинам высшие награды и знаки отличия; он снискал славу покровителя наук и ремесел, создавая больницы и школы и надеялся выдающихся мастеров правами знатных людей.

Под сенью всеобщего пиетета, который он снискал такими благодеяниями, ему удалось во всю ширь расправить крылья своего властолюбия и превратиться в настоящего деспота.

Согласно законам, Моктесума не мог сам объявлять войны, заключать мир, самолично решать важные государственные вопросы или издавать законы без согласия совета родовой знати, но состав совета монарх ограничил шестью избранными им самим вождями и, хотя предоставил честь этим вождям называться «советниками трона», довольно скоро свел роль совета почти к нулю.

Безграничная власть Моктесумы делалась все более тягостной по мере того, как он становился все более почитаемой особой. И многие тлатоани с трудом переносили гнет, который день ото дня становился тяжелее, и с радостью готовы были использовать малейшую возможность, чтобы избавиться от власти.

Кортес и его люди, победители Табаско и Тласкалы, почитавшиеся за небесных посланцев и прозванные «Сынами Солнца», внушавшие страх своим оружием и своей дисциплиной, слывшие о освобождениях, поскольку они объявили себя защитниками всех слабых и униженных, не могли не встретить восторженного приема со стороны индейцев, недовольных ацтекским монархом.

В поведении же самого Моктесумы отмечалось немало признаков недоверия к непрошеным гостям и беспокойства, о причинах которого мы расскажем позже. Он направил к Кортесу послов со щедрыми дарами и довольно противоречивыми наказами, которые свидетельствовали или о его непоследовательности, или о мягкотелости, что было на руку испанскому каудильо.

Итак, испанец шел вперед, исполненный самых радужных надежд, и одним прекрасным ноябрьским утром приветствовал многолюдную столицу огромной мощной империи, город Теночтитлан, словно восставший — подобно античной богине — из пучины вод и раскинувшийся на плодородных островках, где зелень украшала плоские кровли сотен храмов, Теночтитлан, пересекавший широкие пояса своих построек прямыми мощеными дорогами, которые вели на запад, на север к Большой Медведице и на юг, к полуденному солнцу.

Тысячи вождей и сановных людей империи вышли встречать иноземных гостей, возвещая скорое прибытие монарха.

Действительно, вскоре явилась блестящая свита верховного властителя и принялась устилать коврами землю, по которой

должны ступать знатные тлатоани, несшие на плечах роскошный и массивный золотой паланкин, где восседал Моктесума при всех своих монарших регалиях.

Великое множество жрецов и родовитых вождей следовало сзади; первые были в просторных черных туниках, остальные — в широких плащах, похожих на мавританские бурнусы, яркие и разноцветные, гармонирующие с красочными перьями плюмажей. При виде украшавших их шеи и голые руки драгоценностей засверкали глаза у испанских солдат, томимых алчностью и нетерпением; подобно стервятникам, готовым кинуться на добычу, бывшую предметом изнурительной охоты, они устремили взгляды на богатую одежду индейских аристократов.

Подданные Моктесумы, со своей стороны, пораженные почестями, которые их верховный вождь оказывает этим иноземным воинам, изумленно глядели на них, тихо спрашивая друг у друга, не боги ли они в самом деле?

Свидание Моктесумы с Эрнаном Кортесом прошло как встреча двух равных и великих людей; удачливый испанский авантюрист вступил в столицу могущественной ацтекской державы, где триумфальный прием ему устроил монарх, чья корона должна была лечь в основание монумента испанской славы.

II

СЕМЬЯ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ АЦТЕКСКОГО ЦАРСТВА

Дворец монарха занимал почти всю городскую площадь; в самом центре его мраморного фасада можно было издали видеть сверкающий воинский герб Моктесумы с изображением орла на серебряном поле: птица, вонзив когти в бока большого тигра, готова взмыть в небо.

Площадь вокруг огромного здания и все примыкающие к ней улицы и каналы кишели людьми всякого рода и звания: кто в паланкине, кто пешком, кто в каноэ — все спешили увидеть вблизи испанского военачальника, который в тот день должен был нанести Моктесуме свой первый визит.

Утро было великолепным: казалось, что солнце жаждет обласкать своими самыми чистыми и горячими лучами город Теночтитлан, который внес его в пантеон своих богов. Солнечные блики мягко золотили воды озера, кое-где покачивающие живописные чинампа, или плавучие сады, островки, хитроумные изобретения, безусловно подсаженные ацтекам самой природой. Эти колышущиеся на воде садики сначала были не более чем кусками дерна, отобранного водой у лнувших к озеру улиц.

Замечательные умельцы ацтеки позже соединили разрозненные куски земли и превратили их в сады или маленькие поля, и,

понятно, ничто здесь так не удивляло испанцев, как вид этих словно живых, островков, подвластных воле ветра и прячущих среди цветущих кустов и трав хижину земледельца.

Движение и суeta на озере благодаря чинампа и стаям пестрых птиц, скользивших по поверхности вод меж юрких суденышек, так же носившихся туда и сюда, соответствовали всеобщей оживленности, которая наблюдалась в городе тем достопримечательным утром, когда Кортес отправился на свою первую встречу с верховным вождем индейцев.

Теночтитлан со своими прямыми и широкими улицами, со своими каналами и мостами, со своими симметричными и стройными зданиями, со своим взбудораженным людом, устремлявшимся взглянуть на пришельцев, имел вид праздничного города, который вселил бы глубочайшую печаль в сердце того, кто, взирая на эту картину, сумел бы одновременно приподнять завесу над будущим, над тем страшным будущим, которое уже спешило возвестить о себе, но о котором не хочет помышлять в такие моменты беспечный народ.

Между тем мы без приглашения позволим себе ввести читателя внутрь дворца, вокруг которого бурлила беззаботная толпа, и предложим ему подождать здесь прибытия испанского капитана, умерив нетерпение любознательных кратким рассказом об индейском монархе.

В обширном круглом зале, стены которого были сделаны из самого ценного мрамора, великий властитель Моктесума ожидал своих гостей.

Его трон походил на канapé из массивного серебра, устланное мягчайшими перьями; его ноги, обутые в своего рода котурны, покоились на большой пуховой подушке, а его правый локоть опирался на круглый столик из черного и блестящего, как агат, камня, где стояла золотая, искуснейшей работы диадема — «корона» верховного вождя Ацтекского государства.

Монарх находился в состоянии глубокого раздумья, живые черные глаза невесело созерцали пол, широкий лоб был прорезан вертикальными морщинами, которые нельзя было отнести за счет его возраста, ибо ему еще не исполнилось и сорока лет; правая рука подпирала склоненную голову, другая машинально теребила, словно желая изорвать в клочья, широкий плащ из тончайшей хлопковой пряжи — блестящей и прекрасной, как самый лучший шелк, — плащ, прикрывавший плечи и скрепленный на груди большими золотыми брошами, усыпанными жемчугом.

На почтительном расстоянии от властительной особы стояли трое мужчин, чья абсолютная неподвижность вполне позволила бы принять их за статуи, если бы в их глазах не сверкала жизнь, которую сковывало глубочайшее почитание властелина.

Присутствие в этом зале и обилие драгоценностей, их украшавших, указывало на высокое положение приближенных, но тем не менее никто из них не осмеливался взглянуть в сторону

монарха, и они в благоговейном молчании ожидали, когда он соизволит их окликнуть.

Несмотря на безмолвие и неподвижность этих трех людей, их лица достаточно ясно выражали различие их характеров.

Тот, кто выглядел старшим, хотя и был моложе Моктесумы, имел с ним большое сходство: среднего роста, тоже строен, худощав, приятной наружности. В основном их различало то, что верховный вождь казался более деятельным и энергичным, а облик второго являл больше спокойствия и твердости.

Стоявший справа от него был младше лет на восемь или десять и значительно превосходил его статью и ростом. Мощная фигура молодого человека могла бы служить прекрасной моделью художникам и скульпторам, воссоздававшим античных атлетов, а живое лицо с резкими чертами свидетельствовало о порывистом, необузданном темпераменте; почти о том же — о недостатке жизненной мудрости и избытке отваги — говорила и горделивая посадка головы.

Третьим был юноша, казавшийся едва ли не подростком, с удивительно светлой кожей и карими глазами, чем он особенно выделялся среди своих соплеменников. Он еще не достиг того мужского совершенства, какое мы описали выше, и, хотя был высок ростом и безупречно сложен, не выглядел зрелым мужчиной. С его красивой головы ниспадали тонкие шелковистые волосы, открывая и оттеняя большой выпуклый бледный лоб, словно затуманенный грустью. В глазах юноши виделись ум и орлиная зоркость, рот и подбородок одновременно выражали и твердость и доброту; в целом облик его был печален, очень сосредоточен, даже суров: глядя на него, можно было бы сказать, что на нем лежит печать горестного предчувствия роковой судьбы, столкновения с неодолимой, быстро надвигающейся бедой.

Правители городов-данников, советники, военачальники и слуги заполняли прихожие, залы и внутренние патио дворца, но только эти три человека обладали особым правом находиться рядом с Моктесумой.

Верховный вождь нарушил наконец тишину, царившую в покоях, недоступных для простых смертных, и, медленно переведя взор на три застывшие в молчании фигуры, произнес:

— Куитлауак!

Первый из троих, описанных нами выше, почтительно приблизился к Моктесуме, который вполголоса, с глубокой грустью продолжал:

— Куитлауак, твой брат и господин желает выслушать твои советы.

Покорно склонился перед ним Куитлауак, и Моктесума, протянув руку к двум остальным, продолжавшим неподвижно стоять на месте, добавил:

— Ты тоже подойди. Какумацин, ты — вождь-властитель царской крови, ты первый выборщик и советник государства,

один из самых смелых ацтекских воинов, поэтому ты заслужил, чтобы великий властитель удостоил тебя доверием.

Молодой атлет приблизился, ступая горделиво, но почтительно. А Моктесума перевел взгляд, в котором блеснула и тут же погасла нежность, на красивого юношу, оставшегося неподвижно стоять, как это подобало по этикету.

— Подойди, — сказал после секундной паузы верховный вождь, — подойди и ты, Куаутемок, и хотя по возрасту тебе еще не положено давать серьезные советы, твоя отвага, твой ум и твой сан ставят тебя в ряд моих самых достойных слуг и делают тебя надежным столпом государства.

Юноша повиновался, и Моктесума продолжал:

— Вы, родственные мне вожди Истапалапы и Тескоко, и ты, Куаутемок, любимый сын моего именитого брата, властителя Такубы, знайте: настал момент, когда ваш повелитель хочет выслушать ваши мудрые советы. Иноземные воины, которых простой народ почитает за богов и волшебные действия которых заставили им покориться животных, называемых «кони», заставили сверкать молнии и могут умирять волны громадными лодками, — эти воины проникли в глубь наших земель.

Вести о странных иноземцах, дошедшие до нашего слуха, различны и противоречивы. Одни люди уверяют, что пришельцы злы, жестоки, корыстны, жаждут золота и крови и пришли в наши владения лишь с желанием сеять здесь рознь и силой отбирать у нас наши богатства. Другие рисуют их доброжелательными, милосердными, великодушными и провозглашают их посланцами столь почитаемого нами Кецалькоатля¹, господина семи племен науатлаков². Вы знаете, что мы ему поклоняемся, ибо он свел воедино племена, ныне составляющие наше могучее государство, что был он мудрым и храбрым вождем, который ушел потом в другие земли, как гласит древнее народное предание. Говорит предание и о том, что Топильцин, отец Кецалькоатля, покинул науатлаков, когда науатлаки еще были бедным невежественным племенем, а боги потом возвестили, что ушел Топильцин создавать государство на землях далеких и любимых Солнцем, куда однажды пойдут и сыновья Топильцина или сыновья его сыновей, чтобы познать там лучшие законы и неизвестные науки.

И пожелал Кецалькоатль найти эти земли, покинул берег озера, где родился, и повел за собой семь племен, которые выбрали его вождем. Путь их был долг и тяжел, пока они наконец добрались до тех мест, которые сочли за земли Топильцина. Но прошло время, и Кецалькоатль понял, что ошибся. Семь племен не пожелали следовать за ним, и он один отправил-

¹ Кецалькоатль — «Пернатый змей» (яз. *науа*) — в ацтекских мифах — богочеловек, герой, некогда покинувший родные земли и обещавший вернуться.

² Науатлаки — букв. «Озерные жители» (*науа*)

ся дальше, искать государство своего отца, пообещав, что когда-нибудь вернутся его потомки и принесут с собой совершенные законы, полезные и чудесные знания.

Это пророчество дошло и до нас, ацтеков, мы его чтим и передаем от отцов сыновьям, и хорошо знаем к тому же, что во владениях одного из властителей нашего рода появилась Белая женщина, в одеждах, усеянных солнцами и непонятными знаками, и возлегла на вершине высокой горы, с тех пор носящей ее имя ¹, и объявила обратившимся к ней теопискам ², что через много-много дней вернутся потомки Кецалькоатля, дабы строго наказать жестоких и бесчеловечных правителей. Позже,— продолжал с видимым замешательством Моктесума,— и другие знамения заставили поверить в то, что эти древние предсказания должны осуществиться в мое правление.

Моктесума умолок, чтобы справиться с волнением, а слушатели склонили головы в знак уважения к его раздумьям.

Мы же тем временем сообщим читателю свои предположения об истоках всех тех ставших известными пророчеств, которые так изумляют всех испанских историков и служат объектом их невероятных и просто поразительных домыслов.

У нас не вызывает сомнения, что все эти чудеса были не чем иным, как хитроумными выдумками жрецов, чтобы нагнать страх на знатных правителей и подчинить их — скажем так — алтарям. Никогда не принимались столь обуздывающие монарший деспотизм меры, как во времена правления Моктесумы II, чье своеволие и самовластие могли быть ограничены только страхом перед богами.

Среди прочих устрашающих рассказов, которые под видом пророчеств жрецы преподносили тому, кто, принадлежа к их касте, превратился в их угнетателя, особо сильное впечатление, конечно, производило возведение о скором пришествии потомков Кецалькоатля, которые явятся с востока, с излюбленных Солнцем земель, вооруженные гневом богов, дабы наказать монархов-тиранов и освободить народы от рабства. Жрецы, зная, что Моктесума столь же суверен, сколь и заносчив, вынуждали его, таким образом, прислушиваться к ним как к единственным посредникам между властителем и разгневанными богами, но цель их не была достигнута до тех пор, пока не пришла весть о приближении испанцев.

Победители Тласкалы и Тескоко, прославившиеся своей сверхчеловеческой мощью, извергавшие молнии, ездившие на стран-ных животных, пришедшие с востока, наделенные, по слухам, важной миссией,— все это как нельзя лучше соответствовало представлениям древних мексиканцев об ожидаемых спасителях,

¹ Имеется в виду Икстакисуатль («Белая женщина» на языке науа)— потухший вулкан близ г. Мехико.

² Теописки — жрецы (науа).

и авторы хитроумной выдумки сами были поражены, озадачены и обескуражены не меньше, чем Моктесума, когда их измышления неожиданно обернулись реальностью.

Трое вождей-сородичей, которых мы оставили рядом с монархом, молча ждали конца его прервавшейся речи, и он, с трудом поборов волнение, продолжал:

— Вы знаете, что я с ранней юности научился смотреть опасностям войны в лицо и что мои победы, а не только моя древняя благородная кровь, сделали меня верховным вождем. Вы знаете, что за пятнадцать лет, которые истекли с тех пор, как мне воздаются высшие почести, я намного расширил границы Ацтекского царства, сделал так, чтобы его боялись и уважали все соседние народы. Враг никогда не видел страха на моем лице, а слава сделала известным имя. Но вот, не страшась показаться трусливым, признаюсь вам, что чувствую, как слабеет мой дух в ожидании чужеземцев, которые мне неведомы, о которых не знаю, что думать и как мне подобает их встретить. Теописки, те самые жрецы-теописки, которые с ликованием возвещали их приход, теперь выказывают робость, и в их неясных словах, передающих волю богов, слышится опасение, какого не было прежде.

Раньше нам говорили о потомках Кецалькоатля как о мудрых и кротких, теперь же — как о наводящих ужас небесных стражах справедливости, которые должны лишить меня моей власти и дать волю народам; ныне мне открывается, что существованию Царства ацтеков грозит опасность и что я должен быть очень осторожен, если хочу избежать страшных несчастий.

Но что мне думать, на что решиться?

Если боги охраняют этих людей с востока, — будь они потомки Кецалькоатля или неизвестный нам могущественный народ, — может ли несчастный смертный оказать сопротивление высшим великим силам? Если бы их не охраняли боги, то как могли они одержать такие громкие победы? Как можно не верить предсказателям, которые издревле предрекали нам их пришествие, награждали их победоносной мощью?

Правители, вожди-сородичи, знайте: эти сомнения одолевали меня всю последнюю ночь, а сердце мое говорит мне о грядущих бедах, о том, что боги оставили меня.

Моктесума умолк, его голова бессильно упала на грудь. И тогда, почтительно склонившись, заговорил Куитлауак, правитель Истапалапы:

— Великий властитель, уэй-тлатоани¹, — сказал он, — позволь твоему брату выразить предположение, что страхи твои преувеличены. Великая сила твоего духа могла быть ослаблена лишь убеждением, что боги определили погибель Ацтекского

¹ Уэй-тлатоани — великий господин (*науа*)

государства и еще тем, что ты считаешь иноземцев орудием божественного гнева. Но, может быть, тебя пугают собственные размышления?

Я не верю, что прибытие этих людей несет нам те беды, о которых вешали теописки. Гораздо более веские доводы, как ты сам изволил это заметить, убеждают нас, что люди с востока — пришедшие к нам потомки великого Кецалькоатля и что во исполнение древних пророчеств они явились только для того, чтобы передать нам мудрость, какой они набрались в далеких странах. Но даже если предположить, что в самом деле это не наши желанные братья, какое зло могут причинить нам люди, рожденные в землях, которые само Солнце избрало для собственного рождения, и пришедшие к нам с добрыми намерениями? Если высшее божество или его сыны, боги, решили нас покарать, если существование твоего царства под угрозой, мы должны только радоваться и благодарить за помощь другое великодушное божество, которое, охраняя нас, награждает любовью и защитой могущественного восточного властителя, чьи подданные и есть наши гости. И потому измени, о наш уэй-тлатоани, ход твоих размышлений и отбрось недоверие, недостойное твоего великого духа, покажи себя, как всегда, самым смелым и могущественным властелином земли.

Куитлауак умолк, и Моктесума обратил свой взор к Какумацину, дав понять, что хочет слышать его мнение. Молодой воин горделиво расправил плечи и сказал:

— Меня не интересует, о наш уэй-тлатоани, являются ли пришельцы потомками Кецалькоатля или нет, и пришли ли они как друзья или как враги. Если бы боги хотели нас уничтожить, они бы, наверное, не выбрали такое слабое орудие. Да разве способна сделать что-нибудь огромному Ацтекскому государству кучка людей, которую может похоронить под собою пыль, поднятая ногами нашего несметного войска? Разве эти их металлические трубы, мечущие гром и молнии, не схожи с нашими сербатанами¹, из которых мы посылаем смертоносные стрелы? Разве эти диковинные звери, которые им подчиняются, не могут быть оленями, только более крупными и разумными, чем те, что рождаются в наших горах? Если иноземцы знают такое, чего не знают наши мудрецы, они от этого еще не могут стать непобедимыми, и не позорно ли, что жалкая толпа каких-то простых смертных может нагнать страх на самого могучего и сильного из всех властелинов земли?

Встретим же этих чужестранцев, как друзей, и окажем им гостеприимство, доблестный Моктесума, подобающее народу с открытой душой. Но если хоть одним каким-либо словом или делом они выразят неблагодарность или недоверие, я,

¹ Сербатан — духовое ружье

Какумацин, сын Нецауальпилли — правителя Тескоко, я, первый выборщик государства и твой скромный слуга и племянник, принесу их головы в храм Уицилопочтли¹.

Затем, отвесив монарху глубокий поклон, заговорил Куаутемок.

— Я далек от того, — сказал он, — чтобы считать испанцев потомками великого предка, хотя некоторые так полагают. Я не придаю большого значения, как это делает благородный Куитлауак, их заявлениям о дружелюбии и не считаю их презренной горсткой людей, как думает храбрый Какумацин. Их мало, это верно, но велики их победы, которых они добились благодаря своему оружию, нам неизвестному, благодаря умным послушным животным и благодаря своим непроницаемым одеждам, о которые наши стрелы ломаются, как тростник. Их победы в Табаско и в Тласкале убеждают, что это так. Их всего горстка, говорит сын правителя Тескоко, но не забывает ли он, что эта горстка тащит за собой орудия смерти, каждого из которых хватит, чтобы уничтожить целое войско? Не забывает ли он, что эта горстка людей использовала наши внутренние раздоры и сделала своими союзниками более двухсот тысяч местных людей и может приобрести еще больше союзников? Так же и уважаемый Куитлауак забыл, называя их миролюбивыми гостями, что подошли они к нашим дверям, залитые кровью жителей Чолулы. Однако я понимаю, что, коль скоро ты уже разрешил им войти в твою столицу, о всемогущий татльцин², ты уже не можешь не выслушать послания, которое велел передать их властелин твоей священной особе, но вместе с тем ты не должен им дозволить ни одного лишнего дня оставаться в твоих владениях, если нет у них на то законной и важной причины.

— Правители, вожди-сородичи, — сказал Моктесума, — вы произнесли рассудительные и мужественные слова, и мой дух укрепился после того, как я вас выслушал. Я согласен с вами, что следует дружелюбно обходиться с чужестранцами, которые объясняют свою расправу с Чолулой тем, что этот город, нарушив мой запрет, хотел вероломно напасть на них. Я также полагаюсь на вашу храбрость, чтобы наказать их, если они ответят неблагодарностью и коварством на наше гостеприимство и добрые намерения. Но при том я поручаю тебе, брат Куитлауак, повелеть нашим жрецам совершить публичное жертвоприношение богам, дабы всеми средствами умиловить их, просить отвести от моего государства беды, о которых уже давно и денно и нощно говорит мое сердце.

Едва монарх умолк, на площади перед дворцом послышался шум радостных голосов, а на пороге зала, где беседовали ацтек-

¹ Уицилопочтли — в мифологии древних ацтеков — бог войны и солнца, главное божество Теночтитлана, в чей храм приносили головы убитых врагов

² Татльцин — отец. Окончание «цин» указывает на особое уважение к лицам высокого ранга (*нага*)

ские вожди, появился один из военачальников и объявил о при-
бытии испанцев.

Моктесума встал, надел на голову корону верховного вождя
Ацтекского царства и постарался согнать с лица омрачавшее его
выражение глубокой грусти, а вожди-сородичи — из Истапалапы
и Тескоко — вышли вперед встречать гостей. Куаутемок же сме-
шался с толпой придворных советников и высших индейских
военачальников, заполнивших большую залу, служившую прием-
ной. Затем юноша быстро скользнул в коридор, потом в другой,
пересек богато убранные покои и остановился у широкой двери,
задрапированной тонкими занавесками, за которыми находилась
одна из самых прекрасных комнат дворца. Он слегка отодвинул
занавеску и на минуту застыл, неподвижный и молчаливый,
наблюдая живописную картину, которая открылась его взору.

На первом плане, в искусно сплетенном гамаке на роскош-
ном покрывале из куньего меха мирно спал маленький мальчик;
рядом с гамаком молодая женщина — лет восемнадцати — два-
дцати, с красивой благородной внешностью — плела некое подобие
ковра из разноцветных перьев — древние мексиканцы так совер-
шенно владели этим искусством, что изображаемые фигурки
и пейзажи казались написанными кистью. Юная мать часто
прерывала работу и бросала на мальчика взгляды, исполненные
такой невыразимой нежности, какую может испытывать только
материнское сердце, и в эти моменты ее лицо, серьезное и со-
средоточенное, озарялось едва ли не светом небес.

В некотором отдалении, на широкой разноцветной циновке
девушка лет пятнадцати и четыре мальчика, старшему из которых не
было и двенадцати, забавлялись маленьким зеркальцем, подарком
Кортеса Моктесуме, отнимая друг у друга это сокровище и смеясь
от радости, когда кому-нибудь удавалось завладеть им хотя бы на
минуту. Кутерьме положила конец девушка, которая, крепко зажав
зеркальце в руке, стала в восторге строить перед волшебным
стеклом забавные гримасы, потряхивая густыми волосами.

Куаутемок шагнул вперед и ласково произнес: «Уалькацинт-
ла!» Заботливая мать подняла на него прекрасные темные глаза.

— Это ты? — сказала она. — Я не ждала тебя так скоро,
думала, тебя задержит встреча чужеземных гостей.

— Я предпочел другую, более сладостную встречу, — отве-
тил он учтиво — Я захотел увидеть сон своего сына и услышать
любимый голос моей сестры Уалькацинтли.

— Ну как? — воскликнула девушка с зеркалом, устремив
полный любопытства взгляд на молодого вождя и отбросив
в сторону с трудом отвоеванное сокровище. — Уже пришли чуже-
земцы?

— Да, Текуиспа, — ответил Куаутемок. — Я вижу, что ты без
сожаления отдала бы эту чудесную драгоценность, которая по-
вторяет твое красивое лицо, за то, чтобы одним глазом взглянуть
на людей с востока.

— О да,—воскликнула девушка, вскакивая на ноги.— Возьми себе мое зеркало и отведи меня туда, откуда я могла бы увидеть, хотя бы издали, этих волшебников, которые, как говорят, хороши собой и храбрее всех ацтекских вождей; их не сравнить даже с тобой, Куаутеком, и с Какумацином из Тескоко, моим двоюродным братом и будущим мужем, и даже с самим великим властителем, нашим отцом.

Уалькацинтла, чье исполненное благородства и достоинства лицо разительно отличалось от веселого, почти детского личика Текуиспы, бросила на нее строгий взгляд, и девушка снова медленно опустила на циновку, сказав с легкой обидой:

— Значит, сегодня, как ты мне часто говоришь, еще не мой счастливый день; ты всегда желаешь добра своей сестре!

— Да, конечно,—вмешался молодой вождь, сел рядом с женой и посмотрел на нее с нескрываемой нежностью.— Помнишь, двенадцать лун стали полными и ушли с той счастливой ночи, когда ты впервые пустила меня на свое ложе. Сегодня исполнился ровно год, как твой отец, великий властитель, привел тебя в храм, где соединились наши души, а в том самом зале, пол которого сейчас попирают ноги чужестранцев, нас согрело тепло домашнего огня, возле которого жрец объявил нас мужем и женой.

При этом воспоминании счастливая улыбка тронула губы Уалькацинтлы, и, пока молодые супруги, обнявшись, наклонились, чтобы вместе поцеловать сына, Текуиспа, воспользовавшись моментом, бросилась к окну, стараясь разглядеть испанских воинов. Четыре ее брата—сыновья Моктесумы—опять затеяли возню из-за брошенного ею зеркала.

III

ВИЗИТ КОРТЕСА К МОКТЕСУМЕ

Вожди Тескоко и Истапалапы вышли встретить испанцев в центральном патио дворца, где был выстроен отряд телохранителей и протянулись две длинные шеренги слуг, между которыми и проществовали испанцы во главе с встретившими их вождями во дворец. Гости шли по многочисленным коридорам и богато убранным залам, где тесными рядами стояли советники, военачальники, знатные люди царства—все в роскошных одеяниях, с непроницаемо суровыми лицами.

В приемной перед покоями Моктесумы чужестранцев попросили снять обувь, ибо считалось неприличным оставлять следы в царском зале. Затем два воина пошли вторично известить монарха о приходе гостей и, вернувшись, торжественно объявили, что уэй-тлатоани их ожидает.

Кортес вошел со своими капитанами, вооруженными с голо-

вы до ног, на лицах которых, наряду с надменностью, вызванной уверенностью в настоящем и надеждой на славное будущее, проглядывала некоторая растерянность, ибо они не ожидали встретить при дворе того, кого они называли «варваром», великолепие, достойное древних азиатских властителей.

Верховный вождь Ацтекского царства сделал несколько шагов им навстречу и, подняв руку, с радушной улыбкой жестом пригласил Кортеса сесть на скамью вместе со всеми капитанами, что было несказанной честью и потрясло всю придворную знать, ибо Моктесума позволял сидеть в своем присутствии только вождям своей крови.

Разговор начал Моктесума, спросив Кортеса — через переводчика, — доволен ли тот отведенными ему покоем, добавив, что дворец, предоставленный гостям, оборудован для его, Моктесумы, пребывания там и построен его отцом, Асаякатлем. Удовлетворенный благодарственными словами Кортеса, верховный вождь-властитель пустился в объяснения, попутно расспрашивая о восточных землях, откуда родом прибывшие гости, и о высокочтимом властелине, направившем их сюда послами.

Кортес не преминул воспользоваться случаем, чтобы сообщить, что он имеет поручение предложить монарху ацтеков заключить дружественный союз с великим королем Испании Карлом V в целях развития торговли между двумя государствами и получения обоюдной выгоды.

Моктесума выразил свое удовлетворение и заявил о своей большой радости по поводу того, что в период его правления происходит такое важное событие. Казалось, что после слов испанского предводителя рассеиваются темные тучи воображаемой угрозы, а проявление гостеприимства Моктесумы становится более искренним. Он довольно долго, с охотой и дружеским интересом расспрашивал гостя о законах, обычаях и традициях испанцев, и во всех его вопросах и замечаниях проявлялась острота ума и живость мысли. Однако когда Кортес завел разговор о различии их религиозных верований, Моктесума взмахом руки дал понять, что ему не доставляет удовольствия делать какие-либо сравнения в этой области, а затем раздражение перешло почти в негодование, когда, отдавшись во власть эмоциям и забыв о политике, Кортес не постеснялся высказать свое мнение о нелепости идолопоклонства и высмеял столь почитаемых индейцами богов.

Пока Кортес говорил, глаза Моктесумы сверкали гневом, и видно было, что ему стоило немалых усилий сдержать себя и не перейти границ гостеприимства. Это заметил вождь-властитель Тескоко и хотел прервать говорившего, но Моктесума медленно, с достоинством поднялся и сказал:

..... Довольно. Я принимаю с большой благодарностью предложение о союзе, которое ты мне передал от имени великого властителя, пославшего тебя, и желаю почтить и одарить вас,

пришельцев, как того заслуживают ваши отвага и подчинение такому именитому правителю, которого я теперь без колебаний признаю законным потомком нашего достославного Кецалькоатля. Но я верю, что все божества одинаково достойны почитания—также и мои боги должны быть почитаемы вами. Я желаю,—добавил он с подчеркнутой учтивостью,—посвятить остальное время тому, чтобы угостить вас изысканными яствами, но до наступления часа трапезы прошу вас позволить моему благородному племяннику, властителю Тескоко, и моему достойному брату, правителю Истапалапы, сопровождать вас при осмотре города и показать вам некоторые из его достопримечательностей.

Почти неприметным движением головы Моктесума подал знак вождям-сородичам, которые тут же приблизились; он простился с испанцами, удостоив Кортеса небывалой чести отобедать с ним в тот же день за одним столом, и указал рукой Какумацину и Куитлауаку, чтобы те, со своей стороны, оказали такую же честь остальным капитанам.

Кортес вышел вместе с вождями Тескоко и Истапалапы, за ними парами двинулись испанцы и знатные индейцы из свит своих вождей. Как только все покинули дворец, их окружили слуги, тащившие на плечах паланкины или пышно украшенные и усталые перьями носилки. Уступая настойчивым просьбам хозяев, испанцы смирились с неизбежностью такого способа передвижения, и процессия потянулась по городу во главе с Какумацином, чей паланкин открывал шествие в сопровождении знати из вассальных земель, а в арьергарде плыл паланкин Куитлауака, в свою очередь окруженный небольшой свитой вождей-данников.

Несметные толпы индейцев заполняли улицы, по которым двигался этот своеобразный кортеж. Люди с любопытством разглядывали иноземцев и знатных вождей одной с Моктесумой крови.

Среди огромного скопления народа процессия пересекла площадь Тлателолько, обширнейшую площадь, окруженную колоннадой, где ремесленники и торговцы всего Ацтекского царства ежедневно заваливали своими изделиями и товарами легкие открытые палатки, которые тянулись длинными рядами и представляли собой удивительно живописное зрелище. Каждый товар занимал там свое определенное место: с одной стороны лежали груды разноцветных птичьих перьев, с другой —россыпи изысканных золотых и серебряных украшений и драгоценных камней из разных частей страны. Рядом с кипами хлопковых тканей из Тескоко стояли белейшие алебастровые сосуды из Текалько и разноцветные мраморные фигурки из Кальпуалпана; неподалеку от благоухающих цветов и горами грозившихся ведомых и неведомых фруктов, непрерывно подвозимых шнырявшими по каналам лодками, продавалась всякого рода свежая дичь.

Посреди площади возвышалось просторное деревянное строение, которое называли «судом», ибо там постоянно находились «судьи», следившие за торговлей и каравшие за всякий обман. Следуя дальше вдоль колоннады, можно было увидеть многочисленные палатки с напитками, своеобразные цирюльни, аптеки и парфюмерные ряды, украшенные с поистине азиатской роскошью и предлагавшие всевозможные ароматические средства, начиная с изумительного бальзама Уицилосочитль, не уступавшего знаменитому палестинскому бальзаму, и кончая благовонным соком американской акации, к тому же облегчавшим всякие недуги, равно как и настой чудесной травы — текамаки, слывшей целительным лекарством от любого колдовства.

Отменный порядок, обилие и многообразие товаров, а также тьма народу на площади превращали этот базар в такое внушительное зрелище, что, по выражению одного испанского хрониста, «глаза ослепляло роскошество и поражало примерное управление в этом царстве».

Великий «теокальи» — или храм — бога Уицилопочтли был первым большим зданием, которое посетили в тот день чужеземцы. Храм занимал центр города и был обнесен стеной, за которой, по свидетельству Кортеса, обитал многочисленный люд. Мексиканский монумент, выложенный порфиром¹, был похож на египетские пирамиды и имел четыре выхода на четыре стороны света. Земля между храмом и отделявшей его от города стеной была замощена шлифованным камнем, а портик украшен мраморными статуями, которые, если и не были произведениями больших мастеров, по меньшей мере доказывали, что ацтекам не было чуждо искусство ваения.

Храм состоял как бы из пяти этажей, если считать пятым четырехугольную площадку, у восточной оконечности которой поднимались две башни, — каждая по пятидесяти футов в высоту, — увенчанные легкими изящными куполами. Между главным храмом и стеной располагались малые здания, посвященные разным божествам. Тут же находились дворец верховного жреца, жреческая школа для юношей, строение, подобное монастырскому, для жрецов и обширное помещение для паломников и путников, приходивших посетить теокальи и поглядеть на красоты столицы Царства ацтеков.

Живописные фонтаны, воде которых приписывали чудотворные свойства, окаймляли эту площадь, от которой лучами расходились главные улицы Теночтитлана.

После того как индейские правители показали испанцам храмы своих богов, они пожелали удивить их дворцами своих властелинов. Разного вида, но одинаково роскошные, дворцы были окружены обширными садами. В одном из них находился,

¹ Порфир — вулканическая горная порода с кристаллическими вкраплениями.

например, царский арсенал, в другом — две удивительные коллекции: людей-уродцев и разных зверей и птиц, о чем так много писали историки. Ни в одной стране мира не было столь трудно, как в древней Мексике, собрать значительное число экспонатов для коллекции уродов, ибо там почти не ведали о телесных недостатках, зато вторая — зоологическая — была на удивление богата.

В одном помещении обитали домашние птицы, в другом — хищные. Прекрасные залы были отданы четвероногим животным, в других, не менее просторных и удобных, содержались змеи, причем всюду были устроены водоемы с соленой и пресной водой для речных или морских представителей фауны.

В этом оригинальном музее основным принципом показа наиболее интересных птиц и зверей была контрастность. Рядом с гигантским кондором помещался и тем еще более поражал почти неприметный колибри; неподалеку от неуклюжего тапира пасся стройный олень, а поблизости от страшного крокодила извивались змеи: серебристая макискоатль и безвредная сикатлинан, питающаяся муравьями.

Этот просторный дворец обслуживало гриста человек, среди которых было несколько врачей, в обязанности которых входило врачевание многочисленных обитателей музея.

Выходя оттуда, Какумацин сказал Эрнану Кортесу:

— Ты увидел, благородный посол, некоторые достопримечательности Теночтитлана, но чтобы увидеть все, что здесь есть, потребовалось бы много лет.

— Я надеюсь, — добавил Куитлауак тоном, в котором наряду с учтивостью слышалась и настороженность, — что наши именитые гости не покинут нас, не осмотрев всего города.

Эрнан Кортес, бросивший острый, пытливый взгляд на говорившего, ограничился кратким ответом: мол, никогда он не сделает ничего такого, что шло бы вразрез с желаниями его высокоуважаемых союзников.

Затем процессия повернула ко дворцу Моктесумы. По дороге назад, под шумные проявления людского интереса, испанский каудильо погрузился в глубокие думы, осмысливая всю грандиозность того отчаянно смелого дела, которое он затеял.

Индийские вожди проводили испанских капитанов к отведенным им дворцам, а Моктесума объявил слугам, что в этот день приглашает к своему столу чужеземного посла.

Стол был накрыт в большом зале, окна которого, многочисленные и широкие, выходили в огромный сад. Монарх дотронулся до руки Кортеса и торжественно произнес:

— Иди и оцени, так же ли отстали мои повара от ваших, как наши ученые.

Моктесума занял место во главе стола и принудил Кортеса сесть рядом с собой, приказав слугам впустить вначале придворных фигляров.

Появились, действительно, пять или шесть человек в странных нарядах с пестро размалеванными лицами, а за ними вошли тридцать или сорок женщин, роскошно одетых, обычно прислуживавших монарху за трапезой.

— Это,— сказал Моктесума Кортесу, указав на шутов,— это единственные люди во всем моем государстве, которые говорят мне в глаза самую горькую правду: за то я их люблю и с удовольствием призываю в минуты досуга. Кукалуткако,— добавил он, обратившись к одному из фигляров,— сегодня тебе предоставлена полная возможность показать свое умение достойному чужестранцу, который пришел из земель, где известны все искусства и науки, доступные уму человеческому.

Шут, к которому были обращены эти слова, стал подготавливать предметы для жонглирования, а другие фигляры в это время старались подтвердить то, что сказал властелин, отпуская различные едкие замечания, шутливой формой сглаживая остроту смысла. Моктесума не скрывал удовольствия и ежеминутно требовал от переводчика, чтобы тот переводил гостю самые забавные или злые слова шутов, подбадривая их показыванием головы.

А в это время юноши благородных родов принесли различные яства на золотых блюдах и тотчас удалились; их сменили женщины, наливавшие в кубки пультке — напиток, заменявший в том государстве вино, — и хмельной сок кактуса-магея, особенно любимый Моктесумой и по своему действию не отличавшийся от самых крепких ликеров Европы.

Другие женщины были заняты тем, что жгли в золотых курильницах ароматические смолы, а четыре юные девушки обмахивали властелина и его гостя большими опахалами из перьев.

Фигляры стали показывать свое виртуозное искусство жонглирования и такую неподражаемую ловкость рук, что Кортес приходил в изумление, к великой радости Моктесумы, который восторгался талантами своих «дураков», как он их называл.

Было подано более трехсот разных блюд, но Моктесума, следуя своему обычаю, отведал не более двух-трех, в отличие от испанца, который не был столь же воздержан в еде.

Затем снова появились женщины с корзиночками фруктов и цветов, и были там все сорта и виды, которые производила плодородная земля долины Анауак; благоухание, казалось, наполнило воздух всего зала.

В последний раз были подняты кубки. Кортес выпил, произнеся тост в честь Моктесумы, а верховный вождь ответил пожеланием здоровья властелину Испании и его высокочтимому послу.

Моктесума был радостен и весел, словно бы все его сомнения, приглушенные первыми объяснениями Кортеса, полностью рассеялись в дружеской атмосфере этого обеда. И в его словах во время десерта проскальзывали откровенность и сердечное расположение к гостю, которому он рассказывал о своей семье, о трудностях в управлении царством и даже о своих личных

недомоганиях. Несмотря на то, что по природе он был очень недоверчив, ему было свойственно характерное для южноамериканцев простосердечие, и, привыкнув к такому общению со своими подданными, когда всякое проявление искреннего доверия считалось недостойным вождя поведением, он испытывал новое для себя чувство наслаждения, общаясь с человеком, с которым можно было на время забыть о своей роли сурового вершителя судеб.

К самому концу трапезы прислужницы внесли — как тут не вспомнить ритуал нынешнего послеобеденного «кофепития» в Европе — большие чаши с пенящимся шоколадом. Снова дышали ароматом курильницы, а Моктесуме и его гостю подали длинные, похожие на турецкие трубки, набитые табаком и кусочками смолы дерева окосоля.

Моктесума приказал ввести музыкантов, а поскольку уже ступились сумерки, дворец и сад внезапно озарились массой факелов из смолистой древесины, разливавших яркий и чистый свет.

Человек двадцать музыкантов извлекали звуки из флейт, морских раковин, барабанов и своеобразных бандуррий¹ с коротким грифом, которые скорее производили шум, нежели услаждали слух. Под несколько приглушенный аккомпанемент всех этих инструментов музыканты стали воспевать подвиги ацтекских вождей и героев, затянув особенно долгую песнь, когда очередь дошла до Моктесумы.

— Нет человека на земле, — пели индейские трубадуры, — который не склонялся бы перед великим Моктесумой. В его жилах течет кровь древних героев, и несут ему дань триста вождей-тлатоани.

— Кровь врагов, им сраженных, могла бы заполнить озеро как то, среди которого стоит Теночтитлан, знатный город. Трепещут перед ним все народы и с благоговением называют Моктесумой².

— Горе тем, кого постигнет кара Моктесумы! Наказание его, как солнце с голубых небес, может пасть и на дерево-сейбу, и на ничтожный земляной орех, который осмелился пробиться маленьким ростком из почвы.

— И молния среди бури не так стремительна и грозна, как ярость Моктесумы. Гнев его сжигает, как огонь, а взгляд его суровый заставляет кровь в жилах стынуть у виновных.

— Никто из смертных воспеть не в силах все славные деяния Моктесумы. Тьма подвигов его слепит глаза, его величие подавляет тех, кто захотел бы сложить о нем песнь.

Тут музыканты закончили торжественное песнопение и бодрыми высокими голосами, одновременно производя своими инструментами несусветный шум, прокричали:

¹ Б а н д у р р и я — струнный инструмент, похожий на небольшую гитару.

² М о к т е с у м а — свирепый властитель (*науа*).

— Слава Моктесуме! Моктесума — самый великий и могущественный тлатони! Слава Моктесуме!

Звуки этих инструментов, всегда сопровождавших сражения, а также слова, напомнившие Моктесуме обо всех его победах, настроили монарха на воинственный лад. В его глазах засверкал огонь, лицо побагровело, а сердце учащенно забилось. В эту минуту он забыл и о предсказаниях теописков, и о грозном оружии испанцев. Он чувствовал себя воином, отважным, непобедимым, и в порыве блаженного самодовольства поднялся с места, показавшись всем высоким, словно сразу вырос на четыре дюйма.

— Да, — воскликнул он, — слава храбрым! Слава непобедимым ацтекам! Государство Анауак вечно, как Солнце! Славься, Анауак!

Множество ликующих, восторженных голосов подхватили возгласы монарха, и вопль «Слава Моктесуме!», повторенный слугами в самых дальних покоях, долго отдавался эхом во дворце.

Затем монарх велел музыкантам удалиться и приказал советникам внести дары. Сияя от удовольствия и гордости, он обернулся к Кортесу:

— Я воспитан на полях сражений, и песни войны были моими колыбельными песнями. Все мои великие дела правителя меньше тешат мне душу, чем мои воинские победы. Моктесума родился для сражений, и опасности для него — праздник сердца.

В это мгновение подошли поклониться ему перед уходом фигляры, и он благодушно обратился к Кукалуткако:

— Скажи-ка, мой умный дурак, мнящий себя предсказателем, будут ли мои подвиги в будущем еще более славны, чем в прошлом? Дадут ли мне небеса отведать радость новых побед?

— Сначала ты победи свое самомнение, — медленно отвечал фигляр, — и тем добьешься величайшей победы, какую еще можешь ждать на земле. Ты хочешь знать свое будущее? Боги тебе уже о нем поведали, и незачем тебе видеть его, если ты не можешь избежать его.

Эти слова, которые выдали не более как мужество души и остроту ума человека, их произнесшего, оказали на Моктесуму такое сильное воздействие, что лицо его побледнело, а по спине прошел холод.

Фигляр удалился со смешными ужимками, а монарх опустился на мягкую скамью.

Кортес, стоя с ним рядом, смотрел на него с неподдельным изумлением и не мог понять причину внезапного изменения в настроении Моктесумы, а тот, вдруг подняв голову, устремил на Кортеса взгляд, полный ужаса.

— Это правда! — воскликнул он. — Ничего не сделать отважному сердцу, если его сжимает рука судьбы. Человек не в силах противиться воле богов, а боги никогда не меняют своих суровых решений.

И, молча простившись с Кортесом, он долгое время сидел в одиночестве, предаваясь глубоким и печальным размышлени-

ям. Куаутемок осмелился нарушить его покой, войдя в зал, чтобы пригласить монарха на скромное домашнее пиршество, которое устраивала Уалькацинтла в тот вечер в честь годовщины ритуала их бракосочетания. Но Моктесума отказался, сославшись на легкое недомогание.

Его властительный племянник уже собрался уходить, немного раздосадованный отказом, когда Моктесума вдруг встал, положил руки ему на плечи и сказал дрогнувшим голосом:

— Постой, Куаутемок, погоди и забудь на минуту о моем величии уэй-тлатоани, чтобы понять все муки человека. Куаутемок, дай мне прислонить к твоей груди свою голову, которая раскалывается от дум; и пусть слух твой не будет поражен горестным признанием несчастного отца, у которого душа рвется от боли — не за себя, а за своих детей и подданных. Но прошу, скорее потуши эти ненужные огни... скорее, властитель Такубы, ибо ни один смертный не должен видеть слезы Моктесумы!

— Слезы! — воскликнул Куаутемок, не веря, что стал свидетелем подобного малодушия, и судорожно сжал руки монарха. — Горе тому, — добавил он, — кто увидел бы слезы Моктесумы и не смыл бы реками крови такую недостойную слабость духа. Горе, страшное горе тому, кто позволил бы солнцу светить для того подлого человека, который вызвал слезы на глаза уэй-тлатоани Анауака, доверившего свою невольную слабость одному мраку ночи! Назови, о великий татльцин, назови того несчастного, который так ранил твою отважную душу, и его кровь — капля за каплей — смоем следы твоих слез.

Моктесума поднял руки и глаза к небу и глухо сказал:

— Оттуда беда, самоуверенный юноша, и тебе не расплатиться за мою слабость с силами, направляющими судьбы властителей мира.

И, снова рухнув на скамью, он дал знак Куаутемоку удалиться. Тот медленно пошел к выходу, а монарх, провожая его взглядом, воскликнул в глубоком отчаянии:

— Ацтеки так храбры, добры, великодушны. Что же мы сделали, о неумолимые боги! Чем вызвали героические ацтекские вожди ваш гнев?

IV

НАРОДНОЕ ПРАЗДНЕСТВО

С того дня монарх все чаще впадал в глубокое уныние, и даже возвращение его супруги в Теночтитлан после недолгого отсутствия не могло разогнать его тоску.

Восемь лет тому назад Моктесума сочетался счастливым браком с прелестной Миасочилью, чья нежность, скромность и заботливость утешили его после потери прекрасной и гордой

Масаимасин, его первой любви, матери Уалькацинтлы, Текуиспы и троих детей, оставшихся после ее смерти совсем маленькими. Не столь красивая, но более ласковая Миасочиль ухаживала своим мягким нравом глубокую рану, нанесенную смертью первой жены сердцу монарха, которому поначалу лишь сумела внушить желание расстаться с одиночеством,—единственным еще не испытанным им средством утешения—и со временем его настроение и самочувствие заметно улучшились.

Не выдержав даже короткой разлуки с супругом и малолетним сыном—единственным плодом их союза,—возвратилась Миасочиль в столицу, проведя несколько недель в городе Тула, правителем которого был ее брат, но ее возвращение, которого так ждал сам великий властитель, не изменило состояния его духа.

Тоска, которую победила Миасочиль, теперь, казалось, снова поразила душу и тело Моктесумы; его семья в немом отчаянии наблюдала, как день ото дня усиливается болезнь, неподвластная ухищрениям лекарей.

Если возвращение супруги не было в силах вернуть Моктесуме радость, то, по крайней мере, послужило вождам-сородичам поводом для того, чтобы подумать о каких-то иных средствах, которые могли бы вывести его из мрачной задумчивости. И, движимые этим стремлением, а также, возможно, тщеславным желанием блеснуть перед испанцами своей воинской доблестью и сноровкой, они испросили у верховного вождя позволения устроить пышное празднество в один из дней частых народных торжеств, которые удостаивают своим присутствием и монархи.

Разрешение было получено, и под руководством вождя-правителя Истапалапы стали быстро готовиться к празднику, который можно было бы назвать рыцарским «турниром», хотя он значительно отличался от турниров европейских.

Вокруг обширной арены на главной площади Тлателолько¹ был возведен амфитеатр со скамьями для зрителей и просторными ложами для монаршего семейства

День десятого декабря, выбранный для игр, возвестил о себе такой светлой и прекрасной зарей в этом благодатном краю, словно желал сделать праздник еще ярче и красочней.

В десять часов утра Моктесума со своей семьей покинул дворец в роскошных паланкинах, сопровождаемый нарядно одетой свитой. Едва паланкины появились на площади, со всех концов заполненного народом огромного пространства раздался единодушный вопль «Слава Моктесуме! Слава семье уэй-тлатоани!», и руки всех людей коснулись земли в знак почитания властелина.

Моктесума занял лучшую скамью в одной из импровизированных лож, посадив по правую руку супругу, по левую — Эрнана Кортеса и приказав некоторым своим сановникам встать позади.

¹ Большинство историков сходятся на том, что эта площадь могла вместить от 50 до 60 тысяч человек

Под другим навесом разместились его дочери — Уалькацингла и Текуиспа — со своими братьями, у них за спиной стояли знатные вожди-правители и прислужницы благородного происхождения.

Монарх и его супруга были в ослепительно богатых одеяниях, сверкавших золотом и драгоценными камнями; одежда и украшения дочерей отличались не меньшим великолепием. На Уалькацингле, супруге Куаутемока, была легкая белоснежная туника, стянутая на тонкой талии шнуром, сплетенным из золотых нитей, с конца которого свисали тяжелые кисти, почти касавшиеся ее точеных ножек, обутых в легкие сандалии из чистейшего серебра. Ее прекрасные руки, оголенные до самых плеч, были унизаны многочисленными браслетами — из перьев тлаутогтя¹ и попугаев, из пурпурных морских раковин в золотой оправе. Ее черные шелковистые волосы ниспадали на спину, а голову охватывала блиставшая жемчугами островерхая диадема, удивительно гармонизировавшая со строгим профилем старшей дочери монарха. Два массивных золотых краба оттягивали мочки ее ушей, а на пальцах рук сияли перстни со всевозможными драгоценными камнями.

У Текуиспы поверх длинной желтоватой юбки была надета короткая розовая юбка с поясом из горностаевых хвостов, спереди скрепленных брошью с изумрудами. На груди переплеталось множество золотых цепочек, увешанных драгоценными кулонами; голову с пышными волосами, прикрывавшими уши и шею, венчал плюмаж из голубых перьев, бросавших легкую тень на круглое свежее личико с яркими черными глазами. Такие же голубые перья украшали ее руки, а стройные ножки в золотых сандалиях были оплетены розовыми лентами.

Кортес и его капитаны также облачились в парадные доспехи. Все именитые чужеземцы находились в соседней с дочерью Моктесумы ложе. Там можно было видеть жестокого Сандовалю, хладнокровного Луго, фанатичного Давилу, элегантного Альварадо, который за свою привлекательную внешность получил от древних мексиканцев прозвище «Тонатиу», что означает «Солнце», хотя был жесток и никому из побежденных никогда не даровал пощады. Там же были Олид и бесстрашный Оргас, молодой мужественный и благородный Веласкес де Леон.

Знатные индейские вожди, взоры которых сначала были привлечены наружностью Альварадо, теперь доброжелательно разглядывали красивое выразительное лицо Веласкеса, который на их льстившее ему внимание отвечал широкой улыбкой.

Действо на арене представило собой поистине впечатляющее зрелище, когда по знаку вождей-правителей городов Истапалапа, Матлалсинко и Хочимилько, которые были одновременно

¹ Тлаутогть — американская «птица-кардинал» с красным оперением (науа).

распорядителями турнира и военачальниками, перед зрителями появились участники состязаний. Четыре когорты молодых индейских воинов в богатом боевом убранстве направились — со своими предводителями во главе — к ложе Моктесумы и приветствовали его, преклонив колена.

Первый отряд вел гордый властитель Тескоко — Какумацин, на могучие плечи которого был накинут легкий длинный плащ из пурпурной ткани, ниспадающий почти до пояса и скрепленный на груди золотой брошью. Короткая юбка из белых и голубых перьев охватывала его бедра, оставляя ноги обнаженными. Тонкой работы колчан, отделанный золотом, висел у него за спиной, в правой руке он держал лук, а в левой — легкий щит.

Высокий плюмаж красовался на его голове, перетянутой красной лентой, с концов которой свисали красные кисточки, что указывало на его принадлежность к знатному роду и на множество свершенных им подвигов, иначе говоря, на то, что он был кавалером высшего военного ордена Ацтекского царства¹. За ним шествовали пятьдесят знатных юношей — из его данников и в одеждах его цветов, — награжденные орденами Льва или Тигра, о чем свидетельствовали изображения этих животных на их щитах.

Вторую когорту составляли молодые воины из знатных семей Такубы, все — кавалеры ордена Орла под командой отважного Куаутемока, который, как и его двоюродный брат из Тескоко, обладал высшей наградой, Красной лентой с числом кисточек, превосходившим число его лет. Плащи воинов этого отряда были белыми, а плюмажи — зелеными и оранжевыми.

Третьей когортой командовал правитель города Койоакан, атлетически сложенный и безрассудно храбрый юноша, близкий друг Куаутемока и возлюбленный его сестры. Он гордо шел во главе своего отряда, в котором были не только самые родовитые представители его городов-данников, но также и некоторые вожди соседних независимых земель; у всех были голубые плащи, черные и белые плюмажи.

Воины последней когорты — во главе с правителем города Тепеполько — были в красно-белых плащах, с белыми и желтыми плюмажами: такая цветовая гамма придавала им эффектный, нарядный вид.

Музыканты, занимавшие скамьи ниже ложи монаршей семьи, старались извлекать громкие звуки из своих раковин, бандуррий, флейт и барабанов; эту мелодию трудно было назвать благозвучной, но боевой призыв в ней явно слышался.

После нескольких воинственных танцев, исполненных четырьмя отрядами под аккомпанемент этой музыки, ритм которой

¹ Моктесума учредил ряд военных отличий и орденов, самым высоким из которых он награждал себя и отважных воинов царской крови. Это был орден Красной ленты с кистями по числу подвигов, как свидетельствует историк А. Солис

воины отбивали на своих щитах, началось состязание в стрельбе из луков.

В одном и том же месте расположились две мишени. К верхнему концу довольно высокого серебряного столбика была прикреплена вращавшаяся по кругу палочка пятнадцати дюймов длиной, которая приходила в движение от малейшего дуновения ветерка. С серебряного колечка на левом ее конце свисал на веревочке плод, похожий на большое яблоко. На правом конце сидела серебряная птица, державшая в клюве нить с маленьким, размером едва ли с монету, деревянным кружком. Плод служил мишенью для всех состязавшихся, а кружок предназначался для самых метких стрелков, которые, при желании, могли испытать себя, послав стрелу в эту крохотную зыбкую цель.

Однако никто не хотел идти на явный риск и покрыть себя несмываемым позором, и поэтому все предпочитали первую цель, проявляя в большинстве своем удивительную меткость. Плод быстро ошетинился торчащими стрелами, как, впрочем, и другие, его заменившие, ибо из двухсот двадцати пяти выпущенных стрел в цель попали по крайней мере две сотни с расстояния в сорок шагов. Каждый удачный выстрел заставлял быстро вертеться палочку с мишенями под шумное ликование зрителей, пока, наконец, она не останавливалась, а на арену не выходил новый стрелок.

Трудно было назвать победителя среди столь равно искусных соперников, и потому распорядители праздника — назовем так тех, кто устанавливал регламент игрищ, — собирались уже распорядиться о начале других состязаний, когда от своего отряда отделился Какумацин, могучий и статный вождь-властелин Тескоко, и громко объявил, что пошлет стрелу в почти неприметный кружок, который держала в клюве серебряная птица. Тотчас воцарилась глубокая тишина, и всеобщее внимание было обращено на отважного лучника, который спокойно и непринужденно встал у черты за сорок шагов от цели, вытащил из колчана стрелу, не торопясь положил на лук, медленно поднял его на уровень бровей, пристально взгляделся в крохотную мишень, почти невидимую взору, и, качнувшись вперед, отпустил натянутую тетиву: стрела, посланная его мощной рукой, угодила в самый центр кружочка, заставив палочку бешено вертеться на острие столбика.

Единодушный восторженный вопль зрителей, казалось, позволял объявить его победителем, но вдруг люди умолкли и снова воцарилась глубочайшая тишина. У черты с луком в руке появился Куаутемок, собираясь оспорить победу своего довольного собой двоюродного брата. Палочка еще довольно долго продолжала вертеться, а Какумацин, с улыбкой наблюдая это круговращение, свидетельствовавшее о силе его рук, обратился к вождю-властителю Такубы с добродушно-снисходительным советом:

— Скажи, что не хочешь слишком долго ждать, пока утихнут мишень, и не подвергай себя напрасному испытанию, ибо только одному человеку дан меткий глаз Какума...

Вождь-властитель Тескоко не успел произнести своего имени до конца. Стрела Куаутемока в одном из мгновенных оборотов палочки успела вонзиться прямо в стрелу Какумацина, расщепив ее на куски, разлетевшиеся по сторонам, а сама палочка, получив новый удар, стала стремительно вращаться в обратном направлении.

Люди онемели при виде такой невероятной меткости, и лишь минуту спустя поднялся неописуемый шум.

Ни один из лучников не осмелился оспаривать первенство мужа Уалькацинтлы, и после его победы распорядители игр подвели Куаутемока к ней и он получил, встав на колени, награду из рук своей обожаемой красавицы жены.

Его наперебой поздравляли даже побежденные; испанские воины славил его как несравненного лучника, а сам Куаутемок, слушая льстивые речи со скромным достоинством, искал свою самую дорогую награду в прекрасных глазах супруги. Затем началась игра, называемая «пелотой», когда надо было, орудуя небольшими битами, перекидывать по воздуху эластичный мячик, чтобы в конце концов забросить его за черту на стороне противника. В этой игре никто из вождей-сородичей не мог соревноваться в ловкости с двумя юными братьями из отряда Куаутемока. Это были взрослые сыновья одного из любимых военачальников Моктесумы, их звали Наоталан и Синталь; они родились на землях властителя Такубы, отца Куаутемока, и были очень привязаны к своему молодому господину. Поэтому их победа в пелоте была чрезвычайно приятна Куаутемоку, который сам подвел их к Текуиспе, чтобы они получили награду за ловкость из ее рук: два великолепных браслета.

Потом дошла очередь до борьбы. Каждый атлет сам выбирал себе соперника, и Какумацин, уязвленный тем, что в стрельбе из лука он потерпел поражение от своего младшего двоюродного брата, бросил ему вызов в такой высокопарно вежливой форме.

— Давай сразимся, о непревзойденный лучник,— сказал он,— и если ты желаешь, чтобы я простил тебе то, что ты лишил меня счастья получить золотой колчан из чудесных рук Уалькацинтлы, покажи себя достойным соперником и в этой борьбе за корону, которой дочь нашего великого властителя увенчает победителя.

Зять Моктесумы не заставил себя просить дважды и, отбросив плащ и колчан, обнажил скульптурные формы своего светлого тела, которое, правда, выглядело не столь впечатляющее мощным, как атлетический торс его противника.

Хотя зрители были очень высокого мнения о доблестях вождя-властителя Такубы, никто, невольно сравнивая обоих, не отважился бы предсказать победу Куаутемоку, и, поскольку он

пользовался любовью, а строптивый характер Какумацина не вызывал больших симпатий, некоторое мгновение во взглядах, устремленных на юного воина, отразилась всеобщая тревога за него и даже словно бы мольба об отказе от неравной борьбы, которая едва ли принесла бы ему победу.

Куаутемок это заметил, и легкая презрительная усмешка тронула его губы, а силач Какумацин, в эту же минуту кинувший быстрый взгляд на амфитеатр, словно призвал всех стать свидетелями своего бесспорного триумфа.

По знаку устроителей соперники бросились друг на друга, и первое же объятие Какумацина было столь могучим, что его мускулистые руки едва не оторвали соперника от земли и над ареной пронесся взволнованный вопль зрителей: «Смелей, держись, вождь Такубы!»

Куаутемок, однако, устоял и тут же сумел вывернуться из объятий противника, как выскользнул бы угорь из рук большого ребенка, и в свою очередь обхватил левой рукой талию Какумацина, а правой сжал ему шею и с такой силой стал сотрясать атлета, что тот казался сейбой, которую треплет ураган.

Куаутемок делал невероятные усилия, чтобы бросить соперника наземь, но и Какумацин не оставался в долгу. Их руки сплетались, как лианы вокруг единого ствола, они трясли, отталкивали и снова стискивали друг друга. Мощь Какумацина несколько раз едва не возобладала над силой другого бойца, но подвижность и увертливость Куаутемока всякий раз посрамляли попытки противника, и тот уже начинал уставать.

Воспользовавшись секундным расслаблением Какумацина, Куаутемок бесстрашно бросился на него, захватил в кольцо рук, сдвинул в объятиях, напрягся что было сил и заставил склониться набок. Одно колено властителя Тескоко вдруг подогнулось, а левая рука почти коснулась земли. Зрители открыли было рот, чтобы возопить: «Победа!», но молодой гигант внезапно выпрямился и, зарывав как лев, разорвавший опутавшую его цепь, яростно оттолкнул Куаутемока.

Неослабевающая борьба принимает затяжной характер. Два тела кажутся единым целым: грудь срастается с грудью, переплетаются руки и ноги, голова одного лежит на плече другого, чтобы собрать все силы для решающего броска: плюмажи падают на землю, черные волосы рассыпаются по плечам, на спинах сверкают капли пота, вокруг поднимаются клубы пыли и слышится тяжелое дыхание, которое прерывается хрипом или стоном.

У Куаутемока побледнело не только лицо, но и плечи, а грудь и щеки тескоканца, напротив, побагровели. Но ни один не сдается, не позволяет себе уступить, хотя силы обоих, как кажется, уже на исходе.

Вождь-правитель Истапалапы издает клич и бросает на арену свой жезл, что служит знаком немедленного прекращения борьбы.

— Вожди,— говорит он,— вы оба заслужили почетную корону.

Народ радостно приветствует это справедливое решение, а супруга Моктесумы награждает обоих борцов, которые еще несколько минут не могут отдышаться и вымолвить слово.

Пока боролись эти искусные воины, на арене происходило множество других подобных же поединков. Самыми удачливыми победителями оказались правитель Койоакана, который бросил наземь трех соперников, и молодой Наоталан, одолевший правителя Отумбы, который до этого победил двух своих соперников, в том числе Синталя, брата Наоталана.

После награждения победителей в празднестве приняли участие и многочисленные зрители. На широкой арене звать смешалась с простым людом; музыканты выводили протяжную, но бодрую мелодию, порой прерываемую резкими воинственными звуками, и начался общий танец, где самый гордый военачальник не гнушался плясать в паре с дочерью или женой землепашца или ремесленника. Водили и хороводы, где роскошные одеяния перемежались с маскарадными нарядами, веселье сменялось состоянием экстаза, и можно было только диву даваться, что в такой, казалось бы, хаотической круговерти, захватившей все касты и сословия, всех женщин и мужчин, не приключилось абсолютно никаких эксцессов, ибо это огромное скопление людей в своем опьянении безудержной радостью не выходило за рамки порядка и разумности.

В тот день монарх велел устроить обеденную трапезу у себя в ложе, и праздник продолжался до сумерек, когда Моктесума вернулся со своей семьей и испанскими капитанами во дворец, где был дан ужин в честь знатных победителей турнира.

Кортес, старавшийся делать все возможное, дабы внушить к себе уважение и заставить восхищаться испанцами, решил использовать в своих целях тот же предлог, под которым состоялось это празднество—якобы в честь возвращения супруги властелина,—и сказал Моктесуме, что испанские капитаны тоже хотели бы отпраздновать это знаменательное событие и просят у него позволения устроить на следующий день один из тех праздничных турниров, которые так популярны в его стране, и он надеется, что великий властитель со всем своим семейством почтит этот праздник своим присутствием.

Моктесума дал свое согласие, поблагодарив за приглашение, и они оба вошли во дворец рука об руку, как два старинных приятеля. При этом расположение, которое Моктесума выказывал Кортесу, не было показным. Хотя его и не покинуло убеждение в том, что ему грозят великие беды в недалеком будущем и что эти чужеземцы—посланцы и исполнители воли страшного бога зла Тлакатекотля, монарх чувствовал, как вопреки своему желанию он словно бы даже питает симпатию к Кортесу, испытывает странное влечение, в котором сочетаются такие чувства, как признание его военной доблести, отваги и светлого ума, и в то же время страх, что все эти высокие качества ему суждено видеть в своем враге.

Такие мысли одолевали Моктесуму на семейном праздничном ужине тем вечером во дворце. Суровое, мрачное выражение его лица огорчало боязливую и нежную Миасочиль, которая, не зная истинной причины, полагала, что чем-то вызвала недовольство своего супруга.

Куаутемок, который, как и она, не спускал глаз с Моктесумы, почувствовал беспокойство, видя его во власти меланхолии, а затем и встревожился, заметив впечатление, производимое чужеземцами на вдруг сникшего властелина.

Эрнан Кортес, уже не видевший ничего, что происходит вокруг, утомленный развлечениями, в которых испанцы не принимали участия, тоже притих, погружаясь в честолюбивые мечтания, обдумывая, как добиться полного успеха своих замыслов.

Тревожные думы совсем иного рода угнетали вождя-властителя Тескоко и немало волновали его душу.

Пылкий Какумацин едва владел собой, видя, что Веласкес де Леон не сводит глаз с прелестной Текуиспы, а юная дочь монарха смущается и краснеет под горящим взглядом чужеземца. Эта немая сцена жестоко ранила самолюбие и сердце тескоканца, любившего свою двоюродную сестру, которая года два тому назад была ему обещана в жены. Хотя будущий союз не вызывал у Текуиспы отвращения, Какумацин знал, что никогда его самые страстные речи не приводили юную девушку в такое смятение, какое вызывали одни взгляды этого испанца.

Властитель Тескоко испепелял глазами молодого испанского капитана, и лишь трепетное почитание Моктесумы могло удерживать Какумацина от яростного взрыва ревности.

Среди всех присутствующих, лица которых отражали то или иное настроение, только Уалькацинтла хранила величественное спокойствие.

Ее супруг Куаутемок ничего не сказал ей о тревогах великого властителя, и она не ведала, что таковые существуют. Испанцы казались ей людьми опасными, ибо поклонялись иным богам и знали то, чего не знали ацтеки; возможно, она ненавидела их за оскорбление своих богов; возможно, она страшилась, что гости уничтожат здешние обычаи, но ей еще и в голову не приходило, что они могут разрушить самое могущественное индейское государство той поры. Глубокое спокойствие царило не только в ее душе, но и отражалось на ее прекрасном гордом лице, и эта величественная невозмутимость, казалось, обращала ее в какое-то высшее, неземное существо.

Как только испанцы удалились после вечерней трапезы, Моктесума заперся в своих покоях, не промолвив ни единого нежного слова своей неутешной супруге, которая с полными слез глазами побрела к своему одинокому ложу, горестно упрекая мужа в незаслуженной обиде.

Уалькацинтла и Куаутемок, целый день не видавшие своего маленького сына, тоже ушли, спеша приласкать его, и только

Текуиспа осталась сидеть на месте, полностью отдавшись своим мыслям. К ней подошел Какумацин и взволнованно проговорил:

— О чем ты задумалась, Текуиспа? Не о дерзких ли взглядах непочтительного чужеземца и не о том ли, как я страдаю, не смея тут же наказать его?

Младшая дочь Моктесумы обернулась к нему и, махнув рукой, презрительно сказала:

— Какумацин, твои речи иногда так же неприятно слушать, как вой койота или кагуара, а твое сердце похоже на большую гору Попокатепетль¹, которая ни с того ни с сего бесится, выплевывая пламя, а потом ни с того ни с сего утихает.

— Значит, по-твоему, Текуиспа,—с негодованием воскликнул правитель Тескоко,—мой гнев может утихнуть, даже если я не покараю виновного?

— По-моему,—ответила она раздраженно,—ты поступил бы очень плохо, если бы покарал кого-то за оскорбление, которого не заметила оскорбленная, а твоя ревность гораздо хуже взглядов чужестранца.

Брови Какумацина сошлись на переносице от ярости, исказившей его лицо, но он большим усилием воли сдержал себя и сказал:

— Ты сурова со мной, Текуиспа, и, наверное, тебе следовало бы приберечь эту суровость для того, кто без всякого на то права и дозволения весь вечер преследовал тебя своим взором, не проявляя должного уважения ни к дочери великого властелина Моктесумы, ни к ее целомудрию. Но если ты не считаешь себя обиженной, если называешь никчемной ревностью мое справедливое негодование, я найду этого чужеземца и покараю его не за то, что он дерзко смотрел на тебя, а за то, что ему посчастливилось тебя не обидеть.

Ответом ему была по-детски лукавая улыбка, и молодая девушка ушла, оставив влюбленного Какумацина в гневе и растерянности.

На какой-то миг он застыл на месте, но тут же бросился вон из зала, прошептав с болью и злостью:

— Моктесума, Моктесума! Горе тебе, если чужестранцам удастся так же легко завоевать все твои владения, как сердце твоей дочери!

V

ПАРАД

На следующий день после народного празднества Эрнан Кортес решил устроить военный парад своего войска на той же самой площади, где происходил — назовем его так — индейский

¹ Попокатепетль — «Дымящаяся гора», вулкан близ г. Мехико (нава).

«турнир», и, как ранее было обусловлено, на этом смотре присутствовал верховный правитель Ацтекского государства со всей своей семьей и вождями-сородичами.

Велико было стечение народа, устремившегося к площади, чтобы увидеть праздник пришельцев. Заполнились до отказа не только скамьи амфитеатра, но некуда было ступить даже на крышах соседних домов, а лица всех зрителей выражали любопытство, смешанное с тревогой.

Испанское войско замерло в парадном строю. Во главе испанцев красовался их предводитель в блестящих доспехах, верхом на горячем жеребце, который, грызя удила, кропил всадника брызгами белой пены. Верхом на конях были и все остальные капитаны, среди которых выделялись Альварадо и Веласкес де Леон,—первый своей статностью и красотой, второй—своей мужественной и благородной осанкой. Сюда же было подвезено и несколько пушек, к которым приставили самых умелых бомбардиров; при одном лишь взгляде на эти страшные устройства среди зрителей воцарилась тишина, огромное скопище народа онемело от изумления. Когда Моктесума вошел в крытую ложу, приготовленную для него и его семьи, испанское воинство воздало ему королевские почести, а Веласкес де Леон, снова вперив взор в прелестную Текуиспу и с почтением опустив перед ней свою обнаженную толедскую шпагу, заставил своего коня делать вольты.

Умное животное, словно понимая и разделяя намерение своего хозяина, запрядало ушами, гордо затрясло густой длинной гривой и затанцевало под всадником, то медленно перебирая копытами, то приседая, то вскидывая голову и тут же кокетливо опуская ее к передним ногам.

Текуиспа побледнела от страха, испугавшись, что неведомое животное вот-вот сбросит беспечного седока, который, глядя на нее, забыл обо всем на свете. Она невольно взмахнула рукой, давая ему понять, чтобы он не уделял ей столько внимания. Этот невинный жест несканзанно польстил молодому испанцу, выразившему свою благодарность дочери монарха взглядом, смысл которого был прекрасен понят, ибо лицо очаровательной девушки теперь зарделось. В тот же миг легкий укол шпорой и быстрый рывок уздечки поднял коня на дыбы; Текуиспа вскрикнула и закрыла глаза, думая, что всадник упал.

Когда же она затем в испуге бросила взгляд на арену, то увидела его твердо сидящим в седле с улыбкой на губах и с выражением любви и благодарности во взоре. Она не могла сдерживать волнения и радости, чистые блестящие слезы увлажнили ее глаза, которые она поспешно скрыла за прядью своих черных прямых волос. Но разве может предмет любви утаить что-либо от глаз влюбленного? Веласкес де Леон заметил сверкнувшие слезинки и отдал бы десять лет жизни, чтобы осушить их ей жаром своих уст.

Кортес произвел смотр своих солдат, шеренгами промаршировавших к центру площади и замерших перед ложей Моктесумы, а каудильо стал отдавать приказы о всякого рода воинских перестроениях, за которыми мексиканцы наблюдали с вниманием и восхищением. Моктесума, Куаутемок, Куитлауак и даже Какумацин с восторгом следили за слаженными строевыми упражнениями, выявлявшими также и мастерство испанского главного военачальника, который завершил парад, отдав распоряжение произвести залпы из всех пушек и ружей, что совершенно ошеломило индейцев.

Непрекращающийся грохот заставил одних, обезумев от страха, пуститься в бегство; другие бросились наземь, закрыв лицо руками; и даже самые храбрые с большим трудом сохраняли внешнее спокойствие.

При звуках выстрелов Моктесума вздрогнул, хотя был смел, и переменился в лице, но через мгновение постарался улыбнуться и выразить удовлетворение зрелищем.

Куаутемок обернулся к Какумацину и сказал:

— Ты все еще думаешь, властительный вождь, что нам не опасны эти чужеземцы, умеющие обуздывать диких животных и отнимающие у неба таинственную силу, которая рождает огонь и высекает молнию?

Какумацин вскинул голову и высокомерно ответил:

— Если бы даже они были сынами самого Уицилопочтли, им не устроить душу Какумацина.

— Этого мало,—сказал с горькой усмешкой вождь-властитель Такубы.—Чего стоит твоя отвага, которая, конечно, не удивляет никого, в чьих жилах течет кровь Моктесумы, но чего она стоит, если ты не в силах наполнить ею сердца этих людей, которые бегут или падают ниц, заслышав гром чужого оружия.

Разговор двух молодых вождей-сородичей был прерван дурной вестью: супруга Моктесумы от ужаса лишилась чувств, а его дочери, тоже немало напуганные, послали за Куаутемоком, чтобы он проводил их во дворец.

Кортес не мог противодействовать всеобщей панике, хотя, следует сказать, он и не прилагал для этого особых усилий. Толпы народа рассеялись в течение нескольких минут, и испанское войско возвращалось в свой лагерь по пустым улицам, с которых мистический страх прогнал жителей Теночтитлана.

Кортес и кое-кто из его капитанов верхом на лошадях сопровождали паланкины верховного правителя и его семьи до ворот дворца, где они и распрощались, выразив монарху свое глубочайшее почтение и сожаление по поводу неприяжных моментов, которые они доставили его супруге и дочерям.

Войдя во дворец, Моктесума тотчас повелел служанкам увести женщин в их покои и позвать фигляров и карликов, чтобы успокоить и развлечь их, а сам удалился на свою половину, пригласив к себе вождей-правителей Тескоко, Такубы и Истапалапы.

Он почти рухнул на скамью и промолвил дрогнувшим голосом:

— Вы видели, вожди, видели, как весь наш многочисленный народ попрятался при грохоте испанского оружия, словно стая робких голубей при крике ястреба?

— Покарай их, уэй-тлатоани,— запальчиво сказал Какумацин,— покарай за такую позорную трусость, недостойную людей Ацтекского царства.

— Покарать!— воскликнул Куаутемок.— Да разве кара может родить смелость?! И почему надо называть трусостью ужас, внушенный впервые увиденным неведомым предметом? Не наказания, а ободрение, вера в свою силу нужны людям нашего государства, нам надо не наводить, а уничтожить страх; мы должны объяснить народу природу этих молний, которые, как они думают, небо дало в руки испанцев; надо, чтобы они привыкли к виду этого оружия, которое не успели и разглядеть как следует; нам следует внушить им веру в себя и в нашу разумность, а прежде всего необходимо выгнать с нашей земли как можно скорее этих чужестранцев, чье присутствие здесь уже ничем нельзя объяснить.

Моктесума качнул головой и в смятении проговорил:

— Выгнать!.. Чем они заслужили такое тяжкое оскорбление? И вы думаете, что они нам это простят? И разве боги, пославшие их в наши земли с сокрытыми для нас намерениями, которые говорят или о мудрости небесных сил или об их гневе, разве боги оставят пришельцев в беде?

— Пришельцев хранят не боги, а слабость нашего духа,— вскричал в негодовании Какумацин,— и самая большая их вина в том, что они заставили нас поверить в свое бессилие.

— Уэй-тлатоани и тлакатеуктли¹,— сказал Куитлауак.— Я не сомневаюсь в твоей мудрости, но осмелюсь дать тебе совет повелеть принести щедрые жертвы богам, а также попросить великого жреца открыть нам их волю.

— Да будет так, как сказал мой именитый брат,— ответил Моктесума и тут же распорядился сделать жертвоприношения и сообщить главному жрецу, что сегодня же к нему прибудет сам великий властитель посоветоваться о важных государственных делах.

В то время как в монарших покоях происходили эти события, испанские капитаны, оставившие в лагере свое войско, разбрелись по городу в поисках увеселений.

Одни посетили оружейные мастерские монарха, с интересом и удивлением разглядывая работы ацтекских мастеров; другие отправились гулять в дворцовые сады, куда по особому повелению им был разрешен свободный вход; некоторые катались в каноэ, скользивших по водам озера, а более любознательные

¹ Великий властелин и верховный вождь-полководец (*науа*)

с пользой проводили время, знакомясь с обычаями Ацтекского царства, навещая начальные и средние народные школы и дивясь искусству прекрасных артистов, ораторов, поэтов и хранителей легенд этой страны¹.

Совсем иным было времяпровождение Веласкеса де Леоны. Молодой испанец бродил возле дворца, размышляя над тем, как ему объясниться с Текуиспой. Сначала ему пришлось на ум выучить местный язык, но этот путь показался слишком долгим, и он решил предпринять более скорые и действенные меры, чтобы поведать ей о своей страстной любви.

Он еще шагал в задумчивости по площади, поглядывая на окна покоев младшей дочери монарха, как вдруг увидел, что верховный вождь без всякой охраны вместе с вождями-сородичами из Истапалапы, Тескоко и Такубы и своими государственными советниками выходит из дверей. Все в полной тишине сели в паланкины и направились в один из ближайших храмов.

Тогда испанец отважился подойти еще ближе к дворцу, а коль скоро сгустились сумерки, он, не замеченный никем, встал под самыми окнами Текуиспы и, вдохновляемый своим чувством, забыл о всякой осторожности: вытащил из-за пояса маленькую флейту и стал тихо наигрывать любовную серенаду, выученную им еще в детстве.

Заслышав шаги на площади, он переставал играть и прятался за одной из огромных дворцовых статуй, а когда на площади опять воцарялась тишина, возвращался к своему месту и к своей серенаде.

Однако окно не открывалось, и с наступлением глубокой ночи влюбленный молодой испанец удалился, изрядно раздосадованный своей неудачей.

Вскоре возвратился монарх. Любопытно, кто поглядел бы на его лицо, сразу догадался бы, что небесные пророчества были отнюдь не благоприятны. Видя его подавленность, с ним не решались говорить сопровождавшие его вожди, с которыми он небрежно попрощался и в мрачном настроении удалился в свои покои.

— Слова уэй-теописка², — заметил один из советников, — кажется, не сулят добра. Боль разрывает когтями сердце Моктесумы.

¹ Как отмечает Авельянеда, «народ, обладавший таким прекрасным и выразительным языком (говорит аббат Ф.-Х. Клавихеро в своей «Истории древней Мексики»), не мог не иметь ораторов и поэтов. Послы и советники изучали ораторское искусство, а отдельные сохранившиеся образцы их речей, прославляющих вождей-властелинов, свидетельствуют о точности выражений, изяществе слога и глубине мыслей ацтекских ораторов. Поэзия, судя по дошедшим до нас фрагментам, также превосходила их искусство красноречия: яркая и образная, наподобие восточной, она, кроме того, отличалась изысканностью стиля. А. Солис-и-Ривадесейра в «Истории завоевания Мексики» также упоминает об ацтекских рассказчиках и поэтах, среди которых выделялись жители города Тескоко, ибо этот город был центром древнемексиканской цивилизации».

² Уэй-теописк (теописке, *-nānā*) — великий жрец.

— Всеми виной колдовство чужестранцев,— отозвался Какумацин,— это оно поколебало его великую душу.

— Вожди,— сказал Куаутемок,— самое страшное в том, что великий властитель, погруженный в свои раздумья, позабыл, к сожалению, о важных делах Ацтекского царства. Нам надо вызвать его из необычной постыдной лени и просить его не посещать жрецов, чаще говорить со своими подданными. снова стать для всех могущественным вождем-властителем и добрым отцом.

— Не удастся тебе вернуть величие и мудрость страдающему вождю,— воскликнул Какумацин,— пока не отгонишь от его священной особы этих пришельцев, которые заставляют его терять разум, а потом заставят потерять и корону, и жизнь.

Сказал и удалился, сам того не подозревая, что его предсказание сбудется.

VI

СУДИЛИЩЕ

Настойчивые просьбы вождей-правителей и советников, а может быть, и желание самого Моктесумы, который подумал, что неплохо было бы блеснуть перед испанцами искусством мудрого правления, дабы поднять в их глазах свой престиж, пошатнувшийся из-за отсталости ацтеков в способах ведения войны, побудило монарха устроить торжественное судебное разбирательство спорных дел своих вассалов, пригласив Кортеса и его капитанов присутствовать на этой церемонии.

За час до судилища испанцы прибыли во дворец монарха, где их приняли государственные должностные лица и посвятили в некоторые особенности управления Ацтекским царством.

Такая беседа показалась Кортесу полезной, и его пытливые расспросы давали сановникам повод пускаться в пространные объяснения.

— Законы, с помощью которых наши короли управляют своими многочисленными подданными,— сказал Кортес,— это законы писанные, и потому они переходят от властелина к властелину, из века в век. А каким образом вы сохраняете свои законы и продлеваете их действие?

— Хотя премудрости нашей,— ответил Уаколан, самый старший из должностных сановников,— не хватает, чтобы понимать знаки, которые вы называете буквами, у нас есть другие, которые их заменяют и посредством которых мы сообщаем нашим внукам о своих вождях и прославленных военачальниках, о памятных событиях, свидетелями коих мы являемся. Знаки, о которых я говорю, не похожи на ваши, и мы не умеем рисовать их на

холсте или на иксотле¹ с такой быстротой, с какой это делаете вы на тонких листах, называемых «бумага». Но наши письма схожи с вашими по употреблению и назначению, и они хорошо служат нам для прославления людей и подвигов, достойных вечной памяти.

Если же говорить о наших законах, то мы никогда и не помышляли о том, что их надо записывать. Наши предки передали законы нам устно, и наш долг — передать их нашим потомкам, ибо традиция — гораздо более прочный памятник, чем все выдуманные знаки для заключения слова в форму. Кроме того, мы думаем, что не должны существовать неизменные законы: они не могут охватить все проявления жизни, и лишь мудрость властителей должна судить праведно и выявлять дурное там, где поначалу все кажется безупречным. Поэтому мы даем нашим вождям право менять обычаи, если того требует справедливость.

— Мы верим, — продолжал Уаколан, — что мудрость богов просветляет разум вождей. Но мы понимаем, что один человек не может управлять всеми городами большого царства, и мы признаем необходимость того, чтобы он призывал на помощь знатных людей, прославивших себя честностью, талантами и опытом. И потому у нас есть много государственных сановников с разными правами и обязанностями: один заботится об общественной казне и имуществе великого властителя, другой ведает судебной деятельностью; третий следит за состоянием войска, поощряя или наказывая воинов; четвертый наблюдает за торговлей и доставкой продовольствия городам. Высший совет возглавляет вождь-властитель. Этот Совет состоит из самых родовитых старейшин Совета ораторов, выбравших великого властителя, а также включает вождей-властителей Тескоко и Такубы, которые наследуют право быть членами Высшего совета.

— Кроме того, — подробно разъяснил Уаколан, — у нас есть много всяких судов. В главных городах Царства ацтеков вы найдете советы племени, наделенные большой властью и охраняющие установленный порядок. Племенному совету подчиняются нижестоящие судьи, которые рассматривают гражданские и уголовные дела в качестве первой или последней инстанции: в делах обыкновенных их приговор не подлежит обжалованию; по делам особой важности можно обращаться в Племенной совет. Кроме упомянутых судов, в царстве есть и другие, призванные обеспечивать безопасность в нашем обществе и преследовать воров и смутьянов, следить за чистотой улиц и выполнением общественных работ, посылать и защищать почтовых гонцов², а также

¹ Иксотль (или аматль — *науа*) — тончайший срез древесной коры, называемый в современной Мексике «амате», с иероглифами или рисунками.

² В Ацтекском царстве была почта — при помощи гонцов распоряжения правительства доставлялись в самые отдаленные области. За нападение на гонца или его задержку в древней Мексике подвергали жестоким наказаниям.

имеется один суд, специальное назначение которого — наблюдать за деятельностью школ, ибо у нас много разных школ — бесплатных для простого люда и учебных заведений для детей сановников, а также школ для девочек, за которыми присматривают образованные наставницы.

Кортес был явно поражен словами старейшего ацтекского сановника и сказал, не скрывая своего восхищения:

— Ваше государственное устройство меня изумляет, оно представляется столь же разумным, сколь гармоничным. Мне хотелось бы лишь знать, за какие преступления ваши законы карают смертной казнью.

— За ничем не оправданное воровство, — ответил Уаколан, — за мятеж или за проявление непочтения к великому властелину, за оскорбление богов, за раздоры между государственными распорядителями и служителями, за прелюбодеяние, за убийство и беспробудное пьянство. Мы строго наказываем и тех, кто допускает кровосмесительные связи близких родственников, кто покушается на целомудрие и свершает гнусное насилие, особенно если это жрецы, а также караем того воина, который из трусости или по нерадивости теряет в сражении священное знамя Ацтекского царства.

— В каких же целях устраиваются вот такие экстраординарные судилища, на одном из которых мы сегодня будем присутствовать, — спросил Кортес, — если за соблюдением порядка и справедливости постоянно присматривают компетентные суды?

— На таких судилищах, — пояснил старый сановник, — великий властитель сам выслушивает жалобы своих вождей-данников. Иначе как ему знать, правильно ли выполняют свои обязанности и его повеления государственные сановники?

— Однако, — возразил испанец, — я слышал, как ваши многие знатные господа жаловались на деспотизм и своеволие Моктесумы.

— Многие тлатоани, — отвечал старец, — высокомерны и заносчивы и держат в сердце зло на своих правителей, чье правосудие строго карает их за дерзостные поступки. Но более всего им не нравится, что ныне они справедливо лишены привилегии облагать огромными податями своих данников и обязаны платить дань великому властителю. Раньше, во времена войн, знатные тлатоани требовали от своих данников поставлять воинов для войска Ацтекского царства. Теперь же они сами должны по очереди лично приводить воинов во дворец для защиты царства и платить верховному вождю твердо установленные подати для пополнения государственной казны. Размер податей определяется в соответствии с величиной их земельных владений, наследственных или приобретенных. С торговцев и ремесленников также взимаются налоги за продаваемые на рынке товары и всякие изделия, а те, кто занимается доходным делом или промыслом,

тоже облагаются небольшим налогом на свой заработок или любое полученное вознаграждение.

— Имеют ли у вас низшие слои населения право собственности на землю? — спросил Кортес.

— Да, хотя и иного рода, чем знатные тлатоани, — ответил его собеседник. — Земли Ацтекского царства поделены между великим властителем, знатью, жрецами и народом. Первые наш властитель также предоставляет в аренду по собственному усмотрению придворным служителям. Вторые — передаются по наследству; третьи навечно закреплены за храмами, а четвертые, то есть земли народные, распределяются между семьями согласно числу членов семьи. Несколько семей составляют общину, по-нашему называемую «альтепетлальи», которая не может отчуждать полученную землю, ибо ее земельные владения, неотъемлемые и неделимые, предназначены для обеспечения существования общины.

Обрабатываются такие земли сообща, как собственные, теми семьями, которые составляют эту общину-альтепетлальи. Урожай хранится в общественных житницах, выдается и распределяется частями, под присмотром сановника, ведающего государственной казной, в зависимости от нужд каждой семьи¹.

— Именно эта часть народа, — спросил Кортес, — является самой бедной и покорной в Царстве ацтеков?

— Отнюдь нет, — ответил Уаколан. — Наше общество весьма многослойно. Кроме упомянутых тлатоани, знатных господ, владеющих огромными земельными угодьями и долгое время бывших почти независимыми, есть люди, не относящиеся к родовой знати, но тоже называемые господами, «теуктли»². К ним относятся члены общинных советов и все, кто занимает важные посты в царстве. Их сыновья в большинстве своем становятся военачальниками и жрецами. К ним нередко причисляют и знаменитых поэтов и артистов, а также тех, кто имеет большие заслуги перед государством и удостоен подобной чести великим властелином.

Есть и другие касты свободных и уважаемых, хотя и не относимых к благородным, людей. Это — ремесленники, торговцы и другие, а ниже их стоят упомянутые общины-альтепетлальи, состоящие из семей земледельцев-масеуалей. Еще ниже — домашняя прислуга, а также носильщики-тамеме и те, кто занят на общественных работах. Значительная часть последних — рабы, ибо в Ацтекском царстве на такую жалкую участь обречены в основном военнопленные, почему-либо не принесенные в жертву. Этот самый низший слой населения пополняется и за счет детей, добровольно проданных своими родителями в рабство.

¹ Эти и остальные данные о государственном устройстве почерпнуты автором у Робертсона, Клавихеро, Солиса и других испанских хронистов.

² Теуктли — господин, именитый человек (*nava*).

Однако продажа происходит не иначе как с согласия того, кого продают: он должен достичь определенного возраста для выражения свободного волеизъявления.

— А разделяют ли дети рабов,— спросил Эрнан Кортес,— страшную судьбу своих родителей?

— Нет,— ответил сановник.— Каждый человек у нас рождается свободным. Сын раба не раб, и если какой-нибудь негодяй откажется обращаться с ребенком— будь это его сын или нет,— как с рабом, он в наказание лишается собственной свободы.

— А имеет ли хозяин право на жизнь и смерть своего раба?— поинтересовался испанец.

— Только беглый или строптивый раб, который трижды и при свидетелях был наказан хозяином, может быть помечен позорным клеймом и продан с публичных торгов. Если у нового хозяина он ведет себя так же скверно, тогда его можно продать храму для жертвоприношения. Однако раб, виновный во многих грехах, от них освобождается, если ему удастся переступить порог дворца великого властелина.

— Я хотел бы знать,— сказал Кортес,— кто из вас имеет право выбора верховного вождя и какими качествами надо обладать, чтобы добиться чести быть избранным.

— Право выбирать издревле принадлежит всем самым знатным тлатоани,— отвечал советник,— и наш великий властитель, тлакатеуктли, избирался большинством голосов. Но теперь имеется лишь шестеро выборщиков. Вожди-властители Такубы и Тескоко обладают наследственным избирательным правом, а остальные четверо представляют старейшин из числа высшей знати племен.

Чтобы стать верховным вождем, любому благородному вождю нашего царства достаточно прославиться своими великими достоинствами и деяниями. Однако, отдавая дань уважения семье давно усопшего великого властителя¹, обычно избирают кого-то из числа властительных вождей его крови. Но не играет роли, приближен ли этот человек к трону или нет; предпочтение отдается не степени родственной близости, а его личной доблести и заслугам, и самый достойный родственник монарху вождь всегда имеет первейшее право на корону.

— Как я понимаю,— заметил Кортес,— крупнейшее войско может собрать в своих владениях властитель вашего царства.

— Тридцать вождей-данников Моктесумы,— ответил Уаколан,— могут выставить для сражений по сто тысяч воинов каждый.

Едва он успел произнести эти слова, как явились начальники дворцовой стражи сообщить, что судилище начинается, и испанцев торжественно ввели в большой зал, где должна была состояться назначенная церемония.

¹ Видимо, речь идет о правителе ацтеков Ицкоатле (20-е гг. XV в.), возглавившем «Союз трех городов»: Теночтитлан, Тескоко и Такубу, то есть Ацтекское царство.

Этот зал считался одним из самых просторных помещений колоссального монаршего дворца и произвел на Кортеса большое впечатление своим богатым убранством и великолепной отделкой.

Узорчатые ковры из перьев драпировали стены, а деревянные резные потолки и мозаичные полы являли подлинные произведения искусства; широкие окна струили свет сквозь белый прозрачный полог гардин, которые свисали с золотых, инкрустированных драгоценными камнями карнизов.

В зале для вождей царской крови и знатных тлатоани, присутствовавших на судилище, стояли полукружьем скамьи из красного дерева, а впереди них возвышался монарший трон, покоившийся на распростертых крыльях четырех золотых орлов. Золотым был и сам трон, а сиденье и спинку окутывало мягкое покрывало из меха горностая. Над троном на тонких столбиках из яшмы покоился серебряный навес, увенчанный золотым орлом; из яшмы же были высечены и ступени, ведущие к трону, а также два огромных оскалившихся тигра, протянувших когтистые лапы у подножья лесенки.

По бокам трона были поставлены шесть роскошных диванов для выборщиков верховного вождя, а позади полукругом расположились мягкие скамьи для советников и сановников. Здесь же были столы и табуреты для писцов, которые вели иероглифическую запись наиболее важных диалогов.

Моктесума поднялся на трон, опираясь на руки вождей-властителей Тескоко и Такубы, и, приняв величественную позу, старался скрыть подавленное состояние духа.

После него заняли свои места все остальные. Кортес со своими капитанами сел на скамью среди приглашенных.

Вскоре прибыли и жалобщики, которые, входя в зал, разувались и обращались к монарху со столь продолжительными ритуальными приветствиями, что испанцы начинали терять терпение.

Явилось немало племенных вождей со своими претензиями и обвинениями. Вождь из Уакачулы обвинил вождя из Исукана в грабежах и злодеяниях, ибо тот разрешил своим данникам воровать и бесчинствовать на его землях.

Вождь из Исукана отметал все обвинения, говоря, что вождь из Уакачулы постоянно его оскорбляет и объявляет своим врагом, вынуждая, таким образом, совершать набеги, чтобы отомстить за обиды. Вожди из горных областей сетовали на то, что вожди из долин враждебно к ним относятся, а вожди из долин, в свою очередь, упрекали вождей с гор. И столько шло индейцев на это судилище, взывая к справедливости и восстановлению истины, что затянувшаяся надолго процедура стала утомлять испанцев.

Тем не менее они не могли не отдать должное тому вниманию и терпению, с каким Моктесума выслушивал всех просителей, благодушно ободряя смущающихся и теряющих дар речи

и вынося свои приговоры гвердо и обоснованно. В случаях, казавшихся ему неясными или сомнительными, он обращался к своим советникам и, хотя часто пренебрегал их мнением, всегда выслушивал их с витимым уважением.

Судебному разбирательству не вино было конца, и Кортес уже подумывал, к какому прибегнуть оправданию, дабы покинуть судилище, когда вдруг в зале появился юноша привлекательной наружности, который, выполнив все правила этикета, сказал без тени смущения, обуревавшего других просителей:

— Тлатоани! Нотлатоакцин! Уэй-тлатоани!¹ Твой скромный данник Симпацин, сын Куальпопоки, просит снисходительно его выслушать, но, поскольку известие, которое он имеет честь до тебя донести, очень важное и тайное, он умоляет тебя выслушать его наедине или вместе с твоими советниками и сановниками.

— Говори, — сказал монарх. Чужестранцы, которые здесь присутствуют, равно что члены моего семейства, и я питаю к ним полное доверие.

Юноша бросил быстрый гневный взгляд на испанцев и, опустив голову, продолжал молчать.

— Говори, — повторил не допускающим возражения тоном монарх.

— Не могу, — решительно сказал юноша.

Ярость темным облаком скользнула по лицу Моктесумы, но прежде, чем он успел выговорить слово, один из советников отважился, не без страха, обратиться к нему и заметить, что, может быть, этот юноша хочет пожаловаться великому властелину на такое унизившее его оскорбление, о котором благородный человек может поведать только богам и своему великому вождю, и было бы слишком жестоко предавать гласности его позор.

Подобный аргумент, видимо, смягчил душу монарха, но, не желая показать, что его решение прежде всего относится к испанцам, Моктесума велел выйти также всем своим советникам и сановникам и остался наедине с Симпацином. Юноша ждал, напряженно прислушиваясь к затихавшим шагам, и, лишь убедившись, что люди уже далеко и не могут его слышать, низко склонился перед троном:

— Уэй-тлатоани, — сказал он, твой скромный данник Куальпопока, командующий войском на границе у Семпоалы, послал меня к тебе с важным сообщением. Великий властитель, чужестранцы, которым ты оказываешь гостеприимство при своем дворе, коварные люди, призывающие к мятежу против тебя; желающие вызывать раздоры среди вождей, твоих данников, и принизить твое величие. Испанцы создали свое поселение на подвластных тебе землях и, пользуясь твоей добротой и своей

Такая форма обращения к Моктесуме была обязательной, она означала «Господин! Мой господин! Великий господин!»

безнаказанностью, подстрекают вождей к бунту, поддерживают своим оружием те горные племена, которые по их совету отказываются платить установленную тобой дань. Тотонаки, всегда готовые угодничать перед другими и бунтовать против тебя, до того возгордились помощью чужестранцев, что стали называть тебя завоевателем чужих земель и так враждебно встречать твоих воинов, что Куальпопока посчитал необходимым войти в их селения с оружием в руках. Испанцы приютили в своем поселении тех мятежников, которые бросили свои дома. И хотя мой отец не решился покарать их за дерзость без твоего позволения и не стал их преследовать, испанский капитан осмелился послать к нему своих солдат с суровым порицанием за справедливое наказание тотонаков.

Юноша было запнулся, увидев, как изменился в лице Моктесума при его словах, но, заметив нетерпение монарха, продолжал:

— Мой отец ответил, что подчиняется только приказам и пожеланиям своего великого властелина и что не проявил бы должного нижайшего почтения к твоей особе, если бы не покарал тех, кто восстал против тебя. Отправив испанских солдат назад с таким ответом, Куальпопока решил послать меня к тебе, чтобы известить о гех беспорядках, которые учиняют чужеземцы, не считаясь с твоей властью, и чтобы испросить у тебя позволения наказать их. Но когда я уже уходил, гонец принес весть, что испанцы вместе с мятежным войском тотонаков сами выступили против твоих войск и намерены начать сражение.

Вторично умолк юный гонец. Лицо Моктесумы во время его рассказа то багровело, то бледнело, а когда рассказ был окончен, монарх не проронил ни слова, но волнение его не улеглось,— словно бы два противоположных желания боролись в его душе.

— Иди,— сказал он наконец Симпацину,— и никому не говори о том, о чем известил меня.

Моктесума тотчас созвал своих сановников, велел им объявить, что суд на сегодня окончен, и, одолеваемый мрачными думами, заперся в своих покоях, куда позже призвал только одного Уаколана, своего любимого советника, для тайной беседы.

— Мой верный служитель,— сказал ему монарх задумчиво и печально,— прошло уже много дней, как свет не радует мои глаза, сон не смыкает мне веки, а еда не услаждает меня. Порой прозрение нисходит к властелинам, сердцу моему стали ведомы страшные вещи. Голос, которого не слышит ухо, но который эхом отдается в самых глубинах моей груди, не перестает говорить мне, что время моего правления кончается. Но не это терзает мне душу и губит мое тело.

Корона — тяжелая ноша для головы, а не украшение,— продолжал монарх,— рука Моктесумы может держать скипетр с достоинством, но может и отдать его с радостью. Если небо мне

укажет человека, более достойного управлять вами, чем я, и если мне будет дано знать, что под его властью вы станете могущественнее и счастливее, я сам бы дал вам нового верховного вождя, и он получил бы корону из моих рук. И не это меня страшит, а другое, гораздо большее бедствие. Давным-давно пророчества возвестили о гибели великого Ацтекского государства, всякое иное несчастье не могло бы сломить сильный дух Моктесумы. Только бог зла Тлакateкотль, который, наверное, карает нас за какой-то тяжкий проступок наших предков, может открыть нам меру тех бед, которые он нам готовит. Пойди, поговори с жрецами-теописками этого страшного бога, Уаколан, и дабы его умиловать, надо принести ему в жертву кровь и золото. В ожидании твоего возвращения я буду молиться и просить небесные силы сжалиться над моим народом и обрушить на меня одного всю тяжесть своего недовольства.

Уаколан пошел исполнить повеление монарха и вскоре вернулся, поникший и сумрачный. Моктесума, на том же месте и в той же позе, истово и молча молился. Открыв глаза и взглянув на лицо советника, он грустно покачал головой и проронил с горькой усмешкой:

— Можешь ничего мне не говорить, твоя печаль уже все сказала.

— Тлатoани,— сокрушенно обратился к нему Уаколан.— Бог не внемлет никаким заклинаниям. Но теописки видели тысячи знаков, указавших, что этот бог сильно на тебя гневается.

— Я это знал! — со стоном выдохнул Моктесума.

— Уэй-тлатoани, Нотлатоакцин! — продолжал сановник — Прежде всего в тебя, а не в твой народ метит неумолимое божество стрелы своего гнева, и я на коленях молю тебя покинуть Теночтитлан и не подставлять себя под первые удары возмездия. В Теночтитлане тебе грозит смертельная опасность. Не жди ее, тлатoани; когда ты окажешься в надежном укрытии, у твоих вождей-данников будет время смягчить ярость божества молитвами и жертвоприношениями.

— Нет! — сказал Моктесума, величественно поднявшись и словно бы вдруг снова обретя былую уверенность в себе.— Пусть приходят беды, пусть небо обрушится на мою голову, это не повод для того, чтобы мне обращаться в бегство!

Однако тут же уныние снова охватило его душу, он тихо добавил:

— Да спасется мой народ! Боги, сжальтесь над ним, помилуйте прежде всего стариков, детей и женщин, которые не могут защитить себя¹.

Умолкнув, он почти упал на трон, его побледневшие щеки увлажнились слезами.

¹ По утверждению Авельянесы, этот ответ Моктесумы исторически верен

Уаколан встал на колени и заплакал вместе с ним.

— Тлатоани,—воскликнул он,—только прикажи рабу твоему: нег такого опасного и невозможного действия, какого я бы не свершил, чтобы облегчить твои страдания.

— А что мы в силах сделать?—сказал с отчаянием в голосе Моктесума. — Что мы можем сделать, глупец, если нас оставили боги?

VII

ПЛЕНЕНИЕ МОКТЕСУМЫ

Было пять часов вечера 22 декабря, когда Кортес, несколько дней подряд не покидавший предоставленный ему дворец и казавшийся более задумчивым и озабоченным, чем обычно, получил от своих часовых сообщение, что два тласкальских воина добрались под видом местных земледельцев-масеуалей до дворца и убедительно просят принять их.

Он велел привести тласкальцев и взял у них письмо из муниципалитета города Веракрус, извещавшего его о том же самом, о чем юный Симпацин несколько дней назад рассказал Моктесуме, а также сообщавшего об исходе сражения между испанским и индейским войсками. Эскаланте, командовавший испанцами, вынудил индейцев отойти с поля боя к ближайшему поселению и, открыв по ним вдогонку ружейный огонь, многих положил на месте. Но победа дорого досталась испанцам. Капрал по фамилии Аргуэльо был ранен и взят в плен, а сам Эскаланте и несколько солдат умерли от ран, полученных в схватке.

Кортес был очень раздражен безрассудством Эскаланте и ощутимыми потерями испанцев и в секретном послании известил о происшедшем своих капитанов, предупредив, что солдатам знать о случившемся пока не следует.

Эта ночь оказалась для Кортеса такой же тревожной, какими для Моктесумы были все ночи с тех пор, как испанцы появились в долине Анауак.

Уже многие сутки каудильо, уставший от безделья, рвавшийся претворить свои планы в жизнь, но соблюдавший осторожность, призывал на помощь всю свою находчивость и изобретательность, чтобы найти такой выход из положения, который разом помог бы ему покончить со всеми сомнениями и колебаниями.

Известно, что в тот же самый день или накануне Кортес открыл в одной из недавно замурованных комнат своего дворца большие сокровища, принадлежавшие Моктесуме, и что лицемерие таких богатств было не менее мощным стимулом, чем все прочие, чтобы решиться во что бы то ни стало осуществить отчаянно смелую затею.

Как бы там ни было, но в эту ночь ни на минуту не смыкались его воспаленные веки. И если бы кто-нибудь увидел его, то меряющего широкими шагами просторные покои, то часами погруженного в глубокое раздумье, вполне мог бы предположить, что какая-то рискованная и гигантская авантюра зреет в его кипучем мозгу.

На рассвете Кортес созвал на совет капитанов, и они тотчас явились.

— Соратники! — сказал он. — Те индейцы, которые недавно сражались с нашими солдатами, узнали, что мы, испанцы, не бессмертны. Достоверные сведения, которыми я располагаю, говорят, что Моктесума нас боится куда больше, чем почитает, и что вожди его крови выражают ему недовольство по поводу того, что он разрешает нам столь долго оставаться в столице его царства.

— Действительно, — продолжал каудильо, — нас, так называемых посланцев короля, они выслушали, и мы получили ответ, и больше нам не сыскать никакого правдоподобного предлога, чтобы оправдать свое дальнейшее здесь присутствие. События же, развернувшиеся под Веракрусом, должны вызвать явное озлобление индейцев и, может быть, ослабить страх Моктесумы. Вне всяких сомнений, самое меньшее зло, какого нам следует от них ожидать, это получение приказа об оставлении Теночтитлана, если ацтеки не захотят проучить нас более жестоко за враждебные действия со стороны покойного Эскаланте. Таким образом, мы стоим перед неизбежным выбором: полностью отказаться от своих надежд и вернуться назад тем же путем, который так счастливо для нас начинался, или... сделать большой, энергичный, решительный шаг вперед, который даст нам возможность с честью и славой выйти из этого опасного положения и, конечно, приблизит к достижению наших желанных целей.

Кортес умолк, ожидая, что предложат его друзья, заведомо зная, однако, что будет осуществлять только свое собственное решение.

— Могут ли быть тут сомнения? — сказал рассудительный Луго. — Если воля Моктесумы такова, чтобы вышвырнуть нас из своих владений, то разве хватит у нас сил сопротивляться? Я не вижу никакой иной возможности уладить с честью дело, как только уйти самим, дабы нас не выгнали с позором. Я считаю, что сегодня же надо вежливо распрощаться с Моктесумой и поспешить в Веракрус, где смерть Эскаланте требует присутствия нашего главного капитана.

Алчный Сандоваль счел самым правильным тайно покинуть Теночтитлан, чтобы беспрепятственно увезти с собой все драгоценности; Веласкес де Леон, Альварадо и другие высказали предположение, что все-таки лучше остаться, не подавая вида, что им известно о сражении под Веракрусом, и ждать решения Моктесумы.

Кортес выслушал всех с видимым вниманием, а затем сказал, что, хотя он уверен в их благоразумии и одобряет призыв к осмотрительности, отступление можно рассматривать лишь как полное крушение всех надежд, как признание своей слабости, подрывающее их престиж, что, в свою очередь, может разрушить дружбу, которой — больше из страха, чем из любви, — их удоставляют союзники-индейцы. Он, казалось, склонялся к мнению тех, кто хочет остаться, однако подчеркнул, что в этом случае они натолкнутся на большие трудности, которые им станет чинить Моктесума.

— Соратники, друзья! — вдруг воскликнул он, словно прервав свои размышления вслух, встав и воинственно выпрямившись; лицо его светилось таким вдохновением, что все невольно затаили дыхание. — Соратники, друзья! — повторил он, как клич. — Только отважный и неожиданный шаг спасет и возвеличит нас или поможет нам умереть достойно и славно. Надо, чтобы Моктесума стал нашим пленником.

Он умолк, но от изумления никто не проронил ни слова.

Воспользовавшись произведенным впечатлением, Кортес продолжал:

— Судя по вашему молчанию, у вас нет возражений против моего дерзкого, но ограждающего нас от бед и почти неизбежного плана действий. Согласие нарушено, и в этом мы должны винить индейцев. Эскаланте, Аргуэльо и другие испанцы убиты, и за их смерть мы должны спросить с индейцев. Если их император окажется в наших руках, это сделает нас непобедимыми; и сам император, и его вассалы должны будут принять условия капитуляции, которые мы им предложим.

— Риск велик, — закончил Кортес, — но и слава будет великой. Это трудное дело, чрезвычайно трудное, но Бог до сих пор нас миловал и не оставит в тяжелую минуту. Так что, доблестные капитаны, велите приготовить темницу, достойную ацтекского императора, который с помощью Всевышнего займет ее через несколько часов.

С этими словами он вышел из зала. Сила его воздействия на сотоварищей была, как всегда, такова, что все они шумными возгласами одобрения встретили его план, минутой раньше казавшийся им бредом сумасшедшего.

В то время как в стане испанцев зрели эти замыслы, Моктесума посещал храмы и советовался со жрецами, но не мог подавить глубокую тревогу.

Он так осунулся и пал духом, что перестал походить сам на себя. Тяжкие думы преждевременно посеребрили ему волосы, а его живые выразительные глаза потускнели и, казалось, ничего не видели вокруг.

Вернувшись к полудню во дворец, Моктесума направился было один в свои покои, где часто запирался в последнее время, когда ему вдруг доложили о появлении Кортеса. Вождь-

властелин, как всегда, учтиво встал, встречая испанского военачальника, но бессонница и душевное беспокойство так его изнурили, что он тут же снова без сил опустился на скамью.

Испанца сопровождали переводчики и несколько капитанов,— все, как обычно, вооруженные до зубов,— а по дворцу разбрелись многие из его самых верных солдат, которые гурьбой и словно бы из пустого любопытства пришли вместе со своим предводителем.

Войско индейцев-тласкальцев и отряды испанцев были готовы к военным действиям; на улицах, ведущих от места пребывания Кортеса и до дворца Моктесумы, были выставлены их посты.

Ни об одном из этих враждебных приготовлений не было известно Моктесуме, и после того, как испанские гости расселись, он, как обычно, повелел всем слугам уйти из зала и остался один с Кортесом и его соратниками.

Не дожидаясь, пока произойдет, согласно этикету, обмен любезными фразами, Кортес начал речь. Он с видом глубочайшего разочарования стал выражать горькие сожаления по поводу того, что нарушен мир, в чем жестоко упрекал Куальпопоку, требуя публичного искупления гибели Эскаланте и Аргуэльо, а также воздаяния за оскорбление короля Кастилии в лице его посланцев.

Моктесума, приведенный в полное изумление и замешательство дерзкими словами, обращенными к нему, некоторое время хранил молчание, а затем, сделав усилие, чтобы обрести или, по меньшей мере, выказать спокойствие, ответил:

— Мир нарушен не по моему приказанию и не с моего согласия: заверяю тебя в том с чистой совестью, такой же чистой, как небо под светлым солнцем. И если Куальпопока совершил против вас преступное действие, я обещаю тебе покарать его со всей строгостью.

Моктесума тут же призвал вождей-военачальников и распорядился взять Куальпопоку под стражу, дабы получить от него ответ на обвинения, выдвинутые испанским послом. И снова обернувшись к Кортесу, как только ушли ацтекские воины, добавил:

— Я никогда не позволю усомниться в нерушимости моего слова и не потерплю оскорбительной мысли о том, будто я могу отплатить злом за проявления дружбы со стороны вашего властелина.

— В мои намерения вовсе не входило нанести Вашему величеству такую немислимую обиду,— живо отозвался Кортес.— Я абсолютно уверен в вашей непричастности к тем оскорбительным действиям, о которых я тут говорю. Но этой уверенности нет у моих солдат, и я не в силах переубедить их, если Ваше величество не даст нам публичного и торжественного удовлетворения, которое одновременно послужило бы доказательством уважения и доверия к нам.

— Но какое же большее удовлетворение я могу вам дать, — сказал Моктесума,— чем то, что я приказал взять под стражу и судить моего военачальника, которого вы обвиняете?

— Я сомневаюсь,— ответил Кортес,— что этот суд будет по душе могущественному королю, которого я здесь представляю. И я думаю, что во славу его величия и величия вашего вы должны представить публичное, большое, не подлежащее сомнению свидетельство того, что все слухи ложны, слухи о нарушении нашего мирного соглашения именно по вашему приказанию. Не допуская и мысли об этом,— настойчиво продолжал Кортес,— я умоляю Ваше величество оказать мне такую милость и переселиться на несколько дней в предоставленный мне дворец, пока Куальпопока не понесет заслуженной кары и, таким образом, не останется никаких сомнений в том, что вы, как император, действительно осуждаете его поступок, оскорбивший власти.

Кортес замолчал, а Моктесума от неожиданности и возмущения потерял дар речи и словно окаменел, но спустя минуту пришел в себя, встал и яростно воскликнул:

— Вожди моей крови скорее умрут, чем обесчестят себя! И даже если бы я унизил свое достоинство до такой степени, чтобы стать вашим пленником, мои подданные не допустят такого подлого смирения с моей стороны! Вы об этом подумали?

Кортес отнюдь не потерял самообладания и бесстрастно ответил, что ему и в голову не приходила подобная абсурдная мысль, как пленение монарха в его собственном дворце: если и предлагается его временное переселение в тот самый дворец, который предоставлен Кортесу и который не раз служил резиденцией самому императору, то лишь затем, чтобы оказывать ему еще большее внимание и уважение. К тому же он, Кортес, как представитель самого великого императора земли, не считает недостойным оказать гостеприимство в своем жилище другому императору, которого клянется почитать по достоинству.

Слушая Кортеса, Моктесума снова опустился на скамью; он был столь поражен и разгневан невиданной наглостью чужеземца, что, казалось, не мог найти сил для ответа.

В роли толмача, переводившего великому властителю все, что говорил Кортес, выступала молодая индейка, которая, приняв после крещения имя Марина, всюду сопровождала Кортеса, прислуживая ему на людях для общения с индейцами и ублажая его наедине отнюдь не в качестве прислуги. Заметив, что Моктесума не склонен проявлять послушание, она шепнула ему:

— Тлатоани, я одна из твоих подданных и не могу желать тебе зла; они мне доверяют, и я знаю их намерения. Уступи, умоляю тебя ради спасения твоей жизни и спасения всех твоих вождей-данников от великих бед.

— Нет, нет,— пробормотал упавшим голосом Моктесума.— Это позор!

Тут поднялись со своих мест, проявляя нетерпение, испанские капитаны; один из них сказал:

— Чего мы медлим? Пусть идет с нами или прикончим его.

Тон и жест говорившего заставили Моктесуму понять смысл слов. И здесь — после многих бессонных ночей и томительных дней — в его больном воображении всплыли и смешались все собственные предчувствия, все слышанные пророчества. Ему виделось, что на него низвергается гнев богов, что он избран жертвой для искупления какого-то неведомого и страшного преступления предков. Едва слышно Моктесума проговорил:

— Довольно! Да исполнится воля богов. Я готов идти с вами.

Он велел позвать слуг и подать паланкин, а приглашенным сановникам сказал, что дела государства вынуждают его сменить на несколько дней свое местопребывание, для которого он выбрал дворец, где обитает Эрнан Кортес. Он также распорядился объявить всем своим подданным, что это решение отвечает его намерениям и его собственной воле. И вышел немедленно, опершись на руку одного из вождей-военачальников, не простившись с дочерьми, не взглянув на вождей-сородичей, пройдя сквозь строй своих ошеломленных телохранителей, мимо опешивших сановников.

Моктесуму несли в паланкине носильщики-тамеме, испанцы шли по бокам, сзади скорбно плелись слуги монарха.

Народ, толпившийся на улицах и впервые видевший удивительное зрелище — своего великого властителя в паланкине без пышной свиты и в окружении чужестранцев, — стал проявлять признаки беспокойства и шуметь. Моктесума, заметив это, постарался придать своему лицу безмятежное выражение, а легким движением руки призывал к тишине всякий раз, когда раздавались тревожные крики.

Так, безо всяких происшествий, он прибыл в стан испанцев. Так был пленен горсткой людей, среди бела дня, в центре Ацтекского государства, в своем собственном дворце этот могущественный монарх.

История прошедших веков не знает другой подобной дерзостной акции, никогда жертва, в чьих жилах текла королевская кровь, не роняла со своей головы священную корону так тихо и легко.

VIII

В СЕМЬЕ ВЕРХОВНОГО ВОЖДЯ

Когда произошло пленение Моктесумы, во дворце не было никого из родственных вождей, но весть об этом событии быстро распространилась и долетела до них.

Не желая верить слухам, но заметно встревожившись, они бросились ко дворцу монарха. Все, кого они встречали по дороге, были явно взволнованы; лица людей выражали страх и растерян-

ность. Леденящие душу слова «Великий властитель взят в плен» слышались со всех сторон среди плача и воплей. Войдя во дворец и увидев царившее там смятение, они убедились, что приключилось несчастье.

Супруга, дочери и рабыни Моктесумы наполняли дворец пронзительными криками, юные сыновья монарха, катаясь по полу, громко плакали и рвали на себе волосы; советники и сановники ходили по дворцу как потерянные, стараясь в то же время сдерживать телохранителей, которые подняли дикий шум, требуя отмщения.

При виде вошедших вождей Тескоко, Истапалапы и Такубы индейцы воспряли духом. Из толпы воинов, окруживших вождей-сородичей, выступили вперед братья Наоталан и Синталь — сыновья Куальпопоки, командовавшие большим отрядом стражей.

— Именитые вожди, — сказал первый, — священная особа Моктесумы смертельно оскорблена чужестранцами, а его сановники желают, чтобы наши руки бездействовали, тогда как великий властитель томится в плену у своих злейших врагов.

— Испанцы, которые остались за пределами земель Теночтитлана, — добавил второй, — призывают народы к мятежам, клеветуют на вожда-властелина, оскорбляют его военачальников... Об этом шесть дней тому назад сам Моктесума узнал из уст нашего брата Симпацина, который пришел сюда по велению нашего отца, храброго Куальпопоки. Им было мало неотмщенных преступлений, и они первыми напали вместе с мятежниками на войска Ацтекского царства и обратили в прах селение, где укрылись наши воины. Одних этих враждебных действий хватает, чтобы им отомстить, а их новое страшное преступление требует теперь жестоко покарать виновных. Вожди, вы должны повести нас, и да свершится месть!

— Да свершится месть! — яростно вскричал Какумацин. — В один день мы расправимся с подлыми и коварными чужаками, которые злом отплатили нам за добро. Никому не уступит Какумацин честь положить в храм Уицилопочтли головы этих чудовищ.

— Да свершится месть! Месть! — катилось вдаль незамирающее эхо.

— Да, наши храбрые воины! — сказал вождь-правитель Истапалапы. — Да, только тот, у кого сердце труса и негодяя, не откликнется на этот справедливый призыв, но не надо поддаваться необдуманной поспешности, которая может стать помехой исполнению нашего праведного желания. Надо собрать во дворец всех вождей царской крови, сановников, советников и военачальников, продумав план действий и назначив верховного вожда-военачальника. Тогда мы должны отрезать врагу путь к отступлению, а затем начнем сражение.

— Твои разумные советы, благородный Куитлауак, — отвечал высокомерно Какумацин, — более пригодны для мирного

правления, а не для ведения войны. Нам некогда тратить время на всякие сборища и детские игры, и, если среди вождей-сородичей никто не отважится повести войско для спасения своего вождя-властителя, я сам встану во главе воинов, чтобы сразиться, победить или погибнуть с честью.

— Никто из тех, в чьих жилах кипит кровь Моктесумы,—с достоинством возразил юный Куаутемок,—не уступит тебе эту честь, и хотя в такие трудные минуты говорит только сердце, не одному тебе дано к нему прислушаться, не одному тебе дано сказать свое слово.

— Властительные вожди,—вмешался вождь-правитель Хочимилько,—все наши суждения бесполезны, пока мы не выслушаем тех, кто был с великим властителем перед его уходом и кто смог бы помочь нам найти объяснение такому непонятному и возмутительному происшествию, а также поведению стольких тлатоани и воинов, позволивших надругаться над нашим верховным вождем. Я вижу во всем этом какую-то тайну, которую не могу постигнуть, но, может быть, те, кто присутствовал при этом невероятном оскорблении нашей высшей власти, прольют свет на случившееся.

— Это сановники! — кричали воины. — Сановники помешали нам защищать великого властителя!

— Могушественные вожди,—громко проговорил Уаколан, шагнув вперед; лицо его было угрюмо и печально.—Великий властитель велел нам подавлять как мятеж всякое сопротивление своих подданных его переезду в стан испанцев. Великий Моктесума сообщил нам о тех тайных и высоких политических мотивах, которые побудили его принять удивительное решение изменить место своего пребывания, а также о том, что выбор его в самом деле был добровольным и правильным. Наш властитель приказал нам передать это своим вождям — кровным родственникам и данникам; любой, кто воспротивится его воле, станет преступным ослушником.

Слова старого сановника произвели на всех ошеломляющее впечатление. Ни у кого не хватило смелости поднять голос против веления монарха и, выслушав с глубоким почтением Уаколана, провозгласившего волю верховного вождя, тут же стали расходиться — кто куда — и знатные люди, и воины, опустив головы, упав духом. Вожди царской крови пошли утешить женщин из семьи Моктесумы, велев сановникам и дворцовым прислужникам сохранять спокойствие и следить за порядком до новых распоряжений монарха. Супруга и сыновья Моктесумы в своем горе даже не заметили появления вождей-сородичей.

— Не плачьте,—говорила Текуиспа безутешной Миасочили.—Испанцы — добрые и великодушные люди, они увели к себе Моктесуму не со злым умыслом. Я видела, как самый хороший из чужестранцев подал руку и помог Моктесуме подняться в паланкин, а лицо его выражало самое искреннее уважение. Ах, если

бы я могла с ним поговорить! Его называют Веласкес де Леон, я обратилась бы к нему с просьбой, и они тотчас отпустили бы твоего супруга.

— Ты так веришь, Текуиспа,— сказал, зло усмехнувшись, Какумацин,— в то, что могуществом своих слов победишь сердце этого дикого воина? Ты так доверяешь его доброте и благородству, хотя они только что подвергли священную особу вождя-властелина, твоего отца, гнусному унижению?

Текуиспа, не замечавшая молодого вождя-властителя, пока он не заговорил, подняла на него свои прекрасные глаза, вдруг раскрывшиеся от ужаса, а Уалькацинтла, услышав подтверждение своих худших предчувствий, разразилась громкими рыданиями.

— Значит, это правда,— воскликнула она,— что властителя пленили? Значит, это правда, что его подвергли позорному унижению? И ты,— продолжала она, обернувшись к своему мужу,— и ты, Куаутемок, и вы, родственные вожди из Тескоко и Истапалапы, вы предстали перед дочерьми оскорбленного верховного вождя, не грозя врагу оружием? О! Я была бы готова сто раз умереть, только бы не видеть такого бесчестия нашей семьи!

— Уалькацинтла,— сказал Куаутемок, почти силой беря ее за руки, ибо его опечаленная супруга с негодованием от него отвернулась,— только высшее повеление великого властителя могло заставить нас не браться за оружие, и если мы слезами, а не кровью смываем его позор, то лишь по его собственному священному приказу.

— Благородные дочери Моктесумы,— заметил вождь-правитель Истапалапы,— сам великий властитель объявил сановникам, что он добровольно отправляется в стан испанцев и что покарал бы как бунтовщика и мятежника любого из своих подданных, который ослушался бы его высочайшего наказа.

Услышав такие слова, дочери монарха покорно опустили головы. Уалькацинтла, спрятав лицо на груди своего молодого супруга, дала волю слезам, которые он старался осушить нежными ласками, а ревнивый Какумацин с усмешкой сказал Текуиспе:

— Ты в самом деле должна быть спокойна и даже довольна, младшая дочь Моктесумы. Твой отец так же расположен к пришельцам с востока, как и ты, и если это правда, что он по доброй воле оставил Большой дворец и переселился к ним, то, возможно, он вскоре и своих дочерей переселит в столь достойное их обиталище.

— Ты выбрал неподходящее время для проявления ревности, Какумацин,— возразила юная девушка,— и если я не внушаю тебе уважения, то ты мог бы выразить мне хотя бы сострадание.

При этих словах прозрачная слеза скатилась из-под длинных ресниц на девичью щеку, и мгновенно улетучилось раздражение влюбленного вождя, исчезла резкость тона, голос зазвучал мягко и любовно.

— Прости меня, о моя обожаемая,— воскликнул он,— не растравляй плачем мне душу, я готов загладить вину ценой своей жизни! Забудь о моей глупой ревности и необдуманных словах. В сердце Какумацина не могут царить иные чувства, чем самая пылкая любовь и самое глубокое почитание тебя, Текуиспа. Простишь ли ты своего любящего слугу?

— Я простила бы,— ответила она с почти детским кокетством,— если бы не знала, что мне надо поберечь свою доброту на будущее, ведь ты еще не раз провинишься.

IX

МОКТЕСУМА В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Апартаменты, предоставленные Моктесуме испанцами, оказались в том самом дворце, который монарх отдал Кортесу. Едва он вступил туда, как у дверей заняли посты многочисленные стражники.

Удвоилось также число солдат, охранявших дворец, и на своих местах остались часовые, наблюдавшие в то утро за близлежащими улицами.

Приняв эти и другие меры безопасности, Кортес наведался к именитому пленнику, который встретил его без тени обиды или страха.

— Теперь я в вашей власти,— сказал Моктесума,— и вы можете поверить мне свои намерения и желания. Ибо я не думаю, чтобы вы принимали меня за столь наивного человека, который не понимает, что вы доставили меня сюда только для того, чтобы сообщить своему властелину желанную весть о разрыве наших мирных отношений, в чем вы обвиняете одного из моих военачальников. Скажите, чего вы хотите от меня, и я выслушаю вас со вниманием.

— В настоящее время мои желания,— ответил хитрый испанец,— состоят лишь в том, чтобы делать то, что Ваше величество соизволили бы мне приказать, и угождать вам во всем, что от меня зависит, в течение тех дней, которые вы здесь проведете, почтив нас своим присутствием.

— Как!— сказал монарх с некоторым удивлением.— И более ничего?

— Если Ваше величество позволите, мои военачальники посетят вас, дабы засвидетельствовать вам свое почтение и выразить благодарность за честь, которую вы нам оказали, пожелав навестить нас.

Моктесума не смог скрыть усмешки, услышав, что его пленение выдается за добровольный визит, но смолчал, и, приняв предложенный его собеседником мирный тон беседы, ответил:

— Я польщен, что вы предоставили мне такую возможность выразить вам уважение и доверие, которое я к вам питаю, и дабы

оградить вас от забот, связанных с моей охраной, и от тревог по поводу того, как воспримут подчиненные мне вожди создавшееся положение, я даю вам слово верховного вождя государства, что не сделаю отсюда ни шагу и что народ, внимающий моим повелениям, не прибегнет ни к какому насильственному действию, чтобы освободить меня. Пока еще,— добавил он с оттенком гордости,— Моктесуму чтят и боятся его подданные.

— Ваше величество,— ответил как ни в чем не бывало испанский каудильо,— вас столь же чтят и испанцы, а стражники, которые с вашего позволения поставлены у дверей ваших апартаментов, находятся здесь не столько ради вашей безопасности, сколько ради оказания почестей вашей королевской особе. Ваше величество может,— продолжал Кортес, вставая и отвешивая монарху низкий поклон, — распоряжаться здесь, как в собственном дворце, и принимать вождей королевского рода, министров или господ, угодных Вашему величеству.

После этих слов и еще раз склонившись перед великим властителем, Кортес вышел, а Моктесума дал аудиенцию другим именитым капитанам, которые обращались к нему с не меньшей почтительностью и которым он отвечал с такой же любезностью. На прощание он одарил испанцев ценными украшениями из тех, что были на нем, и попросил, чтобы кто-нибудь из них посетил его дочерей, супругу, а также родственников ему вождей и сообщил бы им, что они могут его повидать и что он прекрасно себя чувствует среди своих друзей-испанцев.

После того как Моктесума остался один, с его лица сошло выражение напускного спокойствия, удивлявшего его недругов, и глаза с тоской устремились к небу.

— Вы довольны, жестокие божества? — воскликнул он. — Если унижения, которому я себя подвергаю, мало для моего наказания, если ваш гнев не угас, покарайте меня еще большим позором и еще более страшным бесчестьем, и моя воля тому не воспротивится. Но удовлетворитесь моей жертвой и будьте милосердны к моей семье и моим народам. Скоро я верну вам корону, которую вы мне пожаловали, но не разбивайте вместе с нею в куски мое сердце.

Слезы выступили у него на глазах, но он быстро смахнул их, услышав чьи-то шаги.

Один из стражников сообщил о том, что Уаколан желает видеть монарха, и, хотя этот сановник пользовался его большим доверием, Моктесума снова принял свой обычный невозмутимый вид.

— Уэй-тлатоани и тлакатеуктли! — сказал дрогнувшим голосом старый сановник. — Испанский военачальник передал нам, что ты дозволяешь твоим слугам приходить и служить тебе, посещать тебя высочайшим родственным особам и твоим высшим сановникам; он сказал при этом, что по твоему желанию не изменится правление ни в одной из твоих земель, которыми ты

и впредь будешь управлять с великой мудростью и умением. Я пришел услышать из твоих священных уст подтверждение этой радостной вести, чтобы донести ее до верных тебе вождей-данников, которые встревожены и пребывают в растерянности и неведении.

— Испанский главный военачальник, — ответил Моктесума, — сказал тебе истинную правду. Можешь передать народу от моего имени мои слова: пусть знают все, что сурово будет наказан тот, кто осмелится обсуждать мой поступок или идти против моей воли.

Печально поник головой Уаколан и с некоторым страхом сказал, что родственные вожди-правители и данники готовы были освободить его с оружием в руках, чтобы сам дух испанский исчез из Анауака, но они вознамерились так поступить, полагая, что великого властелина заманили сюда коварством или силой.

— Но потом, — продолжал старец, глядя на Моктесуму, — когда я передал им слова, которые слышал из твоих уст, все подчинилось твоей власти, и только с твоего разрешения все возьмется за оружие и встанут против чужеземцев.

— Никогда! — живо отозвался монарх, на какой-то миг подавшийся охватившему его волнению, — никогда я не позволю, чтобы во имя защиты моей обреченной жизни, на которую пала небесная кара, навлекли бы на себя гнев богов мои великодушные вожди-родственники и мои верные вожди-данники. Если я погибну в беде, боги будут умиловлены, а у народов Ацтекского царства найдется вождь, достойный ими править, столь же великий, но более счастливый, чем я.

Слезы текли по щекам старого сановника, он не знал, что сказать, а Моктесума, немного помолчав и снова овладев собой, продолжал:

— Иди, мой верный и добрый слуга, иди и передавай всем подданным Ацтекского царства мое твердое решение и употреби всю мудрость свою, чтобы вожди моей крови — братья и племянники — не затевали никакого опасного дела, неугодного богам, и ничему не противились, как не противится Моктесума. Убеди их, что я здесь по собственной воле и по указанию богов и строжайше запрещаю высказывать насчет этого опрометчивые суждения.

Прощаясь, Уаколан долго целовал руки монарха, который, оставшись один, снова впал в глубокую скорбь.

А в эту пору Веласкес де Леон, жаждавший еще раз увидеть прелестную Текуиспу, взял на себя миссию доставить семье Моктесумы сведения о нем и, вооружившись, отправился ко дворцу в сопровождении переводчика Агиляра.

По городу уже ходили слухи, что великий властитель по своей воле живет у чужестранцев, и, поскольку такое проявление к ним невиданно дружественных чувств со стороны Моктесумы

повысило престиж испанцев, Веласкес заметил в людях отсутствие враждебности и признаки возросшего к нему доброжелательства.

Когда он прибыл во дворец и объявил, что привез с собой послание монарха своей семье, двери перед ним тотчас распахнулись, и его препроводили — с их согласия — в апартаменты дочерей Моктесумы.

Все члены монаршего семейства были еще в сборе, когда вошел молодой чужеземец. Уаколан только что объявил им указы великого властителя, стараясь убедить их — хотя сам в это мало верил, — что пребывание Моктесумы в стане испанцев продиктовано его собственным мудрым желанием, внушенным ему богами.

После такого предварения Веласкес был радушно встречен всеми, кроме ревнивого Какумацина, который, увидев, как зарделись щеки Текуиспы при появлении молодого капитана, утратил самообладание, необходимое, чтобы с подобающим вождем достоинством ответить на куртуазные приветствия испанца.

По приглашению вождей-сородичей чужеземец сел и сказал, что имеет честь быть посланным великим императором Моктесумой, дабы приветствовать от его высочайшего имени принцесс и принцев королевской крови и в то же время уведомить их, что его императорское величество позволяет им посещать его, когда им будет угодно.

От имени всех ответил вождь-правитель Истапалапы, поблагодарив верховного вождя за дозволение и выразив признательность его посланцу за то, что он так скоро сообщил им эту радостную весть.

Робкая Миасочиль спросила с душевным трепетом, доволен и убоготорен ли се всемилостивый супруг, на что молодой кастилец без колебаний ответил, что никогда еще не видел Моктесуму таким веселым. Он заверил всех в том, что на долю испанцев выпала огромная честь и слава оказать гостеприимство великому императору, что испанцы испытывают большую благодарность к нему за такое удивительное проявление дружбы и стараются ответить ему всемерным вниманием.

Поскольку все, что он говорил, совпадало со сказанным ранее Уаколаном, дочери Моктесумы вполне убедились в искренности испанцев, и даже вожди, хотя и не столь безоговорочно, сочли возможным поверить. Они заявили Веласкесу, что, пользуясь разрешением своего властелина, придут навестить его на следующий день, повторяя при этом слова благодарности, на которые молодой капитан отвечал молчаливыми поклонами, бросая при этом полные обожания взгляды на Текуиспу, в смущении выронившую из рук толстый шнур из золотых нитей, которым она обычно подпоясывалась и который теребила сейчас, чтобы скрыть свое замешательство.

Вождь-властитель Тескоко ринулся вперед, чтобы поднять шнур, но более проворным или более счастливым оказался Велас-

кес, первым его подхвативший с пола, чем вызвал страшную ярость несдержанного Какумацина, который, встав между дочерью Моктесумы и чужеземцем, протянул руку за шнуром, высокомерно произнеся:

— Никто, кроме меня, не имеет права служить Текуиспе, дочери великого властителя.

Шаг назад сделал Веласкес де Леон, быстро спрятав за спину шнур, которого уже коснулась рука Какумацина, и ответил так же надменно, как и его соперник, что никогда не уступит — по праву или без оного — чести вручить это сокровище принцессе.

Взбешенный вождь-властитель уже готов был силой утвердить свою громко провозглашенную привилегию, когда между соперниками встал Куаутемок и, пытаясь обратить конфликт в шутку, сказал, что они оба недостаточно учтивы в своем споре за честь, на которую можно притязать только тогда, если она заслужена, и что лишь одна Текуиспа имеет право решить, кому из двоих она оказывает милость, позволив услужить себе.

Молчание обоих воинов выразило их согласие с подобным суждением, а младшая дочь Моктесумы сказала с чарующей взволнованностью испанцу:

— Отнесите моему высокочтимому отцу эту вещь, храбрый воин, и попросите его обвязать свою руку этим шнуром, чтобы никогда не забывать меня.

Веласкес гордо покинул апартаменты дочерей монарха, унося с собой заветную добычу, а вождь-властитель Тескоко, удерживаемый Куаутемоком, рычал, как лев, которого заперли в клетке, когда он собрался было прыгнуть на оленя.

— Да погибнут, — кричал он в гневе, — да погибнут эти пришлые колдуны, своим волшебством отнявшие у властителя разум, а у его дочерей — всякий стыд!

— Вождь-родич из Тескоко! — сурово сказал Куаутемок, — прежде погибнуть должен кощунствующий военачальник, который осмеливается чернить своим болтливым языком священные особы верховного вождя Ацтекского царства и его дочерей.

Вождь-правитель Истапалалы поспешил приказать двоюродным братьям, употребив свой авторитет их родного дяди, разойтись и впредь не встречаться, пока холодный рассудок не возобладает над их разбушевавшимися чувствами.

Х

КУАЛЬПОПОКА

Шли дни, а испанцы все с той же почтительной благожелательностью относились к своему августейшему пленнику. При нем были его прежние слуги, его навещали, выражая при этом

благодарность за оказываемую им честь, Кортес и его капитаны; к нему ежедневно приходили дочери и родственные вожди, которым воздавались все соответствующие их положению почести, а сам пленник продолжал управлять своими землями и вершить суд точно так же, как если бы он пользовался абсолютной свободой и всей полнотой власти. Тем не менее его охраняли самым строжайшим образом, а под предлогом избавления от лишнего беспокойства, доставляемого большим собранием людей в его апартаментах, не разрешали индейцам задерживаться во дворце, выдворяя одних, когда являлись другие.

От проницательности Моктесумы не могла укрыться истинная причина такой предосторожности, но он делал вид, что ничего не замечает, и покорно ждал развязки странной интриги, которую вели испанцы. Он тщательно скрывал свое негодование и уныние, выказывал самое дружеское расположение Кортесу, часами обучая его местной игре «тотолоке» и притворяясь при этом то серьезным и сосредоточенным, то веселым и радостным.

Никому из родных он также не показывал своего истинного настроения и душевного состояния. Такое долгое и тягостное притворство, такая непрерывная борьба с самим собой иссушили его тело, убелили сединой волосы, испещрили морщинами щеки, но никакого помрачения рассудка у него никто не замечал.

Несчастный монарх верил, что своим мученичеством он, не теряя своего державного достоинства, смягчает гнев богов, а из суеверия или из гордости испытывал даже некое удовольствие от того унижительного положения, в котором находился.

С ним ежедневно разделяли трапезу его супруга и дочери, а иной раз и вожди-сородичи, с которыми он, проявляя видимый интерес, вел беседы о том, о сем, избегая прямых или косвенных обращений к теме, которая так волновала его близких: к причинам его переселения в стан испанцев.

Единственным из родственников вождей, который навещал его очень редко, был Какумацин. Ревнивый индеец не мог видеть своего счастливого соперника, часто бывавшего в кругу монаршей семьи и ставшего — с разрешения Моктесумы — учителем младшей дочери вождя-властителя. Действительно, Текуиспа проявила такое горячее желание изучить испанский язык, что индеанка Марина, хорошо его знавшая, предложила давать ей уроки, а немного спустя Веласкес де Леон добился чести быть главным наставником девушки в этих занятиях.

Текуиспа была очень понятлива, обладала живым умом, и ее успехи просто поражали: за несколько дней ученица и учитель стали прекрасно понимать друг друга, не прибегая к помощи Марины.

Какумацин примечал все, что происходило, и уже тысячу раз отважился бы на какой-нибудь дерзкий опрометчивый поступок, если бы за ним не смотрели и его не останавливали мудрый вождь-правитель Истапалапы и Куаутемок.

Ненависть Какумацина к Веласкесу де Леону распространилась на всех испанцев, и чем больше он сдерживался, тем сильнее ненавидел пришельцев. И, желая покинуть Теночтитлан, но боясь дать полную свободу действий Текуиспе и ее избраннику, молодой вождь томился и тосковал в этом городе, забросив свои земли, не думая даже о Моктесуме и его двусмысленном положении и живя только своей любовью, своей ревностью и своими мыслями о мести.

Не все были равнодушны к страданиям влюбленной о Какумацина. Уалькацинтла, которая относилась к нему душевно, порицала свою сестру, предпринимая безуспешные попытки сдержать рождавшееся чувство юной девушки. Какумацин выражал свое недовольство дружбой дочери вождя-властелина с молодым испанцем даже в присутствии самого монарха, но Моктесума или не придавал значения девичьему увлечению, считая его мимолетным, или ничего не замечал во мгле одолевавших его суеверий; или — что наиболее вероятно — был слишком занят вещами более важными, чем выяснение того, к кому питает нежные чувства его дочь.

Прошел приблизительно месяц с тех пор, как был пленен монарх, когда его гонцы доставили под стражей в Теночтитлан вождя-военачальника Куальпопоку вместе с его сыном Симпацином и многими другими видными воинами, участвовавшими в сражении против Эскаланте

Сановники сообщили об этом Моктесуме, который тут же распорядился передать арестованных Кортесу и сообщить тому, что «посылает испанскому послу военачальника, обвиняемого в нарушении мира, дабы выслушаны были его объяснения и установлена истина».

Моктесума, будучи убежден в несправедливости обвинения и твердо веря, что оно послужило предлогом для его плена, уверил себя в том, что Кортес не станет раздувать пожар вражды и исход дела будет благоприятным, ибо когда испанец увидит, что его не обманули, он простит Куальпопоке обвинение его, Кортеса, в преступлении, которого он не совершал, поскольку испанцы взяли за оружие, мол, только в целях законной самозащиты.

Рассуждая подобным образом, Моктесума не знал политики испанского каудильо, политики террора, которой тот неуклонно следовал.

Эрнан Кортес обладал тем холодным рассудком, который направлен на конкретную реальную выгоду, на победу любой ценой, если конечный результат ему ясен и точно им взвешен. При этом цель для него всегда оправдывала средства и он легко убеждал себя в правильности своих действий, если они служили ему на пользу.

Кортес также был сопричастен и жестоким предрассудкам своей эпохи, когда поощрялись религиозные гонения на тех, кого

не считали людьми только потому, что они исповедовали другую веру. Он пришел из земли, где пылали костры инквизиции, где считалось едва ли не священным предначертанием или догматом жесточайшее отношение к неверным и еретикам. Его незаурядные способности, увы, не помогли ему встать выше нравов своего века и духа своей нации, и то, что ему показалось бы подлым преступлением в отношении христиан, виделось ему действием, чуть ли не достойным похвалы, если жертвы требовались от грешного народа, который не знает Иисуса Христа. Эрнан Кортес, помимо этих варварских предрассудков и прочих качеств, присущих великим конкистадорам и великим преступникам (понятия, которые, будучи рассмотрены с философских позиций, не слишком различаются), обладал еще одним качеством или достоинством, которое приносило ему немалую пользу во всех обстоятельствах: он умел набросить на свои самые жестокосердные поступки флёр абсолютной справедливости.

В соответствии со своими политическими принципами, он не покушался на жизнь монарха Моктесумы, но считал необходимым одновременно наводить страх и усиливать террор, что расчищало ему путь к последующим завоеваниям.

Однако он не хотел внушать ужас подобно простому бандиту; ему хотелось, чтобы его жестокость рядилась в одежды праведности, а посему, чтобы раздобыть жертвы, надо было любым способом найти виновных.

Погибшие Эскаланте и Аргуэльо взывали к небу об искупительном жертвоприношении, индейцы нуждались в страшных назидательных примерах, Куальпопока и его сотоварищи были идолопоклонниками и обвинялись в убийстве. Эти несчастные люди могли сослужить службу для устрашения других и стать предметом мести, придав требуемому жертвоприношению характер наказания. Кортес был достаточно предусмотрителен, чтобы не использовать удачно сложившиеся обстоятельства, и слишком умен, чтобы их недооценить.

Из состава испанского Военного совета главарь испанцев назначил судей, чтобы они судили обвиняемых этим же главарем иноземцев.

XI

ОБВИНИТЕЛИ, СУДЬИ И ПАЛАЧИ

Около полудня в первых числах февраля, в том же самом зале, где три месяца тому назад мы видели Моктесуму в ожидании первого визита испанцев, собрались вместе те же самые вожди-сородичи, которые и тогда присутствовали здесь.

Как и в тот раз, они стояли молча и неподвижно, однако если раньше их молчание служило проявлением почтительности, то ныне оно выражало гнев и душевную боль.

Вождь-правитель Истапалапы сидел, сгорбившись, на широкой скамье и время от времени глубоко вздыхал. Властитель Тескоко стоял, прислонившись к окну, устремив пылающий яростью взор на опустевший трон и с такой силой сжимая кулаки, что до крови ранил ногтями ладони. Куаутемок, опершись локтями на спинку скамьи, где сидел его дядя, закрыл руками свое бледное лицо, чтобы скрыть глубокое отчаяние.

Прошло более двадцати минут, но никто из этой застывшей в молчании группы не шевельнулся. Наконец Какумацин не выдержал и, стараясь справиться с душившим его негодованием, начал ходить взад и вперед по длинному залу.

Молодой вождь-властитель Такубы медленно поднял голову и произнес, будто советуясь с самим собой:

— И все же надо запастись терпением.

— Нет! — выкрикнул тескоконец, мгновенно остановившись. — Терпение в таких случаях называется не иначе как трусостью и слабостью. Разве вы не слышали, что сказал час назад Уаколан? Не слышали, как этот верный, но малодушный сановник утверждал, что именно испанцы должны судить вождя-военачальника Ацтекского государства?

— Если Моктесума, — продолжал Какумацин, — проявляет слабость духа и оставил свой трон, если он позволяет вершить дела государства чужестранцам, можем ли мы почитать властителя, который сам опустил так низко и так унижает нас? А если чужестранцы используют его власть, применяя обман или насилие, нуждаемся ли мы в разрешении теперь подчиненного им нашего уэй-тлатоани, чтобы освободить его от постыдного рабства и вернуть ему прежнее могущество?

— Но доподлинно ли тебе известно, — заметил Куитлауак, — что испанцы сами хотят судить тех людей, которых обвиняют? Ты и вправду веришь, что они осмелятся вынести приговор вождю-военачальнику Куальпопоке?

— Ты это слышал из уст Уаколана, — ответил вождь-властитель Тескоко. — И все вокруг так говорят.

— Войска испанцев и тласкальцев готовы к сражению, — добавил Куаутемок. — Да и передвижения, которые можно наблюдать сегодня с раннего утра в их общем лагере, показывают, что они к чему-то готовятся.

— Неужели, — проговорил неуверенно Куитлауак, — Моктесума мог дать согласие на такое ужасное злодеяние?

— А ты думаешь, вождь-правитель Истапалапы, — воскликнул с горечью Куаутемок, — ты думаешь, что сам Моктесума свободен, или, может быть, что эти пришельцы просили позволения у плененного верховного вождя?

— Плененного! — вздрогнул от негодования Куитлауак. — Властитель Ацтекского царства пленен?!

— Может быть, не в полном смысле слова пленен, — сказал Какумацин, — но он подвергнут, к нашему несчастью и к своему

стыду, мучительному заточению. Если чужестранцы не истязают его тело, они истязают его душу. Вы сами определите, как вам нравится, какое это рабство — души или тела, — чтобы вызволить его из той или иной неволи и отомстить за него.

— Я хочу еще раз выслушать сановника Уаколана, — сказал вождь-правитель Истапалапы, — и до того, как вынести какое-либо решение, я прошу вас собрать самые верные сведения и помочь мне получить у великого властителя объяснение его поступка, причины которого, может быть, столь серьезны и важны, что мы их не понимаем и напрасно виним его.

Порывистый Какумацин хотел было что-то сказать, но тут послышался шум. Он направился к дверям и узнал голоса братьев Наоталана и Синталя, которые расталкивали стражей, прося пустить их к вождям-сородичам.

Но Куаутемок, тоже услышав их тревожные крики, опередил Какумацина и сам распахнул двери перед сыновьями несчастного Куальпопоки. Оба брата родились во владениях отца Куаутемока, старого вождя-властителя Такубы; оба они преданно его любили, а Синталь имел счастье спасти ему жизнь в одном из сражений.

Едва только братья увидели Куаутемока, они тут же кинулись ему в ноги.

— Вождь-властитель! — вскричал Синталь. — Ты единственная наша надежда!

— Доблестный Куаутемок, — вторил ему Наоталан, — или возьми нашу жизнь, или спаси жизнь нашему отцу и нашему брату!

Юный вождь-властитель Такубы с видимым волнением велел им встать и повел в зал, где находились Куитлауак и Какумацин.

— Перед вами, — сказал Куаутемок, — отчаявшиеся сыновья Куальпопоки, пришедшие просить нас не позволять чужеземцам судить отважного вождя-военачальника, который защищал честь и славу нашего государства.

— Его уже судили! — громким стоном вырвалось у обоих братьев.

— Судили?! — в изумлении повторили вожди-сородичи.

— А каков, — спросил Куитлауак, — каков же приговор этого незаконного суда?

— Смерть! — гневно воскликнули юноши. — Смерть!

— Да, властительные вожди, — сказал затем Наоталан, — смерть всем, кто храбро, с оружием в руках защищал достоинство человека в этих землях.

— Смерть, о, смерть сама по себе ничто, — глухо добавил Синталь, схватившись за голову, — но ведь это страшная, позорная смерть... Их заживо сожгут, сожгут заживо, заживо! — повторил он трижды, сквозь стиснутые зубы.

Вопль ужаса и возмущения раздался в зале, и тут же воцарилась скорбная тишина. Ее нарушили сыновья осужденного вож-

дя, вновь бросившиеся к ногам вождей-сородичей со страстной мольбой:

— Не позволяйте, о ацтекские властители, вожди народа-героя, не позволяйте людям умирать такой бесславной смертью! Но если их жизни ничего не стоят, если их жалкие судьбы недостойны занимать ваш высокий разум, сделайте это во имя великого властителя, у которого отняты права, воля которого сломлена и который находится в заточении, подобно злоумышленнику. Его доблести не дают вам права позволять чужеземцам творить такие черные дела в его владениях, опасение за самих себя не может разрешить вам повиноваться дерзким чужакам, которые жестоко пытаются и убивают ваших подданных, чтобы потом, может быть, и вас самих подвергнуть жесточайшим пыткам и предать бесчестной смерти.

— Смилуйтесь! Смилуйтесь над нами! — повторял один.

— Молим вас о справедливости! — кричал второй.

— Не теряйте времени, — снова и снова увещевали оба брата вождей-властителей. — Мы видели много бревен для многих костров, слышите, о властительные вожди? Много дров, чтобы сжечь ваши тела, мы это видели своими глазами!

— Воспряньте духом, храбрецы и страдальцы! — воскликнул Куаутемок. — Слышите шум голосов на площади? Я верю, народ восстанет, услышав о зверской расправе этих диких тигров. Идите, предстаньте перед народом, скажите, что ацтекские вожди-властители никогда не позволят, чтобы своей кровью люди поили этих чудовищ. Бегите, юноши, а мы пока созовем знатных военачальников и сановников и объясним им, что наше послушание властителя вызвано чрезвычайной необходимостью.

Братья пали ниц, целуя со слезами радости на глазах ноги вождя-властителя Такубы, а потом и Какумацина и Куитлауака, и выбежали, сляса выполнить приказ.

— Погибель этим чудовищам! — сказал вождь-властитель Тескоко. — Сотрем кровью саму память об их ненавистных именах.

— Да, — живо отозвался Куаутемок. — Приговор, вынесенный ими, это наш приговор, вынесенный им самим. Куитлауак, Какумацин! Настал день освободить нашего великого властителя из рук врагов и смыть кровью позорное пятно наших трусливых колебаний.

— Мои гонцы, — сказал тескоканец, — побегут к другим родственным вождям, и завтрашнее солнце увидит объединенной всю воинскую знать Ацтекского царства. Но еще до их появления мы поднимем восстание, которое будет актом справедливого возмездия и оправдает наше непослушание: во всяком случае, еще до их прихода надо поспешить спасти Куальпопоку и его людей от страшной казни.

— Здесь, в столице, сосредоточено большое войско, — продолжал Какумацин. — и только не хватает главного военачальника,

который бы его возглавил. Будь им, славный Куаутемок; я оставляю тебе эту честь, как самому достойному. А я возьму на себя труд созвать всех сановников и советников, я возьму на себя труд провести Высший совет и поспешу, если будет необходимо, к тебе на помощь со всеми народами долины Анауак. Так иди же, вождь-родич! Сейчас не время думать о родовом верховенстве, главным мерилom служит отвага. Иди, поднимай войско и вырви из когтей ягуаров их беззащитные жертвы.

— Я это сделаю,— сказал Куаутемок,— и думаю, что скоро справлюсь со славным делом, которое ты мне поручаешь, чтобы почтить меня, вождь-властитель Тескоко! Объединяй людей здесь, во дворце. Скоро и я вернусь — победителем или мертвым!

Взволнованно, быстрыми шагами он пошел к выходу из зала, но сду навстречу уже бежала бледная, растерянная Уалькацингла.

Остановись! — взмолилась она. — Куда ты идешь? Разве можно сейчас выходить одному и без оружия? Или не знаешь, что творится на площади? Не слышишь глухой гул, от которого у меня леденеет сердце?

— Но что там происходит? — спросил вождь-властитель Такубы. — Что за шум?

— Ты и сам уже догадался,— ответил Какумацин.— Народ ломится во дворец и просит, жаждет места.

Народ! — простонала молодая жена Куаутемока.— Нет, народ ничего не требует, он плачет. Вожди! — продолжала она, встрепенувшись. Из окон своей комнаты я видела, и это видели все женщины, мои служанки, страшную картину, страшнее которой ничего быть не может. Чужеземцы окружили площадь и так вооружены, что жутко глядеть на них. И они тащат наших людей любоваться кровавым зрелищем. — Она закрыла лицо руками и задрожала. — О! пламя этих костров обожгло мне глаза и сердце!

— Костров?! — повторили хором трое мужчин, невольно выпрямившись.

Огонь уже поглотил свои жертвы! — послышался глухой и скорбный голос за спиной вождей-властителей.

Они быстро обернулись и увидели Наоталана, мертвенно-бледного, с всклокоченными волосами, с судорожно сжатыми челюстями, но глаза его были сухи, руки скрещены на груди, — он был охвачен тем удивительным спокойствием, которое выражает высшую степень отчаяния.

В это же время вошел и Синталь, и, словно бы ему хватило сил только для того, чтобы приблизиться к вождям, он рухнул перед ними на колени, еле выдохнув:

— Сожжены!

Вожди-властители, казалось, впали в оцепенение, но их сердцами овладела неистовая ярость.

— Убейте их! — вскричал Какумацин. — Убьем их сами, без оружия... любым способом! Убьем, задвинув своими руками, растерзаем зубами!

— Это приведет к новым и еще бóльшим жертвам,— сказал Наоталан с неопишимо страдальческой усмешкой.— Но несчастные, которые уже не могут быть спасены, еще могут быть отомщены. Вы думаете, я сам не хотел впитаться зубами в их горло, осквернить свои губы их кровью, когда видел, как спокойно они взирали на страшную казнь своих жертв, тела которых с шипением пожирало пламя?.. Но моя жизнь теперь мне стала слишком дорога, чтобы неразумно ею рисковать. Жизнь нужна для мести.

— Для мести!— прошептал Синталь, мало-помалу приходивший в себя.

— Да, властительные вожди! Для мести!— повторил Наоталан громко и зло.— К мести взывает пепел, дымящийся перед вашим дворцом. К мести обдуманной, страшнейшей, неслыханной!

— Они ее заслужили,— торжественно вымолвил Куаутемок.— Я клянусь этим пеплом и грозным именем бога Уицилопочтли.

— Но не забывайте и о том,— сказал Куитлауак,— что сейчас предложил Наоталан. Месть необходима, но она должна быть обдуманной. Я ухожу, чтобы принять некоторые меры. Вы же призовите на помощь холодный разум, дабы лучше утолить свою ярость.

И он вышел из зала.

— Не надо ничего предпринимать!— молила старшая дочь Моктесумы.— Вспомните, что священная особа властителя в руках его страшных врагов.

— Мы готовы разбить его цепи,— сказал Какумацин.— Уходи, дочь великого властителя, и не старайся погасить своими слезами пожар наших душ.

— Нет,— ответила твердо и с достоинством супруга Куаутемока.— Не так холодна душа дочери Моктесумы, чтобы видеть или порицать ваш справедливый гнев. Но вы должны были бы знать, что ваша первейшая обязанность — не подвергать опасности жизнь властителя Ацтекского царства. Подумайте об этом, подумайте, что эти злодеи чужеземцы, которые сейчас показали свой свирепый нрав, могут выместить на своем царственном пленнике все обиды, нанесенные вами. Если вы сможете освободить властителя, не подвергая его опасности, Уалькацинтла сама вложит вам в руки оружие мести.

— Ты мудра, как старуха, и отважна, как пума,— сказал Какумацин.— Иди, мы не забудем твоих наказов.

Уалькацинтла ушла, а оба вождя-сородича призвали советников и стали с ними обсуждать, каким образом осуществить свою страшную месть, не подвергая смертельному риску священную особу Моктесумы, а Куитлауак в это время посылал гонцов за знатными вождями всех областей государства, приглашая их во дворец.

ХП

ЗАГОВОР

Пока во дворце монарха происходили события, о которых мы рассказали, другие, не менее примечательные и грустные сцены разыгрывались в испанском стане.

После вынесения смертного приговора ацтекскому военачальнику, его сыну Симпацину и другим пленным вождям, а также простым воинам как соучастникам их преступления, капитану Альварадо пришла в голову дикая мысль: дабы вселить в души индейцев еще больший страх и лишить Моктесуму всякого желания помышлять о сопротивлении, он рекомендовал надеть на монарха кандалы, пока не свершится казнь индейцев. По крайней мере, такие доводы привел этот жестокосердный капитан в поддержку своего чудовищного замысла, который скорее выглядит бесчеловечной выходкой кровожадного варвара. Кортес имел слабость поддаться его уговорам, но без большой охоты направился в покои монарха, который принял каудильо не в столь спокойном состоянии духа, в каком обычно пребывал. Может быть, страдания и бессонные ночи, подтачивавшие его здоровье, вывели его из душевного равновесия; а может быть, на лице испанца он прочитал угрозу нового, еще большего надругательства над собой. Во всяком случае, при виде Кортеса Моктесуму охватило заметное волнение.

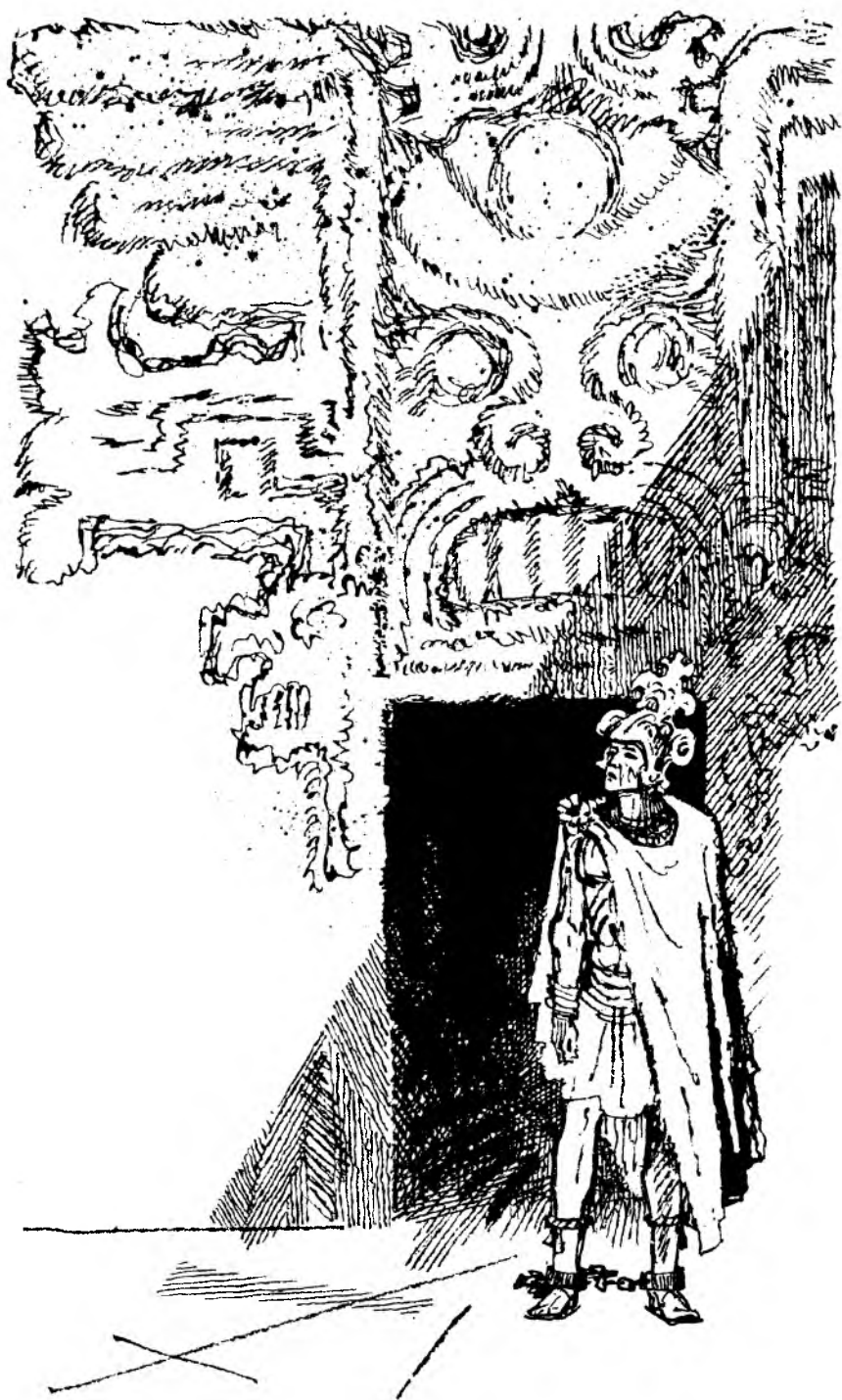
— Сеньор,— сказал Кортес,— Куальнопока и его сообщники уже приговорены к смерти, но справедливость людская, равно как и божья, одна для всех. Необходимо, чтобы и вы своим унижением искупили то зло, которое сотворили, отдав приказ свершить преступление.

После этих слов он велел надеть на монарха тяжелые кандалы, которые притащили с собой солдаты, что и было сделано во мгновение ока. Кортес в эти минуты стоял рядом, словно боялся какого-либо противодействия со стороны несчастного монарха, но подобные кошунственные действия потрясли Моктесуму. Безгласный, недвижный, с устремленными в одну точку глазами и каменным лицом, он вытерпел позорное издевательство, словно ничего не чувствовал, ничего не заметил.

По завершении процедуры Кортес вышел, чувствуя, возможно, неловкость, но отдал приказ никого не допускать к августейшему пленнику.

Слуги, видевшие небывалое святотатство и не верившие собственным глазам, бросились к ногам великого властителя со стоном и слезами, целуя цепи и поддерживая их руками, чтобы убавить тяжесть, но Моктесума ничего не говорил и словно ничего не ощущал, находясь в состоянии полной прострации все то время, пока Кортес не вернулся в его покои.

— Виновных больше нет на свете,— спокойно сказал каудильо, входя.— И праведные небеса улагодворены их смертью и вашим покаянием. Вы свободны.

При этих словах сопровождавшие его солдаты так же быстро, как ранее их надели, сняли кандалы с монарха, которого слова Кортеса словно бы вывели из оцепенения, и он повторил как во сне:

— Праведные небеса уже улагодворены.

— Да, благородный Моктесума,— сказал каудильо с почтительным поклоном, который выглядел шутовским в этой трагической ситуации.— Ваше величество уже свободны и можете идти, куда заблагорассудится Вашему величеству.

— Праведные небеса уже улагодворены,— снова пробормотал Моктесума, оглядываясь по сторонам с робостью и тревогой.

— И Ваше величество свободны,— повторил Кортес с невольным вкрапшимся ему в сердце сочувствием.

Он сел рядом с монархом и завел с ним почтительный и утиный разговор, но слишком сильный был нанесен удар. Верховный вожь Царства ацтеков слушал Кортеса, то растягивая губы в бессмысленной улыбке, то по-детски пугливо озираясь, то полностью погружаясь в свои думы.

Со временем почти исчезнут симптомы помешательства, но, увы, этот могущественный и властный монарх уже никогда не станет тем, кем был! Все его предыдущие действия объясняются его суеверным убеждением в неизбежности ужасающего рока; все его поступки с этого самого дня не могут быть поняты иначе, как результат огромного душевного потрясения, которое окончательно подорвало его силы.

Кортес разрешил ему посетить храмы и семью. Он знал, что теперь немощь и страх сковывают монарха крепче, нежели все кандалы.

Между тем властительные вожди-сородичи неустанно трудились над приведением в исполнение своих замыслов. Видимая свобода, предоставленная монарху, не тешила их иллюзиями, а, напротив, настроила на еще более решительный лад, ибо стало несколько легче вырвать его из рук врагов, бдительность которых как будто уменьшилась, и ацтекские вожди торопились навсегда разделиться с позорным гнетом.

Заговор знатных вождей готовился тщательно и продуманно: были приняты все необходимые меры, предусмотрены все случаи, устранены все препятствия, но тем не менее вожди-правители многих вассальных земель, а также военачальники выказывали свое недовольство тем, что мятеж затевается без разрешения верховного вождя.

Моктесума сумел привить народу такое фанатичное поклонение своей особе, что даже тогда, когда речь шла о его собственной судьбе, считалось преступлением самое незначительное нарушение его высочайших повелений. С наибольшей откровенностью и решимостью эти настроения проявлялись среди сановников, а их мысли открыто провозглашал вожь-правитель

Матлальцина, который, враждуя с Какумацином, оспаривал любое решение последнего. Будучи близким родственником Моктесумы и уважаемым ацтеками воином, он жаждал взойти на трон верховного вождя и боялся, что успех заговора, возглавлявшегося Какумацином, даст возможность последнему поднять свой престиж и сделает весьма реальными притязания Какумацина на монаршую власть.

Авторитет и сильный характер Какумацина, рассудительность и мягкость Куитлауака, благородство и умиротворяющая тактичность Куаутемока не давали вождю-сородичу из Матлальцина ни повода, ни возможности для прямого противодействия их намерениям, но он все же переправил Моктесуме тайное сообщение о заговоре, известив о дне и часе восстания.

С другой стороны, шпионы Кортеса без промедления сообщили о кое-каких своих подозрениях испанскому военачальнику, которому не составило большого труда узнать от самого Моктесумы все, что касалось заговора, о чем ему сообщил его вождь-сородич из Матлальцина.

Зная необузданный нрав вождя-властителя Тескоко, монарх не сомневался, что он является главным, если не единственным вдохновителем этого восстания, а Кортес быстро сообразил, какие неприятности ему сулит высокое положение мятежника и его военная мощь. Кортес понял, что если смерть Куальпопоки настроила индейцев на воинственный лад, то казнь Какумацина может привести к тяжким последствиям. Он знал, что, как ни запуганы индейцы, они не позволят иноземцам безнаказанно проливать кровь своих властительных вождей; убрать с дороги такого именитого бунтовщика лучше всего было бы при помощи самого Моктесумы.

Поразмыслив, Кортес нашел простое средство, к которому можно было прибегнуть, чтобы вынудить неудачливого монарха действовать от своего имени, но к полнейшей выгоде испанцев. Яркими красками он изобразил всю оскорбительность затеи вождя-правителя Тескоко по отношению к своему властелину; сумел показать, что сам он, Кортес, больше встревожен обидой, наносимой его пленнику, нежели напуган готовящимся нападением, и предложил свои услуги, чтобы захватить мятежников, если Моктесума соизволит удостоить его чести наказать их за поругание власти монарха.

Как ни был духовно подавлен верховный вождь царства ацтеков, у него еще нашлись силы и гордость, чтобы решительно отказаться от этого предложения.

— Нет,— сказал он,— я никогда не прибегну к чужому оружию, чтобы карать своих подданных, тем более высокородных и уважаемых вождей. Неповиновение моего племянника—это недомыслие молодости и чрезмерная несдержанность нрава, и будет достаточно того, что я снизойду до напоминания ему о его долге.

С этими словами он позвал одного из своих военачальников и велел ему пойти к вождю-властителю Тескоко и передать ему приказ тотчас явиться к верховному вождю царства.

Кортес счел неразумным высказывать недовольство этим решением, более того, он вежливо попросил посланца от своего имени приветствовать вождя-властителя Тескоко и пригласить Какумацина посетить этот дворец, обитель монарха, своего сердечного друга. Моктесума поблагодарил Кортеса за такую неожиданную учтивость и сказал почти растроганно:

— Ты не дурной человек, воин-капитан. Конечно, это злой дух овладевает порой твоим сердцем, это он толкает тебя на поступки, которые никогда не смогли бы стать сынами твоей души.

— Слава,— промолвил Кортес, скорее отвечая себе самому, чем монарху,— слава иногда бывает очень жестоким божеством, которое дорого ценит свои милости.

— Слава,— повторил Моктесума с горечью.— Я тоже гнался за нею и думал, что поймал ее. Но все может быть потеряно в один день, и слава не всегда независима от того изменчивого духа, который вы зовете судьбой.

Пока подобную беседу вели испанский предводитель и его августейший пленник, среди заговорщиков быстро распространился слух, что их предали, что великий властитель, в высшей степени возмущенный, готов обрушить на них свой неистовый гнев.

Такие сведения вызвали общее беспокойство, а у многих и чувство страха. На улицах собирались группы людей, которые тихо перешептывались и, казалось, о чем-то спорили.

Однако не наблюдалось никаких явных признаков раскаяния или уныния до тех пор, пока не стало известно, что вождь-властитель Тескоко должен предстать перед великим властителем, но что своенравный Какумацин отказался повиноваться приказу, а это могло быть расценено как явный призыв к восстанию. Многие из вождей-заговорщиков тайно скрылись, опасаясь суда монарха; другие уже были готовы молить о пощаде; а самых решительных охватило смятение и замешательство при виде разброда в собственном лагере.

Снова собрались во дворце вожди-сородичи и несколько знатных вождей-правителей, уверенных в правоте своих действий, дабы совместно решить, что делать в таком критическом положении, но никакой договоренности достигнуто не было.

Куаутемок полагал, что надо открыто сообщить верховному вождю о своих намерениях и о важных причинах, их обусловивших; надо постараться убедить его в необходимости изгнать испанцев из долины Анауак, всем поднять голос против насилий и произвола испанцев.

С ним согласились Куитлауак и другие знатные вожди, но Какумацин, заручившись поддержкой нескольких близких дру-

зей, стоял на своем. Он утверждал, и не без оснований, что нечего ожидать от Моктесумы в том состоянии подавленности, в каком тот был, и что подчиняться Моктесуме — это то же, что подчиняться самому Кортесу. Его, Какумацина, послушание оправдано вескими причинами, и сам великий властелин отблагодарил бы их, когда, освободившись от колдовских чар иноземцев, снова обрел бы прежнее могущество и славу. И коль скоро заговор уже раскрыт, надо поднимать восстание, как можно скорее выступить против врага, не таясь и не ведая страха.

Но некоторые вожди колебались, не зная, на что решиться, ибо обе стороны отстаивали свою точку зрения с одинаковым пылом, и собравшиеся разошлись лишь глубокой ночью, так и не придя к согласию.

Возбужденный спором, изрядно разгневанный, Какумацин вошел в предоставленный ему в Теночтитлане дворец, сквозь зубы проклиная малодушие знати Ацтекского царства. Любовь не владела той ночью мыслями темпераментного индейца, или, лучше сказать, в его душе так крепко сплелись интересы родины и личные устремления, что ненависть к испанцам, которая мучила Какумацина, подогревалась или, более того, распалялась ревностью, терзавшей ему сердце, ибо его избранница отнюдь не обходила вниманием ненавистных врагов.

Час проходил за часом, а Какумацин не мог успокоиться: замыслы, один рискованнее другого, чередовались в его голове, пока наконец усталость не взяла свое после столь бурных переживаний и он не задремал.

Прошло не более десяти минут, как он впал в легкое забытие, когда внезапно очнулся от громкого шума в своих покоях. Какумацин открыл глаза, хотел было вскочить, но тут же почувствовал, что его крепко схватили за руки. При свете фонаря, вдруг оказавшегося перед ним, он узнал одного из военачальников Моктесумы, торжественно провозгласившего:

— Ты — пленник великого властителя.

Какумацин взревел, как зверь, попавший в западню, и принялся поносить воинов, напрасно стараясь освободиться.

— Предатели! — кричал он им. — Вы продались испанцам и подкупили моих слуг, чтобы схватить меня безоружным в постели! Подлые ацтеки, как вы посмели тронуть вождя царской крови! Отпустите меня, трусы! Или кровью ваших жен и детей я смою оскорбление, которое вы мне наносите!

Военачальник, возглавлявший маленький отряд, так отвечал на эти бранные слова:

— Ты взят под стражу по приказу великого властителя.

— Лжете, изменники! — кричал вождь-сородич. — Лжете, гнусные рабы! Только чужеземцы, которым вы служите, могут пойти на такую низость.

Он прилагал неимоверные усилия, напрягал все силы, чтобы вырваться, но безуспешно, ибо, несмотря на бешеное

сопротивление, воины заткнули ему рот и вытащили из дворца. На помощь не пришел ни один из его подкупленных слуг.

Какумацин с большой осторожностью и предусмотрительностью был препровожден во дворец к испанцам, где его заперли в небольшой комнате, оставив одного, стоявшего в неистовой ярости. Кортес явился в покои к Моктесуме, который тоже не спал и был еще более бледен и подавлен, чем обычно.

— Сеньор, — сказал он, — по вашему повелению принц из Тескоко арестован и только что доставлен сюда. Только Ваше величество имеет право распорядиться судьбой преступника царской крови.

Моктесума вздрогнул.

— Вождь-властитель действительно совершил преступное деяние, — сказал он. — До сих пор никогда, — горестно добавил он, — ацтекские вожди-сородичи не допускали ослушания своего верховного вождя и властелина! Никогда не наносили Моктесуме такой кровной обиды! Но чего ты от меня хочешь, воин-капитан? Не верю, что ты посоветуешь мне умертвить как злодея вождя-властителя Тескоко, вождя моего, царского рода!

— Род Моктесумы, — отвечал каудильо, — свят для меня, и я никогда не посоветую Вашему величеству употребить крайние меры, могущие быть вам не по душе. В нашем государстве есть тюрьмы для преступников такого высокого сана, как правитель Тескоко, и я полагаю, достаточно заключить в темницу зачинщика этого мятежа.

— Хорошо, — вяло промолвил Моктесума, — прикажи от моего имени отвести его в тюрьму для знатных людей и избавь меня от тягостной встречи с этим неразумным юношей.

Как только забрезжил рассвет, Кортес вынудил Моктесуму повторить свой приговор в присутствии индейских сановников, обставив эту процедуру весьма торжественно, а когда приговор был доведен до сведения Какумацина, Кортес — словно бы от лица монарха — посетил его, с любезной улыбкой на лице, давая понять, что преступнику следовало бы, прежде чем идти навеки в тюрьму, выразить свои верноподданнические чувства и благодарность высшему властителю государства за мягкое наказание.

Увидев его, Какумацин воскликнул:

— Зачем ты пришел? Или принес вождю-властителю Тескоко те цепи, которыми твои грязные руки опутали великого властителя ацтеков?

Кортес велел переводчикам сообщить вождю о своем дружеском совете, но тот вскричал в исступлении:

— Убирайся, лицемер! Иди, убажай своими лживыми речами несчастного вождя-властителя, которого ты лишил разума своим колдовством.

Убоялись переводчики донести эти слова до испанского военачальника, страшась его гнева, но, поняв смысл по тону и жестам Какумацина, Кортес уже повернулся к выходу, бросив на пленника взгляд, полный презрения и злобы.

И стражи тотчас повели в темницу гордого Какумацина, прокладывая путь среди живого моря, среди смущенных и оробевших людей, а несколько минут спустя гонец от Куаутемока уже просил позволения предстать перед великим властителем.

Моктесума был так измучен, что упрямо отказывался принимать кого бы то ни было, и только благодаря неоднократным настойчивым просьбам Кортеса наконец согласился выслушать посланца своего племянника.

Монарха оставили наедине с Синталем, посланцем Куаутемока, но снаружи у дверей стояли, как всегда, стражники. Едва сын Куальпопоки получил разрешение говорить, он отчетливо и довольно громко произнес:

— Великий уэй-глатоани, твой сын и племянник Куаутемок послал меня к тебе, потому что, поклявшись богам вступить в этот дворец только с оружием в руках, не смог явиться сам.

— Молчи, безмозглый юнец! — воскликнул монарх, озираясь по сторонам. — Куаутемок не мог дать такую клятву.

— Он это сказал, великий властитель, — ответил юноша, — и послал меня к тебе, дабы ты знал, что он тоже один из вождей, возглавляющих заговор и жестоко тобой наказанных в лице доблестного Какумацина. Вождь-властитель Такубы и мой господин молит тебя простить приговоренного и выгнать из твоих владений чужестранцев, против которых вожди поднимают восстание. В ином случае мой господин готов понести от тебя любое наказание, потому что, как он говорит, его следует обвинить в том же преступлении, за которое наказан вождь-властитель Тескоко.

— Молчи! — в ужасе вскричал несчастный монарх. — Молчи, юный безумец! Все, что ты сказал здесь, — ложь.

— Нет, тлакатеуктли, я клянусь твоим высочайшим именем, что это правда и что именно эти слова, которые ты слышал, мой властительный вождь Куаутемок велел передать тебе.

— Их воины слышали все, — с болью прошептал Моктесума, бросив взгляд на дверь, — а если никто из них и не понял этого умалишенного, тут может оказаться переводчик.

И тотчас громко проговорил:

— Хорошо, если родственные чувства, которые Куаутемок питает к своему двоюродному брату, побуждают его взять на себя чужую вину, я по справедливости покараю недомыслие одного, как покарал преступление другого. Иди, юноша, и скажи своему господину, что я велю ему ровно через два часа покинуть столицу. Кроме того, предупреди его, что я запрещаю ему задерживаться в окрестностях Теночтитлана и отправляю его в изгнание в область Соко틀ан, к именитому вождю-правителю Олинтетлю, где он и станет жить, пока будет на то моя воля.

Поклонился Синталь, дотронувшись правой рукой сначала до пола, а потом до своих губ, и вышел из комнаты, не проронив ни слова.

Моктесума сидел, глубоко задумавшись, когда к нему вдруг вошел сановник Уаколан.

— Верно ли известие, великий властелин,— сказал он,— которое я получил? Правда ли, что ты высылаешь из Теночтитлана вождя-властителя Куаутемока?

Моктесума взял его за руку и, почти прижав губы к уху сановника, прошептал:

— А разве есть иное средство спасти его от безрассудного шага? Этот благородный и храбрый мальчик не может оставаться в столице, пока здесь находятся люди, которых он должен ненавидеть, но которых ему нельзя прогневать.

ХІІІ

ИЗГНАНИЕ

Со своим маленьким сыном на руках, которого она то и дело нежно целовала в голову, Уалькацинтла сидела на подушке у ног своего мужа; Куаутемок лежал на скамье в одном из самых отдаленных уголков дворцового сада и жадно вдыхал свежий утренний воздух, казалось, приносивший ему облегчение, ибо по тому, как осунулось его лицо, можно было предположить, что тревожная и бессонная ночь доставила ему много тяжелых часов.

Время от времени он поглядывал на жену ласково и тревожно. Крохотный Учелит размахивал ручонками и что-то лепетал, словно хотел, еще не умея говорить, привлечь внимание отца. Но Куаутемок, занятый своими мыслями, почти не замечал ни робких взглядов своей жены, ни трогательного лепета своего сына.

Мрачная задумчивость молодого вождя никак не гармонировала с красотой и пышностью окружающей природы.

В чудесном саду, под пологом густой зелени, где тихо журчали ручьи и пели птицы, где под мягкими лучами восходящего солнца разливался пьянящий аромат белых цветов флорипона и перламутровых соцветий солоксочитля, своей формой напоминающих сердце; где благоухала роскошная манпальксочитль, бутоны которой испускают удивительно тонкий запах, и где красовались тигрово-оранжевые цветки ослепительного оклоксочитля; где, наконец, вокруг повсюду были прекрасные и радующие глаз творения девственной природы, странным казался меланхоличный и печальный вид этого молодого человека, жизнь которого, как и описываемый нами день, еще не переступила порог своего безмятежного утра.

Словно вырвавшись из плена глубоких и долгих раздумий, Куаутемок вдруг вскочил и в волнении двинулся широкими шагами по дорожке. Уалькацинтла тоже встала и молча последовала за ним, не сводя глаз с его изменившегося лица. Ветерок развеивал ее густые черные волосы, бросал их на светлое тельце

ребенка, прижатого к груди, шевелившего ручками под блестящими пряжами.

— Как можно было так опозорить свой царственный род? — вдруг воскликнул Куаутемок, разговаривая сам с собою, но бросая по сторонам гневные взгляды, будто искал того, к кому был обращен вопрос. — Как можно за несколько дней растерять все свои достославные добродетели, которые столь почитались более чем сотней подвластных тебе земель?

Старшая дочь Моктесумы, поравнявшись в эту минуту с мужем, остановила его в смятении и обиде. Куаутемок, глядя на нее, но не видя ее, продолжал:

— Все мы помним о нанесенных тебе оскорблениях, лишь только ты, кажется, не помнишь о них. Или тебя одолела трусость горного кролика, который пускается в бегство при шуме листвы на ветру? Или ты уже смиряешься со своим бесчестьем, или тебя оставил разум, чтобы не напоминать о твоём позоре?

— Куаутемок! — простонала Уалькацинтла. — В чем ты меня так страшно упрекаешь?

Эти слова привели Куаутемока в себя, он увидел свою жену в слезах с протянутыми к нему руками.

— Я обращаюсь не к тебе, — воскликнул он, — не к тебе, о чистейшая река, живящая пустыню моей жизни! К тебе я могу обратить одну лишь свою благодарность, моя белая горлица, за то, что своим чудесным голосом ты отгоняешь горести от нашего общего счастья!

И, обняв ее, глядя на нее повлажневшими глазами, сказал:

— Ты прекрасна в слезах, как роза на заре, осыпанная жемчужинами неба; ты с нашим сыном на руках похожа на голубку, прикрывающую гнездо материнскими крыльями, потому что супруг голубки пронзен стрелой охотника. И твой муж, Уалькацинтла, тоже ранен рукой несчастья.

— Я беспомощна, как голубка, хрупка и слаба, как роза, — отвечала Уалькацинтла, — но когда моего супруга преследуют, я становлюсь дикой и страшной, как самка ягуара, и крепкой, как дерево сейба. Скажи, что тревожит тебя, Куаутемок, и кто твой враг?

Вождь-правитель подвел ее к скамье под деревом и, посадив себе на колени, сказал:

— Твой отец бросил свой народ на произвол злодеев-чужестранцев и позволил надеть на себя их цепи со смирением, недостойным верховного вождя. Большой военачальник нашего государства умер на костре, как преступник; вождь-властитель царской крови брошен в темницу, как мятежник... И ты еще спрашиваешь меня, отчего я страдаю.

Уалькацинтла молчала, печально потупив гордые очи, а Куаутемок продолжал:

— У государства ацтеков больше нет верховного вождя, а у народа нет больше отца. Моктесума — раб испанцев, а его

вожди-данники—это стадо кроликов, отданных на растерзание койотам. И в то же время этот народ, глупый или безумный, клеймит именем бунтовщиков тех, кто хочет освободить его, а твой отец сохраняет власть лишь для того, чтобы карать своих же защитников. О, возлюбленная моя супруга! В недобрый год солнца пришел в жизнь наш сын! Его глаза открылись только для того, чтобы видеть бесчестие своих родителей, духи зла качают колыбель этого несчастного сына вождя.

Слеза скатилась из глаз вождя-властителя Такубы на голову ребенка. Словно крещением бедой, печатью несчастья была эта горькая капля, казалось, отдававшая во власть трагедии еще совсем короткую жизнь мальчика!

Мать прижала сына к груди, словно желая оградить его от напастей, и с испугом смотрела на Куаутемока.

— Чего же нам надо бояться?—воскликнула она.—Моему разумению не дано понять причину твоих волнений, но мое сердце рвется из груди от ужаса в предчувствии невиданных горестей.

— Чего же нам бояться!—повторил Куаутемок с горькой усмешкой. И крепко, почти неистово сжал в объятиях жену и сына.

— Ничего,—сказал он,—ничего не надо бояться, когда хватает смелости умереть с честью.

— Умереть!—вскричала молодая супруга вождя-властителя, упав на колени перед мужем.—Нет, нет, я не хочу умирать. Зачем умирать? Что будет с нашим сыном без отца и без матери? Надо убить всех испанцев до того, как мы расстанемся с нашим сыном, или нам надо отнять его у земли, вырвать, как росток, который еще не встретил свой второй год солнца. Но тогда все матери будут меня проклинать и говорить у моей могилы: «Здесь покоится жестокосердная Уалькацинтла, которая предала огню своего сына еще до того, как он научился прославлять наших богов и посылать стрелы в недругов родины». И души моих предков в негодовании выгонят меня из тех вечных городов, где они обитают, и скажут мне: «Ты была на земле как бесплодное дерево, которое упало, не оставив плодов, или как гнусное насекомое, которое пожирает свои личинки».

Куаутемок взял на руки малыша, запечатлел на улыбающихся губках отцовский поцелуй, поднял над головой и, обратив глаза к небу, с проникновенной торжественностью сказал:

— Заступитесь за невиновного, о небесные божества! Спасите это слабое создание и его беззащитную мать, которая плачет у моих ног; и если мне не выпадет счастье отстоять свою родину, дайте мне умереть за нее со славой и будьте покровителями вдовы и сироты.

По окончании своей несколько высокопарной молитвы вождь-властитель услышал легкий шорох: кто-то к ним приближался. Обернувшись, он увидел среди цветов и банановых кустов

фигуру Сингалья, видом своим не предвещавшего ничего доброго. Куаутемок возвратил ребенка матери и пошел навстречу юноше.

— Тебе нечего ждать, мой тлатоани, от великого властителя, твоего дяди и отца твоей жены,— сказал гонец.— Тебе даны только два часа на сборы. Ты должен уйти, ты выслан в землю Сокотлан, где будешь жить с тлатоани Олинтетлем, пока Моктесума не сменит гнев на милость.

— Да будет так,— сказал вождь-сородич после минутного молчания.— Иди и сделай все необходимое для нашего ухода.

Затем подошел к жене:

— Твой отец изгоняет меня из своей столицы, палачи празднуют победу.

— Да покарает небо злодеев,— ответила Уалькацинтла,— да откроет на них глаза несчастному властелину. Твоя супруга и твой сын последуют за тобой.

— Ты — свет моих очей и бальзам моего сердца,— воскликнул Куаутемок,— но я не могу допустить, чтобы ты подвергла ребенка опасностям долгого пути.

— Я о нем позабочусь,— ответила старшая дочь Моктесумы,— пусть это будет трудный путь, но и мой сын, если бы он уже мог делать выбор, тоже выбрал бы его не колеблясь.

Немного подумав, Куаутемок обнял жену и сказал:

— Хорошо, пойдем вместе. Душа моя не будет спокойна, если ты останешься в этом несчастном городе, где властвуют чужестранцы. В нашем распоряжении два часа. Иди, простись с родными, ибо прежде, чем солнце пройдет половину своего небесного пути, мы должны покинуть столицу.

Супруги расстались, а весть об изгнании вождя-властителя Такубы, уже распространившаяся по дворцу, вызвала у всех чувство горя и растерянности, проявившееся в слезах и воплях.

Прощание Миасочили и Текуиспы с Уалькацинтлой было таким горестным, словно они расставались навсегда. Все властительные вожди и знатные люди, находившиеся в Теночтитлане, устремились ко дворцу сказать последнее «прости» именитым изгнанникам.

Носильщики-тамеме, нагруженные разным скарбом, вскоре заполнили все патио дворца; были готовы и носилки с огромными балдахинами из зеленых и красных хлопчатых тканей, удобные и мягкие.

Уалькацинтла, вырвавшись наконец из объятий мачехи и сестры, повязала голову белой вуалью и взяла в правую руку опахало из зеленых и желтых перьев. Супруг подвел ее за левую руку к паланкину, где, укутанный в меха, лежал ее маленький Учелит.

В остальных паланкинах разместились несколько женщин-служанок супруги вождя, а также Наоталан, Синталь и двое или трое слуг Куаутемока, поклявшихся не оставлять его. Вождь занял место в своем паланкине, и маленький караван вышел из

дворца, направившись к окраине города по улицам, куда сбегались толпы народа проводить их добрыми напутствиями и скорбными воплями.

В ответ на это громко проявляемое сочувствие Куаутемок с супругой поднимали руки и бросали в толпы бедняков драгоценные камни из своих украшений — их тут же подбирали и благоговейно подносили к губам, словно святыню.

Уалькацитла горько плакала и шепотом горячо молила бога — покровителя странников, чтобы он помог им благополучно добраться до места изгнания. Никогда еще не покидала старшая дочь Моктесумы берегов родного озера и Теночтитлан, и связанное с внезапным отъездом предстоящее путешествие — не далее чем на шестьдесят километров — представлялось ей тяжелым и опасным.

Значительную часть пути паланкины плыли в нарядно украшенных каноэ по озеру, а затем началось молчаливое шествие по дорогам края, виды которого, действительно, могут приковать к себе любой рассеянный взор, отогнать самые мрачные мысли.

Окрестности столицы ацтеков по праву пользовались в царстве славы наиболее обширных плодородных земель, живописных и прекрасных. С одной и другой стороны путникам открывались цветущие поля, чаще всего заросшие густой кукурузой, початки которой, увитые золотистыми нитями, поблескивали среди ярко-зеленой листвы; там и сям виднелись рощицы чиримойо¹ и алоэ, высокие банановые ветви тихо покачивались на ветру, а кусты хлопчатника раскрывали свои коробочки с белыми, как снег, пушистыми комочками; до горизонта тянулись ряды деревьев какао, которые потряхивали желто-красными стручками.

После ананасовых полей взору открывались заросли кактуса-магея, любопытного растения, удивительного собирателя влаги, источающего чудесный сок, из которого и поныне местными жителями приготавливается хмельной напиток пульке, а среди аллей величественных ахрасов² стремились к свету корявые шеренги бесценного кактуса-нопаля, который питает кошениль³.

Вдали порой виднелись холмы, увенчанные гордыми кокосовыми пальмами, а еще дальше тянулись цепи гор, синеватые вершины которых порой затягивала розовая дымка облаков. Стайки пестрых попугаев-гуакамайо и катеев то и дело вспархивали по обе стороны дороги, а в необозримой высоте парил, бывало, одинокий орел.

Но вот дивное небо над этими очаровательными пейзажами стало постепенно блекнуть, сумрачная тень опускалась на сочные

¹ Чиримойо — тропическое деревце с небольшими зелеными плодами, по вкусу напоминающими дыню.

² Ахрас — дерево, похожее на лавр.

³ Кошениль — насекомое, дающее красящее вещество пурпурного цвета.

краски полей и рощ; и Куаутемок, — который останавливал шествие лишь затем, чтобы менять носильщиков и дать немного отдохнуть жене, — решил расположиться на ночлег в небольшом селении, которое находилось примерно на том месте, где сейчас стоит захудалый постоялый двор под названием «Вента де Кордоба».

Поскольку караван носильщиков двигался медленно, ночь опустилась раньше, чем он вошел в селение, но эта ночь тоже была одним из волшебных даров Анауака: буквально в несколько минут вся листва и трава засверкали светлячками, словно бы по велению свыше природа старалась осветить путь идущим.

Шествие достигло наконец места привала, где Куаутемок не мог не принять местных племенных вождей, которые наперебой предлагали ему свой приют и снабдили его продовольствием и носильщиками.

Места, по которым на следующий день пролегал путь, разительно отличались от прежних. Дорога поднималась вверх, открывая вид на величественный вулкан Попокатепетль с южной стороны и на мощные горы Матлакэуи с северной.

Властительный вождь задержался на минуту, чтобы бросить взгляд на роскошную равнину, расстилавшуюся позади, где на самом горизонте отсюда, с высоты орлиного полета, можно было различить города у великого озера в долине Анауак. Водная гладь, казавшаяся широким морским заливом, обрамлялась прекрасными строениями, золоченые башни которых отражались в воде.

Посреди озера возвышался город Теночтитлан; соперничая с ним, город Тескоко поднимал на восточном берегу свои высокие дома, глазурованные стены которых отливали серебром; а на противоположном берегу озера стоял гордый своим древним происхождением Такуба, город пышных цветов, плоские крыши которого тоже цвели садами. Между Такубой и Такубайей высилась голая скала Чапультепек, на склоне которой был воздвигнут дворец великого властителя, немного дальше из воды поднимался холм Тепеяк, где был храм Сен Теотль, богини земледелия. Койоакан с юга протягивал руки, — если можно так выразиться, — городками Хочимилько, Мескике и Чурубуско, а еще дальше, за столицей Теночтитланом, возвышался конус горы Текосинко, у подножья которой находились знаменитые термальные бани Моктесумы, память о которых сохранилась и поныне.

Глубокий вздох вырвался из груди Куаутемока.

— Посмотри, — сказал он своей супруге с невеселой усмешкой, — посмотри, сколько там селений и городов тех областей, где правят могущественные вожди. над которыми властвует верховный вождь Царства ацтеков... И горстка каких-то пришлых людей превратила всех этих вождей в своих рабов!

— Вышнее божество вернет вождям рассудок! — отвечала Уалькацинтла.

Куаутемок велел продолжать путь. Если прекрасна была панорама, на которую смотрели путники, обернувшись назад, то, говоря по правде, не меньшего внимания заслуживало зрелище, открывавшееся впереди.

Высокогорье, которое они пересекли, являло взору все новые и новые чудесные картины. Куда ни падал взгляд, повсюду вздымались впечатляющие каменные изваяния, которые казались произведениями всемогущей руки, завершившей сотворение мира.

Скоро путники добрались до приветливых берегов реки Рио Фрио, и оттуда дорога потянулась среди зарослей под густым зеленым пологом, который часто приоткрывался, радуя глаз невиданным зрелищем. Цветущие долины сменялись глубокими ущельями, тут — пропасть бездны, там — крутизна горы. В густых лесах, куда не могли проникнуть даже солнечные лучи, пению жаворонков и синсонтий отвечало хриплое мяуканье горных котов, а порой и глухое рычание кугуара или тонкий свист змеи канаукоатля.

Порой среди зелени на холмах выглядывали хижины земледельцев-масеалей, иногда — усеченные пирамиды храмов-теокальи, посвященных божествам плодородия, а вдалеке возносили в небо свои огнедышащие купола вулканы Пинауицапан и Орисаба, связанные друг с другом цепью скалистых гор.

Затем вновь менялся лик земли. При пересечении обширной равнины перед изумленными путниками вдруг встал мираж: озера и сады, плывущие по воздуху. На краю равнины, почти у самой горы, что теперь зовется горой Писарро, караван вступил на прямой путь, ведущий в область Соко틀ан, с приближением к которой природа обретала более суровый характер. Как на любой земле со множеством вулканов, там все казалось мрачным и однообразным. Тем не менее есть своя красота в нагромождениях застывшей лавы, в ее изощренных изгибах, которые представляются го легкими воздушными арками, будто кипящие черные струи внезапно застыли в воздухе, то кажутся потоком, низвергающимся вниз со скалы.

У подножия этого высокого горного массива, который можно назвать созвездием вулканов, раскинулась удивительно плодородная и радующая глаз долина со множеством селений, центральное из которых облюбовал вождь-правитель Олинтетль для столицы своих владений.

Если позволить разыгаться воображению, то вполне можно усмотреть некое тайное коварство в очаровании всей этой земли, подчинявшейся страшному врагу. Можно сказать, что она, как сирена, зазывала человека на его же погибель.

Какой же великолепный вид открывался с этой колоссальной горы из базальта и порфира, горы, форма которой так необычайно причудлива, а вершина покрыта вечными снегами, откуда единым взглядом можно охватить восточные склоны едва ли не

всей мексиканской кордильеры, одетой хвойными бальзаминовыми лесами и древовидным папоротником, и увидеть океан, простирающийся — с другой стороны — свои унылые берега!

Властительный вождь Куаутемок вошел в Сокотлан холодным, ясным вечером. Вождь-правитель Олинтетль вышел встретить его на пороге своего дворца.

— Как поживает великий властитель? — спросил он Куаутемока. — Все еще расточает свои милости пришельцам с востока?

— Вождь-властитель Тескоко закован в цепи, как злодей, — отвечал Куаутемок, — а я пришел на твою землю как изгнанник. По сему можешь судить, какие милости оказывает Моктесума чужеземцам.

— Вождь-властитель «Смертельное копьё»¹ в темнице! — в изумлении воскликнул тлатоани Сокотлана. — Героический вождь Такубы подвергнут изгнанию!.. Да смилостивятся над нами боги!

Опустив печально голову и не промолвив больше ни слова, он отвел гостей в самые просторные покои своего дворца, а затем, оставив их одних, распорядился предоставить кров людям их свиты.

XIV

УСПЕХИ КОРТЕСА

Испанцам больше ничто не мешало утверждать свое владычество: вождь-правитель Тескоко находился в темнице, Куаутемок — в изгнании, другие вожди-сородичи, собравшиеся в Теночтитлане, вернулись в свои земли.

Моктесума, угасавший и физически и духовно, отдался на волю мучителей с той покорностью, с какой мы подчиняемся судьбе, кажущейся нам неизбежной, а Кортес оказывал ему тем большие почести и продолжал внушать ему тем большую веру в его видимое могущество, чем безраздельнее он завладевал душой этого сломленного человека.

Коварной и тонкой политикой, которая, казалось бы, не была свойственна его времени, Кортес сумел так расширить и укрепить власть, как не смог бы сделать это никаким иным оружием, и шел по пути завоевания словно с благословения самого монарха, у которого постепенно отбирал бразды правления.

Он добился того, что Какумацин был лишен наследных земель — ибо государственного изменника постигает гражданская смерть, — и заменен одним из своих братьев, корыстолюбивым и беспринципным человеком, тупым и нерешительным, который в такой же степени симпатизировал и подчинялся испанцу, в какой ненавидел и презирал осужденного Какумацина. Мок-

¹ Какумацин известен в истории Древней Мексики своим прозвищем «Смертельное копьё»

тесума санкционировал этот акт произвола испанцев, положивший начало множеству других подобных же действий.

Целый ряд ацтекских сановников и военачальников, своим влиянием или силой мешавших Кортесу, были смещены на основании надуманных и нелепых обвинений, а вместо них назначены бездарные или приверженные испанцам люди. Эмиссары Кортеса шныряли по всей стране, пользуясь покровительством новоиспеченной знати, и от имени и по повелению Моктесумы творили го, что считали нужным.

Прикрываясь, таким образом, своей жертвой как щитом, используя в качестве орудий принуждения местные законы и судей, не упуская из виду, если можно так сказать, ни одной конвульсии этого агонизировавшего царства, Кортес с удивительным хладнокровием ожидал конца своего великого дела, начавшегося столь успешно. Однако, хотя он и был настроен весьма решительно в силу своего напористого характера, дальновидный испанец предусмотрел и возможность вынужденного отступления и, дабы укрепить тылы, велел индейцам построить две бригадины под присмотром испанских плотников.

Для осуществления этих разумных мер предосторожности Кортес постарался сперва разжечь любопытство Моктесумы, частенько рассказывая ему об искусстве кораблестроения, а затем сделал вид, что сооружение двух судов не преследует иной цели, кроме желания развлечь монарха и обучить столичных плотников изготовлять те «плавающие дворцы», которые вызывали у монарха искреннее восхищение.

Успешное исполнение всех замыслов, слабодушие Моктесумы, апатия целого народа, который, казалось, ни о чем не беспокоился, почтение, выражаемое ему одними, и слепая преданность властелину других знатных ацтеков, которые подавляли свое недовольство, не смея противиться приказам, исходящим от великого властителя,— всего этого было более чем достаточно, чтобы укреплять и разжигать природную дерзостную устремленность Кортеса. И хотя достижения Кортеса были значительны, он отнюдь не желал ими ограничиться и, когда представлялась возможность, предпринимал новые, еще более рискованные шаги.

Однажды вечером Кортес явился в покои монарха и, затеяв, после обычных куртуазных приветствий, разговор, стал описывать восторг, с каким король Испании воспринял сообщение о союзе и дружбе с ацтекским властителем, которого король, по словам Кортеса, вправе считать своим единокровным братом, ибо, как им стало извечно, великий Кецалькоатль был также прародителем и его величества Карла, которого, к тому же, сам объявил первым законным наследником всех земель Ацтекского царства.

При этом Кортес как бы невзначай заметил, что ничего не было бы удивительного в том, если бы его, Кортеса, господин, король Испании, счел воистину оправданным поступком со стороны Моктесумы, ацтекского властелина и союзника Испании, если бы тот признал себя вассалом короля, хотя бы

чисто формально, однако, заметив, как при этих словах побледнело лицо Моктесумы, Кортес быстро добавил:

— Это всего лишь мое предположение, поскольку я, будучи заинтересован в дружественном союзе двух великих монархов, один из которых — мой законный господин, а другой удостаивает меня вниманием и наградами, весьма желал бы предупредить все те возможные и неприятные инциденты, которые могли бы нарушить мир и гармонию наших добрых отношений, служащих, по моему мнению, выгоде обеих сторон.

— Во имя этих выгод, — ответил Моктесума, — я сделаю все, что может сделать великий властитель, не подвергая себя унижению.

— Большинство вассалов, или вождей-данныков Вашего величества, — продолжал Кортес, пропустив мимо ушей слова Моктесумы, — убеждены, что мы пришли в эти земли по велению неба, дабы утвердить право нашего великого короля владеть ими, а некоторые ацтекские господа поговаривают, что высшие силы небесные разрушают сердце и здоровье Вашего величества, разгневанные тем, что вы продолжаете занимать трон, чей законный обладатель уже определен небом и известен всем.

Моктесума заметно смутился и сказал упавшим голосом:

— Я не сомневаюсь в том, что боги обрушили на меня свой гнев, хотя мой разум не постиг, за что и почему. Но что поделать: может быть, их умилюстит принесенная им в жертву корона, которая гнетет меня больше, чем ублажает! Но только вожди-выборщики Ацтекского царства имеют право определять верховного вождя, и, если они пожелали бы избрать любого другого властителя, я просил бы только оказать мне честь позволить собственноручно возложить на него священную диадему.

— Ваши подданные индейцы не смогут найти более достойного властителя, чем великий Моктесума, — отвечал Кортес, — и король Испании не согласился бы никогда, чтобы монарха, его союзника и друга, лишили высшей власти. Однако Ваше величество должны знать, что иной раз монархам приходится поступаться своим царственным достоинством во имя высших политических целей. Поэтому король Карл может пойти вам навстречу в первом случае, но имеет право настаивать на том, чтобы вы признали себя его вассалом, ибо справедливость такого пожелания не оспаривают даже подданные Вашего величества. И может быть, принимая это во внимание, Ваше величество соизволили бы принести такую незначительную жертву, которая сохранит вам корону и укрепит дружбу с другим могущественным властителем земли.

— Если я дам согласие, — сказал Моктесума, немного помолчав, — испанцы немедленно уйдут отсюда?

— Я торжественно клянусь вам в этом, — ответил Кортес, кладя правую руку на сердце.

— Приходи ко мне завтра, и мы поговорим, — сказал Моктесума, — но прежде, чем дать ответ, я должен посоветоваться со своими сановниками.

Кортес, попрощавшись, ушел, а монарх велел одному из своих воинов найти Уаколана.

Пока августейший пленник обдумывал это ошеломляющее предложение, его супруга Миасочиль ломала себе голову над тем, как уговорить Моктесуму сделать не менее важный, во многом решающий шаг. Доверчивая и простодушная жена верховного вождя, довольная тем видимым уважением, которое испанцы оказывали Моктесуме, и очарованная любезным обхождением их главного военачальника, чувствовала к ним искреннее расположение, а кроме того, она очень подружилась с индейкой Мариной, женщиной весьма разумной и красивой, возлюбленной Кортеса и пользовавшейся авторитетом среди его капитанов.

Эта своей любовью обращенная в иную веру индейка на все лады превозносила добродетели испанцев и расписывала супруге Моктесумы все преимущества их религии. И вот Миасочиль решила предложить своему мужу бросить ацтекских богов, на чью немилость он постоянно жаловался, и предпочесть чужеземного бога, который осыпал благодеяниями своих почитателей.

Ей захотелось посоветоваться о своем решении с Текуиспой, но эту юную принцессу ничто не интересовало, кроме предмета своей страсти. Впервые подобное чувство владело ее пылким сердцем, и влюбленная дочь индейского монарха спокойно взирала бы, как рушатся небеса, если бы на их обломках она могла возвести алтарь для убоготворения своего избранника.

Ее жгучая любовь не была безответной: Веласкес де Леон, до сих пор поклонявшийся только славе, гораздо больше увлекался Текуиспой, нежели грандиозными планами своего командора.

Ни одна европейская красавица не очаровывала его так, как наивная индейка. Никто и никогда не любил его так искренне и чистосердечно. Обольстительна была эта юная девушка со своим простодушием и природным умом, со своими мольбами и капризами, со своей надменностью принцессы и покорностью обожающей девочки.

— Я тебе запрещаю,—говорила она Веласкесу,—я тебе строго-настрою запрещаю говорить мне о своем возвращении в Испанию. Я желаю, чтобы ты жил на моей родине и чтобы мой отец сделал тебя таким же могущественным вождем, каким был Какумацин, мой первый возлюбленный.

И тут же продолжала, бросаясь на колени перед молодым испанцем:

— Ведь правда, что ты никогда не покинешь твою бедную Текуиспу, которая умрет от горя? Скажи, что нет, умоляю тебя ради любви к своей богами избранной матери, которая девять лунных месяцев носила тебя в своем чреве и, произведя на свет сына, увидя твою красоту, узнала, что зачала тебя в ту самую прекрасную ночь, когда с неба эта сестра солнца укрывает землю, и в тот самый час, когда боги любви нашептывают сладкие слова

любви в уши девушкам и их милым. Потому-то лицо твое — светлое и прекрасное, как луна, а речи твои утешают сердце.

Веласкес в восхищении слушал ее и клялся в вечной любви.

— Когда ты познаешь моего бога, — говорил он ей, — тебя нарекут именем моей матери, а христианский священнослужитель соединит нас вечными узами.

— А далеко надо идти, чтобы познать твоего бога? — по простоте душевной спрашивала девушка.

— Он — повсюду, моя Текуиспа, и даже сейчас слышит нас и обращается к твоему сердцу, хотя глаза твои и не видят его.

— Если это так, я клянусь тебе, что уже его познала и что можешь дать мне имя твоей матери и взять меня в жены. Уже много-много раз, когда мы были вместе и ты говорил мне о любви и о нашем будущем счастье, я чувствовала, как меня кружит огненный вихрь, как туманятся мои глаза, а сердце растет и тяжелеет, словно с трудом удерживает то, что его наполняет. Тогда мне чудится, что я слышу шепот неба в твоем голосе и вижу отблеск неба в пламени твоих глаз, которые меня обжигают. Значит, я уверена, твой бог рядом с тобой и посылает мне все, что я чувствую.

Веласкес улыбнулся, целуя нежную ручку Текуиспы, которой она в пылу своих речей почти касалась его руки, а девушка продолжала:

— Ацтекские боги страшны, только взгляни на их изображения в наших храмах. Твой бог, наверное, прекрасен. Если это не так, то в него не влюбились бы все те девы, о которых ты мне рассказывал вчера и которые убили себя, потому что выбрали его себе в мужья. Я не считаю себя достойной такой великой жертвы; мне достаточно того, чтобы стать твоей женой.

Веласкес больше не заговаривал с Текуиспой о религии и чувствовал себя вполне счастливым, не переставая верить ее в своей страстной любви.

Увы, нечаянное счастье этой юной влюбленной пары пробудило бы к их участи такую же острую жалость в сердце того, кто мог бы открыть тайну грядущего, как и к горькой судьбе Куаутемока и его супруги, томившихся в изгнании.

Часть вторая

I

ПРИЗЫВ МОКТЕСУМЫ

Наступал вечер одного из прекрасных дней конца мая. Заходящее солнце золотило своими последними лучами заснеженные вершины гор, а очертания благодатной долины, где раскинулся

живописный город Сокотлан, обретаали спокойную прозрачную ясность. Птицы уже устремлялись к своим гнездам, а земледельцы-майеке тащились к своим очагам, хором напевая ритуальную «Песнь отдыха», когда шедшие впереди люди вдруг остановились, умолкли, а потом разом куда-то кинулись бежать, передавая друг другу какое-то одно слово и увлекая за собой остальных.

Оказалось, что людское любопытство привлек вождь-властитель Куаутемок, возвращавшийся с охоты, которая была единственным занятием, способным рассеять его печаль. Заняться охотой ему посоветовал Олинтетль, понимавший, что надо чем-то развлечь своего в высшей степени энергичного юного гостя.

Самые ловкие и смелые охотники не могли соперничать в сноровке и бесстрашии с зятем Моктесумы, приносившим в замок Олинтетля после охотничьих облав такие редкостные трофеи, как шкуры хищного и коварного койотля, свирепого тлальмототля или тлалькойотля¹ удивительной окраски.

В тот день Куаутемок несколько раньше обычного возвращался с охоты со своими друзьями Наоталаном и Синталем, сопровождаемый охотниками, которые несли убитых зверей. Хотя молодой вождь приветствовал бежавших ему навстречу земледельцев с обычной вежливостью, люди заметили, что он сосредоточен и мрачен более, чем обычно, а оба его товарища чем-то обеспокоены.

Действительно, те немногие слова, которыми обменялись изгнанники, подтверждали справедливость первого впечатления.

— Как вы думаете, что это были за путники?—спросил Куаутемок двух братьев.

— Один из охотников сказал мне, что они прибыли в Сокотлан со стороны Теночтитлана,—ответил Синталь.—И еще он сказал, что они показались ему людьми, выполнявшими важное поручение, так как очень торопились сюда.

— Может быть, это новые изгнанники,—пробормотал вождь-властитель, понутив свою гордую голову.

— Боюсь,—заметил Наоталан,—что это скорее гонцы наших притеснителей.

Они замолчали и поспешили к городу, где тотчас заметили признаки волнения. Действительно, узнав Куаутемока, группы людей, собравшихся на улицах, зашумели еще громче, закричали:

— Смерть испанцам! Слава Куаутемоку!

Окруженный толпами народа, вождь-властитель достиг дворца Олинтетля, спустился с носилок и постарался утихомирить людей:

— Разойдитесь по домам, друзья, и дайте нашему законному уэй-тлатоани Моктесуме самому наказать чужеземцев, если они совершили какое-то злодеяние.

¹ Ацтекские названия койота, крупного кабана, большого горного кота.

Преклонение индейцев перед своими вождями было столь велико, что, нехотя, стиснув зубы, жители Сокотлана все же беспрекословно выполнили приказ Куаутемока, который вошел во дворец, сгорая от нетерпения узнать причину столь необычного поведения городского люда.

Навстречу ему вышел Олинтетль и сказал задумчиво и тихо:

— Твое изгнание окончилось, и тебе надо вместе со мной выехать сегодня же ночью из Сокотлана на Большой совет, на который Моктесума созывает всех вождей.

— О чем будут решать на этом неожиданном Совете? — быстро спросил Куаутемок.

— О признании нашей зависимости от испанского властителя, — хмуро ответил Олинтетль.

На несколько минут онемел молодой вождь-властитель Такубы, а вождь-правитель Сокотлана продолжал:

— Твой престарелый и больной отец, старший властитель Такубы, наверное, не сможет там присутствовать, и тебе придется представлять его на Совете.

— Ни за что! — воскликнул Куаутемок, переломив крепкое копьё, которое держал в руках.

— Ничего не поделаешь! — сказал с грустной усмешкой Олинтетль. — Гонец Куитлауака и Уаско, вождь-правителей Истапалапы и Койоакана, прибыл почти одновременно с посланцем Моктесумы, и вот что сказал мне этот гонец от имени наших знатных друзей: «Народ беспрекословно слушается великого властителя, и напрасно убеждать людей в том, что подчиняться верховному вождю Царства ацтеков, не унижая себя, следует после того, как он будет вырван из рук испанских порабощенцев, которые правят от его имени. Тласкала, Семпоала, Табаско, Симпацинко и много других больших горных селений стоят за испанцев. Новый вождь-властитель Тескоко — ставленник испанцев, сторонник тех, кто дал ему власть. Большая часть вождьданных побоится послушаться веления Моктесумы, и только очень немногие тлатоани, — хотя есть и такие, кто не совращен испанцами, — осмелились бы открыто презреть слепую и губительную преданность народа своему властелину».

— Значит, — воскликнул в отчаянии Синталь, — нет пути к свободе и мщению?

— Смерть освобождает от всего на свете, — мрачно промолвил Наоталан, — а месть рождается отчаянием.

— Отчаяние, юноша, — сказал Олинтетль, — опасный советчик, а месть перестанет быть местью, если мы причиним зло, большее, чем то, за которое мстим. Я думаю, и так же думает благородный вождь-правитель Истапалапы, как мне поведал гонец, что все мы должны откликнуться на призыв Моктесумы, нашего законного властелина, и молить его вышвырнуть из своих владений чужестранцев, которые вводят его в обман. Как уверяет верховный вождь, эти злые люди уйдут из Царства

ацтеков, едва он объявит себя зависимым данником их властителя, и, если только он требует от нас пожертвовать какой-то частью наших богатств и выполнит обещание выгнать испанцев, я полагаю, что нам лучше повиноваться и молчать.

— Где сейчас Куитлауак и Уаско? — спросил Куаутемок.

— В Теночтитлане. — ответил Олинтетль. — Туда направляются все тлатоани по призыву великого властелина.

— Тогда и мы пойдем, — воскликнул Куаутемок. — Пойдем просить у Моктесумы свободу или смерть.

Как только заалела заря, они отправились в путь с многочисленной свитой. Уалькацинтла плакала в своем паланкине, испуганная мрачным видом своего мужа: никогда так сурово не хмурились брови на его благородном выразительном лице. Олинтетль был не менее угрюм и молчалив. За ними следовали Наоталан и Синталь: первый еле сдерживал кипевшую ярость, второй пребывал в состоянии глубокой подавленности.

Вожди спешили, делали короткие привалы по ночам; Куаутемок, не щадя Уалькацинтлу с маленьким Училигом, торопился поскорее добраться до Теночтитлана и почти не смотрел в сторону жены и сына.

Правда, когда трудности пути явственно давали знать о себе, он оставлял свои носилки и шел рядом с паланкином Уалькацинтлы, оберегая семью. Ни советы Олинтетля, ни настойчивые просьбы Наоталана и Синталя, просивших доверить им охрану молодой матери на опасных отрезках пути, не могли заставить его оторваться от близких, хотя он то и дело отдавал приказания идти как можно быстрее.

Караван продвигался, как мы уже сказали, действительно очень быстро, не замедляя хода даже в самые жаркие дневные часы. Куаутемок порой выбивался из сил, но Уалькацинтла напрасно просила его сесть снова на носилки; он притворялся, что не слышит ее. Тогда она просто смотрела на него с нежной покорностью и, протягивая из паланкина свою тонкую руку, отирала ему пот со лба.

— Солнце сильно печет, — говорила она. — Даже тамеме-носильчики, привыкшие к жаре, изнемогают и не в состоянии подчиниться твоим нетерпеливым словам. Побереги свою жизнь, сядь на носилки. Голова у тебя горит, ноги разбиты в кровь.

— Заботься только об Училиге, — отвечал вождь, — смотри, чтобы он не ушибся в носилках на плохой дороге.

— Он спокойно спит у меня на руках, — возразила Уалькацинтла. — и никакая беда не грозит ему, не бойся. Зато я, увы, очень боюсь, что, хотя бедное дитя не понимает и не чувствует всех невзгод, боль, которую я испытываю при виде твоей боли, отравляет источник его жизни, несет ему смерть с молоком матери.

Вздрогнул Куаутемок и протянул руку к сыну, словно хотел отвести опасность, но темная туча снова набежала на

его озарившееся было лаской лицо, и, скрестив руки на груди, он безрадостно промолвил:

— Счастлив сын, которому даст смерть молоко его матери, если у него нет отца, который мог бы дать ему свободу!

— Не говори так про Учелита,— поспешно отозвалась Уалькацинтла.— Отец Учелита, хотя и молод, первый воин среди всех ацтекских вождей-властителей. Когда я, его мать, бываю с ребенком на ваших состязаниях, даже старцы приветствуют меня с почтением и говорят: «Это Уалькацинтла, старшая дочь Моктесумы и супруга Куаутемока, а царственный младенец на ее руках — сын героя и правнук великого Ахаякатля¹».

Пока супруги разговаривали, день, еще не достигший и своей середины, вдруг стал окутываться темной дымкой, словно в неурочный час захотела ночь вторгнуться во владения солнца.

Странное явление озадачило путников, но скоро колебание почвы под ногами и глухое подземное рычание возвестило им, что проснулся вулкан Попокатепетль, мимо которого лежал их путь. Караван поспешил уклониться от устрашающего соседства, однако не успел отойти на столь далекое расстояние, чтобы люди не смогли стать свидетелями грозного и величественного зрелища.

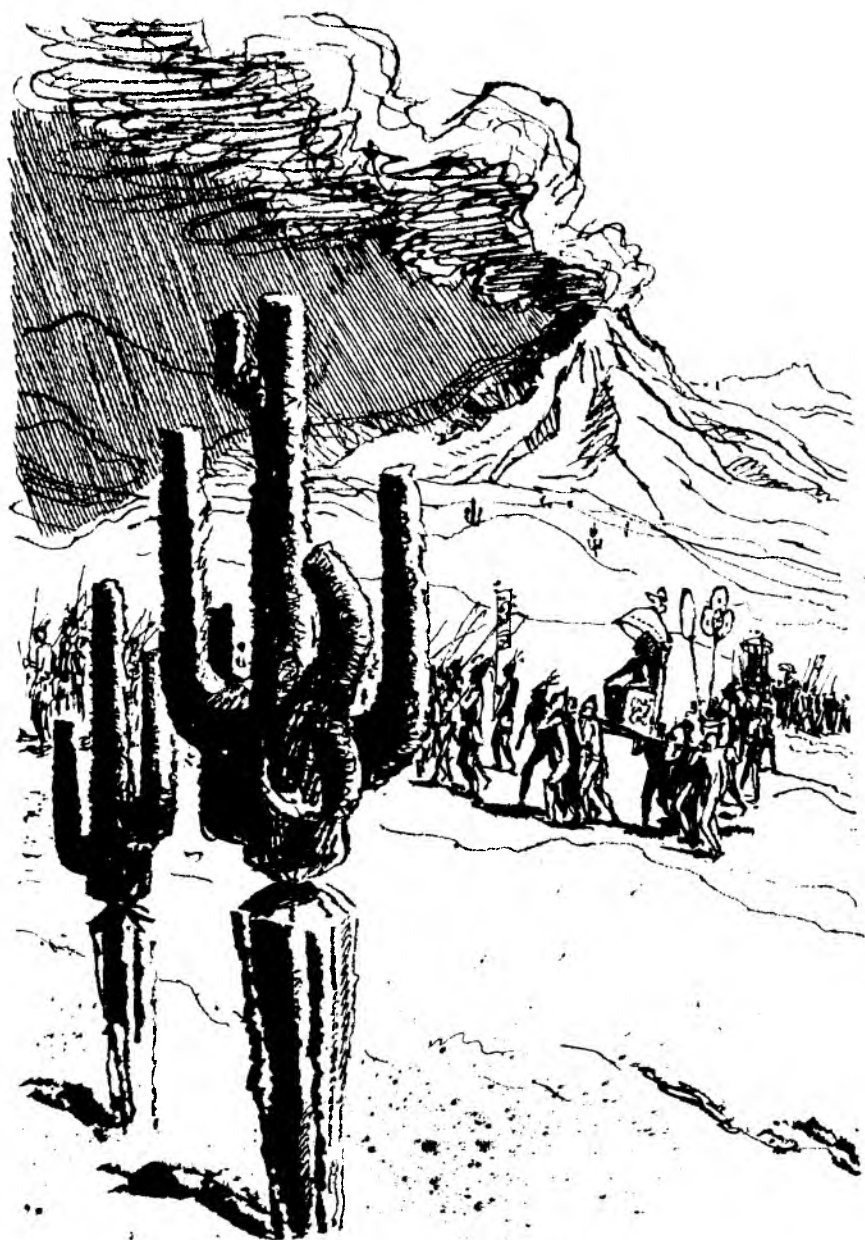
В густых клубах черного ядовитого дыма, выбивавшихся из кратера, сверкали багровые вспышки пламени, награждавшие огненными ореолами пики других гор. Скоро подземный рык перешел в непрерывный гул, и широкий кратер в неистовстве выплеснул наружу кипящую лаву и камень; густой искрящийся поток устремился вниз, вздымаясь волнами на дальних уступах.

Громада гор сотрясалась до самого основания, словно собираясь рухнуть; пылавшая голова вулкана отражалась, как в зеркале, в дальних водах большого озера Чалько, и небо и земля казались двумя огненными стихиями.

Носильщики-тамеме испускали дикие вопли, а лица знатных людей, сопровождавших Олинтетля, покрылись бледностью. Всеобщий ужас был вызван не только грозящей опасностью, но также и распространенным среди ацтеков поверьем, что извержения этого вулкана предвещают страшные беды.

Зловещий свет, венчавший купол вулкана Попокатепетль, бросал отблески на снежную вершину вулкана Икстаксиуатль, и Куаутемоку, охваченному суеверным трепетом, казалось, что он видит там, на огромном белом пьедестале, страшную пророчицу, лицом обращенную в сторону несчастного Теночтитлана, о роковой судьбе которого она возвестила много лет назад.

¹ Ахаякатль — один из выдающихся монархов Ацтекского царства, во время правления которого (1469—1503) в состав царства вошла не только долина Анауак, но и вся Центральная Мексика. Он построил в Теночтитлане большой дворец, где разместился Э. Кортес.

Видение так ясно предстало перед его лихорадочным взором, что, замерев на месте, он воскликнул:

— Так насладись же, кровожадная посланница Тлакатекотля, исполнением своих предсказаний. Иди и смотри при свете подземного огня на победы людей твоего, белого, цвета и низвергни стены твоей горной обители на обреченный народ, гибель которого предрек свирепый бог, которому ты служишь. Иди сюда и смотри, как мы запоем песнь смерти, но губы наши не дрогнут; смотри — отблески этих кровавых огней не заставят помертветь наши лица.

Грохот вулкана заглушал слова. Это было удивительное, возвышающее душу зрелище: юноша, бросающий вызов року перед двумя колоссами природы.

— Уйдем отсюда, Куаутемок! — кричала ему жена. — Злодейские души хотят завладеть нашим сыном!

Надо заметить, что, согласно народным ацтекским поверьям, вулканы вместе с огнем и лавой извергают души монархов-тиранов, чтобы карать народы.

Наоталан и Синталь, подхватив вождя-властителя под руки, побежали вперед, и караван более не останавливался ни на минуту, пока не оказался на весьма значительном расстоянии от гор.

Вулкан постепенно умерял свою ярость, и, когда путники остановились в каком-то селении на ночлег, можно было сказать, что всякая опасность уже позади.

На следующий день они продолжили путь, по дороге к ним присоединились вожди-правители Мастлатона и Атлиско, которые тоже спешили на Всеобщий совет по призыву Моктесумы.

Эти знатные вожди тоже проявляли заметную тревогу. Хотя Моктесума и не возвестил открыто о цели сближения, все уже знали, может быть со слов какого-нибудь сановника, что речь пойдет о признании вассальной зависимости от короля Испании.

Области Ацтекского царства, куда доходили эти известия, выказывали недовольство и опасение, однако все пребывали еще в таком страхе перед Моктесумой и настолько верили в его мудрость, что ни знатные, ни простые люди не осмеливались открыто осуждать его намерения, и хотя изредка слышались громкие угрозы в адрес испанцев и часто приветственные крики встречали Куаутемока, голоса смолкали и наступала мертвая тишина при одном лишь упоминании имени Моктесумы.

Процессия достигла Теночтитлана в девять часов утра на восьмые сутки пути из Сокотлана, и, едва успев поручить свою супругу и сына попечению обрадованных Текуиспы и Миасочили, Куаутемок бросился в отведенный ему в Теночтитлане дворец, где он должен был встретиться с другими высокими вождями, приглашенными туда Куитлауаком. На зов откликнулись тлатоани из Хочимилько, Тлакопана, Сопанко, Атенко, Тепеполько, Матлальцина и многие другие, в том числе вожди-правители дальних областей, таких, как Мильтепек, Канольякак, Ауалолько и Асотла, жаждавшие узнать, чему посвящено предстоящее со-

брание. Одни не сомневались в том, что Моктесума намерен признать себя данником властителя Испании, другие не знали, что думать, а третьи полагали, что уступки врагам допускать нельзя. Именно так считал вождь-правитель Матлальцина, который объявил, что если Моктесума действительно проявит такое постыдное слабодушие, то он, даже будучи родственником великого властителя, тотчас откажется ему повиноваться.

— Я,— сказал тлатоани из Матлальцина,— расстроил заговор против испанцев; я, еще считая Моктесуму великим властителем и верховным вождем ацтеков, с презрением отверг неповиновение его высшей власти. Однако после того, как именитый Куаутемок много лунных месяцев провел в изгнании и немало сановных лиц отстранено им без всякого на то основания, я должен получить последнее доказательство трусливости Моктесумы и тогда первым буду ратовать за провозглашение нового верховного вождя, более достойного править нами и умеющего хранить честь и славу ацтеков.

— Я не уверен, можем ли мы, его подданные, многого не знающие, судить великого Моктесуму,— сказал старый вождь-властитель Тлакопана.— Ибо так глубока его мудрость, и боги так часто говорят с ним и дают советы, что то, что нам кажется несправедливым или неразумным, может оказаться правильным и мудрым.

— Боги уже не оказывают милостей Моктесуме,— сказал Уаско, вождь-правитель Койоакана.— Я слышал из уст самих теописков такие достойные внимания слова: «Моктесуму не жалуют божества, и не будет больше счастливых солнечных лет в стране, где он властвует».

— Да, видно, боги оставили моего несчастного брата,— ответил Куитлауак,— а чужеземцы превратились в зверей и держат его в когтях. Я ненавижу этих злодеев так же, как прежде их почитал, и, чтобы не стать нам рабами их властителя, который, наверное, еще более жесток и коварен, чем его посланцы, я с радостью пролил бы свою кровь до последней капли. Но, может статься, на этом Совете, хотя речь там, несомненно, пойдет о полном подчинении неведомому властителю, дело обернется не так худо для нас, как кажется на первый взгляд. Я твердо знаю, что Малинче¹ поклялся нашему уэй-тлатоани уйти из земель царства, как только получит дань для своего господина. И, поскольку эти люди, имеющие грозное оружие и обуздавшие диких животных, уже обзавелись в наших землях могущественными союзниками, Моктесума, видимо, считает разумным избавиться от них, не приводя их в гнев.

— Я тоже так думаю,— вторил ему Олинтетль,— и, если речь идет лишь о том, чтобы поступиться частью сокровищ, я готов отдать их без всякого сожаления. Властитель чужеземцев обитает далеко отсюда, и, когда они уйдут из наших владений, мы, конечно, не впустим их снова.

¹ Так ацтеки называли Кортеса «Малинче», по словам некоторых испанских хронистов, — почетный ацтекский титул.

— А ты думаешь, вождь-правитель Сокотлана,— воскликнул Уаско,— что они удовольствуются наживой, уйдут и оставят нас в покое, если мы покажем себя такими покорными и признаем власть их вождя над собой? Эта новая победа только прибавит им самоуверенности, а то, что сейчас является насилием, потом будет освящено законом. Я никогда не соглашусь с таким позорным условием. У нас хватит и смелости и оружия, чтобы вышвырнуть их из Царства ацтеков.

— Ты говоришь как юнец,— сказал Куитлауак.— Я первый умру, защищая нашу свободу, первый пойду, если эти чужеземцы нарушат свое слово, изгонять их отсюда с оружием в руках. Но я не считаю правильным отказываться сейчас от тех благоразумных мер, которые предлагает Моктесума, и, если он велит мне признать их власть, я подчинюсь ему, как верно-подданный. Моктесума обещал, что чужеземцы уйдут, и еще никогда и никому не приходилось напоминать Моктесуме о его обетах.

— Я того же мнения, что и благородный Куитлауак,— сказал вождь-правитель Тепеполько.

— Я тоже согласен,— поддержал его вождь-правитель Отумбы,— но прежде я хочу вместе с вами просить Моктесуму насытить алчность испанцев и не подвергать нас позорному унижению. Зачем нам становиться данниками и слугами их властителя, если эту дань мы приносим добровольно, а нажива только и нужна этим ненасытным людям?

— Да, вожди!— воскликнул Куаутемок.— Попросим великого властителя, чтобы он оградил себя и нас от столь страшного оскорбления. Лучше отдадим горы золота, чтобы утолить алчность чужеземных извергов.

— Да будет так!— сказал вождь-правитель Хочимилько.— Пусть придет сановник Уаколан и сегодня же передаст верховному вождю царства нашу просьбу.

Все выразили свое согласие, и один из воинов вождя-правителя Истапалапы пошел на поиски Уаколана. В то время пока разыскивали главного сановника, сюда же прибыли другие тлатони, они тоже с охотой поддержали решение своих соратников и выразили готовность заплатить любую цену за избавление от испанцев и за освобождение своего монарха.

Наконец прибыл Уаколан. Обратившись к нему, Куитлауак объяснил цель этого предварительного собрания и поручил ему передать Моктесуме нижайшую просьбу вождей-властителей и правителей, его данников.

— Это невозможно, благородные вожди.— отвечал сановник.— Моктесума дал слово Малинче, а вы все знаете, что его слово нерушимо.

Действительно, священная верность великого властителя своему слову была настолько широко известна, что все признали напрасным делом настаивать на своем.

— Но как же так? — вне себя вскричал вождь-правитель Матлальцина. — Правду ли мы слышим? Моктесума желает признать себя подданным чужеземного властителя?

— Это будет ничего не значащее действие, — отвечал Уаколан, — но, довольные им и нашими дарами, испанцы освободят нас от своего присутствия и оставят в покое Царство ацтеков. Такое требование выдвинул великий Моктесума, и выполнить его свято обещал предводитель чужеземцев.

— Я ухожу, о тлатоани! — сказал, стремительно поднявшись, вождь-правитель Матлальцина. — Я возвращаюсь в свои земли и отказываюсь повиноваться верховному вождю, который признает власть предводителя чужаков с востока. Когда потребуются руки для защиты верховного вождя и для защиты его царства, я вернусь к Моктесуме, но никогда, так и передай ему, Уаколан, никогда пусть не призывает меня быть соучастником и свидетелем его постыдных уступок.

Он ушел, а Куаутеок, поднявшись с места, промолвил твердо и печально:

— Скажи от моего имени великому властителю, что только мой отец, старший властительный вождь Такубы волен решать, следует ли ему или нет подвергать себя требуемому унижению, и что я не могу представлять здесь своего отца, особенно если речь идет о том, с чем я не согласен: мой поступок будет им жестоко осужден как нарушение его законных прав. Моктесума может снова послать меня в изгнание, куда ему вздумается, или заковать в цепи вместе с Какумацином. Я его данник и сопротивляться не буду.

— Обо мне скажи ему, — добавил Уаско, — что я буду признавать над собой только власть богов и великого властителя Ацтекского царства.

— Обо мне скажи, — промолвил осмотнительный Куитлаук, — что принятое решение мудро, хотя, к сожалению, чревато опасностью, но моя верность великому властителю побуждает с ним согласиться. Однако, если чужеземцы изменят своему слову, я буду жестоко мстить им за обман.

То же самое сказали большинство вождей, и все разошлись. Куаутеок вернулся к семье во дворец монарха, где его ждала новость: только что сюда прибыл его отец, старший вождь-властитель Такубы.

Куаутеок поспешил к нему, желая узнать о его намерениях в сложившихся трудных обстоятельствах, и застал его вдвоём с Нецальком, своим сводным — по отцу — братом и ровесником. Властительным вождям Ацтекского царства было разрешено двоеженство, и, хотя этот обычай не был широко распространен, именитый вождь, ставший властителем Такубы после женитьбы на сестре Моктесумы, сохранил статус законной супруги за одной благородной индейкой, на которой был женат раньше. Плодом первого союза и был Нецальк, которого сердечно

любил Куаутемок, его брат, рожденный от второй жены, женщины царской крови.

Слабое здоровье старшего вождя-властителя Такубы не позволяло ему покидать свои владения, и, хотя город Такуба находился недалеко от Теночтитлана, вождь многие месяцы не показывался при дворе Моктесумы, куда его теперь вызвали на торжественный Совет.

Несмотря на физическую немощь, старый вождь обладал волевым характером, и потому, как только услышал от Куаутемока подтверждение угрожающих слухов о цели созыва вождей, он тут же решительно всгал и сказал:

— Довольно. Вели подать мне паланкин, Нецальк. Я намерен сейчас же вернуться в свои земли.

Куаутемок поцеловал ему руку.

— Ты — достойнейший вождь-властитель, — вырвалось у юноши. — Я преклоняюсь перед тобой — и как перед своим отцом, и как перед настоящим тепанеком¹. Но я прошу тебя, не уезжай так поспешно. Позволь хотя бы несколько часов послушать твои мудрые речи и дасть тебе подержать на руках моего сына, чтобы ты отвел от него беды.

Старый вождь-властитель Такубы снова сел на скамью и произнес мрачно и грустно:

— Великий Моктесума I, который некогда разбил войска моих предков, не смог бы себе представить, что следующий верховный правитель Ацтекского царства, дань которому мы платим и власть которого признаем, так обесчестит подлым безволием и свое имя и царство. Поторопись, Куаутемок, принести мне своего сына, ибо я не желаю долго оставаться в этом грязном месте.

— Достойный татльцин, — сказал молодой Нецальк, — неужели ты покинешь великого властителя в ту минуту, когда его оставили духовные силы? Выполнишь ли ты свой долг советника и верного подданного тем, что отвернешься от верховного вождя, который падает в пропасть? Не подсказывает ли тебе твоя мудрость, что ты поступишь более достойно, если предстанешь перед Моктесумой и постараешься вселить отвагу в его сердце и ободрить его душу?

Эти слова действовали на вождя-властителя Такубы, заставили его задуматься.

— Изменить ничего нельзя, — сказал Куаутемок. — Властитель дал слово, а слово его нерушимо.

— Не может этого быть, — с возмущением оговорился старец. — Слово не дано, а вырвано у него; нельзя считать дарован-

¹ Тепанеки — наиболее древнее и могущественное племя долины р. Мехико (Анауак), покоренное ацтеками в результате войны 1477—1483 гг. Ацтекские верховные вожди Ицкоатль, а затем Моктесума I отдали в вассальное владение тепанекским вождям город и область Такубу.

ным то, что взято силой. Моктесума — властитель-пленник. Да, Нецальк, ты прав. Вели подать нам паланкины, я хочу говорить с великим властителем, который мирится с чужеземным гнетом, и просить у него позволения освободить его от позорного рабства.

Нецальк повиновался, а старший вождь-властитель Такубы добавил, обратившись к Куаутемоку:

— Пойди к нашим вождям-сородичам из Матлальцина, Койоакана, Истапалапы и Сокотлана и передай, что мы ждем их сегодня вечером в нашем дворце тут, в Теночтитлане.

Отец и сын вышли вместе. Первый сел в паланкин и отправился в стан испанцев, а второй устремился к дому Олинтетля.

II

НОВЫЕ ПЛЕННИКИ

Моктесума был один, когда к нему вошел Уаколан с посланием от вождей-сородичей и правителей городов. При виде сановника монарх радушно протянул ему руку: пройдя путь тяжких испытаний, он лишился непомерного самомнения, побуждавшего его думать, что он — божество, и заставлял других относиться к нему так, будто он и вправду бог.

— Ну, мой любезный служитель, — сказал Моктесума, — отчего у тебя такой печальный вид?

— Боги, великий властелин, — отвечал старый сановник, — так распорядились, чтобы я принес тебе не слишком радостные вести.

— Что случилось? — с беспокойством спросил Моктесума. — Света не видят очи моей супруги или очи кого-нибудь из моих сыновей?

— Нет, уэй-тлатоани, твоя супруга жива и придет, как обычно, с твоей дочерью Текуиспой и с младшим сыном; твои старшие сыновья, которые по твоему велению находятся в этой твоей новой обители, тоже здоровы, как ты и сам, наверное, знаешь.

— Не пришла ли дурная весть из Сокотлана? — продолжал расспрашивать монарх. — Не стряслось ли беды с моей дочерью Уалькацинтлой и ее мужем?

— Царственная Уалькацингла и ее муж, — отвечал сановник, — прибыли в столицу несколько часов назад, и боги хранили их от несчастных случаев.

— Скажи мне тогда, что тебя огорчает, и не бойся опечалить меня, — сказал Моктесума. — Мое сердце очерствело.

— Вожди-правители Матлальцина и Койоакана, — вымолвил Уаколан, — отказываются повиноваться тебе и заявляют, что не согласны с твоими уступками. Вождь-властитель Куаутемок

просит извинить его отсутствие на Совете, который ты созываешь, и говорит, что не он, а его отец должен понять твои замыслы, тем более что самому ему кажется неприемлемым твое решение.

Побледнел от гнева Моктесума. Хоть и была почти сломлена его воля, не мог он стерпеть такого — в его понимании — страшного оскорбления. Привыкший к слепому повиновению своих данников, почитаемый вождями-правителями, многие из которых были его родственниками или ставленниками, он считал себя сильнее обиженным и униженным подобным неповиновением и отсутствием уважения, нежели надругательствами испанцев. Он встал со скамьи, дрожа от возмущения, и закричал так громко, что его прекрасно могли слышать люди, находившиеся в соседнем зале.

— Они отказываются мне повиноваться! Они! Мои родственники и данники! Мне отказываются повиноваться вожди-правители Койоакана и Матлальцина! И Куаутемок! Куаутемок тоже меня порицает и своевольничает?! Взять их всех под стражу! Сейчас же заковать в цепи этих мятежников и предателей!

Вспышка гнева так обессилила его, что он почти упал на скамью, с которой встал, а Уаколан уже собрался было позвать на помощь слуг, когда открылась дверь и появился Кортес.

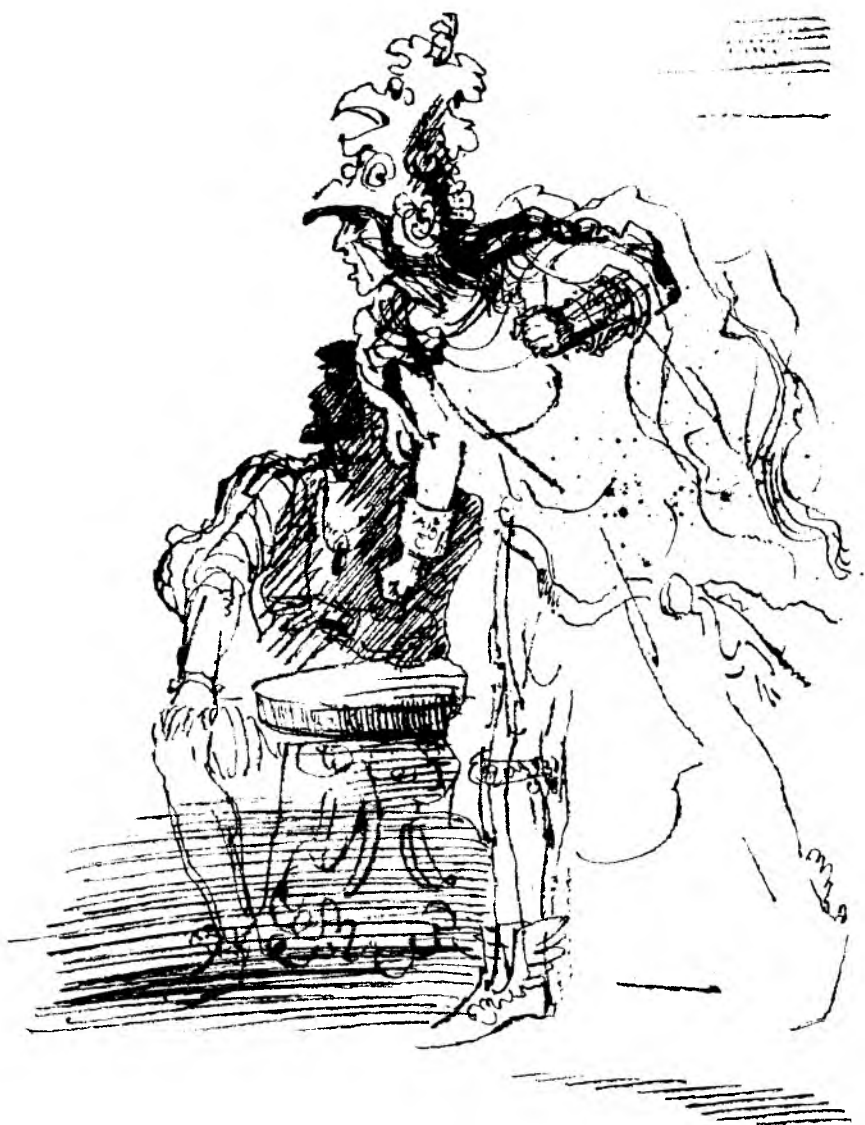
Он слышал слова монарха, но, следуя своему намерению убеждать Моктесума, что сам обо всем догадывается и сам все знает, сказал с негодованием:

— Сеньор, я пришел просить Ваше величество разрешить мне покарать за стремление нанести вам жестокую обиду некоторых неверных вассалов. С горечью сообщая вам, что принцы из Койоакана, Матлальцина и Такубы готовят заговор против законной власти своего господина и открыто заявляют о своем неповиновении, обвиняя Ваше величество в тирании и злодействах. Возмущенный народ ждет, что вы, Ваше величество, восстановите справедливость. Я же, от души пекущийся о поддержании вашей доброй славы, прошу оказать мне честь и позволить бросить к вашим царственным стопам этих взбунтовавшихся данников.

Замер от неожиданности Моктесума, устремив на Кортеса остановившийся взор, но пришел наконец в себя и, охваченный самыми противоречивыми чувствами, сказал дрогнувшим голосом:

— И ты, Малинче, тоже об этом знаешь? Глупцы не скрыли от тебя своего преступного намерения?

— Ничто не скроется от меня, сеньор, — отвечал каудильо. — Я знаю все, что происходит во владениях Вашего величества, и, к вашему счастью, я столь же могущ, сколь бдителен. Распорядитесь же, Ваше величество, о заключении мятежников в темницу, а я — порукой тому моя совесть — менее чем через час приведу их в кандалах.

Моктесума совсем растерялся, на его лице отражалась борьба терзавших его чувств. Попранное самолюбие и страх разгневать Кортеса заставляли его наказывать виновных, а его расположение к ним и внутреннее убеждение, что их послушание вызвано разумными и благородными стремлениями, побуждали как-то спасти их, не роняя при этом своего достоинства.

Кортес, заметив колебание монарха, нетерпеливо взмахнул рукой, и этот жест принес ему победу.

— Не сердись,— быстро сказал Моктесума.— Я прекрасно знаю свою обязанность справедливо вершить суд и всегда ее выполняю, даже если это причиняет боль моему сердцу. Слова, которые бросают эти нарушающие согласие вожди, только показывают, что вожди еще слишком молоды и не слишком разумны. Ты о них не беспокойся и не взваливай на свои плечи лишние хлопоты, с ними связанные. Уаколан,— обернулся он к своему сановнику,— передай воинам моей стражи приказ тотчас взять вождей-правителей Матлальцина и Койоакана...

— И Такубы тоже,— добавил Кортес.

— Тоже...— упавшим голосом добавил монарх.— И вели отправить Куаутемока во владения его отца, чтобы он оставался там до моего особого распоряжения.

Уаколан ушел, за ним вышел и Кортес, который, шепнув что-то своим капитанам, снова вернулся с невозмутимым видом в покои Моктесумы.

— Я желаю, чтобы завтра же состоялся Совет моих родственников вождей-властителей,— сказал Моктесума Кортесу,— и после признания нами своей зависимости ты смог бы вернуться богатым и довольным в свою страну и больше не испытывал бы неприятностей, которые тебе ежедневно доставляют мои беспокойные вожди-данники. Как только испанцев здесь не будет, я обещаю, что заставлю их уважать себя; у них больше не будет повода плохо говорить о своем верховном вожде. Заключение в темницу правителей Матлальцина и Койоакана необходимо, дабы они не подавали дурного примера непослушания другим тлатоани, а что касается Куаутемока, то этого мальчика я передам его отцу. Старший вождь-властитель Такубы — мой верный подданный, высокочтимый и мудрый человек, который прибудет на Совет, ибо я сегодня же вечером пошлю ему с гонцом срочный наказ явиться сюда. Ты увидишь, что он — достойный мой вождь-сородич и покорный данник.

В эту минуту в покои Моктесумы вошел его слуга и объявил, что вождь-властитель Такубы просит позволения говорить с великим властителем.

Столь возрадовался монарх его появлению, словно бы в тех трудных обстоятельствах, в каких ему приходилось на что-то решаться, он обрел в лице своего уважаемого и мудрого родственника надежную опору. Он велел тотчас ввести его и встал с места, чтобы стоя приветствовать посетителя: такого знака

внимания еще не удостоивался ни один из его властительных вождей-данников.

Кортес тоже поднялся со скамьи и даже сделал несколько шагов навстречу старцу, но тот прошел мимо, опираясь на руку Нецалька, даже не взглянув на испанца, и, подойдя к Моктесуме, отвесил ему ритуальный поклон, коснувшись правой рукой пола и поднеся ее затем к губам.

Несмотря на радость, которую испытывал монарх при виде своего родича и друга, он заметил оскорбительное пренебрежение, проявленное старцем к Эрнану Кортесу, и, ответив на приветствие гостя, тут же промолвил, указав рукой на испанского военачальника:

— Воин, которого ты здесь видишь, это именитый посланец и храбрый вождь великого властителя земли Кастилии, нашего союзника и господина, законного наследника почитаемого всеми нами Кецалькоатля, который основал наше древнее царство.

Поднял глаза на Кортеса старый тлатоани из Такубы, затем приветствовал его вежливо, но без особого почтения и снова обернулся к Моктесуме.

— Уэй-тлатоани,—сказал он,—прошу тебя уделить мне немного времени.

— Говори,—отвечал монарх, садясь и знаком приглашая сесть Кортеса и всех остальных.— Говори все, что пожелаешь, благородный вождь, ибо сердцу моему нечего скрывать перед моим доблестным другом Эрнаном Кортесом, а этот юноша, что рядом с ним,—испанец, прислуживающий мне и помогающий нам понимать друг друга, ибо он знает язык ацтеков и пользуется доверием как своего господина, так и моим.

— Я буду говорить, если ты того требуешь,—сказал сурово старый вождь-властитель, опустившись на скамью,—и выражу тебе все то негодование, которое вызвали у меня слухи, которые распускают люди и которые порочат твою честь и мудрость. Если верить слухам, уэй-тлатоани, ты созываешь своих вождей-сородичей и других правителей, чтобы признать над собой власть чужеземного вождя, а потому прошу тебя: позволь мне заставить умолкнуть эти гнусные голоса и опровергнуть домыслы, распространяемые от твоего царственного имени.

Моктесума был ошеломлен услышанным, несколько минут молчал, не зная, что ответить вождю-властителю Такубы. Явное нетерпение, с каким ожидал его слов Кортес, которому переводчик точно передал смысл высказывания старого вождя-сородича, заставило наконец монарха преодолеть свою растерянность, и он проговорил с заметным волнением:

— Это правда, что я хочу признать свою зависимость от потомка Кецалькоатля, ибо так велят боги.

— Боги!—гневно воскликнул вождь-сородич.—Боги лишили тебя своих милостей с тех пор, как ты позволил испанцам преступать пороги твоих храмов и воздвигать алтари

чужеземным божествам¹. Боги тебя покарают, Моктесума, если ты совершишь это преступное действие.

Встал Моктесума, рассерженный, но и усгуженный, и воскликнул:

— Ты вождь-властитель Такубы, и ты хочешь меня оскорбить и унижить!

— Никому не позволено оскорблять или унижать короля Ацтекского государства в присутствии Эрнана Кортеса! — сказал, тоже встав, испанский предводитель.

Слуга-переводчик поспешил перевести эти слова своего господина, и старый вождь-родич, пылая гневом, обернулся к Кортесу.

— Ты здесь единственный, кто его оскорбляет и унижает; ты, неблагодарный гость, который выманил его из царского дворца с помощью своих солдат; ты злоупотребляешь его податливостью, чтобы творить, прикрываясь его именем, произвол и подлые дела; это ты склоняешь его к такому низкому поступку, как признание себя подвластным данником чужеземного властителя!

Не стал ждагь Кортес перевода подобных тяжких обвинений, ибо то, что надо было понять, он понял по тону и жестам вождя, и быстро кликнул солдат, взглядом указав Моктесуме, чтобы тот повелел бросить в темницу дерзкого старца.

Но еще до того, как несчастный пленник повиновался этому молчаливому приказу, Нецальк успел броситься на защиту отца и, безоружный, заслонил его своей мощной грудью от подступивших испанских стражников.

Такой поступок, по ацтекским законам, считался явным оскорблением высшей власти, ибо нико из вождей-данников не имел права поднять на кого-либо руку в присутствии великого властителя. Кортес это знал и не замедлил воспользоваться еще одним подходящим предлогом.

— Сеньор, — сказал он Моктесуме, — чего еще ждать Вашему величеству? Почему вы не караете виновных?

— Взять их под стражу, — с трудом вымолвил пленный монарх. — Я так велю. Но мне не нужны твои солдаты. Предводитель. Это сделают мои воины.

Слуга-переводчик выбежал передать распоряжение монарха, а старый вождь-сородич, скрестив руки на груди, велел сыну сделать то же самое.

— Вот так, — сказал он. — Ты — наш властитель, и, если нас не может удержать наш долг повиновения тебе, мы не можем противиться силе стольких солдат. Пусть по твоему велению на нас наденут цепи, в которых оказался ты сам. Но пусть они

¹ Кортес попросил у Моктесумы разрешения воздвигнуть часовню Богоматери, и монарх не только позволил, но и дал ему своих лучших каменщиков и плотников для постройки.

слышат мой голос и знают, что это новое злодеяние и беззаконие всколыхнет ацтекский народ, который обречет их на гибель. Пусть знают, что миллионы рук поднимутся, чтобы разорвать цепи, надетые на нас, и...

Отец Куаутемока не закончил своей угрозы. Ацтекские воины, призванные исполнить повеление Моктесумы, бросились на него и в сопровождении испанцев потащили благородного старца вместе с его младшим сыном в темницу.

Нам нелегко дать читателю ясное представление о состоянии духа Моктесумы в те минуты. Искаженные черты лица, мертвенно-бледный лоб и горящий, блуждающий взор свидетельствовали о страшных душевных муках. Кортес ему что-то говорил, но он не слушал и постоянно издавал вопли, словно в бреду:

— Все надо мной издеваются! Все мной помыкают! Все ненавидят и презирают! Я хочу отомстить за себя! Хочу покончить со всеми своими врагами! Я еще Моктесума! Я великий Моктесума!

И, стремительно поднявшись, он стал стучать кулаком по столу, на который, сидя, обычно опирался локтем.

Затем опустился на скамью и зарыдал, продолжая что-то невнятно выкрикивать. Некоторые фразы можно было разобрать:

— Я несчастный человек, меня карают боги! Я плохой вождь, меня проклинают мои люди! Я несчастный отец, меня оставили мои близкие! Я хочу умереть.

Напрасно Кортес старался утешить его. Оставив монарха на попечение слуг, каудильо велел привести к Моктесуме трех его сыновей, живших в этом же дворце, чтобы они попытались успокоить отца.

А сам между тем занялся исполнением приказов Моктесумы, и раньше, чем солнце опустилось за горы, единой цепью оказались скованы властительные вожди Такубы и Тескоко и вождь Койоакана, который по распоряжению Кортеса был также препровожден в стан испанцев, чтобы все узники находились под присмотром одних и тех же стражей.

На сей раз вождю-властителю Матлальцина, ранее покинувшему Теночтитлан, удалось бежать от испанцев, однако спустя несколько дней посланцы Кортеса настигли его и он разделил участь остальных вождей из рода Моктесумы.

Впечатление, произведенное в Теночтитлане заключением в тюрьму этих особ, поистине трудно описать. Весь тот день всюду царили подавленность и смятение; казалось, в каждом доме умер кто-то из членов семьи. Улицы опустели, а лица случайных прохожих были горестны и угрюмы.

К ночи на площадь перед дворцом монарха стали стекаться люди, замечалось их нараставшее волнение, однако бдительные сановники Моктесумы постарались утихомирить народ.

Все другие тлаоани, съехавшиеся в столицу, поспешили во дворец, едва прослышав о пленении дружественных вождей, но

никто не был там принят. Супруга монарха и Текуиспа находились во дворце у испанцев, куда они поспешили, чтобы заступиться за вождей-сородичей, и оставались там, обеспокоенные плохим самочувствием Моктесумы: старшая дочь монарха Уалькацингла в своем великом горе удалилась с сыном и служанками во Дворец Печали¹, поклявшись, что не покинет его, пока за ней не придет ее муж, Куаутемок, сбросив кандалы.

Однако она не могла выполнить своего обещания заточить себя в этом огромном склепе, не попытавшись испытывать все возможные средства, чтобы освободить родственных вождей. Она обращалась ко всем сановникам и советникам Моктесумы, но когда они сказали ей, что бесполезно о чем-либо просить Моктесуму, не заручившись вначале согласием Кортеса, достойная супруга Куаутемока воскликнула:

— Довольно! Хватит! Мой муж проклянет свободу, которую его жена униженно вымолила бы у жестокосердного злодея!

III

ВАССАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Спустя двое суток после того, как произошли события, описанные в предыдущей главе, состоялся Высший совет, вызвавший столько тревожений и споров.

Настежь раскрылись в десять часов утра двери большого дворца, служившего пристанищем для испанцев и тюрьмой для ацтекских вождей. Удвоенные караулы стражников и плотно окружившие дворец испанские патрули позволяли входить только тем, кто был приглашен на Совет, и тем, кому был сообщен пароль.

Ацтеки прибыли точно к назначенному часу и сразу же заполнили не только предназначенный для Совета просторный зал с монаршим тронном, но и соседнюю приемную.

Тлатоани явились в роскошных праздничных одеждах со всеми своими регалиями, они шли горжественно и молчаливо, опутив глаза, словно не желая отвлекаться от своих мыслей, тогда как испанские солдаты, стоявшие у дверей в зал и вооруженные с головы до пят, поглядывали на них с подозрением.

Поистине странным и удивительным зрелищем было это собрание знатных ацтекских господ — из которых по меньшей мере тридцать были могущественными вождями — в стане до смешного малочисленных солдат-авантюристов, у подножия

¹ Среди дворцов Моктесумы был и Дворец Печали, где монарх пребывал весь срок соблюдения траура по умершему члену своей семьи. Авельянеда сообщает, что стены этого здания были сложены из черного мрамора, и приводит слова историка А. Солиса-и-Риваленейры: «Там было ровно столько света, сколько требуется, чтобы увидеть его темноту».

трона, будто в насмешку поставленного здесь для пленного монарха его же тюремщиками.

По обеим сторонам этого символа иллюзорной царственности возвышались мягкие скамьи для советников и сановников, впереди трона стояли столы для ацтекских писцов и испанских писарей, а сзади — скамейки для знатных ацтеков, прислуживавших монарху.

Когда все приглашенные собрались, один из военачальников монарха объявил о появлении великого властителя и распахнул закрытую боковую дверь, откуда вышел Моктесума, ведомый под руки Уаколаном и одним из своих советников, в окружении ацтекских сановников и испанских капитанов. Справа от него шел Кортес в парадной одежде капитан-генерала, а позади всех в строгом строю шагали охранявшие августейшего пленника солдаты, расположившиеся затем полукругом неподалеку от трона за скамьями сановников.

Моктесума выглядел таким исхудавшим и постаревшим, что его с трудом можно было узнать. По залу пробежал глухой ропот, настороживший испанцев. Тем не менее монарх поднялся по ступеням на трон. Все ацтеки воззрились на него — кто восторженно, кто горестно, у одних глаза сверкали от гнева, у других блестели от слез сочувствия и жалости.

Моктесума тоже, казалось, разволновался, обедая взглядом собравшихся, и дважды у него на губах замирали слова, которыми он хотел начать речь.

Замечив его растерянность, Кортес быстро занял место напротив монарха, впив в него напряженный гипнотизирующий взор, который всегда производил неотразимое впечатление на верховного вождя. И в самом деле, тот вдруг собрался с духом и заговорил слабым голосом, но достаточно внятно:

— Вожди, властители и правители самых богатых земель Анауака, излишне напоминать вам о тех благах, которыми вы мне обязаны. Многие из вас стали править городами вместо злодеев-властителей, свергнутых мною или моими великими предками; а другие, уступив моей силе, сохранили, благодаря моему великодушию, свою диадему вождя.

— Вы знаете, — продолжал Моктесума, — что с тех пор, как я восседаю на троне, многими победами мне удалось расширить владения и укрепить мощь Ацтекского царства, создать многие полезные учреждения и придать несравненный блеск столице. Большие храмы получили наши боги во время моего правления; великолепные дворцы, вызывающие восхищение чужестранных властителей, обрели в наследство от щедрот моих властителей ацтекские, мои потомки; мною открыты разнообразные и благоустроенные школы для обучения наших юношей, всевозможные почести и знаки отличия ввел я для поощрения наших воинов и, сурово наказывая леность, содействовал развитию искусств и строительных работ.

Я поднял наше царство на небывалую высоту, — говорил Моктесума, — сделал так, чтобы его боялись и им восхищались

все соседние государства. На все мои заботы по возвеличанию и прославлению вас, тлатоани, вы до сих пор отвечали мне верностью и послушанием. Можно с гордостью сказать, что никогда ни один верховный вождь царства не имел в своем подчинении таких благородных и преданных вождей-данников, и нет вождей, которые когда-нибудь служили такому благодарному и могущественному властелину.

Я повторяю: излишне напоминать вам обо всем этом, о чем вы, конечно, не можете забыть, и я должен лишь возвестить вам, что спустя многие солнечные лета, которые сияли на благо нашей славе, пришел год, которому выпало еще ярче озарить наше справедливое устройство.

Сбылись древние пророчества, и потомки Кецалькоатля пришли на земли, которые возлюбило Солнце и которые открыл Топильцин, пришли, чтобы здесь увековечить свое имя и осенить их своей благодатной мудростью. Чужеземцы, которым мы оказали гостеприимство, и есть эти долгожданные братья. Тысячу знамений посылали нам боги о их прибытии, и потому я оказал им почести, каких не удостоивал ни одного смертного. Но недостаточными оказались испытания на верность и преданность потомкам нашего мудрейшего прародителя. Поэтому я решил признать власть над собой того высшего вожда, который направил их сюда из далеких земель, и послать ему в качестве дани самые прекрасные сокровища, изделия из золота и серебра, унаследованные мною от родителей и полученные в качестве ваших приношений, и я поступаю так с великим удовольствием, чтобы вызвать свою любовь и покорность...

Здесь слезы, хлынувшие из глаз Моктесумы, и рыдания, сдавившие ему горло, словно опровергли только что произнесенные слова, и по рядам потрясенных ацтеков прошел тихий гул.

Моктесуме удалось взять себя в руки и закончить свою подготовленную речь такими словами, которые были выслушаны ацтекскими вождями с явным неудовольствием:

— И потому я повелеваю, прошу вас, великодушные и верные тлатоани, чтобы вы, как и я, ваш верховный вождь, обещали повиноваться и отдать сокровища славному потомку древнего основателя наших городов. Это будет не слишком большой жертвой для вас, всегда проявлявших такую щедрость и уважение ко мне, а я с радостью переношу это унижение, ибо с радостью жертвую собой во имя своих народов, как это сделал великий Чимальпопока¹.

¹ «Согласно народной легенде,— пишет Авельянеда в своем примечании,— третий ацтекский верховный вождь Чимальпопока, преследуемый могущественным вождем тепанеков, дал себя обезглавить на алтаре бога Уицилопочтли ради свободы своего народа». Автор допускает неточность. Оскорбленный Чимальпопока действительно хотел принести себя в жертву на алтаре, но был захвачен тепанекским тираном Маслатоном, заключен в тюрьму, где повесился в 1423 г. на собственном поясе, предпочтя самоубийство смерти от рук врага, как свидетельствует историк Ф.-Х. Клавихеро.

Последние слова Моктесума произнес, судорожно глотая слезы, а все ацтекское собрание разразилось стенаниями и воплями.

Увидев такое бурное проявление скорби, Кортес поспешил во всеуслышание объявить, что в намерения его господина вовсе не входит разорить Моктесуму или в самой малейшей степени изменить государственной строй Ацтекского царства, а переводчики Кортеса трижды повторили сказанное, после чего волнение ацтеков несколько убавилось.

Однако все молчали, словно не зная, как ответить на предложение Моктесумы, пока новый вождь-властитель Тескоко и брат старого вождя-властителя Такубы не вышли вперед и не сказали, что готовы повиноваться своему законному верховному вождю и властелину и согласны со всеми его мудрыми советами.

Их слова, тотчас поддержанные несколькими вождями, послушными испанцам, повлияли на решение и остальных вождей, которые с великой неохотой и душевной болью заставили себя пойти на такое неслыханное унижение. Всеобщее согласие было тотчас торжественно закреплено клятвой в верности, как того пожелали испанцы, а затем Моктесума наделил великолепнейшими дарами своего чужеземного господина.

Все сокровища, хранившиеся во дворце, где жили испанцы, и найденные там Кортесом накануне пленения монарха, были переданы императору Карлу.

Богатство было столь велико, что только из золота, которое взвешивали на арробы¹, получилось после его переплавки огромное множество тяжелых слитков, не считая такого же количества золотого песка. Груды серебра не вызывали особого интереса при таком изобилии благородного желтого металла. Помимо всего этого, Моктесума дал преогромную массу ювелирных украшений с жемчугами и драгоценными камнями, а также много щитов, колчанов и самострелов искуснейшей работы.

Вожди, данники монарха, внесли свою лепту почти с такой же щедростью, прислав Моктесуме поистине чудесные ювелирные изделия в дар их новому властелину.

В довершение всего ацтекский монарх передал Кортесу большое количество золота для его солдат и одарил всех испанских капитанов своими драгоценными перстнями и роскошными плюмажами.

Обладание таким несметным богатством отнюдь не удовлетворило претензий Эрнана Кортеса и лишь нарушило добрые отношения, царившие среди его товарищей.

Была ли на то причина или нет, но распространился слух, что военачальник и некоторые из его фаворитов припрятали немалую долю золота, подаренного Моктесумой. Вызывало

¹ Арр о б а — мера веса, равная в Кастилии 11,5 кг.

недовольство и то, что, кроме пятой части, предназначенной испанскому королю, и пятой части, оставленной для себя, Кортес присвоил значительную часть добычи в качестве компенсации расходов на содержание войска. Появились тревожные признаки недовольства среди солдат.

Дело при этом не свелось только к ропоту и обидам. Среди испанских офицеров воскресало соперничество, разгоралось чувство зависти друг к другу, желание стать богаче других. И словно бы на американской земле зарождалось новое роковое утро: разлад и его неперенная свита — наветы и ссоры — проникли в лагерь испанцев.

Трезвый ум Кортеса все же нашел выход из положения. Он великодушно роздал кое-что из причитающихся ему богатств недовольным солдатам, а капитанам напомнил о необходимости крепить союз во имя своего великого предназначения, сумел умерить их рвение к обогащению за счет полученных сокровищ и распалил их алчность обещанием еще больших благ. Таким образом, ему удалось преодолеть распри и обратить интересы капитанов к более высокой цели, достижение которой им сулило близкое будущее.

IV

ВОЛНЕНИЯ

Во время этих событий ацтекские тлатоани, видевшие, что испанцы не уходят, как прежде обещали, начали выражать серьезное беспокойство, а более решительные из них открыто выказывали свое недовольство.

И вот в Теночтитлане, как и в других городах, стали обнаруживаться признаки явной тревоги, а также нередко велись тайные разговоры, — согласно донесениям, которые получали сновники Моктесумы, — о необходимости избрать нового верховного вождя вместо того, который оказался таким слабовольным.

Первым и наиболее смело проявившим это намерение был город Такуба, в высшей степени возмущенный пленением своих обоих вождей-властителей и вполне внятно называвший имя Куаутемока в качестве единственного человека, способного освободить царство ацтеков от рабства, в которое верг людей Моктесума. Но юный вождь-властитель был в темнице, где находились также и вожди-сородичи: властители Тескоко и Такубы, правители Матлальцина и Койоакана, которые слыли влиятельными лицами, обладали достаточной мощью и умением, чтобы поднять и возглавить восстание.

Другие знатные ацтеки, в глубине души желавшие сбросить иго испанцев, — ибо они правили от имени Моктесумы, допуская еще больший произвол и деспотичность, чем сам великий власти-

тель,— не решались громко объявить народу о своих настроениях и возложить на себя ответственность за восстание. А народ, привыкший к беспрекословному повиновению, был далек от мысли, что в данном случае его голос мог бы решить судьбу его господ.

Все это прекрасно видели придворные сановники и обо всем сообщали Моктесуме, который, не находя в себе сил потребовать от Кортеса уйти из своих владений, начинал испытывать угрызения совести из-за того, что, может быть, напрасно принес такие жертвы и стерпел такие унижения.

Одни лишь сановники знали о настроении Моктесумы, ибо ни один властительный вождь-сородич его уже не посещал, ни один жрец не пытался с ним говорить, и даже члены его семьи затаили на него обиду, хотя и по разным причинам.

Миасочиль, уже почти обращенная в католичество индейкой Мариной, считала глупым упрямством нежелание своего супруга переменить религию. И тем пуще досадовала она на пристрастие монарха к верованиям предков, чем более убеждалась в том, что он и сам знает о той ненависти, какую внушил к себе небесным покровителям.

Миасочиль полагала, что спастись от гнева могущественных духов можно было, только найдя покровительство других божеств, и, будучи в уверенности, что все монаршее семейство станет жертвой ярости ацтекских богов, если не встанет под защиту богов испанских, она искренне упрекала Моктесуму в том, что он совсем не думает о судьбе своего дома и готов пожертвовать своими сыновьями из-за нелепой приверженности неблагодарному Уицилопочтли.

Уалькацинтла обвиняла несчастного отца совсем в другом. Она считала, что он поступил несправедливо и жестоко с властительными вождями, своими сородичами, приказав заковать их в кандалы, стыдилась, что он уступает чужестранцам. Заточив себя во Дворце Печали, она и слушать не хотела близких и друзей, желавших ее утешить, и в слезах проводила все дни и все ночи у изголовья маленького сына или молила богов о милосердии к своей родине и семье.

Текуиспа тоже испытывала горькие мучения: ее возмущало желание отца поскорее выдворить испанцев, но, с другой стороны, она страдала от унижений, которые претерпела семья.

Ее душа рвалась на части от тысячи противоречивых чувств: испанцы были милы ее сердцу как соотечественники и друзья Веласкеса и в то же время внушали ужас как притеснители ее народа, и, не имея сил отдать предпочтение ни своему дому, ни своему чувству, она не знала, хочется ли ей, чтобы чужестранцы ушли или чтобы остались. Сто раз побеждала любовь к испанцу ее самые святые привязанности, и тогда она бросалась на поиски возлюбленного, полная решимости сказать ему, что разделит его судьбу и не будет у нее иного бога, кроме его бога, иной родины,

кроме его родины, иной семьи, кроме его семьи. Сто раз, упрекая себя и устыдившись порывов своей страсти, она бежала, убитая горем и заплаканная, в покои своего отца и, неволя себя, произносила поистине героические слова:

— Великий властитель, твой народ хочет, чтобы испанцы ушли, а твоя семья горько оплакивает заточение родственных вождей. Ты должен ради твоего народа и твоей семьи пожертвовать дружбой с чужестранцами, пришло время повелеть тебе выгнать их из твоих владений.

Порой, чутко прислушиваясь к словам, невольно вырывавшимся у Веласкеса во время их доверительных бесед, она начала подозревать, что испанцы желают свергнуть ее отца и поработить ее народ, в душу ей закрадывалась тревога за жизнь плененных вождей, и тогда молнии сверкали у нее в глазах и она с возмущением говорила Веласкесу:

— Твои друзья — коварные люди, а ты — неблагодарный человек, я хотела бы возненавидеть тебя. Знай, что я сама раскрою ацтекам ваши злые умыслы, все вы тут умрете и ты — первый.

Веласкесу почти всегда удавалось успокоить ее и заверить, что ему ничего не надо и не хочется, кроме как любить ее, сделать счастливой и видеть счастливыми всех ее близких. Он клялся, и клялся искренне, что как сын любит Моктесуму, что, если будет нужно, отдаст свою жизнь за монарха. Текуиспа проливала слезы благодарности и отвечала пылкими ласками на слова возлюбленного.

В другой раз до слуха влюбленной дочери Моктесумы долетали проклятия, которые сыпали на голову испанцев ацтекотелохранители монарха, а нередко, на свою беду, она слышала заклинания своей сестры, молившей богов о мести врагам, и тогда Текуиспа в отчаянии бежала к Веласкесу и говорила:

— Не бойся, даже если все боги и все люди захотят покушаться на твою жизнь, Текуиспа спасет тебя или умрет вместе с тобой.

Таково было положение дел и настроение некоторых персонажей нашей истории, в то время как Куаутемок и другие узники, лишенные всякой связи со своими соплеменниками, не знавшие, что происходит за стенами темницы и иной раз опасавшиеся, что вот-вот падет это готовое рухнуть царство, проводили дни в бессильной ярости, а ночи в отчаянии, нарочно оскорбляя стражу, чтобы ускорить свою гибель, которая была бы для них более предпочтительна, чем угрожавшее им позорное рабство.

Однако в ту пору произошло событие, которое наконец вывело ацтеков из состояния апатии и могло зачеркнуть все успехи конкистадоров. Эрнан Кортес, охваченный неуместным религиозным рвением и чрезмерно верившей в свою счастливую звезду, забыв о неудаче, постигшей в Тласкале его подобную затею, решил покончить с культом идолов и заменить в местных храмах святыми образами устрашающие изваяния ацтекских богов.

И тут вдруг распрямылся приниженный народ, встав энергично, решительно, гневно на защиту своих теокальи; ацтеки вмиг сбежались отовсюду и оттеснили растерявшихся испанских свято-татцев, которым собственный фанатизм не позволил оценить всю силу иного фанатизма, который они осмелились затронуть.

Пришлось отступить Эрнану Кортесу. Однако он вскоре заметил, что недовольство ацтеков не улеглось.

В тот же день Моктесума дал тайную аудиенцию верховному жрецу и своему брату, вождю-правителю Истапалапы. Такого еще не бывало, ибо монарх всегда сам приглашал испанцев с их переводчиками присутствовать на всех своих встречах с вождями-данниками.

Встревожился Кортес, узнав эту новость, и его беспокойство усилилось после того, как несколько неимущих ацтеков — из тех, кого он подкупил, чтобы ему доносили обо всем, происходящем в городе, — явились к нему, дрожа от страха, и сказали, что больше не будут ему служить, ибо знают, будто боги вместе с Моктесумой уже сговорились убить их и всех, кто служит испанцам.

Кортес тотчас предпринял необходимые меры предосторожности, обеспечив свою безопасность и удвоив стражу у дверей Моктесумы, а также распорядился, чтобы монарху не позволяли говорить ни с кем из индейцев в отсутствие слуги-испанца или других переводчиков.

Впрочем, эта предусмотрительность оказалась напрасной: никто из ацтеков, за исключением телохранителей монарха, не появился во дворце до конца дня, а ночь прошла так же спокойно, как и предыдущие.

Однако каудильо не поверил кажущемуся спокойствию, и его подозрения подтвердились. На следующий день Кортеса пригласил к себе Моктесума, и с первого же взгляда каудильо заметил, как изменилось выражение его лица. Религиозный пыл монарха-идолопоклонника был не менее слеп и нетерпим, чем пыл христиан той поры, и кошунство, допущенное в отношении индейских богов, всколыхнуло его душу, умиравшую под грузом бедствий. Моктесума так стремительно вышел навстречу Кортесу, что испанец был вынужден остановиться на полпути и не успел произнести ритуальных приветствий. Монарх сказал:

— Малинче, бог Уицилопочтли возвестил, что навсегда бросит эти земли, если вы тут останетесь. Бог Тлакатекотли умерил наконец свой гнев и обещает больше не карать меня, если я заставлю вас уйти из моих владений; если же вы откажетесь, он строго-настрого распорядился кинуть ваши сердца на священный алтарь. Ничто вас больше не удерживает в нашем царстве, ибо вы получили все, что хотели, и я ублажил ваши души богатством. Поэтому немедленно уходите, ибо так будет лучше для вас и так я веляю вам.

Тон, каким были произнесены эти слова, настолько ошеломил Кортеса, что несколько секунд он стоял нем и недвижим, не

зная, что ответить. Заметив его растерянность, Моктесума добавил еще более категорично:

— Готовь свое войско к походу, и пусть оно уходит раньше, чем будет объявлена война и все вы будете уничтожены.

Кортес понял, что его пленник не разговаривал бы с ним так дерзко, если бы, в свою очередь, не подготовился к военным действиям. В самом деле, шестьдесят тысяч воинов только и ждали — по приказу Куитлауака, — когда взвывается розовый стяг на самой высокой башне храма-теокальи Уицилопочтли рядом с этим дворцом, который в таком случае надо взять и покончить с испанцами. Условный сигнал к началу сражения должен был подать один из слуг Моктесумы по первому слову великого властителя. Если бы испанцы согласились тотчас уйти, то вместо розового на башне должен был взметнуться белый стяг, который указал бы, что ацтекам не надо браться за оружие.

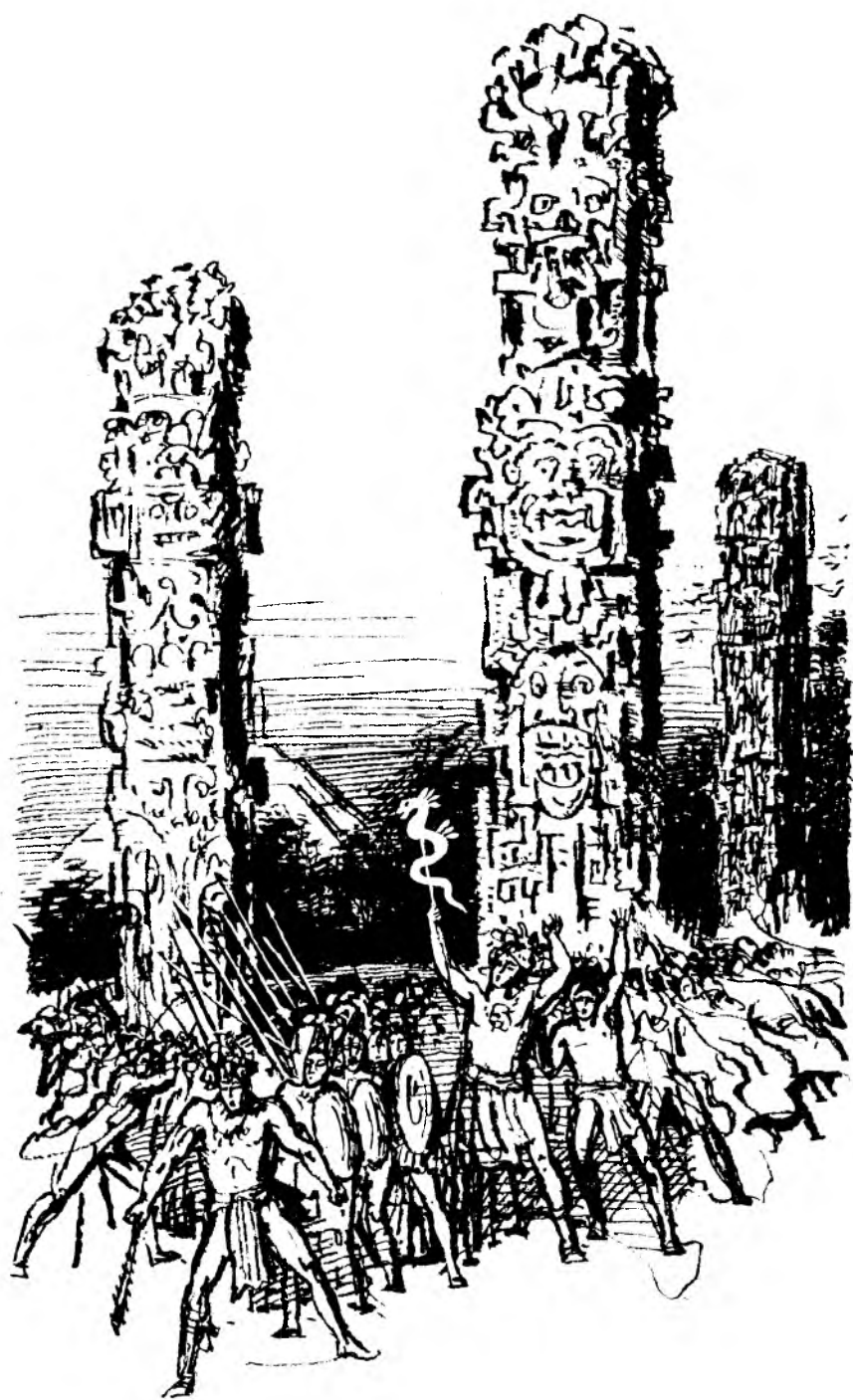
Хотя Кортес и не знал об этих условных знаках, он понял, как мы уже сказали, что Моктесума опирается на крупные силы, если столь решительно мог потребовать ухода испанцев из своего царства, и потому каудильо сделал вид, что готов полностью выполнить волю монарха, сдержать данное слово и лишь попросил оказать ему последнюю милость: дать несколько дней для постройки двух или трех судов, которые нужны для возвращения в Испанию.

Моктесума было воспротивился, но в конце концов сдался и сказал Кортесу, чтобы тот от имени великого властителя взял плотников, которые строили бригантины в Теночтитлане, и срочно принимался бы за работу, ибо не так легко будет умилишить богов, чтобы оттянуть начало войны.

Кортес, озабоченный и взволнованный, вышел из монарших покоев, а Моктесума велел поднять белый стяг, не без тайной радости, что удалось избежать кровопролития.

Несомненно, что малодушие, проявлявшееся этим монархом в его отношениях с испанцами, было результатом суеверия, побуждавшего видеть в них избранных богами посланцев, воплощение божественного орудия кары. Когда же устами жреца было сказано, что божества, его карающие, сменили гнев на милость — те самые божества, которые стали врагами испанцев, — страх Моктесумы перед пришельцами в значительной мере уменьшился. Однако преклонение перед ними, уже ставшее привычкой; духовное превосходство, которого смог добиться Кортес; желание избавить ацтеков от новых бед, а также, возможно, своего рода симпатия, которую Моктесума, непонятно почему, с самого начала питал к своим притеснителям, были более чем достаточными причинами, чтобы возможность избавиться от них, не объявляя войны, принесла ему радость.

Великий властитель известил уэй-теописка (верховного жреца) и вождя-властителя Куитлауака, что они могут быть спокойны: испанцы уйдут из Царства ацтеков, как только построят суда.

которые обещают срочно сделать. Сам Кортес повторил свое обещание в присутствии ацтекских сановников.

На том и успокоились взбудораженные и разъяренные индейцы, но тревога Кортеса быстро росла, ибо положение его ухудшалось.

Моктесума и его подданные очнулись наконец от летаргического сна. При неизбежности войны Кортесу уже нельзя было рассчитывать на безоговорочный успех, ибо каковы бы ни были его преимущества в вооружении и выучке солдат, его войско было слишком мало, чтобы противостоять объединенным военным силам Ацтекского царства. Значит, в Мексике ему нечего было ждать, кроме смерти. Но что ждало бы его за пределами Мексики, коль скоро сам он прекрасно понимал, что только победа в состоянии его оправдать, что это его рискованное предприятие,— которое может прослыть героическим и великим, если он славно завершит дело,— назовут не иначе как безумным и преступным, а его самого предадут позору и поруганию, если счастье ему изменит. В Мексике перед ним приоткрывалась могила, но на Кубе или в Испании ему грозила каторга или галеры. Не подчинившись законной власти на Кубе, он мог быть заклеен королевским судом как изменник. Но если бы он предстал перед всеми на родине как завоеватель Нового Света, его слушание губернатора Кубы Веласкеса выглядело бы лишь как отважное и благородное побуждение, порыв высочайшего вдохновения. Таким образом, в той конфликтной ситуации не было у него иной альтернативы, кроме бесчестия или смерти. Чему отдал бы предпочтение любой испанский идальго, можно было не сомневаться.

V

ПОЛОЖЕНИЕ КОРТЕСА УХУДШАЕТСЯ

Однажды утром Моктесума послал за Кортесом и с беспокойством сказал ему:

— Малинче, до меня дошла весть, что в тот порт, где ты высадился со своими людьми, только что вошли восемнадцать плавучих домов, таких, как ты строишь, и с людьми твоего племени. Вот, смотри.— И он развернул на столе большое полотно.— Мои мастера только что принесли мне этот рисунок, на котором изобразили суда твоих соплеменников, и я поспешил передать эту добрую новость и объявить, что тебе уже нет надобности строить большие лодки,— ты можешь немедленно воспользоваться теми, на которых приплыли твои братья.

Такая великая радость овладела Кортесом, что он едва не забыл поблагодарить Моктесуму, ибо прежде всего подумал, что эти каравеллы прибыли из Испании ему на помощь и что на них

возвратились, удачно выполнив свою миссию, его сотоварищи, которых он послал с картами и дарами к императору Карлу.

Он поспешил сообщить своему войску окрыляющую весть и распорядился дать в честь знаменательного события несколько залпов из всех орудий. В то время как испанцы ликовали, благодаря небо за неожиданную помощь в такой трудный час, вождь-властитель Истапалапы явился просить у них позволения на аудиенцию у Моктесумы. Слишком радовались испанцы, чтобы обращать внимание на какие-то визиты, и вождь беспрепятственно был препровожден в покои августейшего пленника.

— С чем пришел, Куитлауак? — спросил Моктесума, заведя его сияющее лицо. — Или боги возвестили что-нибудь доброе?

— Боги не сказали ничего нового, — ответил тихо вождь, — но испанцы, которые только что пристали к нашим берегам, сказали многое.

— Что они говорили? — живо спросил монарх. — Обещали не трогать нас и увести обратно своих соплеменников?

— Слова их еще более отрадны, — отвечал тлатоани. — Знай, великий властитель, что ко вновь прибывшим испанцам примкнули трое солдат из войска Малинче, которые по его распоряжению и с твоего согласия ходили по нашей стране и собирали сведения о всех наших коях и рудниках. И эти солдаты, уже знающие ацтекский язык, служили переводчиками при разговоре капитана новых испанских войск с одним из твоих военачальников, которые сопровождали упомянутых солдат.

— Наконец-то! — взволнованно откликнулся Моктесума. — Не передал ли новый капитан, что его властелин не желает, чтобы мы были его данниками?

— Новый капитан сказал, что его властелин не посылал никаких послов и что неблагодарные пришельцы, которых ты принял как почетных гостей, сами не более как мятежные данники и изменники, заслуживающие смертной казни. Новый капитан со своими войсками — подлинный слуга великого властителя Кастилии — пришел карать от его имени за оскорбления, нанесенные тебе этими бунтовщиками и самозванцами, вернуть тебе свободу и сокровища.

С сомнением качнул Моктесума головой и промолвил после минутного раздумья:

— Ты доверчив, как женщина, брат Куитлауак. Не стал бы Малинче со своими людьми так радоваться, если бы новые пришельцы действительно были против них. Боюсь, что все, тебе сказанное, — ложь, таящая коварные замыслы: им надо свободно войти в нашу столицу и примкнуть к своим соплеменникам. Куитлауак, Куитлауак, ты не знаешь вероломства этих людей с востока.

Вождь-правитель Истапалапы задумался, словно взвешивая доводы брата, и в конце концов промолвил с горечью:

— Тогда как же ты сам мог подчиниться и подчинить нас их власти, если считаешь их такими бесчестными и коварными?

— Злы бывают моровые поветрия, — отвечал Моктесума, — злы бывают ураганы, однако, когда находит мор или раздражается буря, нам ничего не остается, как претерпеть их и перестрадать. Беды, посылаемые нам богами, неизбежны, и все, что может сделать самый разумный и стойкий человек, — это принять их со смирением.

— Боги каждый день говорят жрецам, что они уже умилились, — отвечал Куитлауак, — и приказывают тебе, великий властитель, выкинуть из своих владений хитрых врагов.

— Я не устаю благодарить высочайшее божество, которое соизволило разбудить милосердие разгневанных богов, меня преследовавших, — ответил монарх. — Но что я еще могу сделать? Чужестранцы обещали покинуть царство, как только спустят на воду свои суда, однако, если их соплеменники, прибывшие им на помощь, захотят войти в Теночтитлан, я позволяю вам выступить против них с оружием в руках.

— А если правда, что они пришли освободить тебя и покарать Малинче?

— А если это ложь?

— Если ложь... — заколебался Куитлауак, не зная, что делать в случае справедливости этого предположения, и смиренно взглянул на Моктесуму, словно не считал себя способным решить столь серьезный вопрос.

— Мое повеление таково, — сказал верховный вождь Царства ацтеков. — Мы не должны относиться к новым пришельцам, как к врагам, но не должны и доверять им. Сегодня же пошлешь гонцов, которые от моего имени поднесут им дары, но и предупредят, что им не следует идти к столице. А пока вели тайно и зорко следить за обоими войсками испанцев. Позже по их поведению увидим, как поступить дальше.

— Я исполню твои указы, великий властитель, — проговорил, вставая, Куитлауак. — Во всяком случае, ты знаешь, что в моем распоряжении шестьдесят тысяч вооруженных воинов здесь, в городе, и что если Кортес презрит твое милостивое разрешение построить большие лодки в предоставленное ему время, я сумею освободить его недавно явившихся соплеменников от труда помогать нам карать этого их военачальника.

Завершив свою речь такими словами, он вышел, но успел заметить, что здесь, в стане испанцев, уже не царит прежнее ликование. Солдаты, казалось, чем-то встревожены, а капитаны о чем-то совещаются.

Перемену в настроениях произвело письмо, которое Кортес только что получил через одного тласкальца. Гонсало де Сандоваль, который занимал в Веракрусе высокий пост погибшего Эскаланте, сообщал, что восемнадцать судов, причаливших к мексиканским берегам, пришли с Кубы и посланы кубинским генерал-губернатором Диего Веласкесом с приказом капитану этой армады Панфило де Нарváесу захватить Кортеса как изменника

и отнять у него все завоеванные земли и собранное добро. Как писал Гонсало, силы Нарваеса были весьма внушительны: сто шестьдесят всадников с лошадьми, восемьсот пехотинцев и двенадцать пушек, что составляло войско, значительно превосходившее по мощи отряд Кортеса.

Видя, что радужные надежды воплотились в весьма печальную действительность, многие солдаты Кортеса пали духом. Были и такие, кто в отчаянии проклинал ту минуту, когда встал под знамена сумасбродного капитана, который подверг своих людей таким опасностям и имел глупость затеять две дикие авантюры: всецело презреть законные власти Кубы и попытаться завоевать огромное могущественное государство.

За исключением нескольких капитанов — таких же безрассудно отважных, как их каудильо, или слишком гордых, чтобы признать свой просчет, — все остальные искатели приключений, которыми двигала только алчность и которые никогда не ставили перед собой таких высоких целей, как Кортес, перешептывались о нелепости его планов, упрекали, что он обманул их и вовлек ложными обещаниями в заведомо невыполнимое, обреченное на провал дело. Однако подобная каверзная ситуация, которая повергла в уныние большинство храбрых вояк, казалось, специально сложилась таким образом, чтобы смогли проявиться с блеском изворотливость ума и неодолимое упорство Кортеса.

Не скупясь на золото, похвалы и обещания, предрекая победу с непреклонной убежденностью в поддержке сил небесных и выражая свое полное презрение к слухам об опасности, он без особого труда сумел утихомирить паникеров, приободрить трусов и влить жизнь в безразличных к своей участи.

Преодолев внутренние трудности, он направил всю свою изобретательность и свою хитрость на то, чтобы избежать военного столкновения с прибывшими соотечественниками.

Сандоваль послал Кортесу шестерых пленных из армады Нарваеса, шестерых людей, которых губернатор Веласкес облек полномочиями вступить в Веракрус и приказать капитану Сандовалю явиться к Нарваесу как к представителю законной королевской власти.

Кортес сделал вид, что рассердился на Сандоваль за столь дурной прием своих земляков, тотчас отпустил всех на свободу и, щедро одарив, направил обратно в лагерь противников с дарами и письмами для Нарваеса и многих его военачальников. В своих посланиях Кортес поздравлял их со счастливым окончанием плавания у этих берегов, напоминал о давней, связывающей их дружбе, сообщал о благоприятном ходе завоевания, просил их не позволять ацтекам — дабы не унижать его в глазах индейцев — выходить из-под испанского владычества, ибо добиться этого, равно как и других успехов, стоило большого труда и жертв. Он искусно льстил каждому из вновь прибывших, превознося его способности, которые, в общем, можно было бы легко приписать

любому человеку: этому он говорил, что всецело доверяет его светлому разуму; тому — что ожидает помощи от его военного таланта; многим остальным — что никогда не запятнает себя изменой и не подаст ни малейшего повода, чтобы кто-то мог усомниться в его, Кортеса, верноподданнических чувствах по отношению к императору Карлу, власть которого он надеется в скором будущем утвердить над всеми индейскими городами-государствами. Кортес старался также разжечь жадность, давая понять людям Нарваеса, какими несметными богатствами могут все они овладеть во время этого важнейшего завоевательного похода. В подтверждение он послал большое количество драгоценных камней, попросив раздать их главным начальникам нового испанского войска, а также серебро и мешки золотого песка для солдат.

Не довольствуясь этим, он немедленно направил послание сопровождавшему войска Нарваеса монаху, который пользовался не только всеобщим уважением, — как все священнослужители в те времена, — но и славой разумного и добродетельного человека.

Такая сообразительность и расторопность подействовали если не на Нарваеса, то, во всяком случае, на его подчиненных. Подарки были получены с удовольствием и благодарностью, обещания выслушаны со вниманием, и непримиримый Нарваес, который не остановился даже перед тем, чтобы назначить большую цену за голову Кортеса, лишь потерял во мнении людей, тогда как Кортес, использовав подкупы и обещания, остался в выигрыше.

Ободренный успехом и раздраженный упорными, но безуспешными заигрываниями с посланцем губернатора Диего Веласкеса, Кортес решил идти напролом, испытать судьбу с оружием в руках и даже, кто знает, умереть, но не сдаться противнику.

Он объявил о своем решении войску, распорядившись подготовиться к выступлению; уверенность, с какой прозвучал его призыв, снова вызвала веру в успех, на каковой сам он отнюдь не надеялся.

Ацтеки видели военные приготовления Кортеса и, осведомленные Нарваесом о предложении Кортесом своей дружбы и о презрительном его отказе, поняли, что между двумя главными испанскими военачальниками действительно разгорается вражда. Многие вожди полагали, что надо использовать затруднительное положение Кортеса, напасть на него и уничтожить вместе со всеми солдатами. Куитлаук резко воспротивился этому, казалось бы, разумному решению, ибо монарх отверг его как действие, недостойное великого властителя, поскольку он дал слово не объявлять войны, пока не будут построены суда, сооружаемые по просьбе Кортеса.

Надо признаться, что не одна лишь верность данному слову побуждала Моктесуму противиться желанию своих вождей. Не-

малую роль в его запрете играла боязнь всегдашнего везения и необъяснимой власти Кортеса над людьми, а также странное расположение к испанцу, сочетавшееся в его душе с чувствами страха и обиды по отношению к неблагодарному гостю.

Иной раз кажется, что ненависть таит в себе немалую долю живого интереса к человеку и что особое отвращение мы, бывает, испытываем именно к тому, пылко влюбиться в которого нам не составило бы большого труда.

Так или иначе, но Моктесума — впрочем, весьма довольный трудным испытанием, выпавшим на долю его угнетателей, — не мог решиться нанести им последний удар и прислушивался с непонятным волнением к вестям об их приготовлениях к отступлению.

Перед выводом своего войска из столицы Кортес с капитанами вошел в покои монарха и сказал, сохраняя спокойствие:

— Сеньор, мы пришли проститься с Вашим величеством и просить вас оказать нам милость оставаться в этом дворце до нашего скорого возвращения. Для вашей охраны и вам в услужение остается капитан Альварадо с восемьюдесятью или сотней солдат, которые пользуются моим доверием и желают, чтобы Ваше величество оказали бы им такую же честь.

— Я давно знал, — ответил монарх, — что ты хочешь идти сражаться со своими братьями с востока, и знаю также, что они считают тебя подлым изменником, что хотят захватить или убить тебя. Говори откровенно, Малинче, ибо Моктесума может сделать тебе еще много добра и дать войско, с которым ты разобьешь своих врагов.

— Я премного благодарен Вашему величеству за исключительное доброжелательство, — отвечал Кортес, — но мне не нужна помощь, которую вы мне милостиво предлагаете. Это верно, что мои соотечественники распускают обо мне клеветнические слухи, но они скоро убедятся в своей неправоте. У Вашего величества есть далекие земли, где люди едва ли слышат, что происходит в столице, тогда как в ваших ближайших и более цивилизованных владениях все знают о ваших самых незначительных распоряжениях. Это же происходит и с королем, моим господином. Я и мои друзья родом из очень важной провинции, которая зовется Кастилией. А вновь прибывшие — уроженцы другой области, называющейся Бискайя, жители которой, схожие с вашими вассалами, индейцами отоми, люди грубые, почти не бывающие при дворе императора и даже не умеющие правильно говорить на языке кастильцев. Возможно, что этот неотесанный люд, который меня поносит, ничего не знает о той миссии, с какой я послан сюда королем, моим господином, и, досаждая мне, они хотят услужить ему. Но позже они убедятся в безумии своей затеи, и Ваше величество еще увидит, как они в ней раскаются.

Монарх пристально поглядел на собеседника, словно пытаясь уловить на его лице тень смущения, но Кортес держался

очень уверенно и, когда встал, чтобы проститься, прибавил доверительным, не вызывающим возражения тоном:

— Да хранит Господь Бог жизнь Вашего величества до моего скорого возвращения, так же как вы будете хранить в памяти данное мне любезное обещание подавить любой мятеж своих подданных.

Моктесума обнял его, а также и Веласкеса де Леона, который с неподдельным волнением приблизился поцеловать ему руку.

— Да поможет тебе великий Уицилопочтли,—сказал Веласкесу монарх.— А если будешь побежден, возвратись к Моктесуме, который не откажет тебе в милосердии. Ты долго был вождем моих телохранителей во время моего заточения, и не был я никогда на тебя в обиде, ибо всегда ты был внимателен и учтив с пленником.

— Сеньор.— ответил Веласкес, — да пребудет с вами истинный Бог, в которого я верю, да продлит драгоценную жизнь Вашего величества и не оставит своими милостями всю вашу августейшую семью.

После этих слов искренне взволнованный молодой кастилец бросился вон из покоев, чтобы скрыть свои чувства, но Моктесума вернул его и, надев ему на шею массивную золотую цепь, которую всегда носил сам, сказал:

— Береги ее и, если когда-нибудь счастье тебе изменит, помни, что эта цепь дана мною в знак того, что моя к тебе дружба неизменна. Если окажется, что мой слух не внимлет твоим мольбам, представь цепь пред моим взором, и она напомнит мне, что я видел в твоих глазах слезы при расставании со мной.

Веласкес снова и снова целовал руки, надевавшие на него этот драгоценный дар, и поклялся носить его до последнего вздоха, а затем вышел из зала, незаметно смахивая слезы,— ибо стыдно плакать сильному мужчине, когда вдруг лицом к лицу столкнулся с Текуиспой и Миасочилью, которые, как обычно, шли проводить монарха.

Младшая дочь властителя остановилась и, забыв о правилах приличия, горестно воскликнула:

— Это правда, что ты идешь на войну? Это правда, что ты идешь сражаться с полчищами твоих соплеменников, у которых есть такие же огненные стрелы и такие же звери, как у вас?

Растерявшись от наивных вопросов Текуиспы и разделяя ее горе, Веласкес де Леон напрасно старался ее утешить.

— Горе мне, горе мне,— плакала девушка.— Я знала, что придется расстаться с тобой, но я думала, что ты вернешься на любимую родину и страдать придется только мне, одинокой. Как же теперь я остаюсь одна, чтобы переживать за тебя? Значит, ты уходишь от меня, чтобы идти на смерть? Как я могу допустить, чтобы ты упал лицом в окровавленную землю на поле сражения, если там не будет ни матери, которая закрыла бы тебе глаза, ни

возлюбленной, которая усыпала бы твою могилу цветами, ни брата, который отомстил бы за тебя?

Ее голос прерывался рыданиями, и Веласкес, отведя ее в сторону и припав к ее ногам, сказал:

— Успокой свое сердце, дорогая моя Текуиспа, ибо с божьей помощью я надеюсь скоро вернуться и обрести полное счастье: стать твоим мужем. Моктесума одарил меня своей дружбой, отдав эту цепь, и поклялся, что ни в чем не откажет, когда я ему об этом напомню. О Текуиспа! Твоя рука будет тем высшим благом, к какому я стану стремиться по возвращении. А если судьба моя будет иной, если я паду на поле боя... Тогда послушай последнюю просьбу твоего возлюбленного. Если я умру, признай своим богом Господа Бога моих родителей и возьми при крещении дорогое мне имя Исабель, это имя моей матери! Она и я, мы вместе будем ждать тебя на небесах, у подножья вечного трона истинного Бога наши души навсегда соединятся святыми узами бессмертной любви.

— Я обещаю,— ответила, рыдая, дочь Моктесумы.

Тут в голову юноше вдруг пришла мысль, что он оставляет предмет своей любви в городе, где с минуты на минуту могло вспыхнуть восстание, а к тому же ему в душу вкрался страх и совсем иного рода.

Он знал, что оба испанских капитана, остававшихся в Теночтитлане, были не равнодушны к прелестям Текуиспы. Алонсо Градо почти не скрывал страсть, которую ему внушала юная дочь верховного вождя ацтеков, а Альварадо, привыкший быть кумиром всех дам, не без тайной зависти взирал на предпочтение, которое она оказывала другому.

Смелость и безрассудство Альварадо были хорошо известны Веласкесу, который также считал, что нельзя слишком полагаться на наивную верность Текуиспы,—ни из-за ее простодушия, ни из-за упрямого желания сотоварища обладать его любовью.

Эта мысль и побудила Веласкеса просить Текуиспу оставить Теночтитлан на время своего отсутствия.

— Ты как-то говорила мне,— обратился он к ней,— что у тебя в Такубе есть любимая подруга и две уважаемых сеньоры, одна из которых — сестра твоего отца, и обе они — супруги вождя-владельца Такубы, находящегося здесь, в нашем городе. Уезжай же, моя Текуиспа, к этим властительным дамам и вместе с твоей подругой жди у них моего возвращения.

— Хорошо,— отвечала Текуиспа,— при ней я могу плакать, не таясь, потому что она тоже умеет любить. Оталица так же оплакивает сейчас Уаско, заключенного тут в тюрьму, как я буду оплакивать ушедшего от меня моего Веласкеса. Я поеду в Такубу, я тебе обещаю. Но позволь мне смотреть тебе вслед, пока ты не скроешься из моих глаз.

В этот миг бой барабанов возвестил выступление войска.

Сжалось сердце Веласкеса. Бесстрашный капитан, который мог потягаться в силе и отваге со своим военачальником, почувствовал, что слабеет духом, в последний раз обнимая обожаемую им девушку.

Две его слезы упали на грудь дочери индейского вождя, а по его стальным доспехам текли ее слезы. Трижды вырывался он из ее объятий и трижды снова устремлялся к ней. Они, казалось, предчувствовали, что эти мгновения горестного расставания были самыми счастливыми, какие им еще оставались в жизни на этой земле!

Барабанный бой не утихал, и слышался властный голос Эрнана Кортеса, отдававшего приказ ускорить шаг.

Веласкес запечатлел последний поцелуй на лбу Текуиспы и поспешил вслед за уходившим войском. Текуиспа без сил опустила наземь.

VI

ВОЙНА

Кортес, всего лишь с тремястами солдат,—ибо тласкальцы, всегда готовые сражаться с ацтеками, отказались воевать с испанцами,—направился к Семпоале, где лагерем стоял Нарваес.

Ацтеки радовались уходу Кортеса, хотя в Теночтитлане ничего не изменилось. Моктесума велел всем ждать дальнейшего развития событий, хотя народ взывал об освобождении вождей-правителей, что было делом нетрудным, ибо число дворцовых стражей значительно уменьшилось. Вождь-властитель Истапалапы уговорил людей дожидаться конца войны между чужестранцами, потому что, как сказал Моктесума, если Кортес будет побежден, как можно было ожидать, судя по малочисленности его войска, те из испанцев, кто остался в Теночтитлане, уйдут сами и кровавая расправа будет не нужна, или же они сдадутся на милость ацтекского властителя.

Успокаивая свои души этой надеждой, которую в них поддерживали и жрецы, предсказывая полное поражение «чужеземных теуктли», ацтеки спокойно жили и работали, а когда подходили дни праздников, которые всегда сопровождались играми и танцами на площадях, они предавались веселью с обычной шумной радостью.

Альварадо однажды прослышал о таком торжестве и вознамерился принять в нем участие кое с кем из своих солдат. Чтобы читатели отнеслись с доверием к тому, о чем мы собираемся рассказать, надо более подробно описать нрав этого капитана, который, после Кортеса, занимает первое место в истории завоевания Новой Испании.

Альварадо был лишен непомерного властолюбия верховного каудильо. Смелый, ловкий, энергичный воин находил удовольствие в самих сражениях и словно искал опасности, чтобы ублажать свою натуру одержанными победами и преодоленными трудностями. Однако, участвуя в лихих схватках, он чрезвычайно редко ставил перед собой непомерно большие задачи. Его подвиги были скорее плодами инстинктивной склонности к действию, чем следствием обдуманного решения, принятого во имя какой-либо великой цели.

Много позже, когда Альварадо занял высокий пост, когда познал вкус славы и почестей, к которым в общем и не стремился, он, понятно, возгордился и почувствовал стремление их приумножить, но во времена нашей истории, будучи пока еще одним из многих корыстолюбивых авантюристов, он не заглядывал так далеко вперед, как его начальник, и никогда, подобно Кортесу, не ломал себе голову над сложностями затеянного похода, а также и не пытался себе представить всю грандиозность конечных результатов.

Человек со средними способностями и жестоким сердцем, он в годы завоевания Мексики нередко совершал злодейские поступки, которые не находили никакого объяснения с точки зрения их политической целесообразности.

Да, весьма различались между собой Кортес и Альварадо. Первый никогда не жертвовал выгодой ради гуманности, но редко поступал негуманно без всякой надобности. Его трезвый ум мог точно рассчитать, послужит ли на пользу то или иное жестокое действие, а редкая находчивость позволяла ему сыскать тысячу способов оправдания жестокости, если таковую приходилось применить. Альварадо, напротив, никогда не задумывался ни над целесообразностью, ни над оправданием своей кровожадности. Темпераментный, необузданный, не признававший возражений, свирепый по натуре, он не умел приносить в жертву необходимости ни малейшего своего дикого каприза, причем врожденная беспощадность сочеталась в нем с неумейной алчностью.

Властолюбие и политика завоевания могли ожесточить твердый характер Кортеса, но жестокосердие Альварадо никогда не имело отношения к политике. Лютые деяния первого помогли ему покорить целое государство; лютые поступки второго не единожды ставили под угрозу успех этого удивительного завоевания. Но своевольная природа, наградив капитана Альварадо таким безжалостным сердцем, наделила его, как часто бывает, благородной и красивой наружностью, и именно его внешность, столь почитавшаяся ацтеками, побудила Кортеса назначить Альварадо для охраны дворца-крепости как человека, в городе популярного и способного своим горделивым видом заставить жителей забыть о ничтожном числе оставшихся с ним солдат.

Однако не прошло и нескольких дней, как Кортес испытал сильное разочарование и понял, что сделал не лучший выбор.

Оставив тридцать солдат под командой Алонсо Градо для охраны пленников, Альварадо решил погулять с остальными на народном празднике, который состоялся на одной из больших площадей Теночтитлана.

Знатные тлатоани и простые ацтеки вместе весело водили там хороводы и приплясывали: первые — украсив себя драгоценностями, а вторые — облачившись в праздничные одежды, приготовленные специально для таких дней. Испанские солдаты еле сдерживались при виде стольких сокровищ на безоружном люде, который беззаботно кружился в танце, а их свирепый капитан, и без того терзавшийся недоброй мыслью, что ацтеки, используя уход большей части испанцев, атакуют дворец, вероятно, испытывал еще и определенную досаду от того, что его появление на площади не было встречено с прежним воодушевлением.

В то же время от глаз Альварадо не укрылись хищные взгляды солдат, направленные на богатое убранство знати, и, словно охотник, с наслаждением глядящий на свору своих собак, которые, оскалив зубы и дико выкатив глаза, вот-вот настигнут зайца, он следил за нараставшим волнением своего отряда, готового броситься на беззащитных людей.

И капитан не отказывает подчиненным в этом удовольствии: легкий кивок головы и тихо произнесенные слова «Взять их!» дают им понять, что разрешение утолить свою алчность получено; и, развивая наше предыдущее сравнение, можно сказать, что, наверное, никогда самые злые и быстрые гончие псы не выполняли приказ хозяина с подобной стремительностью и остревением.

Чтобы зря не терять время, у женщин выдирали волосы вместе с вплетенными в них жемчугами, ударом шпаги отсекали кисти рук с пальцами, унижанными драгоценными перстнями. Один знатный тлатоани, вдевший себе в нос великолепное кольцо, оставил кольцо вместе с носом в руках испанцев.

Самые проворные танцоры бросаются в ужасе бежать, но их настигают пули, и над умирающими грубо препираются солдаты, срывая с тел ожерелья. Самые отважные ацтеки сопротивляются с неожиданным упорством, но могут ли защитить себя нагие индейцы от одетых в стальные доспехи противников? Слабые бросаются на землю, умоляя о пощаде, но их голоса теряются среди воплей, и солдаты шагают по живым, чтобы скорее добраться до самых богато одетых.

Женщины, мужчины, знатные, простолюдины — никому не было пощады. Упившись кровью и насытившись награбленным, испанцы отправились в свой стан, оставив площадь, только что дышавшую весельем, заваленной мертвыми и ранеными.

Сбросив одежды, забрызганные кровью, и облачившись, как обычно, в изящный и нарядный костюм, Альварадо с приветливой улыбкой на лице пошел навестить Моктесуму. В это же самое время солдаты делили добычу, которую им отдал капитан,

оставив себе лишь наиболее дорогие украшения, в том числе несколько перстней, которые, уже отмытые от крови, сверкали на его белых точеных пальцах.

Спокойствие, однако, было вскоре нарушено.

Ацтеки, избежавшие гибели, — одни раненные, другие искалеченные, третьи обезумевшие от ярости, — устремляются к домам вождей-властителей, требуя мести. В покои изумленного Куитлауака врывается разъяренная толпа с криком:

— Веди нас бить испанцев!

Вождь-правитель Истапалапы сомневается в истинности рассказа о варварском побоище, но его ведут к театру кровавых действий — и он с ужасом убеждается в правоте пришедших к нему людей.

И гнев его страшен. Насколько этот вождь обычно разумен и терпелив, настолько он делается зловеще грозен, когда оскорбление переходит все границы.

Он не ждет, пока соберутся другие властительные вожди, не думает сейчас о том, чтобы объединить все войска.

— Идите за мной! — призывает он народ и устремляется к стану испанцев.

Едва звучит воинственный клич мести возле большого дворца, как со всех сторон туда уже спешит мощное подкрепление. Кроме войск, бывших под началом Куитлауака, является Олинтетль с отрядами, вооруженными копьями, камнями, большими каменными и медными топорами.

Нападение не застает испанцев врасплох. Раздается сигнал тревоги, и каждый начальник, каждый солдат не мешкая занимает свой пост. Альварадо является сразу, и у того, кто робеет, холодное бесстрашие капитана укрепляет дух.

Первым побуждением Альварадо было атаковать индейцев, но, увидев несметные полчища, он ограничился защитой крепости, забаррикадировав все входы и разместив оставленные ему пушки так, чтобы держать под обстрелом всю площадь, наводненную осаждающими. Несмотря на умелую оборону, дворец не устоял бы перед яростным и упорным натиском ацтеков, если бы с наступлением ночи и при виде огромного числа убитых Куитлауак не приказал дать сигнал к отступлению, чему и были обязаны испанцы своим спасением.

До того как разойтись по домам, ацтекские воины сожгли обе бригаантины, уже спущенные испанцами на озеро, и оповестили всех жителей Теночтитлана о начале войны. Куитлауак разослал гонцов с этим сообщением вождям-правителям ближайших областей.

С восходом солнца на большой площади Тлателолько собрались все вожди-сородичи, главные военачальники и просто вожди ацтеков из долины Анауак, — их уже ждали многие знатные люди и толпы народа. Вождь-властитель Истапалапы был провозглашен тлакатеуктли, то есть верховным вождем: выбор

определили его решительные действия. Облеченный высшей военной властью, он разделил всех воинов на большие отряды, каждый из которых возглавил кто-либо из именитых военачальников. Затем распорядился взять оружие из монарших арсеналов и приказал отрезать врагу пути к отступлению: разрушить мосты и дороги через озеро. Приняв необходимые меры, Куитлауак пошел снова на приступ, еще более решительный, чем накануне.

Новый верховный вождь руководил осадой и атаками хладнокровно и целеустремленно, а его собственная отвага в боях не уступала храбрости самых прославленных ацтекских воинов. Столь же достойно проявили себя в тот день тлатоани из Сокотлана, Хочимилько, Сопанко, Атлиско и многих других городов и областей,—перечислять все было бы и нелегко и утомительно. Оба сына погибшего на костре Куальпопоки своим мужеством и героизмом могли бы вполне сравниться с их славным вождем-властителем Куаутемоком, который в ту пору был пленником испанцев, а ранее нередко водил братьев в сражения.

Осажденные отбивались так же упорно, как вдохновенно бросались на штурм атакующие, однако после длительного боя, продолжавшегося все утро, стойкость испанцев уступила численности противника. Большинство испанских солдат было ранено, а через одну из спаленных дворцовых дверей и пробитую в стене брешь ацтеки устремились в замок. Капитану Альварадо оставалось лишь объединить жалкие остатки своего небольшого отряда и выйти навстречу врагам, чтобы дорого продать свою жизнь. Ацтеки бросились к ним, как разъяренные пумы, и, без сомнения, через несколько минут от упорных защитников дворца остались бы только окровавленные обрубки тел,—ибо головы и сердца полагалось принести в жертву богу Уицилопочтли,—если бы порыв побеждающего войска не был вдруг приостановлен отчаянными криками, летевшими со всех сторон: «Малинче входит в город! С ним войско больше того, которое ушло! Малинче вернулся по дороге, которую еще не успели разрушить наши воины! Малинче возвращается в Теночтитлан!».

Самые смелые просят позволения встретить Кортеса и всгупить с ним в бой; самые робкие опускают руки при одном лишь имени удачливого каудильо, который возвращается, победив войско своих соотечественников, вдвое большее, чем его собственное, и молят об отступлении. И Куитлауак тут же приказывает оставить дворец, хотя и по совсем иным причинам, чем те, которые выдвигают его соплеменники. Мудрый вождь-властитель хочет дать время главным силам испанцев войти в город, а затем напасть на них, когда позади врага не останется ни одной переправы для отхода через озеро.

И вот ацтеки, к великому изумлению Альварадо, которому еще непонятна причина подобного маневра, оставляют дворцовую площадь, а через некоторое время Кортес снова занимает

свое изрядно пострадавшее пристанище и велит спешно привести в порядок свои покои.

Его победа над Нарваесом была действительно полной, хотя и не особенно славной.

Направ на Нарваеса глубокой ночью, Кортес в считанные часы добился перевеса, но не столько за счет дерзкой отваги, сколько благодаря своей предусмотрительности и везению: большая часть вражеских солдат, облагодетельствованных дарами, жаждавших сокровищ, которые были им обещаны после завоевания этой империи, и недовольных суровостью своего командира, горели желанием присоединиться к своим счастливым соотечественникам, а не воевать с ними. Та поспешность, с какой после боя они ринулись в отряд Кортеса, свидетельствует, сколь ничтожное сопротивление они ему оказывали.

Гордый новым успехом, возвратился Кортес в Теночтитлан во главе войска, состоявшего теперь из тысячи трехсот пехотинцев, ста кавалеристов, двухсот арбалетчиков и шести тысяч индейцев-тласкальцев, снова присоединившихся к нему после его победы, и каудильо успел спасти жизнь недалековидному жестокому Альварадо и оставшимся в живых соратникам.

Едва Моктесума узнал о прибытии каудильо, он велел послать за ним, чтобы поздравить с победой. Несчастный монарх, который думал, что ацтеки его презирают, а испанцы ему не верят, понимал, что дворец осаждают его подданные, но не осмеливался приказать им отступить, ибо уже сомневался в их послушании, и в то же время не решался дать им свое согласие на военные действия, страхась испанцев.

Услышав, что Кортес вернулся, и вернулся победителем, Моктесума совсем сник, полностью уверовав в счастливую звезду своего тюремщика и полагая, что отступление нападавших ацтеков вызвано той же верой в магическую силу испанца.

— Они правильно делают,—говорил он,—правильно делают, покоряясь своей судьбе. Боги отвернулись от нас, желают ускорить нашу гибель.

Моктесума с нетерпением ждал Кортеса, но ожидание было напрасным. Возможно, опьяненный успехом и обрадованный увеличением войска, Кортес поверил, что отныне ему нечего скрывать свои истинные намерения; а может быть, он считал Моктесуму сообщником тех, кто чуть не отправил Альварадо на тот свет,—во всяком случае, каудильо с небрежением отверг приглашение и, хотя отчитал Альварадо за его не вовремя учиненную бойню, показал, что впредь намерен относиться к ацтекам, как к поверженным врагам.

Однако он скоро убедился в своей ошибке.

Солдаты, посланные Веласкесом де Леоном за Текуиспой и ее служанками в Такубу, вернулись назад израненные, рассказав, что ацтеки перебили эскорт и что все дороги к озеру перекрыты индейскими воинами.

Сообщение встревожило Кортеса, хотя в ту пору он считал себя достаточно сильным, чтобы успешно справиться с любой опасностью, и поэтому он тут же приказал одному из капитанов взять двести пехотинцев, восемьдесят арбалетчиков и сто всадников и рассеять силы врага.

Велико же было его изумление и разочарование, когда — по прошествии получаса — он снова увидел своих солдат, напуганных, обращенных в бегство, потерявших большое число стрелков и лошадей; почти по пятам их преследовали ацтеки, а некоторые из них ворвались во дворец вслед за беглецами.

Тут самообладание и энергия Кортеса проявились в полной мере: немедленно в бой были введены свежие силы, включая тласкальцев, которые сражались мужественно и решительно. Однако враг атаковал со всех сторон, и те из ацтеков, кто проник во внутренний двор крепости, увлек за собой других, хотя за ними бросились отряды испанских солдат, открыв огонь. Индейцы, не страшась многочисленной дворцовой стражи, уже взбирались вверх по лестницам. Однако чад пожара и пороховой дым заставили ацтеков отступить из дворцового патио, но в то время как огонь бушевал внутри дворца, небо почернело от тучи стрел, копий и камней, которые летели в окна и на крыши.

Каждый артиллерийский залп оставлял после себя груды тел на площади, однако на место убитых вставляли новые индейские воины и их число и натиск отнюдь не убывали.

Кортес появлялся всюду, где возникала опасность, и каждый его капитан состязался с ним в проворстве и отваге, прилагая огромные усилия, чтобы использовать ущерб, наносимый противнику орудийным огнем, и стойчески защищать дворец. К ночи ацтеки сняли осаду.

Кортес, поняв, что на следующий день сражение продолжится, убедившись на собственном опыте в храбрости и мощи людей, которых он до того считал слабыми и трусливыми, решил направить к ним парламентаря с предложением мира, выпустив с этой целью из тюрьмы юного Нецалька и отослав его со своим ультиматумом. Кортес требовал, чтобы воины сложили оружие, а вожди вернулись бы в свои владения, обещая, в свою очередь, уйти из Теночтитлана, когда ацтеки снова подчинятся своему монарху, ибо они — всего лишь бунтовщики, затеявшие войну без согласия своего властелина.

Нецальк ушел, обещав доставить ответ, а Кортес не спал в своем стане всю ночь, следя за врачеванием раненых и приведением в порядок покоев после сражения.

Увы, кто-то провел еще более печальную бессонную ночь. Веласкес де Леон, раненный в плечо, страдал не столько от физической боли, сколь от мысли, что, может быть, погибнет в этой войне, более не услышав нежных речей Текуиспы.

СМЕРТЬ МОКТЕСУ МЫ

Было около девяти утра, когда испанская стража сообщила, что ацтекский парламентар просит позволения поговорить с Кортесом. Каудильо немедленно созвал своих капитанов и велел впустить в зал ацтека.

Миссию посланца выполнял Наоталан, и, хотя ему не исполнилось еще и двадцати лет, его суровый и воинственный вид, прямой и решительный взгляд внушали неподдельное чувство уважения...

В знак траура, который он носил по отцу, его густые темные волосы были коротко острижены, а голову не украшал плюмаж, который имел право носить каждый отважный воин благородного происхождения. Кожаные ремни его сандалий были черного цвета, как и короткая юбка, не достигавшая колен. Вместо своеобразного ацтекского бурнуса его спину и часть груди прикрывала бизонья шкура; в правой руке он держал стрелу — наконечником вверх. — в знак воинственных намерений, — а левой с непринужденностью и достоинством поддерживал свой мохнатый плащ.

Хотя его глаза, быстро скользнувшие по лицам собравшихся капитанов, сверкали гневом, почти злобой, особенно заметной, когда он взглянул на Кортеса, молодой ацтек выполнил весь приветственный ритуал индейского парламентаря, и, отказавшись от скамьи, предложенной ему испанским военачальником, сказал ясным и твердым голосом, обращаясь к переводчику, который встал рядом с ним:

— Именитый Куитлауак, сын Ахаякатля, вождь-властитель Истапалалы и верховный вождь и военачальник всех воинов, вставших на защиту родины и своего властелина, выбрал меня, Наоталана, сына Куальпопоки, чтобы известить вас, высокого начальника, и всех испанских капитанов, что он знает о тех ваших предложениях, которые вы послали нам с властительным вождем Нецальком, сыном вождя-властителя Такубы и моего тлатоани, и что он внимательно к ним отнесся. Мой именитый вождь знает, что его войска могут понести неисчислимые потери от вашего огненного оружия, малого и большого, но он высчитал, что даже если за одного из ваших воинов сложат головы двадцать пять тысяч ацтеков, то и в таком случае вы погибнете раньше, чем мы.

— Кроме того, — продолжал Наоталан, — благородный Куитлауак предупреждает вас, что разрушены все мосты и дороги за исключением одной и что, даже если мы не пойдем против вас с оружием, вам придется умереть с голоду. После этого мне остается только сказать вам от имени верховного вождя-властителя, что он не имеет желания вступать в переговоры о мире с теми, кто держит в темнице великого Моктесуму и самых

высоких вождей его царства; с теми, кто принес в жертву тысячи невинных людей, чья кровь взывает о мщении; с теми, кто запятнал свою честь гостя и презрел наше доверие, и, наконец, с теми, кто святотатствовал в наших храмах и оскорблял наших жрецов. И потому готовьтесь к войне до последнего живого человека, к кровавой войне, которая окончится только вашей либо нашей гибелью и которую я вам объявляю от имени Куитлауака и всего Царства ацтеков.

Два капитана схватились было за эфесы своих шпаг, готовые покарать дерзкого парламентаря, но каудильо властно остановил их и ответил ацтеку:

— Скажи от моего имени вождю Истапалапы, что я готов воевать и пусть он винит собственное упрямство во всех тех бедах, кои столь необдуманное его решение накличет на вашу страну. Скажи, что мы, испанцы, не страшимся ни ваших многочисленных войск, ни голода, которым он нас пугает, ибо наш Бог и Отец может превращать камни в прекрасную пищу, и не впервые Ему посылать своим сынам пропитание с небес. Скажи, что во имя чувств дружелюбия и благодарности, испытываемых нами к Моктесуме, мы желаем мира и предлагаем мир, но, поскольку вы предпочитаете войну, мы немилосердно будем преследовать вас и карать за измену своему королю, за неблагодарность, проявленную в ответ на наше великодушие.

После того как ответ был дан, Кортес — под угрозой смертной казни — приказал, чтобы парламентаря беспрепятственно выпустили из испанского стана и не чинили бы ему никаких препятствий. Наоталан степенно, без тени страха или недоверия, вышел из дворца.

— Соратники! — воскликнул Кортес. — Своими успехами мы более обязаны счастливой судьбе, нежели собственным ратным подвигам. Мы должны благодарить ацтеков, что они наконец стряхнули с себя свою непробудную сонливость и дают нам возможность показать, как надо завоевывать шпагой то, чего нам не хочет добровольно отдавать фортуна.

Хотя и не все разделяли подобную веру — истинную или показную — начальника в свои силы, никто не пожелал проявить малодушие и выразить недовольство, и капитаны еще обсуждали неожиданное упорство ацтеков, когда пронзительные вопли индейцев и резкие звуки их военной музыки возвестили, что противник переходит в наступление.

Ни один самый отчаянный натиск не заставлял испанцев врасплох. Кортес тут же возглавил войско и, велев отряду арбалетчиков и артиллерии защищать дворец, вышел наружу со своими главными силами, чтобы сразиться с ацтеками, чьи войска, если посмотреть с крыши крепости, заполняли улицы и сплошной лавиной надвигались на дворцовую площадь.

Кавалеристы дали оружейный залп, открыв страшную брешь в плотной массе наступающих, и устремились вперед, тесня ацтекских воинов и одновременно стреляя по домам, с крыши

которых в испанцев летели камни и бревна, впрочем, не наносившие им особого ущерба.

Хотя ацтеки сражались с самозабвенной отвагой, перевес в первой схватке был на стороне испанцев, которые умело использовали свое превосходство в вооружении и дисциплине, а кони их наводили страх; однако некоторое время спустя испанцы поняли, сколь трудно будет удержать преимущество.

Сражение длилось уже четыре часа, и за это время погибло много всадников и значительное число пехотинцев; усталость начинала одолевать солдат Кортеса, а войско ацтеков беспрестанно пополнялось все новыми и новыми отрядами, которые накатывались на дворец, как волны морского прибоя. Превосходство одних в численности уравнило преимущество других в вооружении. И хотя испанцы с честью отстаивали свою воинскую славу, они должны были отступить и к тому же приложить невероятные усилия, чтобы отбиться от противника, рвавшегося преградить им отход во дворец.

Ацтеки окружали испанцев, стремясь отрезать им путь назад. Беспрецедентное мужество и упорство проявляли вожди Куитлауак, Олинтетль, Нецальк и другие, чьи имена, освященные славой,—если и не победой,—поглоштило забвение, и нет страны, которая воздала бы им должное в своей истории; нет поэта, который удосужился бы их воскресить.

Испанцам все же удалось — не без значительных потерь — укрыться в крепости, где они с трудом выдерживали бешеный штурм, продолжавшийся до наступления ночи.

Следуя своему обычаю не сражаться в темноте, ацтеки отошли, а Кортес, не помышляя об отдыхе, который был так нужен его уставшему воинству, посвятил ночные часы сооружению легких деревянных стенок — из них затем составляли своего рода четырехугольные переносные башенки, — которые, по его замыслу, должны были сослужить испанским стрелкам хорошую службу и внести смятение в ряды противника.

С первыми проблесками зари, позволив войску отдохнуть не более двух часов, хотя сам он задремал не более чем на десять минут, Кортес приказал всему войску подготовиться к новой атаке, а в каждую переносную башенку поместил от двадцати до тридцати солдат, которые могли стрелять из ружей и арбалетов сквозь специально прорезанные бойницы. Вслед за этими защитными приспособлениями выступила конница и оставшиеся в живых — из шести тысяч — тласкальцы. Продвигаясь по еще пустынным улицам, испанцы мимоходом обстреливали особенно красивые дома.

Но вот во главе крупных сил им навстречу вышел Куитлауак, а в то же время в тыл испанцам ударило другое войско — под командой Нецалька, брата Куаутемока, — и ни деревянные машины, ни лошади не смогли противостоять их неистовому натиску. Башни были разбиты в щепы, многие солдаты ранены, тласкальская пехота полностью рассеяна, и испанцы лишь

с помощью конных воинов смогли проложить себе путь обратно в свое укрытие.

В тот памятный день атаки следовали одна за другой, становясь с каждым разом все мощнее и упорнее, но и оборона была поистине героической.

Дворцовая площадь буквально устлана трупами, но ацтеки в иступлении громоздили тела в груды и по ним карабкались к окнам. Индейцы гибли массами, но на место погибших тут же вставали новые воины. Пока одни лезли вверх, под самые жерла пушек, другие рубили топорами двери, хотя сквозь бреши их сражали пули, выпущенные едва ли не в упор.

Такое дерзостное буйство ацтекских воинов принесло им наконец неоспоримый успех. Под ударами топоров рушились стены, стойкости и храбрости испанцев явно не хватало, чтобы сдержать поток вражеских войск, устремлявшийся на них со всех сторон.

В подобной критической ситуации рассудок подсказал Кортесу единственное средство спасения. Он вошел в покои Моктесумы, которого еще не видел после своего возвращения, и обратился к нему с суровым видом:

— Вы слышите, какую страшную войну затеяли против меня ваши мятежники? Им мало того, что они подло изменили своему повелителю, они осмеливаются обвинять вас в том, что вы приказали поднять восстание. Если хотите, чтобы я не поверил в вашу вину, если хотите спасти от моей мести вашу семью и ваш народ,— идите, покажитесь нападающим и велите им своей властью короля сложить оружие и не затевать сражений, пока мое войско не покинет пределы Ацтекского царства.

Моктесума, который в эти дни был лишен всякого общения со своими и ничего не знал об исходе битв, понял, что дело оборачивается не в пользу испанцев, коль скоро они вспомнили о нем. Эта мысль, а также отчаянное нежелание предстать перед ослушавшимися его подданными и презиравшим его Кортесом придала ему решимости для ответа:

— Оставь меня в покое, Малинче. Мои слова так же мало значат теперь для ацтеков, как твои для меня. Оставь меня, ибо я желаю одного — умереть.

На лбу Кортеса вздулась вена, что было явным признаком вскипевшей в нем ярости, но, уловив твердые ноты в голосе Моктесумы, он тоже понял, что устрашением ему ничего не добиться, и, подавив злобу, решил обратиться к уговорам.

Не желая, однако, ронять чувства собственного достоинства в глазах пленника, Кортес сказал, уже у дверей, что не несет ответственности за те несчастья, которые может навлечь подобный отказ, но тут же послал к Моктесуме войскового священника Бартоломе де Ольмедо урезонить монарха.

Однако напрасно уговаривал и упрашивал священник, он уже собрался уходить, ничего не добившись от Моктесумы, когда в покои монарха вошел Веласкес де Леон.

Его раненую правую руку поддерживал черный платок, завязанный сзади на шее, а вьющиеся густые волосы слегка прикрывали ссадину на лбу от удара одного из кольев, которые вместе с камнями кидали наступающие. Он не был вооружен, незастылый, но изящный шелковый костюм плотно облегал стройную фигуру, а на грудь ему ниспадала золотая цепь, подаренная Моктесумой.

Бледность его лица, вызванная скорее душевными страданиями, нежели раной, не могла не будить сочувствия и наглядывала на весь облик Веласкеса печать грусти, в целом ему не свойственной.

При виде вошедшего дрогнуло сердце монарха, и Моктесума, протягивая ему руку, печально проговорил:

— Ты ранен, бедный юноша? Значит, мы все страдаем, все мы несчастны!

— О, сеньор! — отвечал Веласкес, почтительно склоняясь и целуя ему руку. — Нет человека несчастнее меня! Я страстно хочу крепить узы дружбы, связывающие меня с семьей Вашего величества, и в то же время обязан, подчиняясь жестокой необходимости, относиться к вашим близким как враг. Ваш брат, сеньор, командует войском, осаждающим этот дворец, и если милосердие, присущее истинно царственной душе, не побудит Ваше величество прекратить жесточайшую войну, то иного исхода, как полная гибель одного из двух войск, быть не может.

— Ваше величество, — сказал фрай¹ Бартоломе де Ольмедо, — вы ответите перед Богом за потоки крови, которые прольются из-за вашего упрямства.

— Сеньор, — добавил Веласкес, — не свою жизнь хочу я спасти, ибо с этой минуты я посвящаю ее Вашему величеству, и, если вам нужна жертва, я готов пойти на смерть, но пусть не текут реки крови между ацтеками и испанцами, пусть не будут врагами два народа, которые должны быть связаны узами любви и взаимной поддержки... О, если я останусь жив, как хотелось бы иметь хоть какую-нибудь надежду на счастье, а если я умру, дай Бог не погибнуть в сражении против ваших друзей и родных, не хочу я уносить с собой в могилу проклятие ваших дочерей!

Понял Моктесума, какие чувства, о чем тот не смел сказать прямо, владели молодым кастильцем, и с волнением произнес:

— Юноша, ты действительно достоин желаемого тобой счастья, и проси богов, чтобы Моктесума мог бы сейчас дать его тебе!..

Веласкес с трудом подавил радостное волнение, охватившее его после этих милостивых слов, и, снова склоняясь к руке монарха, воскликнул:

— О сеньор, благородный и великодушный сеньор! Бог истинный воздаст вам за вашу доброту, память о которой всегда

¹ Брат (исп.) — о монахе.

будет жить в моем сердце. Да, великий король, об этом безмерном счастье, об исполнении этой моей заветной мечты должен был я молить вас, припав к вашим царственным стопам и показав Вашему величеству эту цепь, символ дружбы, каковой вы меня удостоили. Но в сей миг моя просьба будет иной, и в поддержку своей просьбы, обращенной к Вашему величеству, я уповаю именно на этот ваш драгоценный дар, который позволяет мне надеяться на вашу благосклонность. Сеньор, капитан Кортес торжественно обещает уйти из долины Анауак ровно через восемь дней, но просит вас прекратить военные действия. Если ацтеки требуют жертвы, я отдаю в ваши руки свою жизнь, ибо вдали от этих земель она станет мне ненавистна. Но спасите, сеньор, ваших вассалов и моих сотоварищей от ужасов кровавого противоборства.

Изложив свою просьбу, Веласкес показал Моктесуме на цепь, которая должна была напомнить о его обещании, и индейский монарх не пожелал нарушить никогда не нарушавшийся им святой долг — данное им слово.

— Хорошо! — сказал он, вставая. — Моктесума не запятнает клятвопреступлением свои последние дни. Юноша, я торжественно обещал тебе исполнить все, что ты у меня попросишь именем этого знака моей благодарности, и я готов выполнить обещанное.

Он велел немедленно принести корону и мантию тлакатеуктли — верховного вождя Ацтекского царства — и с этими эмблемами царского достоинства, священными для каждого ацтека, вышел из своих покоев, опираясь на левую руку Веласкеса, пошатываясь, но с совершенно спокойным лицом.

Когда он проходил через комнаты своих сыновей, старший вышел ему навстречу, монарх остановился и обнял его. Затем велел подойти двум остальным, обнял их одного за другим и, обратившись к великому Духу небес и могущественному богу Уицилопочтли, попросил его взять сыновей под свое покровительство. Мальчики опустились на колени, и, словно бы недоброе предчувствие охватило и отца и сыновей, глаза у них увлажнились, не мог сдержать слез и Веласкес.

Дважды обнял Моктесума каждого из юных властительных вождей, а когда произнес последние слова: «Да защитят вас наши боги», простерев над их головами руки в знак благословения, в его тихом глухом голосе послышалась глубочайшая нежность.

Затем он пошел дальше, то и дело оглядываясь на детей, а потеряв их из виду, вскинул глаза к небу, словно в экстазе, и тут же обреченно опустил голову.

Моктесуму вывели на крышу дворца, и переводчики громко возвестили о его появлении. Он стоял, оперевшись на руку Веласкеса, между зубцами крепостной стены. Едва увидев его, ацтекские военачальники распорядились остановить бой, а все воины преклонили перед ним колено. Куитлауак, Нецальк, вожди-пра-

вители Хочимилько и Атлиско подошли на столь близкое расстояние, что могли слышать Моктесуму и говорить с ним. Вначале они приветствовали его радостным возгласом:

— Уэй-тлатоани, великий властитель, да помогут тебе боги!

Монарх отвечал им милостиво и благожелательно, а затем произнес медленно и грустно:

— Сородичи и друзья мои! Зачем вы печалите мое сердце кровавой и ненужной войной?

— Великий властитель и брат мой! — отвечал Куитлауак. — Мы поклялись богам отомстить за оскорбления, нанесенные им и твоей священной особе. Мы просили богов также освободить тебя от всех опасностей, вернуть тебе прежнюю свободу и власть. Верь в их милосердие, о тлакатеуктли, и дозвожь верным твоим вождям, правителям-данныкам, покарать твоих врагов-притеснителей.

— Брат мой, — отвечал Моктесума, — я благодарю вас за добрые намерения и, со своей стороны, клянусь богам, что ваши обидчики вскоре уйдут из наших владений. И этого достаточно для их наказания и нашего спокойствия. Я дал испанцам слово не препятствовать уходу, а вам велю прекратить войну, которую, если вы ее продолжите, буду считать с сегодняшнего дня открытым мятежом.

Четверо вождей опустили головы, но ропот недовольства прокатился по всему войску, и чей-то голос, неизвестно откуда раздавшийся, звучно произнес два слова: «Властитель — изменник!» Побледнел от гнева и боли Моктесума; в этот же миг Альварадо, подумавший, что монарх испугался, бросился к нему, стараясь приободрить его словами и энергичными жестами. При виде этого человека, ненавистного врага, чьи неслыханные злодеяния еще стояли перед глазами ацтеков, яростные крики заглушили ропот протеста, и стрела, пущенная твердой рукой, ударила в стальную кирасу чужеземца, наконечник ее раскололся, но в это же время были брошены и два огромных камня, которые попали в обнаженную голову Моктесумы.

Хлынувшая из раны кровь залила все лицо несчастного монарха и запачкала Веласкеса, который принял на руки рухнувшее на него тело.

Куитлауак увидел происшедшее, и все отчетливо услышали его голос, прогремевший подобно грому:

— Презренный люд! Ты убил великого властителя!

Ошеломленные ацтеки пали наземь, испуская горестные вопли, а увидев на руках у Веласкеса окровавленное тело Моктесумы, бросились бежать кто куда, словно бы преследуемые карающей тенью их августейшей жертвы.

Напрасно пытались вожди-сородичи удержать народ: площадь опустела в один миг, испанцы были спасены.

Веласкес и несколько других капитанов старались помочь Моктесуме, но он отказывался от всякой помощи; он отверг

с негодованием предложение принять христианскую веру и креститься и умер со спокойствием и достоинством, не уступавшим его прежнему мужеству и способным заставить забыть его последующее малодушие.

VIII

ГЕРОИЗМ

Смерть Моктесумы, лишившая Кортеса всякой надежды на примирение с ацтеками, сильно его огорчила, но при том были и другие поводы для огорчения. Лишь теперь Кортес смог должным образом оценить все благодеяния, которыми был обязан злосчастному монарху, и вспомнить о тех мучениях, которыми отравил ему последние дни жизни, о высоких духовных принципах Моктесумы, которые безжалостно попирали, и Кортес ощутил нечто вроде раскаяния, хотя, впрочем, это чувство вскоре было вытеснено мыслями не столь возвышенными и побуждениями более целенаправленными.

Прекрасно понимая, что по прошествии первых минут испуга и растерянности, охвативших ацтеков после смерти монарха, они вернутся еще более озлобленными и жаждущими мщения, Кортес стал думать о новых средствах обороны. Видя, сколь сильно разрушен дворец и как много дней пришлось бы затратить на восстановление этой крепости, он решил занять соседний храм-теокальи, массивная и высокая пирамида которого позволяла обозревать дальние окрестности и могла сослужить хорошую службу при защите от врага. Приняв это разумное решение, Кортес принялся осуществлять его с присущей ему стремительной энергией, и, несмотря на то что был ранен, как и большинство испанских военачальников, каудильо покинул свое бывшее пристанище со всеми, оставшимися в его распоряжении силами.

Один из его лучших капитанов с половиной войска был послан захватить теокальи, а Кортес с остальными солдатами старался усилить замешательство ацтеков тем, что поджигал лучшие дома и разгонял группы индейских воинов, попадавшие ему на пути. Но хотя он и не встречал настоящего сопротивления, ибо ацтекские войска — разрозненные и уstraшенные — не вступали в сражение, в которое, казалось, их вовлекал враг, капитан, посланный взять теокальи, встретился с гораздо большими трудностями, чем ожидал. Двум ацтекским вождям силой своего красноречия и личного примера удалось перебороть испуг и подавленность нескольких ацтекских отрядов. Решительные звучные голоса вождей словно волшебством останавливали суеверных индейцев, гонимых с поля боя жуткими видениями, рожденными их собственным страхом. Вожди, громко повторяя досто-

славное имя погибшего властелина, старались победить ужас, вселенный в души злой смертью того, кто носил это имя.

— Напрасно убегаете, трусы! — кричали они, словно заворачивая или заклиная. — Напрасно бежите, убийцы великого властителя! Кровавая тень будет преследовать вас до края земли, если вы не захотите умиловать ее, услышать ее повеление, которое мы сами сейчас слышали.

Многие из бросивших оружие падали при этих словах на землю, другие бросались к ногам этих двух вождей, которые, потрясая тяжелыми копьями, обнажили свои лица, до тех пор прикрытые легкими индейскими забралами: взорам людей открылись юношеские черты сыновей казненного на костре Куальпопоки. Гневом пылали властные глаза Наоталана, его темный гордый лик словно бы языческого вождя оттеняли черные траурные одежды; напротив, лицо младшего брата, светлое и грустное, словно лучилось неземным вдохновением.

— Как вы смеете бежать, глупцы? — восклицал старший брат. — Как смели думать, что спасетесь от поруганной тени, которая вас преследует? Вы думаете, что Моктесума один идет вслед за вами?.. Нет! Страшное полчище духов настигает трусливых, чтобы впиться каждому в сердце.

— Охваченные невидимым нам пламенем, — продолжал звать к людям Наоталан, — пламенем, в котором еще кипит их кровь и белеют кости, бегут с костров Куальпопоки и его товарищи, а за ними, по их следам, по горячему пеплу идут другие бесчисленные жертвы, чья кровь лилась ручьями на праздничной площади. Это погребальное шествие искалеченных мужчин, изнасилованных девушек, изрубленных в куски младенцев окружает и терзает душу Моктесумы, прося властителя отомстить за их кровь и грозя отмщением, и все они принуждают нашего слабого уэй-тлатоани искать спасения среди своих собственных убийц. Куда вы бежите, если вас не преследует его дух?.. Или вы не слышите, как он говорит вашим душам и просит у вас пощады? «Исправьте зло, причиненное моей слабостью, — просит он вас, — убоготорите павших, истребите притеснителей, запятнавших мою добрую славу... Сражайтесь, победите или умрите! Только тогда я смогу простить вас и только тогда сам буду прощен».

— Посмотрите, — продолжал Наоталан, — как горят наши дома, и послушайте стоны людей в огне. Их голоса, которые вы не хотите слышать, повторяют слова Моктесумы: «Сражайтесь, победите или умрите!» Убейте этих злодеев, которые в злобе ринулись на наш священный теокальи. Боги трепещут от гнева на своих золотых алтарях и тоже зывают к вам: «Сражайтесь, победите или умрите!» Сколько усопших стекается пополнить невидимое войско духов! Несчастны те, кто будет жить опозоренным рабом в этом царстве доблестных мертвых ацтеков! Остановитесь, разгневанные духи, подождите немного, и вы увидите,

какова наша сила! О великий Тескатлипока¹! Спрячь стрелы своей ярости! Не открывай, грозный Миктлантеуктли², вечного пристанища загубленных душ! Нет среди нас презренных, желающих туда попасть! Наша чистая кровь и кровь дерзких осквернителей ваших священных храмов-теокальи сможет залить пожар вашей ярости. На войну! На войну! Победить или умереть! Покой умершим! Свободу живым!

На этот волнующий призыв, неодолимую силу которого рождали также тон и жесты оратора, все, слышавшие и видевшие его, отвечали возбужденными кликами, и этот эмоциональный, чувствительный народ, быстро переходящий от отчаяния к героизму, уже настойчиво просит отмщения и волнуется, жаждая крови и поражения врага. Отважные братья не теряют времени и устремляются во главе довольно большого отряда ацтекских воинов защищать храм-теокальи, тогда как испанцы уже подошли к окружавшим его стенам.

Слишком самонадеянной показалась бы с нашей стороны попытка нарисовать во всей полноте картину этой битвы, которая из всех, вошедших в историю Конкисты³, была битвой, вне всякого сомнения, покрывшей славой обе сражавшиеся стороны.

Трижды в порыве отчаянной отваги бросался в атаку бравый капитан Эскобар и трижды был отброшен с немалыми потерями. Нараставшее ожесточение испанцев не поколебало и не ослабило ни на минуту упорного сопротивления ацтеков и, видя чудеса храбрости, вершившиеся в тот день осиротевшими сынами-героями вождя Куальпопоки, можно было подумать, что духи свободы и мести воплотились в эти два существа, такие юные, такие мужественные, с такой суровой участью.

Отчаявшись взять приступом храм, Эскобар послал гонца с просьбой о помощи, и Кортес сам со всем оставшимся воинством поспешил на выручку к своим почти разгромленным соратникам.

Мужество ацтеков отнюдь не шло на убыль, однако натиск врага становился все мощнее, ибо Кортес с большими отрядами стрелков сумел пробиться к лестнице, ведущей на вершину храмовой пирамиды. Ацтеки неистово сражались у ее подножья, отстаивали каждую ступень, но, взбираясь вверх по грудам трюпов и скользким от крови ступеням, главный испанский военачальник нес свой штандарт к балюстраде, ограждавшей со всех сторон вершину здания.

Предсмертные стоны ацтеков сливались с победными криками испанцев. Кортес, стоя на пьедестале из мертвых тел

¹ «Дымящееся зеркало» (*науа*) — имя главного божества из пантеона ацтеков.

² Бог мертвых, владыка Миктлана (т. е. «ада»), куда, по верованию древних ацтеков, попадают убийцы, злодеи, трусы

³ Завоевание (*исп.*) Здесь — название исторической эпохи завоевания испанцами американских земель в XV—XVI вв

и оперевшись раненой рукой на балюстраду, держал в другой руке свое развевающееся непобедимое знамя и казался самым богом Уицилопочтли.

И тут вдруг люди заметили, как, пробираясь в хаосе стихавшего боя, к победителю устремились два индейских воина, которые всегда сражались в самых опасных местах. Ацтеки, не глядя на их лица, узнают в них Наоталана и Синталь: достаточно видеть их мощные удары копьем, открывающие им путь к Кортесу. Каудильо опознал их тоже: в тот день он не единожды сталкивался с их доблестью, его окровавленная рука была пробита меткой стрелой Наоталана. Многие капитаны бросаются вслед за юношами, опасаясь дерзкого нападения. Однако оба брата ломают свои копья и бросают обломки к ногам Кортеса, стремительно швыряют прочь остальное оружие и, в знак полнейшего смирения, склоняют перед ним колено.

Вопль негодования и возмущения вырывается из толпы ацтеков. Усмешка презрительного сострадания чуть кривит губы победителя. Однако, ничего не слыша и ни на кого не глядя, братья ползут на коленях, моля о прощении, все ближе и ближе к испанскому военачальнику.

— Они не заслуживают снисхождения! — восклицает Альвардо. — Я их знаю, это сыновья того изменника, который был сожжен перед дворцом; это они возглавили оборону пирамиды.

— Один из них, — заметил другой капитан, — и есть тот непочтительный парламентар, который объявил нам войну.

— Смерть им! Смерть! — возопили солдаты.

Кортес взмахом руки призвал своих людей к спокойствию, а Синталь, почти прижав к залитому кровью полу мертвенно-бледное лицо, уже так близко подполз к каудильо, что смог прикоснуться своими протянутыми руками к его стопам. Наоталан замер на мгновение, скользнул горящими отчаянием глазами по окружавшим их капитанам и, словно в ответ на горестный голос брата, молившего о пощаде, выпрямившись, тоже бросился к Кортесу и своим гибким телом обвился вокруг ног испанца, как обвивается удав вокруг жертвы, которую хочет проглотить. Синталь же упорно старался приподнять ступни Кортеса и поставить себе на плечи, расстилаясь перед ним, как ковер. Подобные непонятные проявления подобострастия казались испанцам столь забавными, что никто из них и думать не мог о каком-либо злом умысле, пока громкий возглас Кортеса не дал им понять, что перед их глазами происходит странная, страшная борьба.

В самом деле, оба брата прилагали невероятные усилия, чтобы броситься вместе с Кортесом вниз за балюстраду, которая находилась на высоте более шестидесяти метров над каменной площадью, и всей ловкости, всей силы Кортеса не хватило бы, чтобы спастись. Заметив это, хотя и не сразу, капитаны кинулись к нему на выручку, но оба юноши, не желая, чтобы у них отбили добычу, пошли на последнее, что у них оставалось. Крепко

обхватив руками тело врага, мертвой хваткой вцепившись в ненавистного человека, они перевесились через балюстраду и резко оттолкнулись ногами от пола.

— Ты отомщен, отец! — хрипло крикнул Наоталан.

— Ты свободна, родина, от врага! — едва слышно выдохнул Синталь.

После этих слов на какой-то момент наступает жуткая тишина. Люди, стоящие внизу, видят торсы обоих юношей, сползающие вниз с парапета, всей своей тяжестью пытающиеся увлечь за собой другое тело, которое, по пояс склоненное над балюстрадой, оплетенное их руками, тем не менее не поддается первому рывку, ибо Кортеса уже держат его люди и стараются вырвать из грозных объятий противников. Ноги обоих братьев, описав в воздухе полукруг, повисают над каменным парапетом, напрасно стараясь нащупать какую-нибудь опору; головы всех троих почти соприкасаются, а руки ацтеков все еще цепляются за шею и плечи Кортеса: гибкие фигуры юношей извиваются в воздухе, как оборванные стебли плюща, покрывающего стену.

Кортес делает последнее усилие: вот чья-то рука летит вниз, ударяясь о стену; и вторая рука ударом стального клинка отсечена от плеча. Безрукий окровавленный обрубок отделяется от груди каудильо, и тело Наоталана низвергается с высоты на каменные плиты площади. Тело второго брата еще держится наверху минуты две: его пальцы, выпустившие свою жертву, судорожно хватаются за столбики балюстрады; инстинкт самосохранения еще движет несчастным, который старается подтянуться на руках. Но эта ужасная борьба со смертью длится недолго. Раздается голос Кортеса, приказывающего спасти воина-героя, но Синталь в своей агонии слышит его и находит в себе силы для последнего гневного крика:

— Нет! Смерть, но не рабство!

Веласкес бросился было ему на помощь, но, прежде чем он успевает протянуть руку, пальцы Синталя отрываются от балюстрады и его тело падает в двух шагах от тела брата.

Кортес приостановил ликование победителей, чтобы дать возможность унести эти два трупа. Сильные духом люди всегда достойно оценивают себе подобных. Испанский каудильо некоторое время взирал в благоговейном молчании на печальные останки и, передавая их плененным ацтекам, приказал доставить павших братьев вождю Куитлауаку для торжественного погребения, заслуженного столь отважными воинами.

Благородные страдальцы, ваше жертвоприношение было истине редкостным! Менее геройские поступки увековечили имя латинянина Конкистадора, а ваши имена остаются неизвестными и будут неведомы потомкам! Вы не удостоились иных почестей, кроме восхищения, вызванного вами у предводителя войска авантюристов, и чистых слез, которые в вашу память проливает ныне одна женщина!

Ацтеки, которым было поручено перенести в свой лагерь тела сыновей Куальпопоки, не прошли и двухсот шагов, как наткнулись на огромное войско, которое не без труда собрали вожди-властители и которое под началом самого Куитлауака спешило на защиту теокальи.

При виде двух трупов, которые были встречены горестными воплями индейцев, ацтекские воины без слов поняли, что испанцы овладели храмом, и брат Моктесумы поклялся духом покойного великого властителя не отдавать палачам это святилище.

И в самом деле, Куитлауак бросил на штурм все силы, во главе которых отважно сражался сам, а с ним и все остальные родственные вожди и все именитые военачальники. В конце концов враг был вынужден оставить храм и отступить к прежнему укрытию, ибо раненый Кортес со своими тоже почти всеми израненными капитанами и уставшим войском уже не мог сдержать натиск, тем более что артиллерию еще не подтянули из крепости к храму.

Освободив теокальи, ацтеки прекратили преследование и приступили к свершению обряда оплакивания великого властителя и к избранию его преемника. Одни вожди-выборщики были в руках испанцев, другие не придерживались единого мнения, но, поскольку чрезвычайные обстоятельства позволяли отойти от положенных ритуальных форм, воины и жрецы провозгласили великим властителем Куитлауака, и народ признал его без всяких обрядов и торжеств.

В тот же день в лагерь ацтеков явились жрецы-теописки, бывшие пленниками Кортеса, и от его имени передали новому властителю тело Моктесумы, заявив, что испанцы никого не хотят признавать верховным вождем, кроме старшего сына покойного Моктесумы, и требуют, чтобы мальчика, находящегося у них в плену, объявили правителем Ацтекского царства. Они снова обещали покинуть Теночтитлан сразу же после того, как будет «коронован принц», права которого они защищают. В противном случае грозили призвать мощную армию, которую испанский король пошлет против тех, кто осмелился бы завладеть короной сына его усопшего союзника.

Ацтеки сразу поняли стремление Кортеса сделать верховным вождем Царства ацтеков своего пленника и, конечно, оказывать на него то же огромное влияние, какое он оказывал на Моктесуму. И вот, приняв с торжественными выражениями любви и почтения, с неподдельным ужасом и горестью останки своего прежнего господина, ацтекские вожди и знатные люди собрались вместе, чтобы дать разумный и достойный ответ на послание неприятеля.

Было объявлено, что власть верховного вождя у них не переходит по наследству и ни в коем случае не может быть дана малолетнему властительному вождю, который еще не в состоянии защитить свои владения и дать законы своему государству; что уже провозгласили верховным правителем — тлакатеуктли — вождя, достойного заменить Моктесуму и способного покончить с тем злом, какое нанесло царству слабодушие покойного в по-

следние месяцы правления; что объявленная война завершится только полным разгромом одного из двух противоборствующих войск и что спустя несколько дней, отданных священным ритуалом захоронения мертвого великого властителя и возведению на трон живого, они, ацтеки, снова поднимут оружие против пришельцев, которые осмелились угрожать им, даже будучи побежденными и разбитыми.

Этот ответ отнял у Кортеса последнюю надежду на мирный исход дела, и, понимая всю сложность своего положения, он пережил тяжелые минуты отчаяния, когда теряешь веру и в свои способности, и в свою счастливую звезду.

Каудильо провел ужасную ночь. Хотя после стольких тревожных бессонных суток он чувствовал себя очень усталым, напряженные лихорадочные размышления не давали сомкнуть глаз ни на минуту. Раны, особенно мучившие его той сырой ночью, причиняли страдание, которого он, однако, казалось, даже не замечал, ибо не останавливаясь ходил по крыше дворца — то опуская голову на грудь, словно чья-то железная рука давила ему на затылок, то устремляя вверх свой орлиный взор, будто стараясь пронзить вековечный небосвод, дабы познать тайны будущего.

Многие часы прошли, а он и не помышлял об отдыхе, в котором так нуждался, и вдруг ему показалось, что между двумя зубцами крепостной стены выросла и увеличивается в размерах какая-то черная фигура. На этом самом месте днем раньше он видел окровавленное тело Моктесумы, именно здесь, между зубцами, на руках Веласкеса лежал раненый монарх, чья мантия, поднятая ветром, испачкала кровью вот эти самые два белых зубца, за которые умерший властитель вначале ухватился руками, точно так же, как хватается за них теперь этот черный призрак, на которого смотрит Кортес, чувствуя, что если бы он знал страх, то можно было бы принять это видение за самого Моктесуму.

Но тут же Кортес подумал, что его одолевает сильный приступ лихорадки и мучат галлюцинации. Однако темная фигура проявила признаки жизни: Кортес уловил какие-то странные звуки, которые не могли быть восприняты как слова, но, несомненно, принадлежали человеку, и он понял, что — так или иначе — это существо во плоти, а не плод его воображения. Тогда Кортес шагнул вперед и произнес: «Кто идет?» твердо и громко.

IX

СОВЕТ ЗВЕЗДОЧЕТА

— Это я, сеньор капитан, — тут же ответил низкий, отнюдь не молодой голос, и Кортес узнал солдата, прозванного в войске Звездочетом, чьи толкования снов и предсказания, исполненные

простонародной мудрости, забавляли испанских военачальников в минуты досуга.

— Что ты здесь делаешь, Ботельо? — поинтересовался каудильо, подумавший, что, видимо, не зря бродит тут старый вояка.

Кто знает, может быть, он следил за Кортесом просто из любопытства; может быть, сумел заметить волнение и беспокойство военачальника и захотел использовать этот, правда не удивительный, пример своей наблюдательности для утверждения себя в роли провидца; а может быть, он захотел той ночью поискать случай дать главному капитану совет, который отвечал бы настроениям большей части воинства. Как бы там ни было, Ботельо не мешкая ответил, что он крепко спал и во сне увидел своего капитана Кортеса, который ходит и терзается злыми думами, и тут же, проснувшись в страхе, пошел узнать у звезд о будущем своего любимого предводителя, которого вроде бы стали одолевать сомнения в своей удачливости.

Каудильо с притворным равнодушием посмеялся над тревожными сновидениями старика, но не преминул спросить, словно бы невзначай, что же говорят звезды о его будущем.

Звездочет опять поднял глаза к небу и некоторое время внимательно разглядывал редкие звезды, к концу той ночи еще мерцавшие на небосводе и постепенно гасшие при первых проблесках дня, который начинал освещать облака на востоке.

Потом, склонившись у стены, стал листать старую книжицу, извлеченную из кармана, и при этом бормотал какие-то непонятные слова, вызвавшие улыбку у Кортеса.

— Ну-ка, — сказал каудильо с веселой интонацией, которую он мог придавать своему голосу даже в самые трудные моменты. — Что там вещают созвездия, покорные твоей мудрости?

Медленно повернулся к нему солдат, претендующий на роль пророка, и, стараясь сохранять серьезность, плохо сочетавшуюся с его хитрой физиономией, на которой вдруг загорелись — как, наверное, бывало в юности, — плутоватые глазки, проговорил напыщенно и вместе с тем с отчаянной решимостью:

— Я читаю на небесах, высокородный сеньор, что хищные птицы будут править пир на наших телах, если до следующего восхода солнца мы не покинем этот город. Я читаю также, что участь Вашей милости решается в эти часы, и если вы сделаете верный шаг, то добьетесь большой славы и получите много денег, но если, на свое несчастье, вы презрите угрозу опасности, которая уже нависла над вашей головой, то нам останется лишь оплакивать вас, и мы будем лить слезы то совсем недолгое время, на которое вас переживем.

— Это ясно, как божий день, — продолжал старик, — как день, который приходит и озаряет небеса. У Вашей милости будет только один этот день для выбора, и если светило по прошествии суток еще застанет вас в Теночтитлане, вы сможете

вверить свою душу Богу, которому очень скоро придется вершить суд над всеми нами.

Провидец умолк и, казалось, объятый ужасом, пошел прочь, охая и вздыхая, что невольно произвело впечатление на сильную душу каудильо.

Заметим, что все выдающиеся личности немного суеверны, но если этого мало, чтобы объяснить впечатление, произведенное на Кортеса пророчеством, то, полагаем, будет достаточно, если читатель вспомнит о характере той эпохи, в какую жил Кортес.

Несколько минут военачальник стоял, глубоко задумавшись, затем с уже нескрываемым волнением снова стал рассказывать по плоской крыше, а когда прозвучал сигнал подъема и пришли его капитаны, он созвал совет, на котором объявил, что считает необходимым оставить город следующей же ночью. Его решение не вызвало протеста, ибо все были убеждены, что долее нельзя подвергать войско большой опасности и риску поражения. Правда, солдаты поговаривали, что добрый совет Кортесу дал старый Ботельо, но Кортес присвоил себе славу этого мудрого решения, и, только когда успех изменил ему, он вспомнил о злополучном Звездочете, который, возможно к своему счастью, стал одной из первых жертв своего разумного, но рокового совета.

В то время, как в стане испанцев готовились к ночному отступлению, были также предприняты попытки отвести подозрения противника: в лагерь индейцев направились новые гонцы с предложениями, ответ на которые должен был быть дан не позже, чем через восемь дней. Кортес, не желавший полностью отречься от своих намерений, обдумывал также наилучший способ, который оставил бы ему полуоткрытой дверь для будущего завоевания этого обширного государства. Поразмыслив, он решил увести с собой трех старших сыновей Моктесумы и бывших у него в плену вождей-властителей Тескоко и Такубы, правителей Койоакана и Матлальцина. Под предлогом возврата законной, как он полагал, власти первым трем, в дальнейшем, при более благоприятных обстоятельствах можно было бы вернуться в Теночтитлан, а удерживая у себя остальных вождей, он считал, что сохраняет возможность вступить в мирные переговоры с ацтеками, если придется полностью отказаться от своих изначальных планов.

За свободу таких властительных вождей ацтеки должны были бы заплатить весьма дорого, и если бы пришлось пожертвовать славой завоевателя, то по крайней мере можно было бы утешиться преумножением богатств, которые оставались единственной наградой за перенесенные опасности и лишения. Но каким образом вывезти из Теночтитлана вождей и сделать это тихо, соблюдая строжайшую тайну? Альварado быстро нашел выход из затруднительного положения, предложив заткнуть рот пленникам плотным кляпом, который не пропустит и стона. Однако Кортес, хотевший по возможности избежать новых оскорблений

и унижений вождей-сородичей Моктесумы, решил использовать убеждение, прежде чем прибегать к насилию.

И вот на исходе дня он явился к властительным вождям в тюрьму. Это был высокий, довольно просторный зал, но темный, как большинство внутренних помещений в ацтекских домах. Слабый свет пробивался сквозь два больших окна, выходявших во внутренний коридор, всегда заполненный стражниками, и сквозь маленькое, почти под самым потолком оконце, глядевшее в сторону одной из широких улиц, которые вели к площади, куда дворец был обращен своим фасадом.

Кандалы на массивной и длинной цепи сковывали ноги пяти пленников. Крайнее левое кольцо сжимало щиколотку вождя-властителя Тескоко, правое кольцо сдавливало ногу вождя-властителя Такубы, а три кольца в центре удерживали Куаутемока, Уаско и вождя-правителя Матлальцина, причем случайно или нет, но последний, ярый враг Какумацина, оказался рядом с этим своенравным тескоканцем. При малейшем движении каждого из них отвратительное звяканье цепи заставляло вздрагивать остальных; никто не мог сделать ни шага, чтобы не потащить за собой своих товарищей по несчастью.

Это зрелище не могло не произвести гнетущего впечатления на Кортеса, и он невольно отвел глаза от своих жертв, которые при виде его на миг застыли на месте, готовые к самому худшему.

Хотя неслыханные страдания, которые принесли пять месяцев заключения, заметно сказались на физической мощи Какумацина, он, однако, не утратил своего пылкого темперамента, часто толкавшего его на необдуманные поступки. И теперь, глядя на испанского предводителя, тескоканец не смог сдержать ярости, встал во весь свой рост—словно могучий и властный вождь былых времен—и резко вытянул вперед голые руки, стальные мускулы которых подчеркивали их худобу.

— Не подходи, изменник! — воскликнул он громовым голосом.— Не подходи, если не хочешь прославиться тем, что я задушил тебя!

Кортес, не обратив внимания на этот взрыв справедливого гнева, обратился к пленникам и вежливо объяснил, что устал от противной его сердцу войны и желает мирно уладить разногласия, существующие между его воинством и ацтекским народом. Поэтому он решил покинуть ацтекскую столицу этой же ночью и надеется, что пленники будут сопровождать его до тех пор, пока, после решения основного спора, испанцы не получат какого-либо иного ручательства в том, что все взятые на себя ацтеками обязательства будут выполнены.

— Моктесумы больше нет на свете,—продолжал он,—и ваш народ, который его убил, устроил беспорядки и подчинился новому верховному вождю в обход своих же законов и отвергнув других вождей, права которых я хочу и должен защищать как

представитель союзного короля и друг вашего погибшего монарха. Выйдя за пределы Теночтитлана, которому не следует быть театром кровавых действий, я направлю своих послов к узурпатору Куитлауаку, а потом, когда порядок и справедливость будут восстановлены, когда преемник Моктесумы будет возведен на трон, согласно законам вашего царства и когда договор о союзнничестве между Испанией и Ацтекским царством будет скреплен печатью и станет должным образом соблюдаться, тогда я навеки покину эту землю и отпущу вас с богом к вашим вассалам.

— Но,—сказал далее Кортес,—чтобы я мог сейчас уйти, не вызывая новых волнений и кровопролития, я решил сделать это втайне и требую дать мне слово добровольно последовать за мной, ничем не выдавая наш отход. Если вы мне в этом поклянетесь, то сейчас же с вас будут сняты цепи и я целиком положусь на данное вами обещание, но если вы откажетесь дать подобную гарантию, я, к сожалению, должен буду прибегнуть к насилию, чтобы обеспечить ваше молчание.

Строптивый Какумацин уже хотел было ответить испанскому предводителю, но тут вмешался старый вождь-властитель Такубы:

— Значит, Моктесума умер! — промолвил он и после краткого молчания добавил: — Уйди отсюда, военачальник теуктли, дай нам осмыслить странные речи, которые ты произнес.

— Ровно через час,—ответил Кортес,—я вернусь за ответом.

Он вышел, отвесив вежливый поклон пленникам, а Какумацин вскричал, потрясая своими мощными руками, отчего загремели все кольца толстой цепи:

— Неужели мы заключим договор с этим луйлоном¹, который трусливо бежит после всех грабежей и убийств?.. Умрем же все, но умрем с честью. Я плюну в лицо тому, кто произнесет слово «договор».

— А я вырву тебе язык! — гневно воскликнул старый вождь Такубы, который, хотя уже и выглядел мумией, но сохранил горячий нрав и суровую непреклонность, отличавшие его в былые времена. — Я вырву тебе язык, непочтительный юнец, если ты посмеешь в нас усомниться.

— Уважаю твои седины,—со злой усмешкой сказал вождь-властитель Тескоко,—но советую тебе не упоминать о них, когда говоришь с Какумацином. Моктесума мертв, не забывай, и, если боги когда-нибудь захотят вернуть нам свободу, тебе придется долго молить верховного вождя забыть то оскорбление, которое тебе сейчас прощает вождь-властитель.

— А кого ты видишь на троне верховного вождя? — вызывающе спросил вождь-правитель Матлальцина. — Ты веришь, что

¹ Подлец, негодяй (*науа*).

найдется такой дерзкий вождь, который осмелится оспаривать мое право, полученное мною при рождении и завоеванное моими подвигами?

— Я! — вне себя вскричал Какумацин. — Я оспорю, ибо я — первый и самый могущественный вождь в царстве! Я, ибо я сумею отстоять свои права своим копьем и нет мне равных по отваге и славе!

— Пока я жив, кичливый юнец, — надменно заявил отец Куаутемока, — ни ты и никто другой не может называть себя первым из властительных вождей-сородичей Ацтекского царства. Не думаешь ли ты, что, возложив корону себе на голову, ты сделаешь своим вождем-данником того, кто годится тебе в отцы по возрасту и в учителя по мудрости? Можешь ли ты сравнить свои права с правами вождя-властителя Такубы?

— Засохший сук мертвого дерева, — с презрением проронил Какумацин. — Отмершая ветвь побежденных тепанеков! Как ты можешь сравнивать себя с сыном Нецауальпилли и внуком Нецалькойотля¹?

Столь удивительный спор за пустующий трон среди этих прикованных к цепи людей, жизнь которых зависела от чужестранного капитана, заставил Уаско улыбнуться, а Куаутемока покраснеть от стыда. Оба они постарались утихомирить претендентов на корону Моктесумы и вынудили прислушаться к своим трезвым размышлениям.

— Поспешное и тайное отступление испанцев, — начал Уаско, вождь-правитель Койоакана, — доказывает, что все их надежды рухнули и что, став верховным вождем — тлакатеуктли, — Куитлауак достойно управляет Ацтекским государством и сумел освободить родину от позорного ига; он достойно распоряжается властью, которой его облекла смерть несчастного Моктесумы. Поблагодарим богов за эту огромную милость и воздадим Куитлауаку по заслугам. И только тогда, когда окончательно воцарится мир, когда соберется совет выборщиков, чтобы избрать верховного вождя, можно будет сказать, есть ли среди нас другой, более достойный и законный властелин Ацтекского царства, чем этот герой, который спас нашу свободу.

— Я предвижу, — сказал Куаутемок, — что испанцы подвергнут нас новым оскорблениям, если мы не согласимся — а мы, конечно, так и сделаем — с их предложением. Молча уйти вместе с ними, стать их немymi сообщниками и способствовать бегству

¹ Какумацин (или Какамак, начало правления — 1516 г.) — вождь-властитель города-государства Тескоко (одного из тройственной федерации Анауак), сын и внук известных властителей Тескоко — Нецауальпилли (нач. правл. — 1470 г.) и Нецауалькойотля (нач. правл. — 1426 г.) — вел свое происхождение от древних чичимекских вождей. Племя чичимеков поселилось в долине Анауак (VIII в. н. э.) и утверждало там свое владычество (XIII в. н. э.) до расцвета Царства ацтеков (XIV — нач. XVI в.), подчинившего чичимеков и такие родственные племена, как тепанеки, хочимильки и др.

врага, сделаться оружием в их руках, чтобы вынудить наших соплеменников пойти на недостойные уступки,— все это я считаю трусостью и подлостью, я не желаю говорить, сколь позорно такое поведение. Я верю, что наш народ победит и что мы должны умереть с победной песнью на устах.

— Так сказал бы и старец,— молвил вождь-правитель Матлальцина, протягивая руку юному вождю Такубы.

— Так сказал бы храбрый ацтек,— воскликнул с гордостью Какумацин.

— Так всегда мыслит тепанек,— заметил, взглянув на Какумацина, отец Куаутемока, отпрыск этого подчиненного ацтеками славного племени.

Какумацин «Смертельное копье» предпочел на сей раз не вступать в спор. Все договорились ответить Кортесу, что они не обязаны молчать и отступать отсюда вместе с ним, что скорее умрут, нежели станут терпеть новые унижения от врагов, которыми уже изменило счастье.

Они было собрались звать стражника, чтобы передать Кортесу свое решение, тем самым избавив себя от его посещения и, в свою очередь, дав каудилью возможность освободиться от них приказом о казни,— что было ему гораздо легче сделать, чем собственноручно выпустить их на свободу,— как вдруг стрела, влетевшая в верхнее оконце, просвистела над головами пленников и ударилась в противоположную каменную стену. Ее наконечник тут же разлетелся на кусочки. С первого же взгляда, брошенного изумленными вождями на этот неожиданно-негаданно явившийся предмет, они поняли — по размеру и цвету перьев,— что стрела пущена воином царской крови, а меткость стрелка, который находился на одной из крыш домов по меньшей мере шагов за двадцать от этой части дворца, говорила также о том, что стрелок не был рядовым лучником. Следует учесть, что оконце было очень маленьким и располагалось высоко над крышей противоположного дома и, следовательно, для обычного стрелка прямое попадание было почти невозможным.

Подняв стрелу, пленники заметили привязанную к ней полотняную ленточку, растянув которую они увидели ацтекские иероглифы, а под ними герб властителей Такубы.

— Это рука Нецалька! — воскликнул Куаутемок, и все усталились в начертанные знаки.

Для них, знавших иероглифическое письмо, смысл был ясен. Нецальк предупреждал пленников, что готовившееся бегство противника не было секретом для Куитлауака, что верховный вождь зорко следит за каждым шагом испанцев и просит пленных в интересах родины хранить молчание, как того требует враг для своего беспрепятственного отступления.

Таким образом, когда Кортес явился за ответом, старый вождь-властитель Такубы объявил от имени всех пленных, что они клянутся хранить молчание и не выдадут намеченный отход

испанцев, но не обещают, что отвергнут счастливый случай обрести свободу, если таковой им предоставит судьба, а также никогда не заключат никакой договор или соглашение во вред своей славной родине.

Кортес выразил свое удовлетворение и велел тут же снять с них цепи, хотя число стражников, их охранявших, не уменьшилось.

С этой минуты испанцы занялись приготовлением к походу, забирая с собой сокровища, полученные благодаря великодушию Моктесумы, а также захваченных пленных и женщин. Все солдаты и капитаны были, казалось, рады выбраться наконец из этого края, где опасности с каждым днем росли и множились. Только Кортес и Веласкес де Леон были грустны и задумчивы. Один с великой неохотой возвращался на тот путь, на который некогда вступил, полный решимости и веры в удачу. Второй думал о Текуиспе, которую больше не надеялся встретить. Если бы он только мог сказать ей свое последнее и нежное «прощай»! Если бы только она увидела его слезы! Если бы еще хоть один раз услышать ее голос, с трудом произносивший испанские слова с забавным индейским акцентом: «Я тебя всегда люблю!» Но свидание с ней было невозможно, нельзя было и написать ей — она все равно ничего не поняла бы, да и письмо могло попасть в руки его собственных товарищей, — чтобы сообщить ей важную тайну, тайну общего их спасения.

Итак, предстояло уйти, не прощаясь, не обняв любимую, не увидев слезы и в ее глазах. Никогда образ этой девушки так не притягивал и не манил кастильца. Никогда до той поры не осознавал он так явственно всю безграничность бывшего счастья. Ему виделась хрупкая принцесса у его ног, молившая не покидать ее; он смотрел в ее черные глаза, жгучие, как солнце ее родины, невыразимо нежные. И Веласкес прижимал к груди и к губам золотую цепь, свой залог счастья, не переставая упрекать злого духа, отнявшего у него неземную любовь и пославшего жестокою судьбу.

Затем, устыдившись своей слабости, кастилец постарался взять себя в руки: отдавал и выполнял приказы, занимался подготовкой к походу, стараясь пробудить у себя интерес ко всему, что касалось предстоявшего путешествия. Однако напрасные попытки целиком отдаться хлопотам еще больше истощали его духовные силы. И когда солнце зашло за горизонт и ему подумалось, что он больше никогда не увидит гаснущий солнечный луч в этом городе, где обитала Текуиспа, глубокое страдание заставило его забыть разлад между любовью и долгом.

— Кончился последний день моего счастья! — воскликнул он. — Эта жуткая тихая ночь разорвет мое сердце!

И был момент, когда словно наваждение нашло на него, какая-то неодолимая сила заставляла бросить лагерь, лететь во дворец, увидеть Текуиспу, невзирая ни на что, и поклясться у ее ног принести в жертву религию, родину и честь ради всепоглощающей страсти, которой он хотел посвятить свою жизнь.

К счастью для его славной карьеры, это сумасбродное намерение скоро улетучилось, и благородный кастилец сохранил о нем лишь смутное и беспорядочное воспоминание, какое обычно оставляют нам сновидения.

Х

НОЧЬ ПЕЧАЛИ

Ночь выдалась темная и зловещая, действительно подходящая для тех страшных сцен, которые она затем окутает своим мрачным покрывалом; ночь, достойная своего места в истории трагических событий Конкисты и получившая название «Печальная».

Абсолютно черное небо, лишь изредка озарявшееся молниями, которые огненными змеями скользили по свинцовым тучам; мелкий дождик, то моросивший, то затихавший, но отнюдь не приносивший свежести жаркому душному воздуху; глухие раскаты грома, долетавшие с гор, по вулканическим гребням которых громыхала колесница грозы,— все это усугубляло чувство подавленности испанцев, вызванное необходимым и опасным отступлением.

Тем не менее Звездочет Ботельо весело напевал мавританские романсы, которые, наверное, пела ему мать, качая колыбель, и помогал солдатам-плотникам наводить необходимый для переправы войска временный мост вместо ранее разрушенного ацтекками. Старый солдат, привыкший ко всяким опасностям и, может быть, уповая на силу своего предвидения, в которую так охотно верили другие, что он и сам уверовал в нее, нимало не сомневался в успехе своего предсказания и хриплым голосом распевал куплеты, отнюдь не услаждая слух работавших с ним рядом и не давая отдыха своей глотке:

Дни и ночи бежит слеза,
Убивает Саиду кручина:
Только и видят ее глаза
Сердцу милого христианина.
Но любимый ее — далеко,
Нелюбимый — ждет у порога.
Плачет, горюет она об одном,
А к другому ведет дорога.
Горе тому, кто стелает вдали.
Кто издали к счастью взывает!
Ветер порой ему радость дарит,
Но обычно тоску навевает!
Кто вдали, тому плохо всегда,
Не успеет он на свиданье:
Вместо счастья встречает беда,
Вместо радости ждет страданье.
Горе тому, кто стелает вдали!
Горе, кто издали к счастью взывает!..

— Замолчи, черт поberi! — вскричал вне себя Веласкес; слова романса вызвали у него чувства, которые и отдаленно не мог представить себе певец. — Хватит того, что нас душит воздух и слепят молнии, а еще ты, старый колдун, вздумал оглушать нас своим вытьем! Что ты понимаешь в любви и в расставании, ходячий скелет? Иди-ка, поговори лучше со звездами или спроси совета у дьявола, которому ты запродай душу, но избавь нас от своих христиан и Саид.

Упрямый старик и не подумал выполнить приказ, а лишь несколько понизил голос и медленно затянул другую песню, посматривая на Веласкеса с наивно-лукавым видом шаловливого мальчишки, который готов тут же улепетнуть, если ему не удастся его новая проделка.

Ты родился под знаком печали,
В час недобрый родился на свет!
Твое первое встретил дыханье
Вторника гибельный свет!
И не солнце златыми лучами
Успокоило в полдень твой крик,
И луна над твоей колыбелью
Скрыла серебряный лик.
Вечер тихий спустился на землю,
С ним — обреченности грустная тень,
Он ни покой не принес, ни смятенье.
Вечер: ни ночь и ни день.
Ветра вмиг он пресек дуновенье,
Этот вечер, упавший с небес,
Оборвал он веселое пенье
Птиц, населяющих лес.
Этот вечер, явивший собою
Образ разбившихся светлых надежд,
Обернется твоею бедою,
Жизнью, несущей смерть.
Вечер, клонившийся к ночи,
Был первой твоею зарей,
И мрак, подступавший все ближе,
Отблеск света прогнал темнотою.
И в грядущем твои все утехи
Будут кратки и серы, а злой
Дух развеет мечтанья и грезы
Жизни твоей молодой.
Распрощайся со днем. Отступая,
Славой уже одарил он тебя,
Поскорей распрощайся с удачей,
Она, как всегда, далека!
Прощайся, прощайся, уже подходит
Ночь глубокая, проблесков нет.
В час недобрый на свет ты родился,
Под знаком печали явился на свет!

На сей раз старый солдат мог петь сколько ему хотелось: Веласкес его не прерывал. Уткнув острую бородку в грудь, опустив длинные ресницы, не замечая никого и ничего рядом с собой, он, казалось, впал в глубокое и невеселое раздумье, но при этом словно бы прислушивался к пению, обращаясь думами к смыслу слов.

Ботельо заметил меланхолическое состояние молодого капитана и, гордый произведенным эффектом, готов был снова затянуть песню, но его оттолкнул Альварадо и хлопнул рукой по плечу Веласкеса, сказав:

— Что случилось, друг дон Жуан? Ваша милость спит или предается молитве?

Молодой кастилец вздрогнул, будто пробудившись от глубокого сна.

— Нет, ни то и ни другое,—ответил он.— Я просто задумался...

— А что это за думы, которые овладели таким удачливым кавалером? Не иначе как о любви.

Слово «любовь» в устах Альварадо для Веласкеса всегда звучало кощунственно, подобно тому, как возмутил бы кого-либо из наших благожелательных читателей вид незапятнанных одежд своей целомудренной возлюбленной, вывешенных вместо флага над входом в публичный дом.

— Я думал,—поспешил он ответить,—что такая беспроектная темень облегчит наш отход.

— Это верно,—ответил Альварадо.— Полагаю, что уйдем без помех. Город будто вымер, на улицах ни души. Уверен, что эти подлые собаки индейцы, конечно, ушли по поводу похорон одного короля и коронации другого своей чертовой бражкой, которая может свалить и коня; они еще не очнутся от своего сладкого сна, когда мы окажемся на землях Тласкалы.

— Вот так же, как ваша милость, и я мыслю,—вмешался Звездочет, который, будучи человеком, читавшим по звездам, имел право вмешиваться во все разговоры, даже в деловые беседы капитанов.— Только я бы на месте Малинче, как его называют эти темные язычники, не разрешил выпускать из нашего лагеря ту хитрую индейку, которую сеньор Моктесума подарил нашему сотоварищу Олеа. За каким дьяволом эта бронзовая красавица выходила отсюда сегодня утром?

— Ее нечего бояться,—сказал Альварадо.— Она — верная раба, особенно теперь, когда приняла крещение и стала честной христианкой.

— Это верно, что она крещеная, ибо наш славный сотоварищ Олеа — человек совестливый и не захотел, по примеру нашего главного военачальника, который своей добродетелью, как и другими достоинствами, всегда первым подает пример, не захотел, говорю, сожительствовать с ней, пока не будет на ней святого креста. Об этом-то я не пекусь, он уже проделал подобное с двумя или тремя другими индейками, ему принадлежащими, и хорошо знаю, что сей человек не допустит вольного обращения с женщиной, если она не такая же христианка, как сама Юдифь. Но хотя эта индейка и знает святые заветы Иисуса Христа, не верю я ей, ведь она — дочка одного из тех вождей, которые сейчас подняли на нас руку, и, говорят, она там раньше

крутила любовь с каким-то индейцем и, мол, только из страха пошла к нам в лагерь... В общем, говорю, глядя на все такое, не следует очень-то ей доверять.

— Нелепы твои умозаключения, старик! — сказал Альварадо. — Эта бедная индеанка до безумия влюблена в Олеа и воистину добрая христианка. А кроме того, мы сами послали ее за сведениями в стан врага, и она доказала свою нам верность.

— Пусть будет так, — проворчал Ботельо, — но только ночь уж давно наступила и пора уходить.

Мнение Звездочета, видимо, совпало с мнением Кортеса, ибо в тот же миг был дан сигнал к отступлению.

Четыреста тласкальцев и несколько испанских солдат ташили на себе мост для переправы; еще двести тласкальцев и пятьсот или шестьсот испанцев везли пушки, а перед ними, в авангарде, шел конный отряд во главе с Сандовалем. Вслед за артиллерией плелся обоз: несколько лошадей и восемьдесят индейцев, нагруженных слитками золота. Все капитаны и солдаты несли с собой свою долю сокровищ, ибо из-за того, что не хватало лошадей и индейцев для перевозки таких огромных богатств, Кортес разрешил людям взять столько, сколько каждый может унести.

Кортес и другие капитаны — цвет его войска — находились в центре, а Веласкес де Леон, Альварадо и еще несколько всадников с сотней пехотинцев составляли арьергард, гоня перед собой пленных и женщин.

Несмотря на то что Кортес разрешил освободить пленников от всяких пут, Альварадо счел необходимым связать им руки за спиной, и все просьбы, даже требования Веласкеса оградить вождей от новых унижений были безуспешны. Пока четверо солдат пытались вывернуть назад руки упорно сопротивлявшемуся Какумацину, какая-то женщина, которая, казалось, старательно помогала грузить тюки на индейцев, успела пройти мимо него и тихо, но отчетливо проговорила по-ацтекски:

— Уступи и ничего не бойся; родина все видит и требует от тебя этой жертвы.

Какумацин проводил ее глазами и позволил стянуть себе руки петлей, а затем сказал своим товарищам по несчастью, чтобы они последовали его примеру.

Ботельо, случайно оказавшийся рядом, был изумлен такой внезапной податливостью и, бросив косой взгляд на удалявшуюся индеанку, сказал первому встречному военачальнику:

— Прошу прощения, ваша милость, мой капитан, но мне хотелось бы знать, известно ли было рабыне Олеа, которая ходила сегодня утром в стан врага, что мы выходим этой ночью?

— А тебе что за дело! — резко ответил испанец. — Иди, помогай своим товарищам и отстань со своими вечными вопросами; у меня нет настроения болтать с тобой.

— Быстрее! Шагом марш! — крикнул Кортес. — Уже почти полночь, площадь свободна и темна, как волчья пасть.

Все бросились по местам, и войско, стараясь соблюдать полную тишину, тронулось в путь.

Теночтитлан в самом деле был безмятежен и тих: не мерцал ни один огонек, не слышалось даже шорохов. Мост был наведен быстро, без всяких помех, и войско спокойно приступило к переправе. И вот тут пленные усомнились в верности полученных сообщений, с отчаянием и тревогой озирались они по сторонам... Но нигде ничего не было видно! Нигде и ничего, лишь крошечный мрак ночи! Они чутко прислушивались. Ни одного постороннего звука!

— Нас обманули,— глухо сказал Какумацин соплеменникам, шедшим рядом. Лица их всех тонули во тьме.

— Нет! — уверенно ответил Куаутемок. — Нет! Я расслышал шелест множества каноэ, тихо скользящих по озеру. Они уже близко, не сомневайтесь.

— Ты во власти своих желаний, вождь-властитель Такубы. Я ничего не слышу!.. Кроме шагов этих колдунов и их лошадей.

— Их шаги заглушают шелест каноэ. Слава тебе, бог Уицилопочтли! Я слышу плеск воды от весла! Еще! Их много! Они здесь!

В ответ на эти слова, прозвучавшие громким радостным криком, со всех сторон раздались пронзительные яростные вопли, воинственные кличи ацтеков. Молния, в эту минуту вспоровшая черные тучи, висевшие над озером, озарила несметное число каноэ, переполненных воинами.

Множество ацтеков спешит к мосту, наведенному беглецами, другие атакуют авангард противника. Дождем сыплются стрелы, камни, копыта на испанцев, которые, растерявшись, беспорядочно сгрудились и кое-как защищаются.

Мост не выдерживает напора атакующих и рушится в воду с толпой испанских солдат. Отчаянные крики тонущих в озере людей сливаются с неистовым ревом ацтеков в единую страшную многоголосицу.

Тем временем испанцы, оправившись от замешательства, отважно вступают в сражение, не желая дешево продавать свои жизни. Побоище принимает невиданные размеры, становится чудовищным хаосом: конные и пешие, благородные и простые разят друг друга направо и налево, не разбирая в пылу боя, кто свой, кто чужой.

В этой кровавой бойне Веласкес ищет сыновей несчастного Моктесумы, братьев дорогой его сердцу Текуиспы, беззащитных детей, которые могут погибнуть и от руки соплеменников. Он громко зовет их, расчищая себе путь шпагой в толпах схватившихся насмерть людей к тому месту, где недавно были дети. Но их уже там нет! При свете молний, раскалывающих небеса все чаще и чаще, ему удастся заметить только одного пленного, которому никак не удастся освободить руки от веревок. В эту же минуту его видят и другие испанские солдаты, которые бросаются к нему с криком:

— Смерть подлому изменнику, наверно, это он нас предал!

Веласкес в момент прищипривает коня и становится между индейцем и обезумевшими солдатами.

— Назад! — кричит он громовым голосом. — Бейте вооруженных врагов, а не безоружных!

Одним ударом клинка он освобождает пленника от пут, смотрит на него, узнает, протягивает ему свою шпагу и говорит:

— Иди к своим, принц из Тескоко. Один человек — не преграда нашей отваге, но один человек, подло убитый, — пятно на нашей славе.

И тут же, размахивая оставшимся у него копьем, устремляется дальше на поиски братьев Текуиспы. Освобожденный Какумацин быстро оглядывается, стараясь отыскать своих родичей-пленников, и видит одного лишь Куаутемока, который только что спас своего младшего брата, но минутой раньше на глазах Куаутемока испустил дух его старый отец, сраженный наповал вражеской пулей.

— Моего отца больше нет! — говорит Куаутемок Какумацину. — Пойдем, попытаемся спасти сыновей Моктесумы и бедного Уаско, который, я видел, отбивался от своры испанцев.

Оба кидаются в гущу битвы и тут же теряют друг друга из виду в дикой людской круговерти. Куаутемок, сражаясь, как лев, пробивается к ацтекским вождям, голоса которых слышит. Какумацин, охваченный неистовой жадой мести, знает только то, что среди всех испанцев у него есть один заклятый враг, и ему не так важно уберечь свою жизнь, как найти Веласкеса, которого он громко вызывает на бой:

— Где ты прячешься, храбрый соперник Какумацина? — вопит он, смешивая ацтекские слова с испанскими, ибо за время своего долгого заключения освоил язык чужестранцев. — Где ты, я жду тебя, счастливый возлюбленный! Где ты, за твою жизнь я отдам сотню жизней своих друзей, если надо! Где ты, трус? Где ты, вор? — кричит Какумацин, все более распаляясь.

Ничто не может остановить тескоканца. Кажется, что его силы утроились, тело неуязвимо, дыхание ровно и мощно. Многие ацтеки, узнавшие его голос, бросаются к нему, чтобы заслонить собою, но он гонит их прочь и неистово мечется среди соплеменников и противников, словно томимый жадой крови, крови Веласкеса. Известно, что соперничество в любви рождает самую жестокую ненависть.

Внезапно чья-то рука крепко хватает его за плечо и знакомый голос кричит ему в ухо:

— Какумацин, иди, получай своего соперника. Он — наш пленник, я сохранил его жизнь для тебя. Ты меня слышишь? Я твой недруг, вождь-правитель Матлальцина!

В это время другие ацтекские отряды, спешившие на помощь, появляются со стороны Теночтитлана с факелами в руках и неожиданно освещают театр кровавых действий.

— Судьба к тебе милостива,—говорит правитель Матлальцина,—свет пришел вовремя, ты сможешь насладиться предсмертными судорогами своей жертвы.

И почти силой тащит Какумацина в сторону от жарких схваток, но Какумацин, подозревающий неладное, взмахивает шпагой, подаренной ему Веласкесом, которого он, однако, не узнал, когда тот спас ему жизнь и сделал этот подарок.

— Вот он!—говорит вождь-правитель Матлальцина и исчезает.

В самом деле, окруженный ранеными индейцами какой-то испанский военачальник из последних сил отбивался от них единственным оставшимся у него оружием,—обломком копья. Он наносил такие страшные удары, успевая поворачиваться в разные стороны, что один только его вид держал противников на почтительном расстоянии, ибо все говорило о том, что перед ними—герой. Но испанец был без шлема, и из двух ран на обнаженной голове ручьями текла кровь, заливая лоб и щеки, уже покрывшиеся мертвенной бледностью, и поэтому еще более невероятными казались тот пыл и мощь, с какими он оборонялся.

— Это он!—воскликает Какумацин и, прокричав свое имя, велит ацтекам отойти прочь.

Услышав приказ столь почитаемого вождя, индейские воины отступают, а Веласкес отбрасывает прочь свое сломанное копье, будто только и ждал этого момента, чтобы ощутить, как он изнемог. Кровь заливает ему глаза, он оттирает ее обеими руками, смотрит на своего врага и словно бы пытается что-то сказать.

— Не позорь себя перед Текуиспой,—говорит ему Какумацин с презрительно-участливой усмешкой,—не моли меня подарить тебе жизнь, когда небо дарит тебе счастье умереть со славой!

И, выхватив у одного из ацтекских воинов шпагу, которую тот взял у павшего испанца, протянул ее Веласкесу:

— Защищайся!

— Нет, кончено!—отвечает герой слабеющим голосом.—Храбрости у меня останется, но моя жизнь уходит, бери ее скорей, только потом ты...

Его голос прервался, колени дрогнули, взгляд помутился... Какумацин быстро поднял шпагу, кляня смерть, которая вырывала из его рук добычу, когда Веласкес, собрав последние силы, чуть слышно заговорил:

— Кончай со мной, но только быстро, не теряй дорогого времени, сыновья Моктесумы, братья Текуиспы, нуждаются в твоей защите. Я прикрывал их собственным телом... Но меня окружили твои солдаты, в их власти оказались принцы... И может быть, с принцами расправятся их собственные подданные... В этой сумятице, в кровавой бойне слышен только призыв к смерти. Вон там я их видел, в толпе разъяренных людей, жаждущих крови. Кончай со мной и спаси их!

— Понимаю!—говорит, недобро усмехнувшись, тескоканец.—Хочешь меня разжалобить, притворяешься защитником сыновей нашего злополучного властителя, которого вы сгубили после того, как подло унизили! Нет, коварный предатель! Ты все равно умрешь, хотя я и не стану марать руки кровью человека, который прикидывается умирающим. Эй, вы! Позор вам: не сумели убить одного врага, вооруженного лишь куском дерева... Теперь он уже не страшен, я отдаю его вам.

Услышав слова вождя, ацтекские воины в иступлении бросились к жертве, словно гончие к затравленному кабану.

— Останови их!—громко вскричал Веласкес.—Слушай меня, Какумацин, заклинаю тебя прахом твоей матери!

— Он трус,—пробормотал тескоканец.—Кончайте с ним, чего ждете, презренные!

— Спаси сыновей Моктесумы!—продолжал кричать Веласкес, бессильно рухнув наземь.—Я не лгу, я не хочу жить, даже если ты подаришь мне жизнь, лучше дай обещание... что спасешь их! Если не ради них, то ради меня. Это—цена твоей жизни, которую я тебе сохранил. Пусть эта шпага, которую я тебе дал... послужит... для их спасения.

Глаза его закрылись, голос умолк, но индейцы, видевшие, что он еще дышит, накинулись с диким воем на распростертое тело.

Молнией рванулся к ним Какумацин и пронзил шпагой первого, кто осмелился было схватить за волосы голову того, над кем уже витала смерть.

— Назад, ягуары! Назад, гиены! Горе тому, кто тронет это тело!

Какумацин нагнулся над умиравшим, преклонив перед ним колено, и убедился, что тот еще жив.

— Это он!—быстро заговорил вождь-властитель Тескоко.—Это он! Да! Я узнал его голос! Только сейчас!..

Тескоканец решительно встал и властно сказал, взмахнув рукой:

— Вон там, в гуще убивающих друг друга людей, находятся, живые или мертвые, сыновья Моктесумы. Бегите и унесите их, живыми или мертвыми, с поля сражения.

Отдав повеление, он снова склонился к земле, приподнял своими могучими руками тело соперника и взвалил себе на плечо так легко, словно это был не воин в доспехах, а новорожденный ребенок, и направился к Теночтитлану, левой рукой обхватив Веласкеса, а правой прокладывая себе дорогу непрерывными взмахами шпаги.

— Смотрите на того, кто назвал нас гиенами,—говорили одни ацтекские воины.—Он захватил мертвеца, чтобы самому вырвать его сердце.

— Нет,—говорили другие,—он несет его на алтарь Уицилопочтли, он поклялся, что первым положит туда голову испанца, отсеченную рукой ацтека.

— Это тело принадлежит нам,— говорили первые.

— Оставьте его,— отвечали другие.— Хватит на всех! Озеро еще долго будет изрыгать мертвецов, ибо так много поглотило их этой ночью!

Битва не утихала, пока происходили этот и подобные эпизоды, а также сцены, гораздо более бурные и кровавые.

Кортес вместе с теми своими капитанами и солдатами, которым удалось в начале общей паники перебраться буквально по трупам на другой берег, позже вернулись к озеру, чтобы созвать и поддержать сотоварищей, сплотить вокруг себя отступавших. Некоторое количество испанцев присоединилось к ним, но большинство нашло вечный покой в водах озера.

А Какумацин меж тем шел со своей ношей быстрым шагом, не останавливаясь ни на минуту. То и дело ему встречались по дороге отряды ацтеков, устремлявшихся к мосту, и он кричал им:

— Я— Какумацин, спешите на помощь тем, кто сражается на озере.

Ацтеки повторяли:

— Это Какумацин, он вырвался на свободу и тащит на плечах труп испанца, которого принесет в жертву богам. Поспешим к тем, кто сражается на озере.— И продолжали свой путь.

XI

КОНЕЦ НОЧИ ПЕЧАЛИ

Ночь была скорбной не только для тех, кто участвовал в кровопролитном действе. Воинственный пыл, ощущение опасности, патриотизм, ненависть, жажда мести до такой степени овладели сердцами воинов, что они не испытывали даже страха смерти. Напротив, представительницам слабого пола, чьи сердца обливаются кровью иных, невидимых миру сражений, пришлось одолевать многие горести.

Большого сочувствия, чем те, кто нашел славную смерть в результате кровавых событий той памятной ночи, были достойны, конечно, бедные женщины, которые в тиши и бездействии испытывали душевные муки, которые порой страшнее боли от острых клинков. В тягостном ожидании считали они долгие ночные часы, не зная, какой из них заставил навсегда распрощаться с сыном, отцом или мужем.

В мраморных стенах большого дворца две несчастных сестры переносили пытки в сто раз более жестокие, чем те, которые может придумать ненависть для самого заклятого врага.

Счастливой по сравнению с ними можно было назвать Мисасочиль, которая оплакивала у изголовья маленького сына недавнюю утрату Моктесумы, своего супруга, ибо участь ее уже определилась в море страданий, ее почти не трогало то, что

происходило на белом свете! Для нее в те минуты не существовало ни родителей, ни родины, ни друзей; с нею были только свежая могила и сын: воспоминание и надежда, боль и долг. Этим чувствам она и предавалась в глуби своих покоев, тогда как Уалькацинтла и Текуиспа, соединенные общим несчастьем, вместе лили слезы, которых не в силах были сдержать.

Кто же из них обоих больше страдал и больше был достоин жалости? Увы, это трудный вопрос. Одна — супруга, другая — возлюбленная. Недавно осиротевшие сестры, которые еще не успели осознать потерю отца, уже видят перед собой новую беду: первая — вдовство, вторая — утрату любимого. Нежная супруга держит на руках младенца, который в ту минуту, как и она сама, может быть, уже лишился отца. Влюбленная дева, чье счастье пока составляет надежда, обращает к небесам глаза с вопросом, не станет ли могила тем брачным ложем, где ей придется встретить любимого, и завершением ее чудесных мечтаний? И обе они испытывают страшную тревогу не только за своих избранников, но и за трех малых братьев, за друзей, подаренных им жизнью, за вождей-воинов, связанных с ними кровными узами родства.

Если переживания жены более глубокие, если мучительное беспокойство, которое она испытывает за судьбу отца своего ребенка заслуживает, если можно так сказать, благоговейного сострадания, то, по крайней мере, ее терзания более правомерны, ее чувства не вступают в противоречие одно с другим. Она страдает, но не испытывает внутренних терзаний. Напротив, душа Текуиспы находится во власти самых противоречивых чувств и страшных мук. С одной стороны — родина, три любимых брата, муж обожаемой сестры, множество родственников, друзей, привязанностей! С другой — Веласкес! Веласкес, который стал ее жизнью, ее счастьем, ее божеством. Веласкес, которого она страстно любит и которого, возможно, ей суждено увидеть изрубленным в куски руками ее соплеменников на кровавом алтаре их жестоких богов!

Выбора у нее нет. Если побеждают испанцы, рабство ацтеков будет укреплено кровью их вождей — вождей, которые приходятся братьями, родственниками и друзьями Текуиспы! Если будут побеждены испанцы, к ним не будет милосердия, всякой надежды лишится и Текуиспа! Победители будут считать преступлением даже слезы, которые она пролила бы над самой благородной их жертвой!

Чью же сторону примет это сердце, в котором сражаются самые святые чувства и самая безудержная страсть?.. Какое желание может проявиться или даже лишь затеплиться в ее душе? Увы, бедняжка не знает этого. Она ничего не говорит, ни о чем не думает, но чувствует, как сердце рвется на части, чувствует, как всю ее захлестывает огромная и страшная боль. Без слез, без слов она бросается как безумная то к образу святой Девы, подаренной ей в былые счастливые дни ее обожаемым возлюб-

ленным, и падает на колени перед Девой, то с жаром обращается к богам своих предков, даже не зная, о чем их молить.

Порой Текуиспа прижимается к груди тоскующей сестры и осушает своими губами ее горькие слезы, словно ей самой нужно проникнуться еще и чужой болью и разделить такие страдания, которые просто невозможно вынести; а то внезапно она в ужасе вырывается из объятий Уалькацинтлы и бежит от нее, словно сестра вдруг внушает ей страх: в эту минуту ей кажется, что родная сестра призывает смерть на голову того, за кого Текуиспа отдала бы сто своих жизней; ей чудится, что супруга Куаутемока видит в Веласкесе только испанца, только врага.

Однако, даже предаваясь собственному безутешному горю, Уалькацинтла не может не проникаться терзаниями своей младшей сестры, которую искренне любит.

— Подойди ко мне, Текуиспа,— говорит она ей,— подойди и поплачем вместе. Пусть вместе вознесутся к небу наши мольбы, чтобы пришло к нам утешение. Попроси добрых духов заступиться за всех, кто любим и кто любит!

Текуиспа бросается к ее ногам.

— Ты такая же чудесная и добрая, как мать бога, которому молится Веласкес,— говорит она.— А твоя младшая сестра — слабая измученная девочка, которая ничем не может тебя утешить в твоих страданиях. А вот ты — настоящее счастье для тех, кто тебя любит. Боги помилуют твоего дорогого мужа, и у тебя будет еще много детей, таких же красивых, как ты, и они будут обнимать и целовать тебя и называть мамой. А я цветок, который увянет прежде, чем завяжется плод, и лепестки будут топтать счастливые влюбленные, не зная, что и в цветах были краски и жизнь. Оставь меня одну с моими слезами, одну с моими несчастьями. Ты — счастливая, ты — и жена, и мать, а жены и матери любимы богами.

— Нет, я несчастна! — отвечает Уалькацинтла. — Счастлива та, которая сойдет в могилу с венцом девственницы на голове! В муках являет на свет своих детей супруга мужчины, и сами дети появляются с плачем, словно без всякой радости входят в эту мрачную жизнь, дорога которой так трудна и опасна! Счастливы те, кто никогда не спускается на землю с небес, чтобы попасть во чрево матери, потому что уже чрево матери наделяет страданиями тех, кто приходит на свет! Любовь призвала душу моего сына Учелита в обитель вечного света и велела сойти в мое чрево. Но что будет со мной и с моим сыном, если не станет Куаутемока? Любовь уйдет вместе с ним, а душа Учелита захочет опять вернуться на небо вслед за отцом, ибо только любовь послала младенца на землю, а вдовья грудь — это иссохший родник и погасший костер. Тебе не понять, Текуиспа. Счастливы те, кто сходит в могилу с венцом девственницы на голове!

Текуиспа спрятала лицо в коленях сестры и негромко взволнованно сказала:

— Любовь никогда не кончается! Счастливы те, кто прорас- тил в своем чреве огненное семя мужа и кто, следуя за ним в могилу, оставляет на земле памятник своему счастью!

В это время во дворцовом патио слышится шум. Сестры, умолкнув, замирают. Сначала звучат тревожные возгласы стра- жей, но вскоре их перекрывает ясный и мужественный голос, который знаком каждому ацтеку, и произносит следующие слова:

— Я—Кукумацин, вождь-властитель Тескоко, и хочу ви- деть властительную Текуиспу.

— Это Какумацин!—разом восклицают сестры.—Значит, мы победили!—добавляет Уалькацинтла, воздевая руки к небу с невыразимым восторгом и благодарностью.

— Победили!—повторяет Текуиспа и не может сдержать охватившую ее дрожь. Но отчаяние придает ей силы, и она устремляется навстречу тескоканцу.

У порога в покои ее встречают прислужницы и сообщают о его прибытии, но тут же появляется и сам Какумацин со своей ношей.

Молодая девушка в страхе отступает, а Уалькацинтла не удерживается от крика при виде бездыханного тела, с чьей голо- вы, висевшей за спиной Какумацина, капает на пол кровь.

— Успокойся, Уалькацинтла,—говорит вождь-власти- тель.—Твой супруг обрел свободу, он доблестно сражается, и я тоже сейчас вернусь, чтобы сражаться бок о бок с ним. Ты же, Текуиспа, возьми из моих рук своего возлюбленного. Он еще жив, и, возможно, тебе удастся его спасти.

Какумацин опускает окровавленное тело к ногам девушки, которая падает на него с криком, способным потрясти мрамор- ные стены дворца, а Какумацин добавляет менее уверенно:

— Если твоя любовь его оживит, скажи ему, что Какумацин, чью жизнь он защитил, позаботится о его жизни, даст ему земли в вечное владение и объявит его своим братом и твоим мужем. Если он умрет, скажи ему, что его останки я буду чтить так же, как если бы это был мой собственный отец, и что над его могилой я торжественно поклянусь никогда не прикасаться к жен- щине, которую он любил. Прощай, дочь Моктесумы, может быть, эта ночь тоже окажется для меня последней! Если так случится, если мы будем побеждены, если родина покорится... скажи ему, Текуиспа, что я не милость оказал ненавистному врагу, но отплатил ему добром за добро и умер, люто его ненавдя.

С этими словами он быстро вышел из дворца, очутился на улице и прежде, чем сестры опомнились, с легкостью оленя помчался к полю брани, которое недавно покинул.

Но раньше, чем он успел туда добежать, до его слуха доле- тели победные крики ацтеков.

В самом деле, бо́льшая часть испанцев пала в сражении, а за теми, кому удалось вместе с Кортесом выскользнуть из кровавой

круговерти, бросился вдогонку отряд ацтекских воинов. Гонцы, спешно посланные Куитлауаком во все селения, находившиеся на пути беглецов, несли с собой приказ, гласивший, чтобы испанцам нигде не предоставляли убежища и преследовали их до полного уничтожения.

Солнечные лучи уже начинали пробиваться сквозь плотную мглу ужасной ночи, когда Какумацин присоединился к своим соплеменникам, радость которых скоро утихла при виде зрелища, открывшегося их глазам при свете дня.

О, если на поле битвы они со злобным упоением взирали на горы вражьих трупов, то там же они увидели и бранные останки тысяч родных и близких! Навечно уснули на залитой кровью земле старый вождь-властитель Такубы, трое сыновей злосчастного Моктесумы, гордый правитель Маглальцина и Уаско, от-важный Уаско, вождь-правитель Койоакана, друг Куаутемока и возлюбленный его сестры! Уаско оставил этот мир всего двадцати шести лет от роду, а рядом с ним покоились изрубленные тела многих других юношей, бывших цветом и славой ацтекского воинства.

Весь день своего триумфа победители посвятили захоронению павших соплеменников, и никто не думал праздновать победу, которая отняла у родины множество ее самых доблестных защитников.

Ко многим похоронным носилкам, которые торжественно двигались к печальному кладбищу-«микоатлю» в семи или восьми лигах к северо-востоку от Теночтитлана, присоединились еще одни, тайно вынесенные из дворца великого властителя.

Труп был накрыт плотной тканью, и ацтеки, видевшие столь парадный вынос тела, строили всякие предположения насчет этой жертвы.

— Наверное, супруга Моктесумы,— говорил один,— она ушла за своим мужем в мир Миктлан.

— Или последний сын покойного великого властителя,— возражал другой,— он не захотел остаться один на земле без своих братьев.

— Глядите!— взволнованно воскликнул третий.— Видите рядом с этими похоронными носилками гордого Какумацина? Его лицо спокойно, не иначе как он мучается угрызениями совести. Это тело, которое несут знатные люди из Тескоко, наверное, труп его брата, Куикуицата, которого Моктесума сделал вождем-властителем Тескоко, когда прогнал оттуда Какумацина, и обиженный старший брат, освободившись из плена, убил младшего.

— И правильно сделал,— сказал какой-то юноша.— Куикуицат был трус, благоговел перед испанцами и не хотел поднимать против них оружие.

— Он был коварный человек,— добавляли другие.— Ему ведомы благородные поступки. Он скрывался все эти дни, боялся

и родину защищать. и за чужеземцев сражаться, благодаря которым получил диадему властителя Тескоко из рук слабовольного Моктесумы.

— Мы, тескоканцы, его презирали,— объявил один старец, который слыл фаворитом самого Нецауальпили, отца тех обоих братьев, о которых шла речь в толпе.

Разговоры на эту тему еще продолжались, когда похоронная процессия подошла к месту погребений.

Носилки с павшими воинами были опущены на землю, и вокруг струдились провожавшие родственники. Только возле таинственных носилок было очень мало людей, зато эти похороны почтили своим присутствием сам Какумацин и его самые именитые вожди-данники — факт, обычно доказывавший, что покойник принадлежит к его знатному роду.

Вскоре все объяснилось. Вождь-властитель Тескоко, заметив, что все взгляды обращены к обернутому в покрывало телу, шагнул вперед, поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание людей, и сбросил с носилок плотное покрывало: изумленный народ увидел труп испанского военачальника. После возгласов изумления раздался крик негодования, и даже послышались угрозы в адрес того, кто осмелился рядом с павшими в сражении ацтеками положить ненавистные останки врага. Но Какумацин, властно взмахнув шпагой, восстановил тишину.

— Тот, кого вы здесь видите,— сказал он голосом ясным и зычным, разнесшимся над всем кладбищенским полем,— это — Веласкес де Леон, испанский капитан, один из наших самых могучих и самых страшных врагов. Я искал его в жарком бою, я жаждал его смерти и отдал бы за его кровь половину своей, потому что в моем сердце давно горит ненависть к презренному чужеземцу. Но боги пожелали, чтобы тот, кого я хотел лишить жизни, спас мою жизнь. Да, ацтеки, связанный и окруженный врагами, я должен был умереть от подлой трусливой руки кого-то из тех, кто не щадит безоружного воина, но этот человек, теперь ставший прахом, спас меня и дал мне вот эту шпагу, которая помогла мне пробиться к своим собратьям. Благодаря его великодушию город Тескоко сохранил своего законного вождя-властителя. Но мой счастливый спаситель нашел славную смерть, геройски защищая от вас же самих сыновей злополучного Моктесумы.

Кто откажет в могиле на ацтекской земле воину, который полил ее своей кровью, спасая наших вождей? Кто осмелится разлучить невинных властительных детей с воином, который грудью своей заслонял их от опасностей? Лишь тот, кто бросил камни в священную особу великого властителя, тот, кто запятнал себя кровью его сыновей, не сочтет низостью поднять голос против этого мертвеца, который просит не более клочка земли, чтобы заснуть своим последним сном. И если найдутся такие среди тех, кто меня слышит, пусть выступят вперед и сразятся со

мною, ибо я, Какумацин, сын Нецауальпилли, вождь-властитель Тескоко, первый выборщик и советник Ацтекского царства, я обвиняю их в царевийстве и в трусости и предаю позору их подлые души перед лицом небес и земли! Выходите и защищайтесь, кто бы вы ни были; это оружие, которое вложил в мою руку испанский воин, сумеет и вас послать в могилу, даже если против меня объединятся все неблагодарные и все трусливые люди, которых так много на свете!

После этих слов он стал вне себя от ярости размахивать шпагой, обращая взор то в одну сторону, то в другую, словно вызывая на бой противников, но никому не захотелось выступить в этой роли, никто не подал голос, чтобы опротестовать его намерение. Куаутемок, который находился на другом конце поля возле тел своего отца и сыновей Моктесумы, поспешил к нему и коснулся руки своего двоюродного брата, который грозно потрясал шпагой Веласкеса.

— Какумацин! — воскликнул он с волнением. — Вождь-властитель Такубы отомстит за тебя, если ты вдруг лишишься жизни! Труп кастильца будет предан земле, ибо в Ацтекском царстве найдется человек с благородным сердцем!

Тут стали раздаваться голоса в поддержку обоих вождей, а Куаутемок, понизив голос, продолжал с прежним волнением:

— Больше, чем все твои подвиги, тебя возвеличил этот справедливый поступок, сын Нецауальпилли, и если бы корона великого властителя не была уже возложена на голову достойного Куитлауака, я бы вызвал на бой первого, кто сказал бы, что ты недостойн носить ее.

Эти слова, тон, которые выдавали неподдельно глубокие чувства, искренне тронули душу горячего тескоканца. Он схватил за руку своего двоюродного брата и, поборов в себе гордыню и надменность, увлеченный собственным благородным и возвышенным порывом, ответил:

— В таком случае я стану твоим противником, вождь-властитель Такубы, ибо никого и никогда, кроме тебя, я не сочту более достойным короны великого властителя.

Затем началась погребальная церемония, и каждый из присутствовавших занял свое место. Родственники помещали в вырытые могилы кое-какие ценные вещи и изображение умершего, а жрецы возлагали трупы на костры, сложенные из ароматичных веток: поднимавшийся дым расстилался благоухающим облаком над простором кладбищенского поля. Затем прах ссыпали в серебряные или золотые сосуды и ставили их в могилу, сопровождая погребение гимном Солнцу и Луне, прося их вечно озарять светлыми лучами одинокое поле мертвых¹.

¹ По данным историка Ф.-Х. Клавихеро, прах властительных вождей обычно сохранялся в ацтекских храмах. Бывали случаи захоронения трупов целиком, но, как правило, в Царстве ацтеков преобладала кремация.

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ

Среди многих предававшихся горю людей, которые слезами знаменовали дорого стоившую победу, никто, вероятно, не заслуживал такого сострадания, как Текуиспа.

Веласкес, которого принес ей его великодушный соперник, открыл глаза лишь для того, чтобы в последний раз взглянуть на нее. Текуиспе только почудился звук любимого голоса, прощавшегося с ней навеки.

Крепко прижавшись к труп, такая же мертвенно-бледная и холодная, сидела она, когда во дворец ворвался Какумацин с вестью о полной победе ацтеков. Уалькацинтла, разделявшая горе сестры, подала ему знак, чтобы он не выражал свою радость столь бурно, и когда тескоканец громко воскликнул: «Мы победили!» — супруга Куаутемока кратко ответила: «Он умер!»

— Умер! — повторила Текуиспа, вздрогнув всем телом, и прикоснулась своими бескровными устами к коченеющим губам Веласкеса. — Умер твой соперник, Какумацин, но с ним умерло и мое сердце!

— Твое сердце, — хрипло отозвался вождь Тескоко, — станет склепом, который я никогда не попытаюсь осквернить! Храни в нем своего супруга, которого у тебя отняли боги, дочь Моктесумы, и отдай мне его труп, который теперь не более чем пыль земная, чтобы я мог почтить подвиги его духа, который вдохновлял его.

— О нет, нет! Я никому его не отдам! — вскричала девушка. Но этот взрыв отчаяния лишил ее последних сил, и она потеряла сознание, а Какумацин, воспользовавшись обмороком, унес недвижимое тело. В то время как он старался совершить достойное погребение испанца, как мы видели в предыдущей главе, Уалькацинтла посвятила себя утешению сестры и вдовы Моктесумы.

Добросердечная молодая женщина не только уже успела обнять своего любимого супруга и отца своего маленького сына, она не только горюет, узнав печальную весть о гибели не менее сотни своих родных и близких, но у нее еще хватает слез и для чужих бед; ее отзывчивая благородная душа еще может источать ласку и нежность для других.

Она летит то к Миасочили, то к Текуиспе, как ангел-хранитель обеих, со слезами на глазах и со словами утешения на устах. Или говорит с волнующей искренностью и возвышенно

чистой верой о вечном блаженстве душ, которые безгрешными покидают землю, чтобы вернуться в свою изначальную обитель; или напоминает о тяготах быстротечной человеческой жизни и восхваляет тех, кто избежал на своем пути по крайней мере угрызений совести и преступлений.

— Ты оплакиваешь возлюбленного, которым хотела владеть?— говорит она Текуиспе.— Обрати глаза к сверкающему небосводу и думай, что отныне твоя любовь уже не подвластна законам времени, что уже никакая другая красавица не сможет украсть сердце твоего любимого и что он ждет тебя там, на землях, еще более тучных, и в городах, еще более чудесных, где твои предки сплетают из неувядаемых роз, которые никогда не плачут росой, счастливый венок твоей помолвки.

— Ты хочешь иметь отца для своего маленького сына?— говорит она Миасочили, качая на руках и своего и ее младенцев.— Посмотри, как он льнет к Учителю на моей груди, а Учитель улыбается ему, как брату. Они оба отныне будут сыновьями одного отца. Куаутемок станет любить осиротевшего сына Моктесумы больше всех своих детей.

Вот так старалась Уалькацинтла облегчить горести Миасочили и Текуиспы, и ее старания не были напрасны. Когда после погребальной церемонии вернулись во дворец Куаутемок и Какумацин, они заметили, что первые приливы отчаяния отступили, и скорбящие женщины,— все, что осталось от семьи великого властителя,— готовы подчиниться своему переселению во Дворец Печали, где им предстояло находиться все то время, пока будет длиться траур по Моктесуме.

Произошло это переселение с большой торжественностью, и в тот же самый день дворец монарха занял новый великий властитель, коронация которого не вызвала ни у кого протеста, даже у Какумацина, нрав которого, казалось, круто изменился за последние сутки.

Обряд коронации был, однако, значительно упрощен, ибо Куитлаук, презирая помпезность, которую обожал его предшественник, хотел как можно скорее приступить к наведению порядка в доставшемся ему огромном царстве ацтеков.

Обладая умом не столь проникательным и живым, как у Моктесумы, и, может быть, менее порывистым характером, новый великий властитель имел, однако, другие качества, которые с успехом заменяли отличительные черты характера предыдущего уэй-тлатоани. Рассудительность, мудрость, неторопливость в решениях и предусмотрительность в действиях составляли те преимущества, которых, вместе с непоколебимой верой в справедливость своих поступков, вполне хватало, чтобы занять тот высокий пост, на котором он оказался, и заручиться содействием многих.

Не сомневаясь, что Кортес не откажется от осуществления своих намерений, даже если останется с одним-единственным

солдатом, и опасаясь прибытия новых испанских войск, Куитлауак сделал предметом своей первой заботы защиту Теночтитлана. Но он не ограничился лишь мерами предосторожности. Пока ацтеки укрепляли город всеми бывшими в их распоряжении средствами и мастерили всякого рода оружие, его гонцы разъехались по владениям вождей-правителей и данников, поднимая их против общего врага и обещая им, что после окончательного изгнания испанцев из пределов царства новый великий властитель освободит их от значительной части той дани, которой они были обложены раньше.

Все больше и больше индейских войск прибывало в окрестности Теночтитлана. Куаутемок, ставший после смерти своего старого отца законным вождем-властителем Такубы, принялся вооружать вождей-данников своих земель и делал все возможное, чтобы Такуба могла оказать действительную помощь Теночтитлану. Такую же готовность к сопротивлению проявили новый вождь-правитель Хочимилько, пришедший на смену Уаско, и все те вожди, земли которых граничили с землями столицы. Один только Какумацин вынужден был отстраниться от общих забот, поскольку в его владениях разгорелись внутренние распри.

Его брат Куикуицат, хотя и не пользовавшийся уважением тескоканцев, как человек двоедушный и слабый, находил поддержку у некоторых местных вождей-данников, не любивших Какумацина, чья вспыльчивость, надменность и некоторые грехи молодости породили недоброжелательство к нему в его собственных и соседних владениях. Кроме личных врагов Какумацина, которого Моктесума лишил власти, нового вождя-властителя Тескоко поддерживали все, кто из страха или своей выгоды примыкал к испанцам и согласился с их несправедливым, навязанным Моктесуме решением, ущемлявшим права Какумацина.

Эта группа вождей, правда, не слишком многочисленная, была, к несчастью, настроена весьма решительно. Куикуицат же, хотя и был труслив и апатичен, отнюдь не тяготился регалиями властительного вождя, возложив на своих единомышленников заботу об их сохранности и ограничиваясь тем, что негодовал против произвола нового великого властителя, велевшего ему вернуть земли его старшему брату, которого Моктесума объявил изменником. Но Куитлауак, слишком занятый думами о защите от врагов и укреплении царства на будущие времена, не слишком пекся о делах Какумацина, дозволив ему самому расправиться со своими недоброхотами-данниками и возратить утраченную власть.

Однако тескоканец, казалось, похоронил вместе со своим недругом Веласкесом всю живость своей мощной кипучей натуры и впервые в жизни не спешил браться за оружие, что в сложившейся ситуации не могло сослужить ему добрую службу. Желая избежать междоусобной войны на своих землях, он довольствовался мирным убеждением, стараясь привлечь на свою сторону

приверженцев брата, которым, однако, казались подозрительными проявления столь неожиданной мягкости у неговорчивого и мстительного вождя. В подобных действиях им виделось лишь показное благожелательство и коварное намерение опутать их сетью лжи, дабы потом обезоружить и подчинить себе без лишних трудностей. Ясно, что подобные настроения не позволяли им дать ответ, на какой рассчитывал Какумацин. Своей нерешительностью он также охлаждал и воинственный пыл своих сторонников, в то время как с каждым днем росло количество приверженцев его брата, который умел приобретать друзей и завоевывать популярность, проявляя во всем такую непритязательность, какой никто никогда не видывал у властителей, его предшественников.

Вместо шумных увеселений и роскошных пиров, имевших место во время владычества Какумацина, новый вождь-властитель показывал пример смиреннейшей жизни, и, дабы корона крепче держалась на его голове, он делал вид, что ее тяжесть ему не под силу и он не может обойтись без поддержки своей знати, без которой он не отваживался принять ни одного решения. Расчетливый Куикуицат предстал перед своими своевольными данниками любезным в обращении и равнодушным к нарядам, чтобы подчеркнуть свое отличие от брата, чье высокомерие и пристрастие к помпезности еще не изгладились у них из памяти. Таким образом, Куикуицат приобрел славу скромного и благожелательного правителя, хотя никто не мог бы назвать его ни отважным, ни великодушным.

Даже сторонники Какумацина во главе с его самым младшим братом Коанакотом и другими видными молодыми вождями из рода властителей Тескоко, считавшие Куикуицата человеком слабым и никчемным, относились к нему неплохо и, желая свергнуть его, невольно жалели несчастного, который, без сомнения, должен был стать первой жертвой мести законного вождя-властителя, если Какумацину удалось бы восстановить свою власть.

Какумацин все это видел и тем не менее ничего не говорил, ничего не предпринимал. Мрачный и ко всему равнодушный, он продолжал оставаться в Теночтитлане, безучастно взирая на всеобщую суету. Откуда же взялась у него эта подавленность духа? Наверное, одна Текуиспа могла дать этому объяснение, если бы боль от недавней утраты не заставляла ее закрывать глаза на такое постоянство в проявлении глубокой и в то же время безнадежной любви.

Заточив себя в самую дальнюю и темную комнату Дворца Печали, Текуиспа никого не хотела видеть и допускала в свои покои только тех, кто разделял ее горе,—сестру и Какумацина, Какумацина, в котором она видела теперь друга своего покойного возлюбленного и о чьих тайных муках отнюдь не задумывалась!

О, как чудотворна сила великой страсти! Порывистый тескоканец проводил все дни рядом с обожаемым существом, еще более влюбленный, чем раньше, как никогда воспламененный желаниями, опьяненный безыскусностью ее ласкового обращения, которое вызывалось грустью. Он прятал любовь в тайниках своей души, ничем себя не выдавая, и его горячие уста, жаждавшие осушить поцелуями слезы, постоянно увлажнявшие бледные щеки Текуиспы, открывались только для того, чтобы ей в утешение произнести имя своего соперника, уже не ведавшего мучений под каменной плитой могилы.

Он поклялся охранять честь той, которую считал вдовой Веласкеса, и в мыслях не имел когда-нибудь нарушить свою торжественную клятву. Кроме того, он знал, что нелюбим, и эта гнетущая уверенность не покидала его ни на секунду. Однако, не теша себя иллюзиями, Какумацин продолжал любить и любил той безутешной и непреклонной любовью, какую рождает в пылких и гордых сердцах отсутствие всякой надежды. Тем не менее он испытывал страстную потребность смягчить свою боль, хотел найти в общении с Текуиспой целительное, хотя и горькое лекарство от своей неумной тоски. Смотрел на слезы, которые она проливала по усопшему возлюбленному; слушал бесконечные пылкие восхваления преждевременно ушедшего из жизни героя и торжественные обеты оставаться верной его остывшему праху на вечные времена. Завидуя сопернику, против которого он был бессилен, чья тень возбуждала его ревность, но уже не разжигала его ярость, проводил Какумацин подле Текуиспы часы, составлявшие всю его жизнь, часы тех жестоких душевных баталий и невыразимых мук, которые бывают рождены лишь великой любовью и сносить которые может лишь человек необычайной силы духа.

Однако этих страданий просто не замечали. Текуиспа думала, что тескоканец излечился от своей страсти, или, правильнее сказать, Текуиспа забыла, что эта страсть когда-то имела место. Для нее не существовало в мире ничего, кроме могилы Веласкеса, и когда она терзала сердце Какумацина бесконечными воспоминаниями о своем утерянном кумире, ей даже не приходило на ум, что своим наперсником она делает своего обожателя.

Вождь-властитель слушал ее со вниманием, никогда не перебивал, никогда не произносил бесполезных слов утешения, которые лишь растрavляли бы ее рану. Только это видела Текуиспа, и этого было достаточно, чтобы она не избегала общества Какумацина, а героический индеец, делая вид, что вполне удовлетворен подобной сестринской дружбой, отводившей ему роль доверенного в любви, за которую он заплатил бы ценой собственной жизни, с полным самоотречением посвятил себя той, которая даже не понимала всей меры приносимой ей жертвы.

Так и шли день за днем: родину, власть, славу, месть — все забыл Какумацин возле Текуиспы. Его необузданный темперамент

смирался как горячий конь под всадником со стальными шпорами: если он пытался нетерпеливо грызть уздечку и легонько бить копытом, то это кончалось лишь тем, что ему приходилось безропотно подчиниться. Лишь его мрачневшее лицо выдавало страдания униженной гордости. Почти невозможно было понять, откуда берется такая непостижимая сила воли, которая обуздывает неистовую страсть человека, естественный неукротимый нрав которого сочетается с привычкой высокородного вождя всегда поступать так, как душе угодно, и всегда потворствовать своим желаниям.

По необъяснимому капризу человеческого сердца нас обычно мало волнует судьба тех, кому не отвечают любовью,—и в реальной жизни, и в книгах: во всех романтических произведениях наши симпатии всегда на стороне счастливого любовника. Малейшая неприятность, с ним приключаящаяся, вызывает наше сострадание, мы глубоко и искренне ему сочувствуем, словно бы счастье быть любимым предоставляет неоспоримое право на всякого рода удачи. И в то же время вполне естественно — и в это мы верим, и это понимаем,— что человек, который любит и любим, никогда не может быть полностью несчастным, так же, как понимаем, что все блага земные не в состоянии сделать счастливым того, кого постигла безнадежная любовь. Почему же тогда мы так склонны огорчаться мимолетными бедами счастливого и не проявляем истинной жалости к человеку, глубоко несчастному в любви? Можно, видимо, сказать, что мы считаем своего рода преступлением неуспех в любви и что люди, отвергнутые своим кумиром, представляются нам, подобно некоторым упомянутым выше персонажам, отринутыми самим господом Богом.

Нет ничего более несправедливого, более абсурдного, чем такая убежденность людская, ибо счастье в любви, как и успехи в жизни, слишком редко выпадает на долю достойных, можно даже предположить, что то и другое почти несовместимо.

Кроме этой в общем известной истины относительно везения в любви есть и другая, которую, вероятно, тоже все знают, как и мы, но не все сосредоточивают на ней внимание: почти никогда одна большая любовь не зажигает другую любовь, ответную. Наперекор моралисту, который в качестве эпиграфа к одной забавной книге избрал максиму: «Хочешь быть любимым,— люби», жизнь постоянно предлагает нам иные примеры.

Если бы мы попытались оправдать удивительно капризное человеческое сердце, можно было бы сказать, что любовь — такое свободное и благородное чувство, что оно отказывается продать себя за чью-то искреннюю любовь, ибо дается даром и никогда не достанется тому, кто претендует на нее, уверенно полагаясь на свои прекрасные качества, достойные вознаграждения. Мы, однако, не собираемся прославлять подобное положение, отнюдь не отвечающее справедливости, и просто констати-

руем, что «возлюбленный» — это обычно не тот, «кто достоин любви», и, как правило, не его заслуга, что его полюбили. К стыду и позору несовершенного человечества, будь сказано: великая страсть, которая должна была бы обладать неотразимо притягательной силой, подчиняется власти именно человека заурядного; высочайшие порывы души, проявляющиеся каждодневно, казалось бы, вполне достаточные для того, чтобы наполнить счастьем и гордостью того, кто их вызывает, остаются незамеченными или отверженными и, может быть, будут лишь пригодны и без особого успеха использованы для подражания в собственных любовных утехх теми ординарными и счастливыми людьми, которым они принесены в жертву.

Мужчины и женщины в этом отношении одинаковы. Мы все жалуемся на то, что трудно встретить большую, великодушную, идеальную любовь, которая, уверяем мы, найдет у нас пылкое ответное чувство. Но все мы лжем. Если судьба дарит нам именно такую любовь, которую мы столь превозносим, мы не замечаем ее, попираем ее... И без конца сетуем на жестокий обман, никогда не признаваясь себе, что имели глупость просить там, где ничего нет, не брать там, где нам давали!

Большая любовь, которая так же или еще более редка, чем глубокий интеллект, имеет сходную судьбу с последним: ею более восхищаются, чем понимают; она скорее вызывает чувство удивления, чем симпатии. Все смертные, способные на великую самоотверженную любовь, отмечены, подобно гениям, священной печатью несчастья, но такого несчастья, которое неведомо обыкновенным людям, и посему последние не в состоянии проявлять сострадание.

Попробуйте понять или обрисовать чье-нибудь подобное безутешное и возвышенное чувство: одним оно покажется неправдоподобным, другим — смешным, третьим — каким-то поразительным явлением, которым можно восхищаться издалека, но нельзя и вообразить, чтобы с тобой тоже приключилось нечто такое, и ни у кого это чувство не вызывает одобрения.

Удача же в любви обладает известной долей очарования; во всех случаях мы невольно симпатизируем тем, кого балует изменчивая фортуна, и отворачиваемся от тех, кого она наказывает. Поэтому один знаменитый мыслитель предложил в качестве аксиомы тезис, против которого мы не возражаем, ибо, по сути дела, его придерживаемся, а именно: «Романисту почти невозможно сделать интересным образ отвергаемого обожателя».

Нелегко, по правде сказать, убедить себя в этой истине, подтвержденной жизнью, ибо, повторяем, она в высшей степени несправедлива и удивительна. Ведь ничто так не достойно милосердия, ничто не может привлечь большего внимания, чем душа, сжигаемая святым огнем неразделенной любви. И нет существа, сколь виновно бы оно ни было, которое не очистилось бы в горниле безмерного несчастья; нет сердца, которое не стало бы

человечнее и благороднее под влиянием своей всепоглощающей любви. Именно там, где мы видим страсть, лишенную всякой надежды, и открываются тайны добродетельной силы и героизма.

Обоюдная любовь — это взаимовыгодная коммерция, любовь одинокая — это священный и самозабвенный культ. Всякий может любить, если он любим, хотя обычно — мы об этом уже сказали — может и не любить, как раз потому, что его любят. Но сердце, способное долго питать чувство без надежды на будущее, исповедовать религию без неба, не может быть обыкновенным сердцем. Оно должно иметь огромные запасы поэзии и вдохновения, благородства и решимости, и если мы не разделяем безмерного пылкого влечения, если не проявляем к нему глубокого интереса, значит, мы не способны чувствовать так же, как это сердце.

О, какой непостижимый рок заставляет возвышенные души почти всегда обманываться в своем выборе? Почему высокая любовь обычно избирает заурядных кумиров?.. Наш герой находится в несколько ином положении, но его судьба не становится от этого намного счастливее. Текуиспа не любит его, никогда не любила и не полюбит. Какумацин это знает, и огонь его неумолимой страсти, казалось, поддерживается этим абсолютным отсутствием всякой перспективы, ибо примитивные души черпают свои радости в тех восторженных чувствах, которые они внушают другим, а большие сердца наполняются гордостью от того восторга, который испытывают сами. Можно сказать, что одни из-за своей ничтожности нуждаются в том, чтобы получать, и лишь тогда ощущают собственную значимость, в то время как другие счастливы тем, что могут дарить свои бесценные сокровища, тратить богатства, ничего не получая взамен.

Уалькацинтла, чье чуткое сердце улавливало переживания вождя-властителя, напрасно старалась их облегчить, предлагая поговорить о нем с Текуиспой. Тескоканец слушал ее с горькой усмешкой и отвечал с решимостью:

— Я поклялся над трупом Веласкеса почитать добродетели той, которая любит его даже под плитой могилы. Тень мертвеца всегда будет стоять между Текуиспой и Какумацином, и для Какумацина сердце Текуиспы такое же неживое, как призрак того убитого.

Уалькацинтла, жалея его, удалилась в слезах, а вождь, глядя ей вслед, шептал, стараясь не закричать:

— Ты плачешь обо мне у колыбели своего сына, а Текуиспа никогда не станет матерью! Ее сердце покинула любовь, ее чрево останется порожним: смерть завладела молодой и чистой Текуиспой! Несчастливая Текуиспа! Как прекрасна жена воина, когда у нее на руках дар его любви и она учит сына произносить имя отца!.. Такой я часто видел жену вождя-властителя Такубы, но никто не увидит такой жену вождя-властителя Тескоко!

Однажды Текуиспа ему сказала:

— Я помню, что ты был изгнан из своих наследственных земель, вождь-властитель Тескоко, и вчера, когда я подумала об этой несправедливости, я попросила богов простить бедного Моктесуму и решила попросить тебя также подарить прощение и твоему неблагодарному брату, которого ты, наверное, уже изгнал из дворца твоих предков.

— Новый вождь-властитель остается в Тескоко, — ответил Какумацин. — Мой брат хитер и вероломен, однако моя ненависть не коснется его. Он дорожит властью и жизнью, потому что любим своей женой и у него есть сыновья, сильные, как надежда.

— Ты тоже будешь отцом и мужем, — сказала, вздохнув, младшая дочь Моктесумы. — Только я приговорена жить на земле одинокой, как дерево без плодов, потому что в душе моей нет тепла и уже нет того, кто сказал бы мне: «Я люблю тебя!»

Услышав такие слова, забыл тескоканец свою обычную сдержанность и воскликнул:

— Ты говоришь неправду, дочь Моктесумы, земля не так любит светило, ее оплодотворяющее, как любит твою красоту и даже твой холод один воин, который молчит в твоём присутствии, словно боги навсегда запретили ему выражать свои чувства. Текуиспа, занятая лишь своими думами, грустно отвечала:

— Смерть сомкнула те уста, которые мне говорили: «Я тебя люблю»; сердце, в котором царствовала Текуиспа, теперь один пепел. Но это правда, я была любима. Какой я была счастливой! — произнесла она, ни к кому не обращаясь, будто бы говорила сама с собой. — Какой музыке учат боги человека, говорящего «Я тебя люблю»? Откуда берется луч, которым горят глаза возлюбленного?

О ты, мой любимый! Ты прекраснее солнца и луны, твой голос нежнее ночного ветерка и пения птицы сенсонгля в роще; твои слова для меня были что роса для сохнувшего деревца. Вернись еще хотя бы раз, чтобы взглянули на меня твои глаза, которые заставляли меня умирать от счастья. Вернись, вернись и поцелуй меня в лоб, как в тот сладкий и страшный день, когда мы расстались! Ты чувствуешь, как пылала моя голова от огня твоих губ?... Твои уста украли пламя у вулкана Попокатепетль, от тебя исходит благоуханье флорипундии и холоксочитля¹! Твои губы — это небесная дверь, из которой вырываются ласковые волны вздохов и слова любви, которые кажутся чудесным гимном добрых духов! Приди, я хочу снова прикоснуться к твоей груди, которая вздымается как волны великого озера, когда дышит Тлалок²! Не покидай меня, заклиная тебя именем той счастливой женщины, которая дала тебе жизнь; я пойду вместе

¹ Холоксочитль — тропические цветы с опьяняющим ароматом.

² Тлалок — бог воды, дождя, грома и молний в ацтекской мифологии.

с тобой в сражение. Боги любви будут со мной и прикроют тебя невидимым щитом, чтобы твоя голова была неуязвима для стрел врага.

Она вдруг вздрогнула и, подняв трясущиеся руки к волосам, продолжала отрешенно, с остановившимся взглядом:

— Твоя голова! О! Твоя голова уже вся в крови, а кровь ручьями струится на пол!.. Кто накинул на твое светлое лицо эту желтую ткань, которая закрыла тебя от моих глаз и от моих губ?.. Это смерть! Беги! Спасайся! Спрячься в моем сердце!..

В своем полубезумном бреде Текуиспа обвила руками шею Какумацина, а ее прекрасная головка бессильно упала на грудь взволнованного молодого вождя.

Невыносимая пытка! Любви достаются лишь ласки безумия!..

Текуиспа медленно приходила в себя и, словно ощущая душевную поддержку и как бы обращаясь к сестре, тихо и нежно заговорила:

— Это ты, мой дух-утешитель? Ты, моя единственная опора на земле? Я очень страдаю, но, когда я страдаю, когда мутится разум, когда чувствую, что умираю, ты всегда рядом, всегда обнимаешь меня и говоришь: «Живи, Текуиспа, ведь я тоже тебя люблю», и Текуиспа слушает тебя, живет для тебя.

Дрожь пробежала по телу вождя-властителя Тескоко. Не к нему ли были обращены эти слова? Кровь застыла у него в жилах от страшного напряжения, от внезапно вспыхнувшей надежды. Он захотел, чтобы время сделало вечным этот миг, который наделил его счастьем сомнения. О! Сколь жесток удел того, кому счастьем кажется даже сомнение!

Властительная дочь Моктесумы, прикрыв свои большие продолговатые глаза, все еще бледная и поникшая, добавила еле слышно и умоляюще:

— Я сошла с ума, поговори со мной, верни мне рассудок своим сладким голосом, скажи добрые слова, которые дух милосердия нашепчет тебе.

— Я люблю тебя больше жизни!—вне себя кричит тескоканец.

Текуиспа, словно очнувшись, испускает пронзительный крик, вырывается из сжимающих ее объятий и в ужас бросается прочь.

Вот так рассеивается мимолетная и безрассудная мечта бедного влюбленного, а прежнее неистовство его души просыпается вновь от резкого удара: он рвет на себе волосы и вопит в отчаянии:

— Женщина, ты страшнее ягуара! Будь проклят тот день солнца, которое озарило твое появление в мире мужчин! Будь проклято нутро той каменной скалы, откуда вышло твое сердце!

Однако в этот миг он слышит жалобный плач девушки, огонь его ярости тут же гаснет, и он, дрожащий и устыженный, склоняется к ногам своей любимой.

— Прости меня,—говорит он ей,—я люблю тебя и больше не могу таить в своей груди пламя, которое пожирает меня. И я навсегда ухожу от тебя, дочь Моктесумы, но прошу о последней милости: забудь мой недостойный гнев. Если когда-нибудь тебе понадобится смелое сердце и рука, не знающая поражений, призови Какумацина, а если смерть позовет меня раньше, чем ты, вспоминай иногда, когда будешь плакать над могилой Веласкеса, что тот, кто завоевал это ложе для его вечного сна, тоже спит. Забытый, в другой могиле, которую никогда не оросят твои слезы.

Властительная дева взглянула на него и что-то хотела сказать: может быть, собиралась дать благую надежду такой высокой любви?.. Никому не дано это знать. Когда Текуиспа шевельнула губами, Какумацина уже и след простыл.

II

ЗАВЕРШЕНИЕ ЛЮБВИ

Спустя три дня после того, как разыгралась описанная выше сцена, Какумацин с младшим братом созвал совет знатных вождей из своих владений, чтобы обсудить меры, которые следует принять для возврата себе законных прав вождя-властителя Тескоко. Куикуицат узнал об этом и приказал готовиться к битве, вполне надеясь на своих сторонников, но, увы, его ждало быстрое и горькое разочарование.

Какумацин, не теряя времени, собрал значительное войско и атаковал его с безрассудной смелостью отчаявшегося человека, которому жизнь не дорога.

Потерпевший поражение ставленник Моктесумы пытался спастись бегством, но попал вместе со своими вождями-приверженцами в плен к победившему брату, проявившему на сей раз удивительное добросердечие, которое, однако, ему дорого обошлось впоследствии.

Какумацин милостиво простил своего неверного брата и имел неосторожность отпустить его на все четыре стороны, сохранив ему привилегии властительного вождя, и удовольствовался тем, что жестоко наказал других восставших вождей.

Вернув, таким образом, себе прежнюю власть с помощью большинства своих подданных, Какумацин всецело занялся одним делом: оказывать помощь Куитлауаку в укреплении границ Ацтекского царства на случай нового вторжения испанцев. И хотя все заметили перемены в его характере, никто не мог бы упрекнуть его в том, что он недобросовестно выполняет свой двойной долг: вождя-властителя Тескоко и вождя-данника Теночтитлана.

Тем не менее судьба, казалось, не благопритествовала этому выдающемуся человеку, как и всей семье Моктесумы.

Неблагодарный брат, столь милостиво прощенный, плел тайный заговор против своего великодушного победителя, а озлобленные сторонники свергнутого узурпатора были готовы прибегнуть к самым низменным средствам, чтобы добиться своих целей, казалась бы, уже недостижимых.

Однажды вечером Какумацин, прогуливаясь по берегу озера, отыскал глазами среди башен не столь далекого Теночтитлана мрачные капители Дворца Печали. Там предавалась горю Текуиспа, огромный склеп из черного мрамора замуровал в себе ту, что вселяла жизнь в его душу, но, увы, сердце недоступной девы было холодно, как стены ее траурной обители. Переведя взгляд на широкую гладь спокойного озера, он заметил вдали едва различимую в сумеречном тумане черную точку и подумал, что видит образ своей судьбы.

Это гладкое и пустынное озеро словно представляло его жизнь, раньше столь бурную, а теперь лишенную волнений и страстей, однообразную и холодную, замершую, если можно так выразиться. Черная точка, за которой следили его глаза в сгущавшемся тумане близкой ночи, была его будущим — темным и печальным будущим, терявшимся в бескрайней пустоте, как одинокая печальная башня Дворца Печали на фоне бесконечных небес.

Чувство безутешной тоски сжало его сердце, и впервые в жизни он почувствовал, как слезы поползли по щекам.

Он думал о Текуиспе и о тех счастливых днях, когда был почти уверен, что она будет принадлежать ему. Он любил ее давно, когда дочь Моктесумы едва рассталась с детством, и теперь он вспоминал с горестным и сладким чувством ее невинные игры, детские капризы и кокетство. И оказалось достаточно нескольких месяцев, чтобы обворожительная девочка превратилась в обожаемую женщину. За короткое время ее стройная фигурка обрела обольстительные формы и чарующую грациозность. Как велико могущество любви, если чувство становится звездой, в лучах которой нежный бутон раскрывает свои благоуханные лепестки!.. Несколько дней любви могут стать для женщины целой жизнью. Счастлив тот смертный, который своим взглядом сумел заставить раскрыться очарование девочки, которая превращается в женщину, чтобы вырваться на просторы будущего, как куколка, расправляющая свои крылья в блеске солнца и впитывающая свет, чтобы бабочкой взлететь в царство нежных дуновений!

— Этот счастливый смертный был не я! — мрачно проговорил вождь-властитель Тескоко. — Нежный куст, который вращивала моя мечта, раскрыл свои цветы для другого, и теперь я оплакиваю его иссохшие корни.

В эти минуты, когда Какумацин предается столь печальным думам, каноэ, которое тихо скользило по озеру, приближается и направляется к тому месту, где он стоит, погруженный в свои

мысли. Вождь уже собрался уходить, но в шорохах ночи, постепенно окутывающей землю, ему слышится слабый голос, произносящий его имя. Он оглядывается и замирает в удивлении. Каноз быстро приближается.

Откуда лодка? Кто в ней?

Какумацин этого не знает, но его сердце бьется сильнее, словно предчувствуя, что в его жизни должно произойти решающее событие.

Каноз уже касается берега, и какой-то человек прыгает на берег.

— Не можешь ли ты мне сказать,—воскликает он, направляясь к вождю,—где найти сейчас вождя-владельца Тескоко?

— Мрак ночи помешал тебе узнать его,—отвечает Какумацин.—Ты говоришь с тем, кого ищешь.

Почтительно склонившись перед ним, человек с каноз тихо проносит:

— Я приплыл из Теночтитлана и послан к тебе властительной Текуисной.

Встрепелулся Какумацин, услышав для него всемогущее имя, и спросил с заметным волнением:

— Что-нибудь случилось в семье Моктесумы?

— Во дворце говорят,—ответил гонец,—что духи посетили нового великого властителя в одну из его бессонных ночей и от имени Моктесумы приказали ему возвести на трон властительную Текуиспу, чей раб — перед тобой. Говорят также, что твоя суженая заливается слезами, не хочет идти за великого властителя, но жрецы ее принуждают, потому что боги объявили, будто, только выполнив это повеление, она умилостивит их.

— Лжешь, раб! — в порыве сомнения воскликнул властитель Тескоко. — Куитлауак не любит дочь Моктесумы.

— И все-таки, могущественный тлатоани,—отвечал, не смущаясь, человек,—он возьмет ее в жены прежде, чем ночь накинёт на землю свое покрывало. Так утверждают во дворце, и властительная дочь Моктесумы мне сказала: «Иди к Какумацину, я скорее умру, чем стану супругой великого властителя, брата моего отца, а если кто-нибудь и получит согласие Текуиспы, то это будет только тот, кого ей назначил в мужья ее отец, ныне пребывающий на небесах».

Какумацин протер глаза, словно желая убедиться, не спит ли он, а раб добавил:

— Благородная Текуиспа знает цену твоей любви и верности и призывает тебя на помощь. Вот этот золотой шнур, который ты столько раз видел на ее талии, она дала мне в знак того, что избирает меня своим посланцем.

— Лжешь, раб, лжешь, чтобы мне угодить,—повторил вождь-властитель, чье сердце, однако, сильно забилося.—Все, что ты говоришь,—неправдоподобно и немыслимо. Раньше, чем ночь пойдет на убыль, я появлюсь во Дворце Печали и поговорю

с дочерью покойного великого властителя, но если раскроется подлый обман, тебя ждет жесточайшее наказание,— будь ты сам бог Тлальтеуктли.

— Благородная Текуиспа ожидает тебя, и, если ты промедлишь хотя бы мгновение, будет поздно,— бесстрастно ответил человек.— Мне велено доставить тебя в своем каноэ.

— Лжешь! — воскликнул, уже начиная колебаться, властитель Тескоко.

— Тогда прощай,— сказал раб.— Не пройдет и часа, как Текуиспа станет супругой великого властителя. Так велят духи, и, видно, так распорядился Моктесума.

— Не будет этого, пока я жив! — вскричал Какумацин.— Не будет, даже если бы так повелели все духи беспредельных небес и распорядились все мертвецы, поглощенные землей!

С этими словами он легко прыгнул в каноэ, за ним быстро последовал гонец Текуиспы. Два других человека, которые оставались в лодке и, казалось, были гребцами, молча приветствовали вождя, коснувшись лбами днища каноэ, которое быстро развернулось под веслами и заскользило прочь по тихим водам.

Какумацин погрузился в размышления. Слишком невероятным представлялось то, что он услышал; слишком чудовищным выглядело внезапное посягательство Куитлауака на дочь Моктесумы. Но зачем надо было придумывать эту сказку? Кто мог осмелиться так насмеяться над вождем-властителем?

Пока он размышлял, каноэ достигло середины озера, абсолютно пустынного в эти часы. Какумацин встал и, приветствуя башню дворца, которая четко вырисовывалась в свете показавшейся луны, крикнул гребцам:

— Скорее! Если Текуиспа ждет, почему не летит на крыльях наше каноэ? Нажмите сильнее на весла! Ночь прекрасна, озеро спокойно, выполняйте ваш долг!

— Выполняем! — прозвучал громовой голос, и мнимый раб, подняв могучую руку, обрушил кремневый топор на голову вождя-властителя, залившегося кровью.

— Изменники! — только и смог он шепнуть еле слышно.

— Тиран! — хором ответили трое убийц.— Кончилось твое правление.

Молча, теряя сознание, еще пытался отбиваться от них Какумацин, узнавший в нападавших трех знатных вождей-даников из своих земель, но сил у него было уже меньше, чем отваги. Он упал, сраженный вторым ударом, не успев произнести дрогнувшими губами имя обожаемой Текуиспы, и его последний вздох, вырвавшийся из рассеченной груди, утонул в дремотных волнах, которые сомкнулись над окровавленным трупом.

После всплеска потревоженной воды раздался ликующий клич его убийц:

— Слава Куикуицату, вождю-властителю Тескоко!

Каноз стрелой полетело в сторону Тескоко, а над тем местом, где нашел свое вечное упокоение Какумацин, еще расходилась кругами вода. Однако вскоре поверхность озера обрела прежний зеркальный блеск и покой, замер далекий шелест лодочных весел, и убийцы беззвучно высадились в городе Тескоко, который сверкал под ясной луной, как серебряная змея, спящая на берегу озера.

III

ЕЩЕ ОДНА УТРАТА

В то время как готовилась подлая измена, в результате которой нашел свой трагический конец отважный вождь-властитель Тескоко, о чем мы рассказали выше, Куитлауак в Теночтитлане не мог избавиться от своих тревог и опасений, что делало честь его предусмотрительности и разуму, ибо если некоторые беспечные ацтеки, возгордившиеся недавней победой, не верили в возможность вторичного испанского нашествия, то новый великий властитель готовился предупредить будущее, еще большие опасности, всего ожидая от испанцев, которые, даже потерпев поражение и отступив, пользуются, казалось, неизменной поддержкой каких-то грозных невидимых сил.

Действительно, самое последнее сражение — при Отумбе, — из которого они, вопреки всем предположениям, вышли победителями, показало, что опасения Куитлауака имеют под собой реальную основу, а ему это представилось явным знаком благорасположения судьбы к бесцеремонным завоевателям. Упомянем, что Кортес, спасавшийся бегством с остатками своего небольшого войска, все-таки одержал благодаря своей смелости и удивительной находчивости победу над многочисленными отрядами индейцев, преследовавших его, чтобы окончательно разгромить чужеземцев.

Однако изможденным испанским солдатам, лишенным провианта, беспорядочно отходившим по вражеской земле, еще повезло увидеть, как перед их потрепанными знаменами в страхе отступили индейские войска. И случилось это благодаря одному из тех счастливых озарений гения, которые не раз склоняли победу на сторону Наполеона, а в этом случае спасли от верной смерти Кортеса, отважного авантюриста, который волей судеб поднялся все выше и выше, к ужасающему титулу завоевателя миров.

Известно, что испанский предводитель при весьма удручающем состоянии своего воинства сумел использовать одно из ацтекских суеверий, состоявших в том, что победа должна принадлежать той стороне, которая захватит древко с воинской эмблемой врага. Направив все свои усилия на овладение этой

священной реликвией и с великим трудом добившись своего, Кортес обратил в бегство индейцев и взял богатые трофеи, которые позволили ему продолжать путь и на следующий день спокойно добраться до Тласкалы.

Напрасно торопился Куитлауак снаряжать послов в свободную Тласкалу с богатыми дарами и патриотическими призывами заключить мир и взаимовыгодный союз, дабы вместе расправиться с чужеземными завоевателями, которых следует рассматривать как общих врагов. Тласкальцы, верные клятве, данной испанцам, оставались глухи к просьбам и угрозам Ацтекского царства и встретили Кортеса с такой радостью и восторгом, словно бы он спас свободу этой «республики».

Потеряв всякую надежду разрушить гибельную верность своих соседей врагу, Куитлауак всячески старался поднять дух своих подданных, которым потеря стяга представлялась грозным проявлением гнева небесного. Куаутемок, призванный властителем, явился в Теночтитлан во главе молодых воинов из Такубы, готовых следовать за своим отважным вождем-властителем, который горел желанием вторгнуться в Тласкалу и вырвать из чрева этих диких «республиканцев» ненавистного, пригретого ими врага.

Куитлауак не противился свершению подобного благородного акта мести и был готов поддержать Куаутемока всеми своими войсками, объявив, что, поскольку Куаутемок не смог, к несчастью, в свое время защитить пошатнувшийся трон ацтеков, то теперь поход возглавит этот достойный и несправедливо пострадавший вождь-властитель Такубы.

Когда все индейцы были уже готовы к войне с Тласкалой, гордые тем, что их поведет молодой вождь-властитель Такубы, умевший вдохновлять и воспламенять войска, внезапно страшная болезнь — черная оспа, — приобретенная Америкой от конкистадоров, сразила нового великого властителя и так бурно и быстро развивалась, что не оставалось ни малейшей надежды на спасение.

Когда Куитлауак узнал горькую правду, он позвал к себе Куаутемока и, уже будучи при смерти, долго говорил с молодым вождем-родичем, завещая ему свою осмотрительность, терпение и мудрость.

— Боги не удостоили меня счастья умереть, защищая родину, — голос великого властителя был слаб, но взгляд спокоен. — Они призвали меня к Моктесуме, не оставили мне времени, чтобы исправить зло, причиненное царству его пагубной слепотой. Но я умираю в спокойствии, ибо предвижу, что царство, потеряв меня, обретет властителя более великого, чем я, которого силы небесные наградят достославной судьбой, чтобы спасти эти народы или героически погибнуть за них или с ними. Ты — такой великий властитель, герой Такубы; рок возвел тебя на трон несчастных ацтеков, и я вижу в твоих глазах святой

огонь вдохновения, который, правда, не всегда приносит счастье и никогда не обещает вечную славу. Но твою голову украшали венки воинских побед еще в ту пору, когда твоя грудь не была грудью зрелого мужчины, и теперь, в таком молодом возрасте, когда более пристало гордиться победами в любви, ты будешь отягощен другим венцом — короной, — чтобы вернуть царству ацтеков не только величие, но и свободу. Не преуменьшай наших опасностей, они велики и многочисленны.

Нечего опасаться, говорят неразумные люди, нечего опасаться мятежного капитана, осужденного своим же властелином, испанца, который с кучей голодных воинов пошел молить о помощи Тласкалу, которую мы не подчинили себе только для того, чтобы брать в плен врагов и приносить их в жертву нашим богам.

Не думай так, Куаутемок, не предавайся лени, не проявляй неразумной доверчивости. Этот мятежный испанский капитан — большой воин, и ни один властелин не объявил бы его преступником, если бы знал, чего он стоит. Его воля подавила дух великого Моктесумы, его отвага позволила ему быть среди нас и распоряжаться нами по своему усмотрению; его хитрость дала ему возможность лишить нас преимуществ, полученных в последнем сражении; его удачливая судьба, наконец, и его дерзкая смелость всегда сопровождают его и делают более опасным, чем если бы он вел за собой войско столь же бесчисленное, как прибрежный песок великого озера.

Тласкала, это гордое и независимое государство, оказавшее сопротивление всем силам Ацтекского царства, Тласкала радушно приняла нашего врага, к его счастью, и готова поддержать его. В результате подлого предательства Тескоко недавно потерял своего властителя, храброго Какумацина, а братоубийца, захвативший там власть, — сторонник Кортеса, знающий, что ему нечего ожидать от своих родственных и законных вождей-властителей царства, кроме наказания за свои гнусные и коварные действия. Сколько других властительных тлатоани, к стыду индейских народов, проявили больше благосклонного интереса к чужеземцам, чем к собственным подданным. Сколько народов поддалось соблазну коварных обещаний врага, видя в своих вождях тиранов, презренных небом, а в пришельцах — богами посланных спасителей! Болезнь, которая подтачивает силы царства, — в нас самих, а внешние враги — не более чем пагубный зародыш нашей гибели, питаемый нами самими.

Нет, у Кортеса не малая кучка воинов: с ним Тласкала, с ним Тескоко и многие другие народы, ослепленные богом Тлакатеуктли. Нам грозят не одни только чужеземные огнеметы, орудие смерти, нас также стремятся уничтожить наш разлад, наше соперничество, наши распри и полное уныние тех людей, которые видели, как погиб, подобно деревцу, с корнем вырванному ураганом, великий и могущественный Моктесума после прихода этих

людей, провозгласивших себя Сынами Солнца. Наши разобщенность и суеверность служат мощным подспорьем врагам, которые заручились поддержкой воинственной Тласкалы. Со дня на день могут подоспеть и новые силы, ибо не верится, чтобы их властелин отказался от царства, которое объявлено его данником.

Говорят, они вне закона, они погибают от голода! О, тем хуже для нас! Если они вне закона, то позади их ждет смерть, а впереди — царство, двери которого перед ними распахивают те, кто должен был бы защищать себя от них. Они гибнут с голоду и видят наши богатейшие земли... Разве они захотят оставить их? Ничего не страшно тому, кому нечего терять, а смелость отчаяния — непобедима.

Куитлауак умолк, ибо язык шевелился с трудом, а разум стал мутиться. Куаутемок, склонившись над его ложем, слушал его с глубоким волнением и хотел было ответить, но умирающий ему не позволил и вдруг снова заговорил, не очень разборчиво, но взор властителя был ясен.

— Боги, — сказал он, — наделили тебя сердцем и головой, светлыми, как солнце. Твой разум рано окреп, ибо ты пережил смутные и несчастливые дни.

И потому ты избран, чтобы остановить страшное извержение вулкана, который готов разверзнуться под твоими ногами. Если победа увенчает твои усилия, ты станешь величайшим из великих, счастливейшим из счастливых, а государство твоё прославится далеко за всеми водами, но если ты покоришься... О Куаутемок!.. Твое имя не умрет с тобой, оно само по себе спасет славу ацтеков и... Что это?.. Ты уходишь, Куаутемок?.. Я не чувствую твою руку на своей... Не вижу тебя... И не могу... не могу говорить. Подойди! Ко мне... Я напутствую тебя, Куаутемок! Умирающий властитель хочет... надеть на тебя... своими руками... коро...

Он не закончил фразу и простился с жизнью на руках супруга Уалькацинтлы, который, опустившись на колени, воскликнул:

— Клянусь тебе твоим духом, оставившим землю! Клянусь твоим мертвым телом, которое я прижимаю к сердцу! Спи спокойно, сын Ахаякатля! Земля, которая покрое тебя, не будет осквернена ногами чужеземцев, пока на нее не упадет последняя капля моей крови!

Произнеся эту торжественную клятву, он встал и сказал властительным вождем и воинам, заполнившим залы дворца:

— Куитлауак умер. Я поклялся над его трупом, что раньше, чем его прах соединится с землей, я залью Теночтитлан кровью врагов или своей собственной.

В ответ раздался единодушный вопль:

— Слава великому властителю Куаутемоку! Смерть врагам Ацтекского царства!

КУАУТЕМОК — ВЕЛИКИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ

В течение нескольких недель ушли из жизни, чтобы присоединиться к героям, павшим в Ночь Печали, вождь Какумацин «Смертельное копьё» и мудрый Куитлауак, оставив пустующим ацтекский трон, на который оба столь пылко заявляли свои законные права, канувшие в небытие вместе с ними. Таким образом, атрибут высшей власти переходил всеобщему юному любимцу, которому судьба предназначила смыть с этого трона собственной кровью позор чужих оплошностей и со славой погresti себя под его обломками.

Теночтитлан голосами своих шестисот тысяч жителей провозгласил верховным вождем молодого вождя-властителя Такубы, и клич этот громким эхом отзывался во всех землях, куда быстрые гонцы принесли из столицы неожиданную весть о смерти Куитлауака.

Вождам-выборщикам не оставалось ничего иного, как утвердить общее желание ацтеков, и, едва лишь завершились торжественные похороны усопшего, мысли всех устремились к церемонии коронации нового великого властителя. Ликование охватило народ, когда главой царства был избран юный герой. Большая часть именитых вождей прибыла в столицу с пышными свитами для участия в торжествах, а необычайное возбуждение, наблюдавшееся всюду, выражало огромный интерес к предстоявшим празднествам.

Улицы и каналы Теночтитлана были заполнены людьми, население столицы росло не по дням, а по часам. Бесчисленные каноэ, груженные товарами и продовольствием, весь день и вечер бороздили каналы, и, несмотря на приток народа, главная площадь Тлателолько была полным-полна и снеди, и всевозможных товаров, а возле храмов и дворцов начались приготовления к празднествам, возбуждавшие любопытство людских толп.

Ярким и безоблачным выдался день, предназначенный для инаугурации нового верховного вождя, властителя Ацтекского царства; наверное, никогда еще ослепительное солнце не освещало такими чистыми лучами прекрасную долину Анауак. Можно сказать, что небесное светило само наслаждалось в последний раз своей славой, сопричастной к славе ацтекских властителей, уже близкой к тому, чтобы навсегда закатиться.

Первые проблески зари золотили обширный город Теночтитлан, придавая ему удивительно живописный вид. Фасады домов были расцвечены гирляндами, которые трепетали на утреннем ветерке, искрясь под лучами рождавшегося дня расшитыми золотом и серебром лентами, развешанными на дворцах знати. Плоские крыши, уставленные ящиками с живыми цветами под симметрично расположенными арками изящных лиан, каза-

лись воздушными садами, возносившими свой аромат в дар Авроре, красивой в голубое и розовое облачка, которые плыли по небосводу над благодатной землей.

Улицы были покрыты коврами из зеленых пальмовых ветвей, которые расстилали люди, оживленно переговариваясь, а молодые простолудины-масеуали в праздничных одеждах спешили к храмам, таща в обеих руках плетеные корзины, полные ароматичных смол и великолепных цветов, и с благоговейным трепетом ставили приношения у священных порогов.

Все жители оставляли свои дома и спешили на площади, главным образом на Тлателолько, где собралось столько народу, что люди едва не задевали друг друга локтями. Крытые ряды со съестным и благовонными веществами, теснившиеся среди колонн огромного портала, особенно старались выставить напоказ свой товар, разложенный на полках из душистого кедра или красного дерева, в народе именуемого «гранадильо».

Из всех курильниц в храмах, настезь открытых с рассвета, тянулись вверх белые струйки благоуханного текопальи¹, растворявшиеся в голубизне воздуха, а солнечные блики вспыхивали огнем на золотом орнаменте и россыпях драгоценных камней, украшавших огромные статуи богов и богинь.

В большом храме Уицилопочтли должно было быть совершено человеческое жертвоприношение, как того требовал древний варварский обычай ацтеков, знаменовавший ритуал коронавания. Жертвами обычно служили военнопленные, захваченные самим избранным верховным вождем, который передавал их жрецам как свой личный трофей и свидетельство своего почтения богов. Предназначенными для кровавой процедуры в тот день, о котором мы ведем рассказ, были шесть испанцев, переправленные в столицу из Тепеаки, где их взяли в плен во время бегства из Теночтитлана и сберегали для принесения жертвы кровавым божествам Ацтекского царства.

Этот жестокий обряд еще больше разжигал народные страсти, и не менее, чем коронация Куаутемока, ацтеков на этой торжественной церемонии радостно волновало предвкушение зрелища казни своих поработителей и пролитие ненавистной вражеской крови на алтарях своих богов.

Было около десяти часов утра, когда толпы народа, окружавшие дворец молодого великого властителя, увидели, как двери открылись и во дворец вошли вожди-выборщики — в роскошных одеждах со своими отличительными знаками, — чтобы отвести Куаутемока в храм. В свиту вождей-выборщиков входили все именитые тлатоани, сановники, советники, военачальники и судьи царства, — выборщики несли эмблемы своих городов-государств и земель.

¹ Текопальи (*науа*) или копаль (*исп.*) — ароматическая смола, предназначавшаяся для курения фимиама богам.

Нецальк после избрания старшего брата великим властителем Ацтекского царства стал вождем-властителем Такубы и шел среди вождей-выборщиков, так же как и Коанакот, который сделался после смерти Какумацина законным вождем-властителем Тескоко, хотя еще и не вступил во владение своим городом-государством. Однако он тоже шествовал в окружении верных ему подданных, которые, как и большинство знатных тлатоани царства, провозгласили его преемником несчастного обожателя Текуиспы и выразили готовность помочь ему отобрать власть у братоубийцы Куикуицата. Все приветствовали Куаутемока, почтительно склоняясь перед ним, а самый старший из вождей-выборщиков громко и торжественно сказал:

— Великой потерей для Ацтекского царства стала смерть мудрого и великодушного уэй-тлатоани, который только что восстановил славу родины и изгнал из наших земель жестоких врагов, заливших ее кровью и еще, наверное, не потерявших надежду вернуться назад, чтобы покорить ее и обесчестить.

Горе, которое причинила нам смерть столь почитаемого верховного вождя, обернулось двойной бедой: боги взяли его в нынешние смутные времена, когда внутренняя война, разгоревшаяся в Тескоко, подспудно тлеет почти во всех ацтекских владениях. Не перестает грозить нам и ненавистный враг, которому помогает независимая Тласкала и к которому благосклонна земля Мичоакан.

И тем не менее пусть владеет тобой воинственный дух, благородный юноша, которого возвели боги на ацтекский трон: этим они оповестили о своей любви к нашим народам, просветили наш разум во время нелегких выборов, и мы единодушно вверяем тебе корону великого властителя, тяжесть которой под стать силе твоего непобедимого сердца. Радуйся и ты, о наша благословенная земля! Уэй-тлатоани, которого мы тебе даем, не воспользуется своим могуществом, чтобы угнетать тебя, не будет истощать тебя и опустошать твое чрево ради роскошеств и собственного возвеличивания. Радуйтесь, все народы Анауака, ибо вы получаете повелителя, который будет отцом для сирот и опорой для вдов! И ты, достойнейший внук великого Ахаякатля, вдвойне доблестный отпрыск обоих высочайших родов, верь во всемогущего бога Тескатлипоку, творца и живителя земли, властелина небес и судьбы всех людей, который облек тебя столь высокой властью и потому придаст тебе сил, чтобы ты исполнил свой важный и тяжкий долг.

Иди и прими в присутствии великого бога Уицилопочтли, чей образ ты среди нас являешь, корону, дарованную тебе небесами, и окажи нам честь принять в дар вместе с ней нашу неколебимую верность, в которой тебе клянемся.

Куаутемок ответил благодарственными словами на эту недолгую прочувствованную речь, словами, которые теряют в нашем точном переводе своеобразную выразительность и куртуазность языка ацтеков.

— Да ниспошлют мне боги, о высокочтимые и могущественные вожди, счастье полной мерой отплатить родине за избрание, которым вы меня удостоили, и пусть не будет мне ни малейшего снисхождения, если я не сумею оградить от врагов Ацтекское царство.

После этих слов Куаутемок вышел из дворца вместе с вождями-выборщиками, двое из которых несли на красивых золотых подносах царские регалии; за ними следовала многочисленная свита — именитые вожди и все прочие, сопровождавшие избранника. Процессия направилась к храму Уицилопочтли, где собралась несметная толпа народа.

От глядевших во все глаза людей не укрылась глубокая бледность героического вождя Такубы. В тот торжественный день, казалось, облако печали заволокло его прекрасное мужественное лицо, задумчивое и сосредоточенное выражение которого, возможно, несло печать тревожного предчувствия. Грустное расположение духа августейшего юноши словно передавалось всем людям, ибо с его приближением умолкали веселые крики, а глаза многих, смотревших на него с благоговением и любовью, увлажнились невольными слезами.

Шествие остановилось у храма среди полной тишины, и только когда Куаутемок шагнул на первую ступень пирамиды, народ, вдруг словно воспламененный невидимым факелом, издал громовой клич, вырвавшийся из тысяч грудей, отозвавшийся многократным эхом из огромного здания: «Слава Куаутемоку! Слава Теночтитлану! Слава Анауаку!»

Жрецы, одетые в просторные черные мантии, встретили избранного верховного вождя и сопровождавших его тлатоани вверху на четырехугольной каменной площадке, где возвышался жертвенный алтарь, на котором у ног колоссального божества курился фимиами, окутывая все вокруг белым туманом. Благоговейно склонился молодой избранник перед жестоким богом, за ним склонилась и вся многочисленная свита. В это же время открылись две невысокие двери маленькой часовни на вершине храма и вышел из одной двери уэй-теописк, то есть верховный жрец, в алой тунике и белой мантии со множеством священных ацтекских знаков, а из другой двери вышли шесть жрецов, выполняющих ритуал жертвоприношения, и вывели наружу свои несчастные жертвы.

Теопильцин — или главный жрец-палач — был в таких же алых одеждах, как и старший жрец, а на голове у него тоже красовался огромный плюмаж из зеленых и желтых перьев в знак его высокого положения. Остальные жрецы-палачи были в белых одеждах, составлявших удивительный контраст с их лицами, разрисованными разными красками, среди которых преобладал черный цвет. В окружении этих странных и страшных персонажей шли плененные испанцы, нагие, худые и бледные, но с поднятой головой и устремленным в пространство взглядом.

Это были шесть неудачливых молодых солдат из тех воинов-авантюристов, которые, не раздумывая, пошли за Кортесом, ибо несомненно, что необычные, одержимые люди увлекают за собой всех тех, кто оказывается рядом с ними. Приученные к опасностям, привыкшие к мысли о смерти, которую столько раз встречали в битвах лицом к лицу, они спокойно шли и навстречу ужасной процедуре жертвоприношения, даже кривя губы в усмешке при виде страха, который нагоняли на толпу размалеванные лица их конвойных.

Однако когда они увидели руку главного жреца-палача, потрясавшего острым ицтли¹, который вот-вот рассекает им грудь, и розовый отсвет двадцати факелов из благовонной древесины, пляшущий на широком жертвенном камне, на котором еще темнели пятна крови предыдущих жертв, испанцы не смогли удержаться от нахлынувшего чувства страха и невольно приостановились. Встревоженные жрецы-палачи быстро, как хищные птицы, бросились на свою добычу, втащили их всех на алтарь и в экстазе готовились к жертвоприношению.

Какую-то минуту царил глубокая тишина, затем послышался сухой хруст ребер, взрезаемых каменным клинком; на мрамор часовни брызнула кровь, запятнав белые одежды жрецов... но ни одним стоном не выдали жертвы свою адскую муку, и бог войны увидел на своем мерзком алтаре — одно за другим — шесть героических сердец, в которых раньше таились столь трагично завершенные вождения.

Верховный жрец пригласил Куаутемока, который стоял, склонившись перед алтарем, подойти ближе и показал ему кровоточившие сердца и головы (жертвенные дары богу), тела убитых были тут же брошены с высоты храма, где находился алтарь, в толпу, запрудившую площадь.

Согласно ритуалу, Куаутемок обратился к богу Уицилопочтли, прося его принять бескорыстную жертву, и после краткой молитвы жрецы запели полувойенный и полурелигиозный гимн, о котором мы по мере своих сил постараемся дать некоторое представление в следующем свободном переводе с языка ацтеков.

ГИМН ЖРЕЦОВ УИЦИЛОПОЧТЛИ

Ты, зовущий на подвиг! Ведущий в сражение!
Ты нисходишь на бранное поле
Взять свою дань и посеять бессмертие,
Уицилопочтли!
Ты, сотрясающий мир своим кличем,
Ты, дуновением ломающий горы,
Ты топчешь закон, и караешь народы,
И рушишь их троны!
Ты, сотворяющий суд и расправу,
Ты, приносящий победу иль горе,

¹ Ицтли — кинжал из обсидиана (горной вулканической породы).

Во власти твоей беспощадные битвы,
 Уицилопочтли!
 Ты, возносящий в обители Солнца,
 Во дворцы из сверкающей яшмы
 Души храбрых воинов павших,
 И даришь им славу!
 Ты, отнимающий ужас у смерти,
 Несущий величие утихшему сердцу
 На поле сражения, залитом кровью,
 Уицилопочтли!
 Уицилопочтли! Ты в давнее время
 Путь указал непрозревшим народам,
 Заставил спуститься к ацтекам
 Орла с поднебесья!¹
 И земли далекие дал во владенье
 Неимущему племени гордому,
 И не забудут ацтеки великого имени —
 Уицилопочтли!
 Уицилопочтли! Ты наш покровитель!
 Ты пригред отовсюду гонимое племя
 И заставил пред нами склониться
 Правителей гордых!
 Уицилопочтли, ты честью и силой
 Сыновей награждаешь, ацтеков!
 Ныне молим, услышь ты наш голос,
 Уицилопочтли!
 Уицилопочтли, прими подношение
 И будь милосерден к отважному сыну,
 Которого в Храме своем величайшем
 Сегодня встречаешь!
 Пусть рука его будет столпом твоей власти!
 Пусть грудь его будет твоим теокальи!
 Пусть его имя будет залогом победы,
 Уицилопочтли!

Окончив петь гимн, эхо которого многократно повторяли
 своды храма-пирамиды, старший жрец приблизился к Куауте-
 му и торжественно помазал его благовонным маслом; после
 этого вожди-властители Тескоко и Такубы, первые вожди-выбор-
 щики, надели на него корону-копильи и накинули на плечи ман-
 тию. Юный монарх, прекрасный и величественный в этом одея-
 нии, разжег огонь в курильнице у ног божества и испросил благое
 напутствие у старшего жреца, который с волнением — громко
 и отчетливо — произнес торжественные слова:

Куаутемок, великий властитель!
 Будь справедлив!
 Куаутемок, великий властитель!
 Будь могуч и силен!
 Куаутемок, великий властитель!
 Бойся богов!

¹ Согласно древней легенде, ацтеки — вместе со своим божеством-покрови-
 телем Уицилопочтли, — спасаясь от племен колуа, хочимильков и других, нашли
 прибежище на каменном острове среди озера, где рос кактус-нопаль, на котором
 сидел орел. На этом месте поднялся г. Теночтитлан (совр. Мехико), позже
 ставший столицей могучего Ацтекского государства.

И все вокруг вскричали: «Слава Уицилопочтли! Слава великому властителю! Слава Анауаку!»

Церемония завершилась. Жрецы удалились, а монарх со своей свитой вышел из храма, чтобы посетить соседние храмы, примыкавшие к теокальи излюбленного бога-покровителя ацтеков.

Тескатлипока — всемогущий бог-творец и судья людям; Тла-лок — бог воды, грома и молний; Тонатиу — божество тепла и света, воплощенного в Солнце; Местли — богиня ночи, то есть Луна; Уэйуэйкойотль — бог веселья, танцев и пенья; Синтеотль — бог майса... В общем, все боги ацтекского пантеона были умилованы чистой смолой-текопальи, которую зажег в курильницах на их алтарях новый верховный вождь царства, и громкие моления во славу его, обращенные к небу пятью тысячами жрецов-служителей этого бесчисленного множества святилищ, эхом вырывались наружу из каменных обителей.

Не будучи в состоянии воспроизвести, дабы не утомить читателя, все религиозные песнопения — давно известные или сочиненные в тот же день, — мы ограничимся переводом, столь же приблизительным, как и предыдущий, гимна, который жрецы-теописки посвятили страшному богу Тлальтеуктли¹, столь же зловещему, сколь могущественному.

ГИМН ЖРЕЦОВ ТЛАЛЬТЕУКТЛИ

Ты в черной мрачной темени,
На троне черноамраморном,
Где трупы расстилаются
Ковром у твоих ног,
Ты кличешь грозным голосом
Коварство и жестокости, —
Веленья исполняются
Твои, свирепый бог.
Ты гонишь ветры сильные
Со свистом ужасающим,
Деревья валит сотнями
Кремневый твой топор.
Велишь рабыне смерти ты
Из Царства подземельного
Нести на землю светлую
Всеобщий страшный мор.
Дыханьем своим пламенным
Ты режешь тучи грузные
И молнией мгновенною
Велишь им засверкать.
Велишь вершинам горным ты
Стряхнуть снега извечные,
Открыть рот огнедышащий
И глухо зарычать.

¹ Тлальтеуктли — «Владыка Земли» (*науа*) — в ацтекском пантеоне один из богов смерти, так как Земля поглощает тела умерших, а за горизонтом Земли скрывается Солнце и другие звезды.

И мира недвижимого
Ты трепетом любишь
И разверзаешь пропасти
И лавой рушишь склон.
Потоки лавы мертвенной
Ты гонишь в жизнь кипучую
И слушаешь, как музыку,
Людской последний стон.
Ты, ликом устрашающий!
Ты, гласом оглушающий!
И душ, тобой погубленных,
Вовек не перечесть!
Ты не бросай взгляд алчущий
На наш народ бестрепетный.
Который жертвы многие
Приносит в твою честь.
Пусть этот вождь прославленный,
За воинскою силою
В священный храм явившийся,
Как все являлись встарь,
Не опозорит стонами
Или трусливой жалобой
Твой смертоносный жертвенник.
Кровавый твой алтарь!

Была уже ночь, когда Куаутемока после окончания церемонии торжественно препроводили во дворец монархов, где на следующий день ему должны были принести клятву в верности вожди-данники. А в городе тотчас после этого все площади заполнились толпами веселящихся людей. Знатные и простолюдины кружились в неистовых плясках, театры не могли вместить ликующие толпы в ту счастливую ночь.

Нам тотчас же представилось, как впервые услышав упоминание о театрах Теночтитлана, некоторые из наших читателей — если не все — усмехнутся про себя недоверчиво и подумают, что имеют полное право выразить по меньшей мере сочувствие нашему невежеству, которому, увы, можно приписать абсурдное и неоправданное желание поразить их столь высокой цивилизованностью народа, который они привыкли называть «варварским» с той поры, как осилили историю Конкисты. Историю, впрочем, заведомо путаную, каждой своей страницей опровергающую многое из того, что было отмечено ранее, и если читатель захотел бы узнать истину о том великом народе, завоевание которого происходило далеко не так успешно, как это изображается и представляется нам на суд, то историческая недостоверность сведений не вызовет у него никаких сомнений!

Мы только что описали беспристрастно, правдиво и с содроганием душевным ритуал жестокого жертвоприношения, поразивший ацтекское верование так же, как и другие религии: египетскую, греческую и т. п., но при этом не следует забывать, что культурная Европа тоже приносила человеческие жертвы Богу любви и милосердия и с не менее фанатическим пылом, чем «варвары» ацтеки своим воинственным божествам. Узреем

ли мы в кострах инквизиции признаки более высокой цивилизации, чем те, что запечатлены на окровавленных жертвенниках ацтекских теокальи, в кострах, при зловещем свете которых Испания праздновала упрочение своего могущества и расцвет своей славы?..

Не будем, однако, углубляться в подобного рода рассуждения и, возвращаясь к теме нашего повествования, просто скажем в свое оправдание тем читателям, которые ставят под сомнение провозглашенную нами правдивость рассказа, что у ацтекских «варваров» были театры,—если не лжет сам Кортес и многие уважаемые историки.

Поэзия—первое искусство, рожденное всеми народами мира,—обнаруживалась у ацтеков не только в обращениях к богам; она была действительно развитым искусством, насколько можно судить по тем немногим фрагментам, которые уцелели после опустошительного нашествия конкистадоров.

Один ученый иезуит из Милана поместил несколько древних стихов в составленной им грамматике языка науа, и только опасение перевести их не так, как они того заслуживают, удерживает нас от желания познакомить с ними наших читателей.

У древних мексиканцев процветала поэзия не только лирическая, но и драматургическая. Батурины говорит, что комедия тех времен была «великолепна» и что он знает две драматические композиции на религиозные темы, в которых его восхищает, помимо интересного авторского сюжета, выразительность и гармония языка. Акоста¹ описывает одно из театральных действий в Чолуле, которое, по мнению Клавихеро, напоминает драму начального периода греческого театра.

В городе Теночтитлане было несколько мест, предназначенных для драматических представлений. Главным был большой каменный помост на площади Тлателолько—очень высокий, чтобы зрители могли видеть и слышать актеров, и множество площадок, где декорацией служило открытое звездное небо.

В ту ночь, о которой идет речь, театрализованные действия и танцы происходили во внешних галереях и у главных входов храмов и дворцов. Комедианты, музыканты, фигляры и акробаты бродили по всем площадям, и хотя искусству первых мы не можем отдать дань, как и умению вторых, зато их возможная примитивность полностью искупается виртуозностью последних. В нашем повествовании мы уже упоминали об участии фигляров в безыскусных народных танцах, и было бы весьма полезно более подробно рассказать о них в такое время, как нынешнее, когда хореографические таланты привлекают особое внимание. Однако, пытаясь устоять перед столь великим соблазном, мы добавим лишь, что древнемексиканские танцы (явно не достойные того,

¹ Акоста Хоакин (1800—1852)—колумбийский писатель-историк, генерал.

чтобы соседствовать с танцами «Сильфиды» и «Ундины», принесшими столько лавров воздушным ножкам восхитительной балерины Ги) были аллегоричны, экспрессивны, разнообразны и отнюдь не лишены художественного вкуса. Обычно они сопровождались пением, начинались в темпе «анданте» и завершались в «аллегро». Танцоры изображали сражения, сцены любви или известные эпизоды из истории индейцев, причем некоторые из этих танцев были так жизненны и выразительны, что сохранились по сей день и исполняются в мексиканских церквах на некоторых религиозных церемониях.

В то время как народ развлекался на великих торжествах, Куаутемок, утомленный волнениями прошедшего дня, поспешил к супруге, дабы вложить ей в руки тяжелую монаршую корону, которую вскоре придется заменить на еще более величественный и святой венец достоправного мученика.

V

СУПРУГ, ОТЕЦ, ВЛАСТИТЕЛЬ

В том же самом дворце монарха, где впервые мы представили читателям родных и близких Моктесумы, собрались к ночи празднества, о котором мы рассказали в предыдущей главе, оставшиеся в живых высокородные члены этого многострадального семейства.

Распустив косы в знак глубокого траура, одетая в длинную, широкую темную тунику, молча сидела вдова Моктесумы в углу зала, а ее маленький сын забавлялся тем, что ошипывал сухую гирлянду из кипарисовых ветвей и сempoальсочитлей¹, которую только что отложила в сторону Текуиспа.

Эта молодая девушка, чья красота, окропляемая слезами, сияла подобно цветам, увлажненным небесной росой,— вместо зеркальца, из-за которого она ссорилась несколько месяцев тому назад со своими младшими братьями, полными жизни и радости, а ныне взятыми смертью, сжимала в руках плотную черную ткань, усеянную жемчужинками ее слез: это было траурное покрывало, лежавшее на Веласкесе до погребения.

Текуиспа с тоской глядела на это покрывало, менее темное, чем ее длинные смоляные волосы, беспорядочно ниспадавшие на голую спину, и тихо напевала куплет из одной испанской песни, которую она слышала от своего погибшего возлюбленного:

Счастье всегда улетает,
Если ветер сильный повест;
Только горе верным бывает,
Крыльев оно не имеет!

¹ «Цветок мертвых» (*лауа*) — желтые цветы, растущие в Мексике на кладбищах.

— Печальна твоя песня,— сказала Уалькацинтла, укачивая на коленях засыпавшего Учелита.

— Печальна, как мое сердце,— ответила Текуиспа.— Видишь это покрывало, окрашенное краской ночи? Так вот, Уалькацинтла, еще темнее мысли твоей сестры. Боги набрасывают иногда на души смертных покровы более мрачные, чем те одежды, в которые одета ночь.

— Не говори так, о Текуиспа!— сказала супруга Куаутемока.— Куаутемок только что поднялся на трон Акамапицтля¹, и боги благоволят к народу Мехитли².

— Такие события,— ответила Текуиспа, качнув своей престольной головкой,— существуют и имеют значение только для тех, кто живет среди живых. Но не для той, которая отдала свою душу памяти мертвых!.. Да, на твоего супруга сейчас возложили священную корону-копильи. А могли ли что-нибудь сделать его отец по своей воле, великий властитель с белыми волосами, под которыми, как под снегом вулканов, горел святой огонь добродетели и силы? А где сейчас гордый тлатоани из Матлальцина, мудрый всезнающий Куитлауак и отважный Какумацин, один из самых именитых? Стоило дунуть богу Тлакатеуктли, и они исчезли, как пыль придорожная. Так же рассеиваются и наши надежды: надежды человеческие хрупки и преходящи, как сам человек! Это зерна, посеянные на песке; это замки, построенные на волнах!

— Не думай так, заклинаю тебя именем наших богов!— воскликнула супруга нового великого властителя, Куаутемока.— Мертвые лежат в покое на своих каменных ложах, и не спускают с них взора Тонатиу и Местли, а их подвиги будут вечно жить в памяти соратников, которые посеяли желтые семпоальксочитли на тихом поле усопших. Зачем же печалить сердце тех, кто помнит о мертвых и любит живых? Оставь усопших, Текуиспа, оставь их в покое на каменных ложах.

— На этих страшных ложах,— содрогнулась младшая дочь Моктесумы.— На этих ложах, которые никогда не согреет любовь и к которым вечная ночь никогда не пошлет свои сны, набальзамированные сладким обманом! Как может покоиться там скованный невидимыми цепями смерти тот, кто никогда не знал покоя? Как может спать тот, забытый всеми, чьи помыслы были велики и животворны, как солнце? Веласкес, дни пройдут за днями, века за веками, прежде чем твое сердце очнется от сна могилы!.. Как можешь ты всегда быть там, где отдыхаешь не от усталости, где спишь, не видя снов, где существуешь без жизни!.. Счастливый ты, Какумацин! По крайней мере, ты не лежишь, навеки слившийся с мрамором тесной гробницы! Ты опустился

¹ Акамапицтль (Акамапичтлин, Акамапицин)—первый верховный вождь ацтеков (нач. XIV в.).

² Второе имя бога Уицилопочтли

в серебряные волны, обласканные луной, в прохладную дышащую пропасть, где находятся дворцы своенравного Тлалока, и украшаешь себя кораллами и жемчугами для праздника душ!

— Ты не перестаешь говорить об этом,— сказала Уалькацинтла,— как ребенок, который все время возится с тупой стрелой. Сестра! Твои горькие речи отпугивают добрых духов, хранящих сон моего сына.

— Ты права,— ответила Текуиспа.— Прости меня, я буду молчать! Нехорошо, когда воспоминания звучат рядом с жизнью, у которой еще нет прошлого. Я постараюсь быть такой же, как Миасочиль. Она всегда молчит и тихо глотает слезы. Она мудрее, чем я.

Вдова Моктесумы только вздохнула в ответ и поцеловала голову сына, прижатого к груди.

— Но она, как и ты,— мать! —прошептала Текуиспа.— Ей что-то осталось от мужа: искра его души, капля его крови! Сын доносит до нее любовь супруга. Несчастлива та, сердце которой сжигает любовь, но в чреве которой никогда не будет плода! Несчастлива та, которая плачет над прахом любимого и не имеет сына, который скажет: «Утешься, мама, твое счастье — во мне, я — плод твоей любви».

— Текуиспа,— сказала Уалькацинтла, скрывая искреннюю жалость к ней под маской суровости.— Такие слова не пристало говорить девушкам. Губы, не знающие поцелуя мужчины, чисты, как бутоны, готовые раскрыться, и должны источать лишь нежный аромат, достойный того, чтобы унести в небо на крыльях ветерка. Стенания по былой любви, вздохи по неисполненным желаниям, воспоминания об утраченных наслаждениях простительны только таким, как Миасочиль, которые одиноко страдают в холоде и мраке своих траурных ночей,— таким женщинам слишком много двух половин брачного ложа и слишком мало одной половины собственной души.

В этот миг дверь красного дерева распахнулась и в покои вошел Куаутемок в одеянии великого властителя.

— Твой супруг стал отцом Царства ацтеков,— сказал он Уалькацинтле, и она, не выпуская из рук сына, склонилась перед ним и взволнованно произнесла:

— Да просветит всевышний Теотль¹ твой разум! Да укрепит великий Уицилопочтли твое сердце, и пусть будут милостивы к тебе боги домашнего очага — тепикстотоны! Благослови своего сына и положи на его голову свою властительную руку, чтобы когда-нибудь ацтекские воины сказали: «Он достоин того великого властителя, который его породил и которого боги призвали на трон Акамапицтли, хотя глаза этого властителя еще не видели луга с цветами своей двадцать второй весны».

¹ Теотль — бог (*науа*), точнее Ометеотль — высший бог в пантеоне ацтеков, предстающий сразу в двух ипостасях — мужской и женской.

Куаутемок почтительно приблизился к вдове Моктесумы и промолвил:

— Уйми на время свою тоску, дочь героев, обратись с мольбой к богам и попроси сохранить того, кто ныне хочет возвысить царство до трона Моктесумы. Боги всегда выслушивают просьбы несчастных и одобряют советы вдов.

— Будь удачлив и счастлив! — тихо, но проникновенно сказала властительная вдова. — Боги придадут крепость твоим юным плечам, дабы ты никогда не согнулся под тяжестью короны.

— Не опасайся, — ответил героический юноша. — Мое тело умащено священным маслом и стало крепким, как железо. Я чувствую, как торжественный голос уэй-теописка наполнил мою душу высоким вдохновением героев Аскапоцалько и потомков Чимальпопоки, пребывающих в своих небесных обителях и забывших о былых раздорах¹. Вдова Моктесумы! Кровь подлых врагов или кровь из моих жил смоем пятна позора со славы ацтеков, и тень твоего супруга сможет без стыда войти во дворцы Солнца, ибо сын его навсегда сотрет воспоминания о былой слабости его духа. А ты, Текуиспа, сними траур и укрась голову гирляндой, ибо сегодня народ поет гимн воинов и даже мертвые вздрогнут в своих могилах от жажды бессмертия и свободы!

Народ, действительно, заполнил площадь с радостными воплями: «Слава Анауаку! Слава великому властителю!» Куаутемок с воодушевлением отвечал на их крики:

— Да, слава Анауаку! Слава или смерть! Венки на головы воинов или на могилы погибших героев!

— Куаутемок! — заговорила молодая супруга властителя. — Ты думаешь только о славных делах. Ты стал великим властителем и забываешь, что ты отец? Твои губы уже не целуют Учелита и твоя грудь полна только желания отомстить и победить? Посмотри, посмотри же на своего сына. Ты разбудил его своим кличем, и он тянется к своему отцу.

— Они тоже мои сыновья, — ответил Куаутемок, указав на площадь, заполненную людьми. — Они тоже называют меня отцом. Я принадлежу теперь всему Анауаку, жена, и громадная ответственность лежит на мне. Но не бойся, я сумею быть верховным вождем и остаться супругом и отцом! Подойди ко мне. Почему твои глаза затуманились слезами?.. Подойди, Уалькацинтла, и прижмись вместе с сыном к моему сердцу, полному любви к вам обоим. Сегодня ночью я отдамся счастьем быть с тобою, завтра же я буду с ними, завтра, дочь Моктесумы, не проси у меня ни нежных ласк, ни счастливых слез, ибо завтра Ацтекское царство потребует от меня великих забот, чтобы оно

¹ Правителями г. Аскапоцалько были тепанеки — предки Куаутемока, — до покорения их ацтеками. Чимальпопока — третий верховный вождь ацтеков (нач. XV в.).

могло спать спокойно, огромных усилий, чтобы восстановить его былое могущество.

— Твоя супруга не раба, неспособная это понять,— ответила Уалькацинтла.— Я дочь, внучка и жена великих властителей, ни робости нет в моем сердце, ни своекорыстия в мыслях.

— Ты— любимая половина моей души,— ответил муж, обнимая ее.— Если когда-нибудь мое имя прозвучит в песнях бродячих певцов, а потомки назовут меня большим воином, то этим я буду обязан тебе, Уалькацинтла. Твои глаза разжигают огонь и страсти, и героизма. Прекрасная и достойная женщина могущественна, как боги, и заслуживает поклонения, как божество.

Супруги остались одни. Миасочиль ушла искать на своем супружеском ложе покоя, которого не находила, и заглушала горечь бессонницы, тихо лаская осиротевшего младенца. Теку-испа, еще больше опечаленная и одновременно растроганная сценой чистой и счастливой любви, которой ей отныне никогда не изведать, тоже неслышно скрылась, укутавшись в траурное покрывало, и тогда, когда Куаутемок и Уалькацинтла забывали в объятиях друг друга и величие и скорбь земную, безутешная дева отвечала на ликующие возгласы народа и тихий шепот счастливых супругов все тем же грустным куплетом испанской песни, прерывая его жалобными вздохами:

Счастье всегда улетает,
Если ветер сильный повеет;
Только горе верным бывает,
Крыльев оно не имеет!

VI

ДЕЙСТВИЯ ВЕЛИКОГО ВЛАСТИТЕЛЯ

Куаутемок делал все так, как сказал супруге. Стараясь быть достойным высочайшего поста, на который вознесла его судьба, он с первого же дня своего правления горячо взялся за восстановление государства после недавних бедствий: наводил порядок, укреплял бразды правления, вооружал войско, строил вокруг столицы оборонительные сооружения и, наконец, завершил— быстро и умело— то, что начал мудрый Куитлауак, чьи последние советы он свято хранил в памяти.

Одним из его первых действий была отправка посла в Тласкалу с предложением «республике» мира и выгодного союза, если бы она согласилась изгнать общего врага. Если же Тласкала продолжала бы упорствовать в своем прискорбном желании предоставить убежище и оказывать помощь жалким остаткам чужеземного войска, ей незамедлительно была бы объявлена война.

Одновременно другие послы выехали в соседнее государство Мичоакан, бывшее давним врагом Ацтекского царства. Верховный вождь предлагал забыть прежнюю неприязнь, призывая к военному согласию и сердечной дружбе с условием поддержать его в борьбе с чужеземцами и признать властителем Ацтекского царства.

В то время как знатные вожди выполняли эти дипломатические миссии, Коанакот, законный наследный властитель Тескоко, выразил готовность свергнуть братоубийцу Куикуицата с помощью большого войска, которое предоставил в его распоряжение Куаутемок, понимавший, сколь опасно оставлять одно из самых важных и ближайших союзных государств в руках правителя-узурпатора, который искал поддержку у врагов Ацтекского царства.

Число сторонников Куикуицата было еще значительным, хотя день ото дня росло недовольство этим вождем-властителем Тескоко и усиливалась оппозиция знати, приверженной к законности власти и не одобрявшей произвол времен Моктесумы. Напрасно узурпатор, узнавший о намерениях Теночтитлана и преисполненный страха, старался привлечь на свою сторону недовольных и ублажить их, напрасно его сторонники-подданные, уступая его желанию, защищали ценой собственной крови захваченный им жезл вождя-властителя: Коанакот оружием открыл ворота Тескоко, сорвал с чела узурпатора корону своих предков и с честью водрузил бы ее на свою голову вместе с лаврами победителя, если бы вслед за одним гнусным братоубийством не было бы совершено второе и если бы Коанакот не опозорил славный род чичимеков кровной мстью, печальный и постыдный пример которой он показал в свои последние дни¹. Куикуицат умер, как говорят, тоже от рук собственного брата.

Тескоко, тем не менее, торжественно, с всеобщим ликованием отпраздновал коронацию своего нового вождя-властителя, подтвердил вассальный договор с Ацтекским царством, еще более упрочил дружественные узы, связывавшие Тескоко и Теночтитлан, пригласив в супруги для своего вождя-властителя сестру нового великого властителя ацтеков и послав свою единственную властительную невесту в брачные покои Нецалька, вождя-властителя Такубы.

Оба эти брачных союза наградили самые древние индейские династии² долины Анауак двумя самыми прекрасными девами: одна из них — Оталица, обожаемая невеста погибшего Уаско,

¹ Какумацин правил в Тескоко в 1516—1520 гг., Куикуицат — в 1520 г., Коанакот — в 1520 г.

² Напомним, что Ацтекское царство (конфедерация) состояло из Теночтитлана (доминирующий город-государство ацтеков), Тескоко (или Аколуакан — древнее владение чичимеков) и Такубы (или Тлакопан — древнее владение тепанеков). Последние две народности поселились в долине Анауак раньше покоривших их ацтеков.

светлокожая красавица с черными миндалевидными глазами, гибкой талией, лебединой шеей, маленькими ножками и точечными ручками,— нежный и хрупкий цветок, рожденный, чтобы украсить последнюю царственную ветвь Аскапоцалько; вторая — очаровательная Теутила с тонкой талией, пышным бюстом, искрящимся взором,— последний роскошный плод августейшей любви великого Нецауальпилы¹, гордость всего народа Аколукана.

Никогда столько чарующих дев не озаряло своей красотой троны правителей Анауака; никогда столько молодых и отважных властительных вождей не владело одновременно царственными жезлами этих процветающих городов-государств. Кажется, сама судьба наслаждалась тем, что украшала приговоренное к смерти Ацтекское царство, вознося на его вершину самую славную и прекрасную молодежь его древних родов, словно бы убирала самыми чудесными цветами жертву, предназначенную для убийства.

Ничто, однако, не предвещало в эти счастливые дни надвигающуюся катастрофу. Народ радовался недавнему уменьшению поборов по высочайшему повелению, а большая часть знати, жаждавшая восстановить свои привилегии при новом верховном вожде, искренне стремилась защитить интересы царства, и неутомимый Куаутемок, не упускавший ни малейшей возможности поднимать настроение своих подданных, в то же время внушал врагам уважение справедливостью и осмотрительностью своего правления, силой и хорошей выучкой войск и добрым согласием, которое ему удалось установить между влиятельными вождями-данниками.

Укрепив Теночтитлан и разместив на границе с «республикой» Тласкалой крупные отряды, веря в скорое заключение союза с ней и соседним Мичоаканом, Куаутемок предположил, что опасность вторжения иноземцев миновала, а его беззаботные подданные начали было уже забывать тех, перед кем дрожали всего несколько месяцев назад и кого уже стали презирать до такой степени, что перестали ненавидеть.

Такая непростительная беспечность не исчезла даже тогда, когда стало известно, что тласкальцы, отвергнув с негодованием предложение о союзе, заявили о своем намерении защищать с оружием в руках беглецов, осевших на их земле; и тогда, когда гордые и мстительные тараски², вместо того чтобы ответить на разумные и добрые предложения нового верховного вождя Ацтекского царства, вспомнили о прежних распрях и стали угрожать войной, если царство не удовлетворит их требования.

¹ Нецауальпили — чичимекский вождь-правитель Тескоко, отец Какумачина, Куикуицата и Коноакота.

² Тараски — народность, населявшая независимое государство (а ныне — мексиканский штат) Мичоакан.

Поскольку Ацтекское царство располагалось между этими двумя землями, объявившими себя его врагами, Куаутемок усилил охрану границ и был готов вести войну на два фронта, надеясь, вероятно, ознаменовать свое правление завоеванием обоих государств — Тласкалы и Мичоакана, — которым еще удавалось оставаться независимыми от Ацтекского царства, что само по себе было обстоятельством примечательным и почти невероятным, если учитывать мощь и агрессивность ацтекских властителей.

Перспектива двух войн отнюдь не тревожила ацтеков. Они были уверены в победе, ибо им не внушали боязни ни оскорбления бесстрашной «республики», ни угрозы непримиримых тарасков. Только оружие и коварство испанцев могли вызвать у них тревогу, но разбитые испанцы, казалось, еще не очнулись от страшного поражения: о них ничего не было слышно; они, вероятно, и не помышляли о битвах. И ацтеки могли предположить, что испанцев одновременно покинули и воинственность, и счастливая судьба.

Увы, не ведали несчастные, что у них под ногами неслышно готовится взрыв, что обманчивым было затишье, которое, усыпляя их бдительность, предвещало бурю, и что отдохновение Кортеса было похоже на постепенное пробуждение льва, который своим рыком сотрясает лес, и что скоро будет нанесен испанцами страшнейший удар, который сокрушит индейские государства — от густых чащоб на склонах горной цепи до неподступных берегов озера Никарагуа!

VII

КОРТЕС В ТЛАСКАЛЕ

Ни в одной из тех сложных и разнообразных ситуаций, в каких случалось бывать Кортесу, когда он — медленно или быстро — шел к своей грандиозной цели — завоеванию земель нынешней Мексики, не проявлялись с таким блеском живость его ума и сила воли, как в той, о которой мы поведем рассказ.

Оказавшись на положении беглеца с остатками разбитого войска во владениях «республики», которая некогда была его врагом и на скороспелую и ничем не подкрепленную дружбу которой было весьма рискованно надеяться; не обладая, тем не менее, иными средствами на спасение, чем эта хрупкая опора, которая к тому же не смогла бы выдержать натиска сил Ацтекского царства в случае войны; будучи изгнанным с Кубы и проклятым в Теночтитлане; осуждаемым своими собственными соратниками, которые считали, что его счастливая звезда закатилась навеки; не обладая силами, чтобы развить наступление, и ресурсами, чтобы продолжать отход; потеряв всю свою артил-

лерию, не имея в достатке оружия, даже пороха,— в общем, пребывая в самом плачевном, казалось бы, безысходном положении, Кортес вынашивал в тиши своих покоев и в видимом унылом бездействии самый гигантский и отчаянный по смелости план, казалось бы, непостижимый уму человеческому: план блокады Теночтитлана! С трудом верится в подобную немыслимую храбрость и такое упорство в достижении желаемой цели.

Наиглавнейшим этапом в решении своей труднейшей задачи Кортес считал завоевание полного доверия «республики» Тласкалы, использовал для этого любой удобный способ и, в конце концов, добился своего, несмотря на непредвиденное препятствие, возникшее в образе одного могущественного тласкальского вождя, который встал на его пути.

Хикотенкатль, молодой и проницательный военачальник, главный военный вождь «республики» и заклятый враг Ацтекского царства, начал искоса поглядывать на возраставшую день ото дня популярность чужеземного предводителя в Тласкале, не только жаждавшего слепого послушания народа, но и приобретшего исключительное влияние в постоянном совете «республики» и среди знати, что постепенно вело Кортеса чуть ли не к своего рода единовластию.

Хикотенкатль, желая положить конец такому коварному, скрытому захвату власти, должен был горячо спорить с собственным отцом, весьма уважаемым и почитаемым всеми старцем, которого Кортес до такой степени сумел обольстить, что тот предпочел бы его собственному сыну, если бы дело дошло до трагического выбора.

Напрасно молодой военачальник распространял тревожные слухи о тайных намерениях испанского каудильо; напрасно старался запугать Совет, правдиво и красочно описывая унижения, которым подвергся Моктесума, слепо доверяя лукавым прищельцам; напрасно, наконец, пытался он поднять войско и силой изгнать с земель Тласкалы тех, кто вызывал у него одновременно и зависть, и обоснованные опасения. Но все его усилия были бесполезны, ему пришлось покориться и терпеть испанцев и даже делать вид, что он отбросил все свои подозрения и готов помириться с Кортесом, чтобы полностью не лишиться благорасположения «республики».

Завоевав благосклонность старейшин Совета, зная, что тласкальцы полностью и решительно отвергли предложения Ацтекского царства, и видя, что все козни Хикотенкатля — его единственного значительного врага во всей «республике» — обрагились, так сказать, в прах, Кортес решил приступить к выполнению своих намерений, расчищая себе путь, который должен был привести его к той величайшей цели, от которой он ни на миг не отрекался.

Умело напугав Совет старейшин сообщением о враждебных приготовлениях Теночтитлана, который наводнил войсками

пограничные земли; горько жалуясь в то же время на город Тепеаку, который выдал Теночтитлану пленных испанцев, принесенных, как мы знаем, в жертву богам при коронации Куаутемока; клянясь своей совестью, что не оставит безнаказанным такое варварство, Кортес обратился к «республике» с требованием дать ему достаточно войск, чтобы выступить против общего врага (как он называл Теночтитлан) и первым учинить над ним жестокую расправу, что всегда предпочтительнее ожидания и защиты, даже самой продуманной.

Естественно, что Совет заколебался, прежде чем ответить согласием Кортесу, разумно полагая, что «республике» нельзя первой объявлять войну, в которой она оказалась бы слабой стороной, тем более после отказа заключить союз с Ацтекским царством, которому и следовало бы начать враждебные действия, если оно действительно сосредоточивает войска на границе. Тем не менее одно обстоятельство, сыгравшее на руку чужеземному военачальнику, решило этот вопрос, хотя и после страстных дебатов, как того хотел Кортес.

Нарушения границы некоторыми ацтекскими воинами, которые имели неосторожность проникнуть в одну из деревушек на территории Тласкалы, послужили для Совета причиной или поводом, чтобы уступить настояниям каудильо, остатки военных отрядов которого за несколько дней неизмеримо выросли за счет нескольких тысяч отборных тласкальских воинов, и Кортес смело двинулся к Тепеаке.

Тепеака была маленьким городом-«республикой» под протекторатом Ацтекского царства, и, если верить Бернальо Диас дель Кастильо, который, будучи живым свидетелем Конкисты, заслуживает доверия, в котором мы ему порой отказываем, Тепеака охранялась не только собственными воинами, но и прибегала к помощи ацтекских военных отрядов. Как бы там ни было, сопротивление Тепеаки было легко сломлено, и Кортес спокойно овладел городом, послав в Тласкалу в качестве военных трофеев большую часть его жителей, которых Кортес объявил рабами, а испанские писцы скрепили это решение официальным актом с печатью.

Когда на башнях тепеакских храмов-теокальи уже развевались испанские флаги, Тепеака получила название Сегура-дела-Фронтера¹, победитель сделал ее местом расположения своего командования и готчас разослал оттуда гонцов во все ближайшие селения, напоминая их обитателям, что они поклялись быть данниками испанского короля, обвиняя нового ацтекского властителя в измене, мятеже и нарушении торжественного договора, и в довершение всего обещая мир и грозя войной и рабством тем, кто не будет соблюдать некогда данную клятву. Кортес не до-

¹ Пограничная крепость (исп.).

вольствовался одним лишь словесным запугиванием, а готов был привести угрозы в исполнение, веля в покоренном городе на виду у всех выковать железные клейма, чтобы метить в качестве рабов тех, кто осмелится бунтовать.

Стараясь распространять слухи о своей жестокости в отношении тех, кто не отвечал на его призывы, Кортес в то же время был милостив и добр к тем, кто, преисполненный страха, выражал покорность и смирение.

Однако успехи испанцев были еще очень и очень малы. Население захваченных селений не отличалось многочисленностью, к тому же это был мирный сельский люд, который не имел никакого значения ни как враг, ни как друг. В то же время ацтекские войска напряженно следили за каждым шагом захватчика, одной смелости которого, может быть, оказалось бы и недостаточно для выхода из этой нелегкой ситуации, если бы, как всегда, его не выручила счастливая судьба.

В это время в гавани Веракруса бросил якорь корабль из Кубы, доставивший солдат, лошадей и письма к Нарваесу от губернатора Кубы Диего Веласкеса, который полагал, что Нарваес уже разгромил Кортеса. Каудильо (с помощью друзей, которые у него остались в Веракрусе, когда он выступил в поход на Теночтитлан) не замедлил овладеть обманным путем этим судном вместе с людьми и грузами, которые были тотчас переправлены к нему в Тепеаку. Люди же губернатора Веласкеса проявили полнейшее равнодушие к случившемуся и, едва прибыв в лагерь противника, тут же встали под командование Кортеса и при этом сообщили ему о скором прибытии еще одного судна с солдатами и снаряжением. Кортес воспользовался полученными сведениями, а обманутые, в свою очередь, помогли ему обмануть вновь прибывших, которые без особых угрызений совести, даже с охотой примкнули к тем, кого испанские власти, их сюда пославшие, объявили мятежниками и предателями.

Войско Кортеса, получившее такое неожиданное подкрепление, соединившись со свежими отрядами из Тласкалы, посланной благодарной «республикой» в обмен на пленных рабов, вступило в сражение с ацтекскими войсками, которые заняли оборонительные позиции. Долгой и кровопролитной была эта битва, ацтеки сражались с отчаянной яростью, но были разгромлены, спасались бегством, а победоносный неприятель поспешил занять новые индейские селения, где устрешенные жители тут же давали клятву быть данниками испанского короля, дивясь в то же время мягкому обхождению и любезности победителя, который таким образом желал заслужить любовь своим милосердием и внушить страх своей беспощадностью.

Возвратившись в Тепеаку, Кортес тут же стал пожинать плоды своей политики: многие вожди-данники, которые не могли подавить ненависть к великому ацтекскому властителю, которую им внушила тирания Моктесумы, добровольно подчинились его

власти. Кроме того, новые суда, посланные из Кубы в Тенуко и попавшие в руки Кортеса, усилили его войско сотней конных воинов в доспехах, большим количеством оружия и амуниции.

Тогда Кортес решился укрепить связи с Веракрусом, предварительно подчинив себе области между Тепеакой и этим портом, и замысел ему удался, несмотря на упорное сопротивление многочисленных ацтекских отрядов, сражавшихся за каждую пядь земли. Так же настойчиво, как и бесстрашно устремлялось испанское воинство к городу Хокотлану, который отважно защищался, но был вынужден сдаться на милость победителей, и храбрый вождь-правитель Олинтетль едва смог избежать испанского плена и добраться до столицы, чтобы сообщить печальную весть о победах врага.

Со славой и богатыми трофеями вернулся в Тласкалу Кортес, оставив гарнизон в Тепеаке и заключив мир со многими из пограничных племен. Воинственная «республика» устроила веселые народные празднества в честь побед над войсками Царства ацтеков и орошалась слезами бесчисленных пленников с рабским клеймом на груди, которых, как скот, продавали на городских площадях. А Кортес, предоставляя народу упиваться блаженством свершенной мести, приступил к строительству тринадцати бригадин, необходимых для осуществления его грандиозного плана блокады Теночтитлана.

Только один человек, не участвовавший в увеселениях Тласкалы, следовал за удачливым чужеземным военачальником, следил за его действиями, разгадывал его мысли, порой глядя ему прямо в глаза мрачно и испытующе, а в конце концов не выдержал и сказал, уклончиво, но высокомерно:

— Берегись того, что делаешь, а еще больше того, о чем мечтаешь, бродячий воин! Берегись, ведь не все сыны Тласкалы ослепли и потеряли разум, и раньше, чем твои звери насытятся кровью и мясом народов Анауака, найдется тот, кто разорвет их в клочья.

Смельчаком, который решился на такую рискованную дерзость, был молодой военачальник тласкальцев Хикотенкатль, бесстрашный и опрометчивый Хикотенкатль, достойный родины, менее безрассудной, и победителя, более справедливого.

VIII

НЕЖДАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

«Теуктли с востока завоевали Тепеаку! Малинче разбил именитого вождя Тлочотлока, главного военачальника Ацтекского царства! Малинче и его теуктли вошли победителями в Хокотлан!»

Такие возгласы слышались всюду в Теночтитлане, такие же тревожные крики раздавались в Тескоко, Такубе, Хочимилько,

Канауаке, Цомпанко, Атенко, Тепеполько, Койоакане, Истапалапе и других, расположенных неподалеку от столицы городах; то же самое с ужасом повторяли жители Нопалоки, Мисантлы, Нопалапана и Истаки, городков, соседствовавших с театром военных действий; и, наконец, те же вести, доставленные быстроногими гонцами в отдаленные земли, заставили содрогнуться в своих глухих дебрях неотесанного тлатоани из Альтепека, побледнеть от страха в своем роскошном дворце на золотом фундаменте богатейшего вождя-правителя земли Чиуауа, а также потерять сон сластолюбивого тлатоани из Атотонилько, чей главный город на дне долины, утопавшей в цветах и зелени, постоянно ласкаемой ветерком и наполненной пением птиц, убаюкивал себя дремотным журчанием бесконечных водопадов.

Не падает, однако, духом бестрепетный великий властитель, хотя и удивленный этим поражением. Он собирает войска, старается воодушевить воинов, вдохнуть в них силы и решает сам вести их на Тласкалу.

Месторасположение этой «республики», защищенной горной цепью Матлалкуэй и другими крупными горами, делали ее почти неприступной для армий, лишенных артиллерии или иного подобного оружия, но при виде многочисленных, окрыленных вдохновенными призывами Куаутемока, горящих местью отрядов, которые устремились под штандарт¹ Ацтекского царства к юному властителю, который сам поведет их в сражение и уже провозглашает победу, приободрились самые трусливые в Теночтитлане и приуныли — услышав такие вести, — самые бойкие в Тласкале.

Немало могущественных вождей-правителей воспылали желанием сражаться под командой великого властителя, и в столицу ацтеков спешат с отрядами молодых воинов из своих земель новый тлатоани из Койоакана (брат погибшего Уаско), отважный тлатоани из Хочимилько, преемник Куитлауака из земель Истапалапы, а также вожди-властители Тескоко и Такубы — Конакот и Нецальк, — каждый из которых оставил недавно обретенный трон и брачное ложе и откликнулся на военный зов столицы царства.

О, сколько слез проливается после недавних празднеств! Сколько прекрасных очей туманит горе, из скольких чистых уст вырываются проклятия, которыми осыпают жестокие требования отчизны, гибельные амбиции, разжигающие войны!

Красивая и прежде улыбчивая Теуитла, недавняя юная супруга и властительница Такубы, но давнишняя и неизменная любовь мужественного Нецалька; Теуитла, которая за короткое время успела оплакать смерть двух братьев, погубивших друг друга; Теуитла, которая не унаследовала от Нецауальпилли тве-

¹ Штандарт ацтеков представлял собой длинный шест, на верху которого прикреплены золотые изображения орла и тигра — эмблема Теночтитлана.

рдость его духа, а обрела кроткий нрав своей матери, не вынесшей смерти одного своего сына от праведного, но жестокого удара другого, Теуитгла наполняет своим страданием весь дворец Такубы и, словно предчувствуя пагубный исход битвы, которая отнимет у нее супруга, когда еще не увянут цветы на ее брачном венце, надевает на себя темные одежды и не выходит из дворцовых покоев, пытаясь жалобными стонами растрогать каменные божества.

Оталица, хрупкое и нежное существо, почти неземное создание, рожденная в садах Такубы для сладостной любви и радостных ласк, Оталица, первый сердечный огонь которой погасила смерть и которая так нуждается в новой привязанности, чтобы смягчить боль жестокой потери, Оталица тоже вздыхает в одиночестве и вздрагивает при звуке военной раковины, которая возвещает скорое начало нового побоища, хотя предыдущее уже отняло у нее отца и возлюбленного, павших первыми жертвами войны.

Более сильная, но не менее любящая новая властительница царства — Уалькацинтла — украсила перьями своих цветов военную корону мужа и, надевая собственными руками плюмаж на голову любимого, говорит вначале дрогнувшим, а затем обретшим твердость голосом:

— Пусть эти перья послужат путеводной звездой для храбрых, завещай их своему сыну обожженными огнем врагов, но не попорванными ногами противника, Куаутемок! Супруг мой! Я буду молить богов, пока ты сражаешься за родину, и научу Училиа поднимать ручки к небесам и просить за жизнь отца.

— Ты — прекраснейшая половина моей души! — отвечает растроганный герой. — Божественное волнение сотрясает мою грудь от твоих поцелуев, непобедимым должен стать тот, кто сражается за свой народ и честь своей семьи! Защитники очага — тепистотоны — будут хранить твой дом во время моего отсутствия, и да позволит великий Уицилопочтли мне скоро вернуться домой, чтобы усладить сон моего сына победной песней. Если же мне выпадет иная судьба, — добавил он после краткого молчания, — если перья, которыми ты увенчала мою голову, украсят труп на поле боя... Тогда, Уалькацинтла, скажи ацтекским тлатоани, что Куаутемок просит и приказывает тому, кто заменит его на троне, стать отцом малолетнему сироте... И пусть сын живет свободным вместе с Ацтекским царством или будет погребен свободным под обломками царства.

— Это я сумею сделать, — глухо сказала жена-властительница. — Твоя супруга вскормлена не оленьим молоком и не может повелеть своему сыну склонить голову перед врагами. Если враг победит, не бойся, что дворец моих предков будет сдан под наши тихие стоны. Кровь моего сына и моя кровь хлынет на лица врагов и запятнает их победу, и войдут они сюда только через наши трупы.

Внезапно поникнув, жена великого властителя добавила тихо и грустно:

— Очень трудно разлучаться тем, кто любит друг друга, и еще труднее разлука, если зовет война. Но мы скоро опять будем вместе, каким бы ни был конец, который положат боги этим ужасным битвам; мы скоро опять будем вместе, обожаемый супруг души моей,— ты придешь ко мне с победой и славой или найдешь меня в обители Солнца. Смерть, которую я встречу до прихода врагов, даст мне право войти туда, и я приведу с собой сына нашей любви, которому еще неведом язык людей, но он обучится там языку богов, чтобы молить их заступиться за свою порабощенную родину.

Последние слова Уалькацинтлы утонули в бурных рыданиях, и, утешая ее, супруг сказал:

— Теописки громко возвещают о том, что боги настроены к нам милостиво, а войска Ацтекского царства пылают от ярости, и это предвещает победу. Гони прочь свои страхи, дочь Моктесумы, и пусть расставание не будет горестным, я еще не ухожу. Сейчас только вечер, и я не выступлю, пока Тонатли не откроет ворота своим светлым лучам.

— Тогда иди, готовься к походу,— ответила, с трудом сдерживая слезы, Уалькацинтла.— А потом возвращайся ждать рассвет в объятиях той, чья душа полетит вслед за твоими войсками.

— Мы вместе принесем в жертву темистотонам двух горлиц,— ответил монарх,— как только появится на своем троне из черного дерева бледнолицая Местли и страшнет на землю жемчужины росы со своего синего покрывала. А потом мы вместе встретим Тонатли, ее лучезарного брата, и я не уйду, пока ты не споешь гимн в честь Уицилопочтли.

— Будет так, как сказал мой повелитель,— ответила Уалькацинтла и удалилась, отирая слезы, непрерывно катившиеся по щекам.

Куаутемок проводил ее любящим взглядом, пока она не скрылась в покоях сына, а затем, созвав высших военачальников, спокойно сделал последние распоряжения, касавшиеся выступления войск.

Тем временем близилась ночь, и ее темные тени, еще не рассеянные луной, находившейся на ущербе, окутывали мраком огромный город, казалось, поглощали все шумы и шорохи. Внезапно великому властителю сообщили, что какой-то масеуаль из граничивших с Тласкалой земель — а оттуда бежали многие люди, не хотевшие воевать,— настойчиво просит принять его, ибо, как он уверяет, должен сообщить важные новости своему уэй-тлатоани. Куаутемок велел тотчас впустить пришельца и принял его наедине в том великолепном зале, который мы уже описывали, впервые представляя читателям нашего героя.

Масеуаль шел к роскошной мягкой скамье, на которой сидел монарх, с такой горделивой непринужденностью, не свойствен-

ной простолюдинам, что удивленный Куаутемок вперил в него пристальный взгляд.

К монарху приближался молодой человек лет двадцати шести, высокий, мускулистый, прекрасно сложенный. Его продолговатое, с очень резкими чертами и темными бровями лицо было отмечено печатью сурового мужества; черные блестящие глаза глядели надменно и холодно. Весь его облик настолько не гармонировал с одеждой, что монарх не мог не заметить:

— Теуктли! Что заставило тебя предстать передо мной в чужом одеянии?

— Тлатоани Ацтекского царства! — ответил, не смутившись, лжемасеуаль. — Посмотри внимательней. Узнав меня, ты поймешь, почему я пришел к тебе в одежде твоих рабов.

— Я не могу вспомнить тебя, — сказал монарх, разглядывая его.

— И тем не менее, — ответил с гордой усмешкой незнакомец, — ты мог бы меня вспомнить, ибо я всегда сражаюсь лицом к лицу, — и с тобой, и с твоими людьми. Никогда я не показывал вам свою спину и не позволял приблизиться ко мне ближе, чем на длину своего копья.

Куаутемок вскинул голову, словно вдруг уловил удивительное сходство с кем-то, и, пригласив мнимого масеуаля подойти ближе, тихо сказал ему:

— В самом деле, мне кажется, что я вижу тебя не впервые. О теуктли, да не возвратят меня милостивые боги снова туда, где я тебя видел!

— Нет, то было счастливое время! — невесело заговорил незнакомец. — На благословенном поле боя сражались два храбрых народа, во имя своей свободы и славы! Тогда не бежали с земель Тласкалы ее именитые воины, чтобы не бесчестить себя позорной войной! Тогда, о тлатоани, тогда Теночтитлан не вооружал своих воинов, чтобы отомстить за невиданные оскорбления! И в Тласкале никогда не были желанными гостями враги ее богов, и никогда не стремилась моя родина заливать землю кровью своих сынов во имя защиты иноземцев!

Голос молодого человека дрогнул от волнения и прервался, его суровое лицо на мгновение исказила судорога.

Куаутемок, не менее взволнованный, ответил, протянув ему руку:

— И ты, достойнейший враг ацтеков! Ты, Хокотенкатль, сын Хикатлантли! Ты, главный военачальник и опора своей республики! Как ты можешь допускать бесчестие твоего народа? Как ты позволяешь вооружаться свободным людям, чтобы защищать тиранов? Как могут проливать свою кровь те, кто почитает богов, для того, чтобы сохранить кровь тем, кто надругался над богами? Теночтитлан направлял в Тласкалу своих послов, несших стрелы, опущенные наконечниками вниз, и звавших к примирению. Теночтитлан просил вернуть беглецов с его земель

и напоминал Тласкале, что оба наших народа вышли из колыбели Большого озера. Тласкала повернула вверх наконечники стрел и объявила войну своим братьям теми же устами, какими клялась в братстве сынам чужих земель, почитателям чужеродных богов!

— Я всего лишь воин,—ответил военачальник тласкальцев,—и не могу противиться Совету, отцу нашей республики. Ты думаешь, что Хикотенкатль в упоении танцевал на площадях своего города в тот день, когда Тласкала, как пьяная женщина, забыв о достоинстве и чести, потеряв голову, бросилась в объятия чужестранцев? Ты должен понять, тлатоани, что Хикотенкатль не мог ликовать в ту ночь, когда девушка, вышедшая из того же чрева, в котором зачалась и его жизнь, согреваемая той же кровью, которая бежит и по его жилам, была отдана на поругание одному из тех похотливых нечестивцев, которые, унижив сынов республики, позорили наших сестер? Представь это себе, властитель Ацтекского царства! Я произношу слова, которые жгут мне язык и рвут душу на части. Я сам видел то, о чем сказал, и еще кое-что, о чем не говорю. Я видел это, как ты своими собственными глазами видел могущественного монарха, которого заковали в цепи его вероломные гости... И как тогда тебя, меня сейчас испепеляет ярость, но я бессилён, ибо в моей стране мы так же подчиняемся Совету, как вы—своему верховному вождю.

От чувства неловкости, вызванного этим напоминанием, мертвело бледное лицо венценосного юноши, и, нарушив краткое молчание, он сказал Хикотенкатлю:

— Велики бывают испытания, которым подвергают боги верность своих подданных, и потому велика должна быть ответственность властителей. Судья, который превыше всех смертных судей, уже наказал Моктесуму, и когда-нибудь он накарает и Совет Тласкалы. Что касается тебя, ты показал свою твердую волю и честность, покинув родину, которая недостойна твоей помощи. Куаутемок раскрывает тебе объятия, и завтра Теночтитлан с радостью признает тебя своим сыном.

— Тот, кто родился в Тласкале,—ответил воин,—никогда не изменит матери. Если он видит ее бесчестие, то смывает ее позор кровью или слезами, но никогда от нее не отречется.

— Кровью, но не слезами,—ответил Куаутемок, вставая и крепко сжимая обеими руками руку Хикотенкатля.—Воин,—добавил он с горячностью,—едва первые проблески зари падут на землю, ты получишь войско и пойдешь с ним под моим гербом, чтобы изгнать из лона своей родины позорящих ее пришельцев.

— Тласкалец,—твердо ответил Хикотенкатль,—никогда не пойдет против Тласкалы ни под каким иным гербом, кроме тласкальского.

Куаутемок помолчал, потом, снова сжав руку собеседника, сказал:

— Я уважаю твои чувства, но эти слова не дают повода нашему царству отвергать такого именитого воина, который пришел искать у нас прибежище. Властитель Мичоакана осмеливается беспокоить нас, у Ацтекского царства хватит сил доблестно сражаться сразу в двух войнах. Ты получишь такое же большое войско, как то, которое я веду на Тласкалу, и пойдешь усмирять наглых тарасков.

— Тласкалец,— с еще большим пылом ответил республиканский военачальник,— сражается только за Тласкалу!

С удивлением посмотрел на него молодой монарх.

— Тогда,— сказал он,— чего ты хочешь от меня? Почему бежал из Тласкалы и переодетым явился в мои владения?

— Почему я бежал из Тласкалы? Разве ты меня не понял, ацтекский тлатоани? Тласкала не ставит ни во что целомудрие своих дочерей, утоляя похоть чужеземцев. Тласкала пятнает славу своих сынов, вооружая их для защиты нечестивцев. Тласкала идет сражаться против Ацтекского царства не за свою свободу, не за свою власть... За корыстные интересы хищных разбойников, за безнаказанность вероломных гостей!.. Хикотенкатль родился на свет не для того, чтобы его руками осуществлялись подлые замыслы чужих людей. Хикотенкатль покидает родную землю потому, что воздух, которым он там дышит, отравлен и удушлив; потому, что война, которая там затевается, постыдна и гибельна. Но Хикотенкатль — непримиримый враг врагов своей родины, будь то испанцы или ацтеки! Хикотенкатль, который не должен, не хочет, не может встретить твои войска под гербом своей опороченной родины, сам идет их искать в сердце твоего государства. Я пришел к тебе один, переодетый, безоружный, пришел, тлатоани, ни на что не надеясь, кроме твоего великодушия, без иной причины, кроме своего собственного отчаяния, подчиняясь лишь велению своей чести и храбрости. Я пришел попросить у тебя копье и клочок земли, где бы я мог вызвать на бой трех твоих самых смелых воинов, ибо не слабость духа и не страх заставили меня уйти с полей тех сражений, где будут биться мои соплеменники. Я и в другом месте сумею окрасить ацтекской кровью герб Тласкалы, стяги которой я покинул, потому что они прикрывают злодеев. Таково мое желание. Отвечай!

— Низко пало бы Ацтекское царство,— ответил монарх,— если бы послало своих воинов против одного славного военачальника, который хранит в своей душе древние высокие убеждения тласкальцев, тогда как тысячи обманутых и растленных сынов Тласкалы ныне вызывают наш гнев и выносят на суд бога Уицилопочтли свои злые намерения. Бог решит, кто прав: Тласкала или Ацтекское государство, но Куаутемок не видит врага в человеке прямом и отважном, который идет к нему без оружия, оплакивая бесчестие родины. Я дам тебе и копье, и землю, но не противников. Теперь ты должен искать их среди неверных и подлых друзей Тласкалы, а не среди ее благородных врагов.

— Подумай, о чем ты говоришь,— ответил военачальник-республиканец,— ибо, если ты решительно отказываешь мне в поединке, который я предлагаю, ты вынуждаешь меня вернуться туда, куда мне не хотелось бы возвратиться. Хикотенкатль не может уподобляться женщине, когда зовет война и льется кровь.

— Куаутемок признает врагами только тех, кто защищает иноземцев за рубежами Тласкалы.

— Значит, мы еще увидимся,— сказал Хикотенкатль.— Ты принуждаешь меня к этому, ибо не годится воину стоять в стороне, когда вступают в бой его соратники. Я предпочел бы найти могилу в земле Царства ацтеков, чтобы моя неблагодарная родина не дала бы ногам чужеземцев топтать мои останки, но ты мне в этом отказываешь!

— Я предлагаю тебе свое покровительство,— ответил монарх.— Я предлагаю тебе войско, которое с гордостью назовет тебя вождем, и даю владения, такие обширные и богатые, как у самых могущественных тлатоани царства.

— Сюда привела меня моя совесть, а не надежда на твои дары,— сухо заметил молодой военачальник.— Завтра ты выступишь против Тласкалы. Я уйду сейчас и буду ожидать тебя. Если в сражении проиграет моя родина, окажи мне одну милость, достойную твоего великодушия. Вели похоронить мой труп и громко скажи своим войскам: «Человек, покоящийся здесь, умер не ради того, во имя чего сейчас воюет Тласкала; он умер, чтобы своей кровью смыть ее позор». Если же, напротив, восторжествует счастливая судьба пришельцев и будут разбиты твои храбрые воины, я клянусь тебе, что проткну своим копьём и изрешечу всеми своими стрелами любого, кто осмелится сказать, что твоё поражение менее славно, чем наша победа.

Напрасно хотел удержать его монарх: после этих слов, быстро завернувшись в свой грубоотканый плащ, он исчез в одном из дворцовых коридоров, где его ждали ацтекские воины, чтобы вывести из монарших покоев.

— Масеуаль,— спросил по дороге один из них,— ты случайно не из Тепеаки?

— Ты — глупец,— высокомерно ответил переодетый вождь-тласкалец.— В побежденных и поработанных городах не остаются такие люди, как я.

Он быстро удалился, а изумленные воины строили самые разные предположения, кем мог быть этот неизвестный, чья осанка и надменность явно не отвечали его нищенской одежде.

Однако более поразительные вещи скоро отвлекли их внимание. Было около девяти часов вечера, час выступления войск был еще далек, а многочисленные тлатоани устремились во дворец и настойчиво просили, чтобы их принял монарх. Небывалое оживление говорило о том, что какое-то тревожное событие вывело жителей Теночтитлана из их привычного спокойствия. Число именитых вождей, спешивших во дворец, непрерывно

увеличивалось, и среди людских толп, собиравшихся на площадях, стали поговаривать, что, видимо, неожиданное и серьезное происшествие нарушило планы великого властителя.

Один высказывал предположение, что Тласкала испугалась, наконец решила заключить мир и выдать испанцев жаждавшему отмщения Теночтитлану; другой уверял, что правитель Мичоакана тотчас выступит с отрядами всех своих вождей-данников грабить Теночтитлан, как только великий властитель со своими войсками уйдет отсюда; а третий, несомненно опираясь на подозрения, внушенные появлением переодетого Хикотенкатля, сообщал не на шутку встревоженным слушателям как заведомо известное, что сам Эрнан Кортес находится в городе, облаченный в потрепанное платье бедняка-масеуала.

Истинную же причину волнений народ еще не знал, но мы поведаем о ней нашим терпеливым читателям в следующей главе.

IX

ЭРНАН КОРТЕС В ТЕСКОКО

Испанский военачальник не мог сидеть и спокойно ждать окончания строительства своих судов. Как ни велико было старание работников, дело не могло завершиться так скоро, как того требовал нетерпеливый характер каудильо, и, получив подкрепление в лице солдат, прибывших в Веракрус еще на одном корабле с военным снаряжением, Кортес счел свои силы вполне достаточными, чтобы захватить Тескоко, где, как он думал, еще правит его ставленник Куикуицат. Несмотря на эти благоприятные для его намерений обстоятельства — ибо Кортес не сомневался в своем предположении, — он не решился выйти из Тласкалы без ее войска. Тласкала же охотно дала ему людей, ибо предпочитала вести войну на территории ацтеков, а не на своей земле. Совет, зная, какую огромную силу выставил ацтекский монарх против «республики», не без удивления, хотя и с радостью встретил смелое решение испанского военачальника, отнюдь не разделявшего их опасения, опередить ацтеков и с ходу овладеть Тескоко — вторым по значению городом Ацтекского царства.

Приготовления были недолгими, и все складывалось в пользу Кортеса, который, казалось бы, предусмотрев и продумав все детали, направился к Тескоко в тот самый день, когда воины Тескоко со своим вождем-властителем вышли оттуда по направлению к Теночтитлану, чтобы соединиться с войсками Ацтекского царства, шедшими к Тласкале.

Несмотря на двукратное подкрепление, неожиданно и своевременно усилившее испанское войско, последнее насчитывало не

более тысячи солдат, включая артиллеристов, всадников и пехотинцев. Однако все они были прекрасно вооружены, дисциплинированы и полны желания сражаться. В качестве вспомогательной силы с ними шли десять или двенадцать тысяч отборных тласкальских воинов во главе с опытными военачальниками.

Совет Тласкалы также обещал всячески помогать испанским корабелям, оставшимся строить бригаантины, и обязался, дав торжественную клятву, присылать Кортесу по мере надобности дополнительные отряды, остававшиеся в Тласкале под командой Хикотенкатля, чей побег еще не был замечен.

Таким образом, союзные войска покинули пределы «республики», окрыленные самыми радужными надеждами, успокоенные обещаниями Совета Тласкалы и вдохновленные отвагой своего каудильо, который шел на великую битву с таким непоколебимым спокойствием, словно отправлялся на рыцарский турнир.

При переходе границы им встретились отдельные ацтекские отряды, пытавшиеся остановить захватчиков, но ацтеки были наголову разбиты, ибо оружием и числом силы Кортеса значительно превосходили их. Из ацтекских отрядов не осталось в живых ни одного воина, никого, кто мог бы доставить в Теночтитлан тревожную весть о вторжении, и Кортес без помех продолжал свое шествие.

Однако отдельные беглецы, земледельцы из оставшихся позади селений, сообщали о продвижении врага в более крупные поселения, откуда новость долетела и до Тескоко, который, не теряя времени, выставил небольшой вооруженный заслон из оставшихся в городе отрядов. Но этого было явно недостаточно: в первой же конной атаке Кортес смял отважных, но весьма малочисленных тескоканцев и дерзко вторгся в Тескоко.

Едва ли соответствует истине то, что, несмотря на свою ненадежную оборону, так легко мог сдаться на милость неприятеля город славного Холотля¹, устоявший против множества врагов, веками его осаждавших, прельщенных его красотой и завидовавших его славе. Вероятнее всего, Кортес добился победы, такой легкой для него и такой постыдной для тескоканцев, в результате сыгравших роковую роль внутренних раздоров, которые придали ему уверенность и открыли ворота этого древнего города, одного из трех столпов Ацтекского царства.

После того как Коанакоцин с приверженным ему войском отправился из Тескоко в Теночтитлан, город остался во власти двух других родовых объединений, сплотившихся после того, как Моктесума устранил Какумацина. Одно из них, поддерживавшее Куикуицкатля и затем отступившее под напором другого, которое признало законную власть Коанакоцина после смерти несчастного воздыхателя Текуиспы, в ту пору не было столь силь-

¹ Холотль — вожь-властитель чичимеков, основавший Тескоко в XII в. в качестве главного поселения своих владений.

ным, чтобы открыто поднять мятеж против нового властителя, за которым шли не только войско и большая часть знати, но также и сам ацтекский монарх, который помог Коанакочину взойти на трон Тескоко. Однако мятежная «партия» отнюдь не оставляла надежд на перемены и была полна решимости не упускать ни малейшей возможности, чтобы привести к власти самого младшего сына Нецауальпили, брата Куикуицата по матери и такого же, как последний, слабохарактерного и, казалось бы, податливого, что отличало этих двух братьев от их строптивых и любящих пышность сводных старших братьев — погибшего Какумацина и его законного преемника Коанакота, — рожденных первой женой Нецауальпили, сестрой Моктесумы.

Самый молодой властительный вождь Тескоко стремился встать во главе мятежников после смерти Куикуицата и, узнав о приближении испанцев, ставленником которых был преданный им и убитый Какумацином Куикуицат, решил, что наступил самый подходящий момент для исполнения своего желания и до поры до времени скрываемых намерений. Таким образом, пока знатные люди Тескоко, ожидая помощи со стороны Теночтитлана, куда были посланы гонцы, старались с достойной похвалы расторопностью, хотя и в полной растерянности, собрать новое войнство, чтобы защищать город до последнего вздоха, сторонники младших сыновей Нецауальпили (от второго брака) быстро подготовили восстание, которое привело теперь уже в полнейшее замешательство городских сановников. Мятежники перехватили гонцов в Теночтитлан, расправились с немногочисленным городским гарнизоном, заперли в их собственных домах знатных людей, которые после «дворцового переворота» сами разбежались по темным углам во имя сохранения жизни. Отнюдь не опасаясь проявлений недовольства со стороны испуганного населения, мятежные вожди прошеествовали по главным улицам Тескоко, прославляя своего нового властителя и радушно встречая Эрнана Кортеса: некоторые главы восставших несли герб Тескоко не впереди, а сзади отряда, что означало самые мирные намерения, и пели радостные гимны.

Союзные испано-тласкальские войска, сохранявшие боевой порядок и продвигавшиеся довольно быстро, выслали вперед лазутчиков, которые, вернувшись, сообщили, что, по всей видимости, их ждет весьма миролюбивый прием со стороны властителя земли Аколуакан (со столицей в Тескоко), их старого друга, ибо все испанцы думали, как мы упоминали, что здесь еще правит узурпатор Куикуицат. В самом деле, тескоканские теуктли встретили испанцев с опущенными вниз стрелами и приветствовали от имени своей земли с нижайшей просьбой сделать их союзниками и взять под свое покровительство.

Они по-своему объяснили Кортесу причины смерти Куикуицата; сообщили о короновании Коанакота, которого обвинили

в братоубийстве и незаконном захвате власти, и всячески утверждая законность права младшего сына Нецальуальпилли на трон, требовали для него поддержки со стороны императора Карла, которого новый вождь-властитель Тескоко, по заявлению его сторонников, считает своим единственным господином, а себя — его данником.

Кортес от имени своего императора торжественно провозгласил испрошенное покровительство; выразил соболезнование по поводу трагической судьбы своего друга Куикуицата, которого, как когда-то, снова объявил законным властителем Тескоко, и своей честью поклялся наказать его убийцу Коанакота.

Мятежники с ликованием ввели захватчиков в город, но Тескоко был пуст. Большая часть жителей бежала оттуда вместе с властительной Оталицей, и испанцы встретили там в основном отряды местных бунтовщиков, разорявших покинутые жилища своих же теуктли.

Пока беглецы распространяли в Теночтитлане неожиданные страшные вести о постигшей Тескоко беде и, как мы видели, сеяли тревогу среди ацтекской знати, Кортес не терял времени даром, закрепляясь в Тескоко. Послушное орудие его политики — мятежная «партия» — провозгласила вождем-властителем Тескоко юного брата Куикуицата, отпраздновав и его коронавание, и его крещение, ибо Кортес обещал ему свою дружбу при одном непременно условии: отказаться от поклонения идолам и принять религию Иисуса Христа. Властитель и его окружение согласились на все требования. Сын Нецальуальпилли стал отныне называться Фернандо Кортес, взяв имя (и фамилию) своего покровителя, признав его Бога и его законы, и призвал всех данников своей земли Аколуакан поклясться в вечной верности новому божеству и новому великому тлатоани.

Кортес, со своей стороны, не замедлил разместить испанские гарнизоны во всех крупных селениях этой земли; распорядился, чтобы индейцы очистили каналы и устья ручьев, впадавших в озеро, дабы спустить на воду будущие бригантины, и, наконец, направил гонцов в Тласкалу с радостной вестью о своей бескровной победе.

Судьба в самом деле была к Кортесу удивительно милостива и, напротив, никогда не обходилась так жестоко ни с одним монархом, как в ту пору с властительным юным вождем, который только что взшел на трон Ацтекского царства.

В конце предыдущей главы мы обратили внимание на многих встревоженных тлатоани, которые спешили во дворец к Куаутемоку сообщить ему нечто невероятное: враг вступил в Тескоко. Молодой властитель с трудом верил в успех подобного рискованного предприятия, однако Коанакот, который убедился в истинности трагического происшествия, выслушав рассказ своей супруги и бежавших с ней жрецов, буквально рычал от ярости и старался убедить великого властителя в справедливости слухов.

— Напрасно, уэй-тлатоани,— говорил Коанакот,— напрасно ты ищешь подтверждений своим сомнениям. Твоя отчаявшаяся сестра бежала сюда среди темной ночи, чтобы найти прибежище у меня на груди; теописки, покинув храм, лежат здесь, сраженные горем и усталостью, у дверей моего дворца; многочисленные беглецы из Тескоко бродят по ближайшим селениям и свидетельствуют, к нашему несчастью, о дерзком вторжении, в которое никак не может поверить твой разум. Беглый преступник с востока — хозяин во дворце моих предков!.. Город, основанный Холотлем, служит логовом этим ягуарам, которые еще не утолили голод, хотя по горло насытились золотом и кровью ацтеков! Почему мы медлим здесь, как глупцы, когда нас оскорбляет Мичоакан, когда над нами насмехается Тласкала, когда нас унижает Кортес? Почему мы позволяем ему безнаказанно хвалиться своей храбростью у самых ворот столицы Ацтекского царства? О чем ты думаешь, великий властитель, имея такое несметное войско, собранное для усмирения Тласкалы, когда Тласкала, повинувшись зловещим призывам врагов наших божеств, издевается над нами и рушит троны Ацтекского царства? Может, мы бережем своих воинов, чтобы они оплакивали наше бесчестие вместе с нашими женами?

— Ты напрасно горячишься, вождь-властитель Тескоко,— с раздражением сказал юный Нецальк.— В чем слабость великого властителя и его вождей-данников, в которой ты нас упрекаешь? Никогда еще ни один человек не произносил имени Куаутемока иначе, как с восхищением или со страхом. Ацтекские тлатоани, все, кто находится сейчас перед великим властителем, скажите громко: видели вы когда-нибудь, как бледнеет лицо Куаутемока с приближением врага? Есть ли у кого-нибудь причины для сомнений в твердости его характера и силе духа?

Взгляды присутствовавших невольно обратились в сторону монарха, но — странное дело! — лицо молодого властителя, такое невозмутимое при встрече с опасностью, такое гневное в минуту обиды, теперь, казалось, опровергало слова младшего брата и бывшие подвиги своей недлинной, но славной жизни. Глубокая бледность разлилась по его щекам, под глазами обозначились большие синие круги, бескровные губы нервно подергивались, весь вид его выражал слабость и подавленность.

Страшная тишина с минуту царил в зале. Люди ошеломленно взирали друг на друга, чувствуя, что их охватывает то же непонятное оцепенение, в котором пребывал их монарх, а тем временем первые проблески зари, слабо отражаясь от беломраморных стен большого зала, еще отчетливее осветили странно изменившийся облик монарха.

Послышался невнятный, но выразительный ропот, и тогда, словно очнувшись от глубокого забытья, встрепенулся Куаутемок и обвел грозным взором окружающих его вождей.

— Кто здесь,— сказал он дрогнувшим, но властным голосом,— кто здесь теряет время на бесполезные советы, тогда как

враг топчет копытами своих лошадей древние владения Нецау-алькойотля?

Его ослепил свет рождавшегося дня; прикрыв глаза, тряхнув головой, он вдруг заговорил с неожиданной горячностью:

— Бог Тонатиу уже открывает ворота востока, великодушная Тласкала сократила нам путь наполовину и хочет удобрить своей кровью поля Тескоко. К оружию, ацтекские воины! Выше копье, сын Нецауальпилли! Тени твоих далеких предков, героических чичимекских вождей, восстают из своих могил, требуя отомстить дерзким пришельцам, которые бесчестят их трон! И боги твоих отцов вызывают с оскверненных алтарей, чтобы мы наказали нечестивцев, которые возносят туда своих чужеземных богов! Скорее, поспешим! К солнечному свету! Мои глаза, ослепленные оскорблением, не видят солнца, но они обретут свою зоркость, как только их омоет испанская кровь! Мое копье! Живое, мое копье!.. Где мои войска? Пусть грохочет раковина войны!.. Прекратите этот свист, который ранит мой слух и холодит сердце! Огня! Огня! Разжечь огонь! Костры для мертвых покроют весь берег озера! А сейчас царствует холод ночи... как холод смерти.

Заметным усилием воли Куаутемок сжимал челюсти, чтобы не стучали зубы; старался держаться прямо, чтобы не подгибались колени. Но тяжелые горячие слезы ползли из-под посиневших век, увлажняя лицо, то вспыхивавшее, то становившееся мертвенно-бледным; отрывистая речь заставляла людей думать, что его разум начинает мутиться.

— Они околдовали его! — с ужасом сказал вождь-правитель Хочимилько.

— Боги его лишили рассудка, как Моктесуму! — со вздохом заметил тлатоани из Сопанко.

— Это гнев рвет ему сердце! — воскликнул Нецальк, хотя не слишком уверенно. — Мой брат в своем уме и колдовству не подвластен. До того, как сверкнет молния, небо всегда покрывается темными тучами. Так и великий властитель укрепляет свой дух перед тем, как утолить наши души мстью, которую он замыслил.

Куаутемок снова опустился на трон, склонившись, как человек под гнетом огромной тяжести, но тут же встал и отдал приказ к выступлению, повторив, что сам пойдет во главе войск.

Хотя все видели его телесную немощь, он распоряжался с такой уверенностью и здравым смыслом, что вожди решили подчиниться ему и уже пошли было выполнять его повеления, когда, после огромного напряжения воли, последние силы оставили великого властителя, и он рухнул наземь, сотрясаясь от конвульсий.

Мгновенно притих в растерянности дворец, а затем и весь город. Прибежали взволнованные дочери Моктесумы, покои монарха заполнили лекари. Куаутемок, не приходя в сознание, бился в страшной лихорадке; несколько раз, очнувшись, он сла-

бым голосом требовал свое копьё и пытался вырваться из рук людей, удерживавших его на ложе. Но вскоре вновь ослабевал и впадал в забытие, порой — в глубокий обморок.

Лекари терялись в догадках относительно его внезапной болезни. Убитая горем Уалькацинтла видела в этом знамение небесное, указывавшее, что на ее несчастного супруга обрушился страшный гнев божеств. Вожди-данники полагали, что отравленное питье, поданное тайным врагом, сразило молодого монарха. А воины-стражи, которые недавно впустили во Дворец странного масеуаля, распространяли слух, что посланец Кортеса или сам Кортес проник сюда переодетым, дабы напустить злые чары на многострадального властителя.

Однако несколько часов спустя было отмечено странное явление: почти одновременно тот же самый недуг, который одолел Куаутемока, поразил более ста известных теуктли, а кроме того, обнаружилось, что несколькими днями раньше это заболевание проникло и в стан воинов. Тело больных покрывалось крупной сыпью, потом нарывами, а лекари говорили, что такие же язвы свели в могилу Куитлауака.

Действительно, сомнений больше не было. Смертоносная эпидемия оспы (самая страшная инфекция, которую занесли конкистадоры в эту злосчастную страну!) начала распространяться по Теночтитлану с ужасающей быстротой, и молодой монарх стал одной из ее жертв.

Жестокая судьба, выпавшая на долю индейских народностей, послала в союзники Кортесу еще и беспощадную болезнь. И пока удачливый каудильо наводил свои пушки на ацтекскую столицу, смерть, укрывшись в ее лоне, тихо и стремительно собирала свою жатву, тем самым, однако, обороняя город.

Х

ЭПИДЕМИЯ

Страшен вид пораженного эпидемией города! Ничто не оставляет более ужасного впечатления!

На поле брани, где плавают в крови обезображенные трупы, людской трагизм ощущается во всей его полноте, но трагизм высокий, дышащий недавними страстями: там и сям руки еще сжимают клинки, лица еще выражают ненависть, кипящая кровь еще клубится яростью, но воздух не отравлен ядом. Чудится, будто эти мертвецы — меж своих военных трофеев, в клубах порохового дыма — провозглашают своим красноречивым молчанием власть бесстрашия, геройство отваги, ничтожность жизни, торжество смерти!

Но как печальна и жалка бескровная гибель людей, глетворное поражение! Город, ставший огромным кладбищем, где

громоздятся синие, раздувшиеся, зловонные трупы, где вместе с воздухом, несущим жизнь, вы вдыхаете неприметные флюиды смерти, где затем лишь открываются дома, полные леденящим душу ужасом и молчаливым горем, чтобы можно было вынести наружу останки их бывших хозяев, где на пустых улицах вы увидите лишь тех, кто тащит умершего,— таких же желтых, как мертвец, где слышите лишь скорбное звучание голосов в храмах, тоскливую мольбу, возносящую отчаяние сердец к непроницаемому небосводу... Горести, лишенные всякой героики. Ужасы, не вызывающие возвышенных чувств!

Вы видите только ничтожность человека без упоения его борьбой за жизнь! Вы ощущаете десницу Божью, но без всякой надежды узнать, будет ли здесь победитель!

Теночтитлан, пораженный черной оспой, являл собой именно такое безотрадное зрелище, которое мы представили выше.

Ацтекские медики, которых можно сравнить лишь с арабскими по их глубоким знаниям свойств лекарственных растений, эти медики, неизвестные миру изобретатели паровой бани, чудесно избавляющей от многих болезней и способной своим целебным эффектом устыдить наших современных эскулапов, напрасно старались ставить препоны экзотической заразе, быстро летевшей по землям Анауака. Чудотворные бальзамы, от которых в один день рубцевались глубокие раны и застарелые язвы (в частности, один лекарь из Тласкалы быстро вылечил таким бальзамом опасную рану у Кортеса.— *Авт.*), не помогали против этой страшной сыпи, которая метила неизгладимыми оспинами лица своих жертв, отнимая у них красоту в обмен за подаренную жизнь. Самые верные средства не справлялись с жаром, который уступал только холоду смерти.

Страх заполонил все души. Сановники и советники монарха совсем пали духом от трех постигших столицу бедствий — болезни великого властителя, распространения таинственной хвори и близости вражеских войск — и почти потеряли возможность следить за ходом дел в государстве: торговля прекратилась, ибо все ацтекские владения прервали связи с зараженным городом; сельское хозяйство пришло в упадок, ибо земледельцы бежали с полей, которые не могли насытиться трупами. Везде виднелись заброшенные земли, опустевшие мастерские ремесленников; весь уклад жизни был нарушен, и сквозь болезни и запустение голод стал показывать свой грозный мертвенный лик.

Великолепная площадь Тлателолько лишилась своих торговых лотков, и в один прекрасный день на ее огромной территории толпы голодных масеуалей не могли найти даже куска дешевого хлеба-касабе¹.

Всеобщее волнение усиливал страх по поводу того, что государство может снова осиротеть, поскольку опасения за жизнь

¹ К а с а б е — хлеб из молотой юкки. В настоящее время выпекается в основном на юге Мексики.

Куаутемока не рассеялись даже после того, как миновал жестокий кризис. Неведомая, не поддававшаяся никакому лечению болезнь оставила на лице молодого властителя свои отметины; к тому же тяжелое душевное состояние, в которое его ввергал недуг, пригвоздивший к жаркому ложу, а также близость ненавистного, похвалившегося своей удачей врага у самых ворот столицы, безусловно, не способствовали быстрому восстановлению здоровья, заставляя много недель испытывать жестокие муки.

Но страдания Куаутемока на этом не кончились. Судьба готовила ему новое мучительное испытание, способное сломить самый твердый дух. Он смотрел, как многие сутки боролась со смертью его нежная супруга, ранее проводившая дни и ночи у его изголовья, он видел, какие муки терпел заразившийся от матери маленький сын, его отрада. И, едва отступив от края могилы, он снова в отчаянии ринулся к ее краю, вслед за своими самыми дорогими существами.

О, сколько несказанно тяжелых часов провел он тогда, едва живой, рядом с близкими сердцу людьми, которые так страдали и в глазах которых — зеркале его счастья — напрасно старался он уловить отблески любви! Сжигаемые лихорадкой, ослепленные страшной болезнью, они не видели света, который хотела отнять у них вечная ночь могилы.

Три дня были особенно страшными, три дня, когда каждый момент люди ожидали последнего вздоха матери и ее сына. К исходу третьего дня кризис достиг остроты: все понимали, что ночь станет решающей.

Какой же невыносимо тяжелой была эта ночь!.. Солнце тонуло в пепельных и кровавых тучах, прикрывавших его черными сумерками. Тишина обреченности царил в первые ночные часы, затем в горах прокатился рев урагана и дикий яростный ветер, оторвавшись от их вершин, понесся по земле с оглушающим воем, сметая все на своем пути.

Страшным был этот воющий вихрь в обезлюдевшем городе, где, как склепы, стояли запертые дома; где в глубоких канавах, как на кладбище с незарытыми могилами, лежали трупы; где лишь редкие крики просивших хлеба нагих или оборванных тамемов и масеуалей сливались с пронзительным свистом бури.

Как нельзя лучше эту мрачную картину дополняла едва рисовавшаяся во тьме черная громада монаршего дворца — тяжелая, величественная, печальная. Ни шаги стражи, ни малейший шорох не нарушали его унылого покоя. Замерли в молчании властительные вожди и другие тлатоани, стоявшие у дверей монарших покоев, и ждали приговора судьбы семье великого властителя.

У супружеского ложа, которое могло стать смертным одром, возле больной супруги Куаутемока сидели подавленная горем Миасочиль, порывистая Текуиспа, нежная Оталица, ее молодой муж Коанакот, гордый Нецальк и его красавица жена

Теуитла. Они не спускали глаз с двух придворных лекарей, которые, стоя неподвижно у изголовья, терпеливо ждали исхода.

Среди белых покрывал, устилавших широкое ложе, виднелось обезображенное язвами, но не утратившее своих прекрасных черт лицо Уалькацинтлы, а рядом — головка Учелита с разметавшимися черными, как агат, волосами.

Подле них на коленях, скрестив руки на груди, стоял Куаутемок, бледный, осунувшийся, с заострившимся лицом, и, подавляя стоны, то и дело прикасался губами к любимым лицам, пылавшим от жара.

Все молчали. Часы гянулись с невыносимой медлительностью, однако страшная и ожидаемая минута все же близилась. Была уже полночь, ураган свирепо завывал, но во Дворце стояла глубочайшая тишина: наступал решающий миг.

Прошло еще несколько минут напряженного немого ожидания и одновременно шумного буйства природы. Затем молчаливые люди очнулись от летаргии, а ветер, напротив, стал умерять свою ярость. Четыре часа спустя взошло солнце, ясное и сияющее на небе, очищенном бурей. Ветер унесся, развеяв своими крылами смертоносные миазмы эпидемии. Уалькацинтла и Учелит спаслись от смерти, а Теночтитлан — от своего проклятия.

— Мать Бога моего Веласкеса сотворила это чудо, — сказала юная Текуиспа. — Я поставила ее образ к изголовью больных, и Уалькацинтла с сыном вернулись к жизни. Мать Бога моего Веласкеса зовется «Спасительница всех болящих» — так говорил мой любимый.

— Попроси же, дочь Моктесумы, — воскликнула Оталица, — чтобы она вылечила мое сердце; оно очень болит.

— Нет, она может вылечить еще от семи великих мук, — ответила девушка, — а такие болезни она не лечит. Ты думаешь, я пролила бы столько слез, если бы мать Бога моего Веласкеса... если бы ее образок на моей груди мог мне помочь? Но посмотри, Оталица, на лице Святой Девы слезы, которые никогда не высыхают. Значит, она страдает за тех, кто плачет. Ее еще называют Дева Долорес, то есть — Дева скорби.

— Ты, как и она, — Дева скорби, — сказала, вздыхая, сестра Куаутемока, — и в своих слезах хранишь верность, в которой поклялась своему возлюбленному. Моя же участь достойна большей жалости, я не отвергаю ласк мужчин и тем оскорбляю прах того, кто заставлял меня трепетать от любви, когда мои груди лишь начинали созреть. Нет, я не жалею, — добавила она, бросив взгляд на мужа, стоявшего неподалеку. — Я не жалею на судьбу, ибо чувствовала бы за собой вину, если бы не захотела ответить на нежные чувства Коанакота, и, когда я говорю ему: «Я твоя и буду тебе верной женой», черная ложь не марает мои губы.

— Уаско прощает тебя, — ответила Текуиспа, — потому что твое замужество доставило радость двум великим землям: твое чрево подарит Тескоко властителей, красивых и честных, как ты, и храбрых, как Коанакот. Я не могу идти твоим путем, ибо

Веласкес мне поклялся однажды, что его Бог совершит наш брак на небесах, когда я покину мир людей, и поэтому я должна оставаться девственной.

— Счастливая ты! — сказала ей юная властительница Тескоко. — А теперь пойдём, помолимся в одиночестве, ибо мать чужеземного Бога отвела смерть от супруги великого властителя, и Куаутемок может немного отдохнуть возле нее. Пойдем, поставим курильницу с текопальи у образа, который ты любишь, и поплачем вместе с этой Девой за убитых.

— Я всегда готова плакать, но послушай меня, супруга Коанакота: сегодня счастьем светило солнце на небе, его лучи снова затеплили жизнь в груди моей сестры. Сегодня нельзя плакать, надо наряжаться и украшать себя цветами.

— У меня нет цветов, Текуиспа: те, роскошные, что цветут на моей родной земле, уже принадлежат Теуитле, супруге вожда-властителя Такубы, а те, что растут во владениях моего мужа, растоптаны ногами врагов-пришельцев.

Беседа подруг была прервана громким шумом, поднявшимся на площади. Ослабевший после болезни Куаутемок, едва оправившийся от переживаний этой мучительной ночи, тем не менее встал с колен и, опираясь на руку Нецалька, пошел от ложа жены к дверям узнать причину переполоха.

Навстречу ему уже спешил один из сановников и вымолвил в смущении:

— Уэй-тлатоани, боги облагодетельствовали тебя, вернув к жизни супругу и сына, но наслали на тебя другую беду. Малинче и его люди завладели Истапалапой.

— Нецальк! — воскликнул монарх. — Нетерпение моего сердца не может дать мне сил, взятых у меня болезнью, но неужели ты позволишь этому нечестивцу безвинно оскорблять нас своею наглостью?

Нецальк переложил руку Куаутемока на плечо сановника и ответил:

— Места расположения твоих войск стали полями, где царит зараза, унесшая много храбрых воинов, но все равно! До того как солнце скроется за горами, твой брат заставит дерзких грабителей вернуть их новую добычу.

Сказал и побежал собирать войско из тех, кого пощадила болезнь, чтобы поспешить на помощь городу Истапалапе.

Не успело солнце войти в зенит, как он, сурово нахмурившись и горделиво выпрямившись, уже выходил из Теночтитлана во главе многочисленных отрядов. Коанакот шел за ним следом, тоже с немалым войском. Он твердо решил — об этом говорило его волевое лицо — не опускать копы, пока не покарает смертью тех, кто захватил его владения. Однако на полпути они встретили гонца из Истапалапы и узнали, что противник оставил город.

В самом деле, напористость и храбрость испанцев на сей раз уступили яростному отчаянию индейцев. Напрасно испанские

солдаты так жестоко расправились с воинами Истапалапы, напрасно беспощадный каудильо люто разделался с героическими защитниками города и запятнал зря пролитой кровью свою новую победу: жители Истапалапы, которые решили предпочесть гибель позорному рабству, среди ночи разрушили дамбы, изрыли канавы дороги, и почти затонувший город чуть не стал братской могилой для победителей, если бы, благодаря неусыпной бдительности Кортеса, вовремя не была обнаружена опасность и испанцы не спаслись бегством, оставив сзади полузатопленные дома.

Однако такое отступление не могло обойтись без потерь. Солдаты, не умевшие плавать, утонули; порох отсырел, промокшие и дрожащие от холода — ибо был январь месяц, — преследуемые истапалапцами, которые проклинали их на чем свет стоит, испанцы пустились в обратный путь к Тескоко, обескураженные и недовольные.

Но не только эта неудача подвергла испытанию их стойкость. Узнав о поспешном отходе испанцев, вожди-правители Коанакот и Нецальк устремились со своими войсками им наперерез и, настигнув вражеские части почти у самых ворот Тескоко, набросились на них с неистовой злобой.

Нужно было все самообладание и здравомыслие испанского каудильо, чтобы с честью пережить катастрофу. Усталые лошади, измученные люди, не имеющие возможности применить огнестрельное оружие и окруженные противником, который все более ожесточался, чувствуя свое превосходство... Кортес понял, что найти спасение можно было только в Тескоко, и приложил все силы, чтобы вернуться в этот город.

Однако задача была не из легких: индейцы, сражаясь с бешеной яростью, граничившей с безумием, перекрыли дорогу. Каудильо обрушил на них остатки своих эскадронов и, подбадривая кавалерию призывами и личным примером, еле пробился сквозь полчища индейских воинов, открыв путь своей пехоте к городским воротам, хотя индейцы буквально шли по пятам и не прекращали резню, пока пехотинцы Кортеса не укрылись в Тескоко.

Нецальк и Коанакот не сочли себя достаточно сильными, чтобы попытаться тут же изгнать испанцев, и, расположившись лагерем на некотором расстоянии от города, послали гонцов в столицу Ацтекского царства с просьбой прислать свежие войска, чтобы в конечном итоге исполнить свой замысел.

XI

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Гибельна слепота тех народов, которые, будучи разобщены несхожим мировосприятием, ослаблены внутренними раздорами, прибегают к вмешательству чужеземцев в надежде на лучшее!

Политика никогда не бывала бескорыстной, никогда не поступались собственными интересами народы, которых призвали решать чужие дела.

Нет, не помогли бы Эрнану Кортесу ни его блестящий ум, ни безудержная отвага, ни политическое чутье, ни счастливая судьба, ни храбрые испытанные солдаты-авантюристы, ни превосходство в вооружении и воинской дисциплине, ни преимущество над индейскими народностями в некоторых областях знаний — ничто не помогло бы испанскому каудильо подчинить эту могущественную Конфедерацию, которая дала трещины в своем основании уже тогда, когда он впервые ступил на песок этих чудесных берегов. Увы, внутренние распри подточили фундамент объединения городов-государств, и, чтобы нанести последний удар, который заставил бы рухнуть все здание, нужно было опереться именно на этот внутренний разлад, который губил эти земли.

Вернувшийся в Тескоко после своей неудачной экспедиции в Истапалапу, Кортес был с ликованием встречен там правившими мятежниками тескоканцами, которые устроили народные торжества. Затем они предложили Кортесу для подкрепления его войска столько индейских воинов, сколько можно было собрать в городе.

Однако чужеземный военачальник не проявил особой радости: он жаждал обрести новых союзников в городах, лежавших вокруг озера, и послы из Тескоко, исполняя его желание, разъехались по окрестностям, возвещая о приходе доброго покровителя вождей-данников и спасителя народов.

Усилия эти не пропали даром. Черная оспа сделала вакантным трон города-государства Чалько, и его стали оспаривать два молодых теуктли, родственники покойного правителя. У обоих уже собралось немалое количество сторонников, и вот-вот готова была вспыхнуть междоусобная война, когда тескоканские эмиссары испанского конкистадора явились в эти владения, восхваляя справедливость и мудрость их чужестранного союзника, распространив весть о мирных намерениях Кортеса и объявив его единственным судьей, достойным беспристрастно и честно решить возникшие споры.

Каждый из двух претендентов на власть в Чалько считал свои права законными и, без сомнения, рассчитывал на решение дел в свою пользу со стороны появившегося тут объективного третьейского судьи. Каждый из них опасался, и не без оснований, что властитель Ацтекского царства, у которого были свои причины для недовольства ими обоими, постарается найти еще одного претендента, который, имея одинаковые с ними права и заручившись поддержкой самого монарха, будет терпеливо ждать исхода их борьбы, что побуждало обоих соперников опасаться его еще больше.

При таких обстоятельствах вмешательство Кортеса, как им казалось, не стоило отвергать. И обе враждовавшие стороны

согласились вынести свой спор на суд этого военачальника. Изъявив готовность принять предложенный им союз и принеся свои извинения за то, что сражались против испанцев, оба знатных вождя из Чалько отправили к Кортесу посланцев с богатыми подарками и специальным наказом испросить для них у нового союзника торжественную аудиенцию, где бы оба претендента на пустующий трон Чалько могли услышать мудрый приговор.

Кортес, как и следовало ожидать, быстро облачился в судейскую мантию и сумел отпустить с миром обе стороны, разделив владения города Чалько на две независимые области со своим вождем-правителем в каждой из них, с условием, что оба вождя подчиняются императору Карлу, от имени которого Кортес обещал августейшее покровительство обоим новым вассалам.

Вождь-властитель Тескоко отдал должное сему справедливому решению, и, поскольку обе заинтересованные стороны тоже были весьма довольны, Кортесу вскоре выразили свои дружественные чувства и другие тлатоани, почему-либо недовольные Куаутемоком и приверженные вождям-правителям земель Чалько. Одним из представителей этой части знатных людей был вождь-правитель Отумбы женатый на одной из сестер Моктесумы и прямой потомок (по мужской линии) верховного вождя ацтеков Ицкоатля¹, он считал себя бесспорным преемником последнего погибшего монарха и питал давнюю ненависть к прославленному юноше, заполучившему ацтекский трон. Другим врагом Куаутемока был тлатоани, правитель одного из городков у озера, двоюродный брат нового вождя-властителя Тескоко и возлюбленный девы из древнейшего рода вождей Чалько. Этих обстоятельств было достаточно, чтобы оба последовали примеру правителей Тескоко и Чалько: они заключили мир с Кортесом, признали свою вассальную зависимость от испанского суверена и, таким образом, заручились полезной им дружбой.

Ацтекские войска под командой властительных вождей из Тескоко и Такубы не могли оставаться в бездействии, прослышав о том, что их обманутые соплеменники предоставляли врагу на таких позорных условиях явную поддержку, с которой нельзя было мириться.

Не дождавшись помощи от Теночтитлана для эффективной осады Тескоко, Коанакот и Нецальк, поделив войска, направились к Чалько, Отумбе и Мескике, чтобы покарать правителей этих городов за союз с врагом царства. Но едва Кортес узнал об этих маневрах ацтекских отрядов, он послал нескольких своих капитанов и тласкальское воинство вместе с частью арбалетчиков и кавалеристов на помощь новым союзникам, переманивая на свою сторону селения вдоль дороги к Тласкале, чрезвычайно нужной испанцам для свободного сообщения с «республикой».

¹ Ицкоатль — четвертый верховный вождь ацтеков, правитель Теночтитлана (ум. в 1436 г.)

Ацтекские войска, однако, не отказались от своих намерений, хотя и узнали о подходе вражеских отрядов к владениям изменников. Отважно бросились ацтеки навстречу капитанам Сандовалью и Луго, командовавшим вспомогательным войском Кортеса, и бились с таким неистовством, что одно время чаша весов фортуны заколебалась, однако успех выпал на долю ее фаворитов: войска царства должны были отступить, а Сандоваль и Луго, ободрив своим присутствием города, которым угрожали ацтеки, и направив письмо Кортеса в Веракрус с просьбой к губернатору послать в Тласкалу возможно больше людей, находившихся в этом испанском поселении, вернулись победителями в Тескоко, приведя с собой в качестве трофеев немало пленных ацтеков, осужденных всю жизнь носить на своем теле позорное клеймо раба.

Нецальк и Коанакот не были теми, кто позволяет себе пасть духом при первом же поражении. Вторично собрав войска, они вернулись в непокорные земли, которые, однако, защищались столь упорно, что самому Кортесу пришлось выступить к ним на помощь и заставить властительных ацтекских вождей отойти к берегу озера: там остатки их разбитых отрядов спаслись в припрятанных на всякий случай каноэ, в которых они легко добрались до ворот Теночтитлана, находившегося, как мы знаем, в центре озера Тескоко.

Победы, тем не менее, не вселяли в Кортеса тщеславную самоуверенность. Силы испанцев были еще не столь многочисленны, следовало с недоверием относиться к Хикотенкатлю, который ненавидел испанского каудильо и мог во время его отсутствия, пользуясь своим влиянием в Тласкале, лишить его благосклонности Совета.

Нельзя было полагаться и на клятвенные заверения в дружбе властительного правителя Отумбы и других тлатоани, его союзников; зная бесстрашный и твердый нрав Куаутемока, который наконец убедился, что опустошающая болезнь оставила его владения и что он сам набирается сил, можно было ждать, что юный властитель восстал едва ли не из мертвых с еще более страшной жаждой мести, о чем говорили кипучие приготовления к войне во всем Ацтекском царстве после поражений войск Коанакота и Нецалька. Кортес, будучи дальновидным, рассудительным человеком, прекрасно понимал всю опасность создавшейся ситуации, все возможные успехи или грозящие неприятности на пути осуществления своих колоссальных завоевательных планов.

Желая исчерпать все политические средства — прежде чем провести дерзновенную, но и весьма рискованную операцию по окружению Теночтитлана, — Кортес не хотел упускать ни малейшей возможности заключать новые союзы с крупными вождями-данниками ацтекского монарха и даже решил направить послов к самому Куаутемоку с хитроумно изложенными предложениями о примирении и согласии.

Среди пленных, взятых Сандовилем и Луго, были три ацтекских теуктли, которые показались ему подходящими для выполнения этой миссии: они могли беспрепятственно войти в столицу, а будучи довольно влиятельными лицами, возможно, сумели бы воздействовать на Куаутемока и его советников, дабы те согласились заключить мир — как в собственных интересах, так и в интересах Ацтекского царства.

Поэтому Кортес вознамерился завоевать расположение этих пленников, обращаясь к ним с той чарующей приветливостью, которую умел проявлять, когда считал ее более действенным оружием, чем террор. Когда же наконец добился успеха, поведал им о своем желании, которое им предстояло претворить в жизнь.

С удовольствием взяли на себя миссию миротворцев эти простодушные ацтекские военачальники и, завороченные подкупающей искренностью чужеземного тлатоани, не колеблясь, подтвердили, что ацтекский великий властитель был бы в высшей степени не прав, если бы не дал достойный ответ на великодушное предложение своего врага предать вечному забвению прежние раздоры и скрепить торжественным договором добрые отношения, которые должны отныне царить между обоими государствами.

Встретив такое благожелательное отношение пленных к своим намерениям, Кортес отправил ацтеков в Теночтитлан с грузом подарков и с призывающим к миру посланием, которое он не замедлил широко огласить, чтобы вызвать всеобщее возмущение отказом Куаутемока, если тот осмелится отвергнуть предлагаемый союз.

Подобная демонстрация добрых чувств и надежда на счастливый исход действительно дали ожидаемый результат. Многие вожди-правители ближних земель, дотоле проявлявшие к Кортесу открытую вражду, резко изменили свое к нему отношение и стали искать оправдание былым жестокостям испанского военачальника в непоследовательности Моктесумы и в озлобленности Куитлауака.

Кортес же, хотя и старался проявлять живую заинтересованность в установлении мира, отнюдь не останавливал свои военные приготовления до получения ответа ацтекского монарха. По его приказу Сандоваль в сопровождении хорошо вооруженного конвоя отправился в Тласкалу, чтобы ускорить постройку бригаantin и привести к Кортесу оставшееся в республике войско, не упустив при этом случая завоевать дружбу Хикотенкатля и поставить его во главе тласкальских воинов, которые должны были оказать помощь другим союзникам испанцев в осуществлении грандиозного плана блокады Теночтитлана.

Приняв все эти меры, каудильо спокойно ожидал их успешного завершения, с каждым днем все более завоевывая сердце своего крещеного протеже — дона Фернандо из Тескоко и расточая любезности правителям небольших земель, заключивших с ним военный союз или желавших этого.

Меж тем три ацтекских теуктли прибыли в Теночтитлан, искренне надеясь, что послание Кортеса встретит там радушный прием. Великий властитель, которому они сообщили, что прибыли с важной миссией, торжественно принял их в присутствии сановников и военачальников.

В день, назначенный для ознакомления с посланием врага, весь город пришел в заметное волнение. Недавно оправившись от долгого и страшного бедствия, унесшего столько жизней, обитатели Теночтитлана мало-помалу возвращались к повседневным заботам, и любопытные толпы заполнили дворцовую площадь задолго до того, как раздался трубный звук раковины, провозгласившей начало аудиенции.

На всех лицах читался живейший интерес: знатные тлатоани и военачальники, присутствовавшие на монаршем приеме, выражали беспокойство и озабоченность, ибо прошел слух, что послание носит дружественный характер, однако никто не знал, каким будет решение монарха.

В одиннадцать часов утра появились наконец послы Кортеса, гордо шествовавшие с величественным видом в ярких праздничных нарядах.

В полной тишине пересекли они площадь, наводненную людьми, дававшими им дорогу с почтительными поклонами. Церемонно встреченные дворцовой стражей, они были препровождены в большой зал, где их ожидал сидевший на троне Куаутемок в окружении пышной свиты.

Молодой монарх был еще бледен и слаб, однако его карие миндалевидные глаза горделиво блестели и весь вид его выражал энергию и вызов, которые передавались окружающим: взглядом и жестом сановники показывали, что они не осчастливлены внезапными переменами, не умилированы предлагаемым миром, принять или отвергнуть который, судя по их настроению, могли только они, обитатели долины Анауак.

Медленно, с достоинством вошли послы, свершили обычный приветственный ритуал, и старший из них изложил послание Кортеса так, как это будет описано в нижеследующей главе.

ХII

ПОСЛАНИЕ МИРА И ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

— Тлатоани! Нотлатокацин! Уэй-тлатоани! — сказал присланный Кортесом теуктли. — Мы были пленниками, мы провели пятнадцать дней в военном лагере сынов востока, мы были великодушно отпущены на родину нашими милосердными победителями и пришли к тебе с предложением, которое, поверив в наше благоразумие, просил передать тебе иноземный военачальник и которое по достоинству оценит твоя мудрость, если

ты соизволишь выслушать меня, твоего покорного слугу Таматлана, сына Нецабуля.

Он отвесил глубокий поклон, а Куаутемок сказал:

— Тебе дозволяется говорить, Таматлан, сын Нецабуля, твой властитель выслушает тебя со вниманием.

Тогда, после первых смиренных слов обращения, теуктли заговорил почтительно, однако твердо и веско:

— Много крови народов Анауака пролито в твоём государстве, и твои убитые горем подданные зовут к миру. Города по берегам озера, ещё не оправившиеся от недавнего нашествия черной оспы, которая осмелилась оставить свои следы даже на твоём увенчанном короной лбу, эти города могут только оплакивать свои беды и, заливая отчаяние слезами, прощают того, кого до сих пор ненавидели и кто ныне, как и они, желает прекращения злосчастной войны, которая принесла нам столько горестей и печали и может принести их ещё больше.

Желая прекратить страдания людей и поскорее вернуться на свою далекую родину, Малинче Эрнан Кортес, благородный и верный посланец могущественного властелина Испании, этой возлюбленной Солнцем земли, торжественно предлагает тебе покончить с войной. Он хочет, представ пред твоим высоким тронem, заключить нерушимый союз, выгодный обоим народам и уже скрепленный клятвой Моктесумы, который заверил властелина востока, что мы будем платить дань ему, достойному потомку Кецалькоатля, мудрого вождя тольтеков, первых пришельцев в эти земли, где ныне ты вершишь свою высочайшую власть и правосудие. Таково, о великий властитель, предложение, которое передает тебе твой данник Таматлан, сын Нецабуля, смиренно ожидающий ответа из твоих уст.

Куаутемок слушал теуктли с задумчивой сосредоточенностью и, когда тот кончил речь, сказал, неторопливо произнося слова и устремив на послов выразительный взгляд:

— Слишком простодушными считает нас тот, кто направил нам такое послание. Топтать наши поля, клеймить раскаленным железом наших сородичей, свергать наших вождей-правителей, оскорблять наших богов... Таковы прекрасные деяния, каковыми чужеземный военачальник доказал нам свое желание мира и свои добрые чувства. Страшная болезнь, которую доставили к нашим берегам его корабли в качестве первого дара той коварной дружбы, которую он нам предлагает, не настолько опустошила наши города, чтобы оставить их без защитников; могила, где они желали бы меня видеть, закрылась, к их сожалению, под моими стопами, и чужестранцы уже знают, что жизнь снова вдохновляет Куаутемока и вкладывает оружие в его руки для отмщения за обиды, нанесенные Ацтекскому царству. Вот почему они говорят, что хотят примирения; вот почему они коварно и злонамеренно предлагают мнимый мир вместо кровавой войны. В своей военной победе они сомневаются, в выгодах мира они уверены по

собственному опыту. Но мы их тоже знаем, тлатоани и теуктли Анауака! Память о них запечатлена на стенах дворца, где был заточен Моктесума, на камне, скрывающем его прах!

Возведенный на трон Акамапитцтля голосованием вождей-выборщиков, которые отдали мне столь высокое предпочтение по праву моего рождения и моих ратных подвигов, я отвергаю с неколебимой твердостью позорное подданство, согласие на которое было силою вырвано у пленного властителя, Моктесумы, и освобождаю всех от несправедной клятвы, которую, вопреки своей воле, произнесли по его велению все те, кто ныне взял на себя святую и достойную обязанность повиноваться мне; я провозглашаю во всеуслышание свободу Царства ацтеков. Дабы сохранить ее в неприкосновенности, я собираю войска и затачиваю свое копьё; во имя ее неприкосновенности я с презрением отвергаю фальшивый мир, который нам желают подарить те, кто осквернил наши храмы, запятнал нашу славу, прежде чем поступиться которой, я принесу в жертву собственную жизнь. Таков мой ответ, о тлатоани и теуктли Анауака, на предложение врага, и я выношу его на суд вашей испытанной мудрости!

— Слава великому властителю! Смерть врагам Анауака! — в один голос ответили знатные люди и вожди.

В порыве патриотического гнева все бросились к оружию, и вопль «Война!», потрясший мраморные стены дворца, быстро разнесся по городу, распространился на площадях, раздался в храмах-теокальи, громким эхом отозвался в Такубе, Истапалапе, Хочимилько, Сопанко, Тепеполько и нагнал ужас на обитателей Тескоко, Чалько, Мескике, Отумбы и Тальмаланко, которые обесчестили себя предательским и позорным союзом с врагами.

Услышал военный клич и Кортес, понявший, что наступил решающий момент и будущее теперь зависит от его бесстрашия и упорства.

Дав себе слово скорее погибнуть, чем отказаться от своего замысла, каудильо с нетерпением ждал возвращения Сандовалья, а тем временем старался поднять дух солдат и внушить доверие к себе новых индейских союзников. Куаутемок же поставил военные гарнизоны в городах, соседних с восставшими, перегруппировал войска, позаботился об увеличении запасов обычного оружия и не забыл сделать новое — для перерезывания сухожилий у лошадей.

Во все стороны направились гонцы мудрого монарха с энергичными призывами, в которых самыми черными красками рисовались поступки и нрав Кортеса, говорилось о его истинных намерениях и о жестоком наказании верховным вождем тех вождей-данников, которые приняли бы предложение врагов, которым Ацтекское царство объявило войну не на жизнь, а на смерть.

Внушающее страх зрелище являл собою в те дни Теночтитлан. Беспреданно через город шли все новые и новые отряды воинов, не задерживаясь в столице и направляясь в ближние селения. Там удваивались сторожевые и дозорные посты, на озере появились многочисленные каноэ с воинами, а властитель лично обращался в столице к войскам, обещая высочайшие награды тем, кто, как он надеялся, достойно защитит свободу родины.

— Вам пришлось взяться за оружие,— говорил он,— не по злой воле верховного вождя, который просит завоевать для него новые земли, где он желал бы установить свою власть; вас обременяет оружие не по тщеславному желанию какого-то одного народа, который испытал унижение и просит вас об отмщении. Нет, ваше оружие предназначено для более великих, более справедливых, более священных целей: вы взяли его в руки, чтобы защитить честь своих жен, свободу своих сыновей

Я говорю с вами не затем, чтобы напомнить о вековой славе, которая досталась вам от ваших предков и которую не должны утратить ацтеки; я говорю с вами не в защиту интересов моего рода, который вы всегда чтите, я говорю с вами даже не ради вашего блага, чтобы, разгромив врага, победители могли бы захватить большую военную добычу; я говорю с вами, чтобы вы поняли, какой страх сковал уста ваших близких, чтобы вы слышали их жалобный вопль, которому ужас не дает вырваться из груди. Им чудится, что у них перед глазами уже сверкает раскаленное губительное железо, которое выжжет на теле клеймо рабства; ваши несчастные жены прижимают к материнской груди своих малых детей, и кажется им, что они уже слышат свирепые крики чужестранных воинов, которые вот-вот вырвут из их объятий плод их чистой любви... Чистой любви, которую изгонит грубое насилие победителей-извергов!..

Я говорю с вами от имени ваших любимых семей, которые вы должны защищать, от имени сынов, которых вы родили для отчизны и которых, как и их отчизну, угрожают обратить в рабство от имени богов, перед которыми склонялись ваши отцы и которые хотят спасти ваших детей от нечестивых пришельцев, оскверняющих храмы; от имени большого народа, который доверяет свою свободу остриям ваших копий, который видит, что вслед за конями испанцев идет... нет, даже не смерть, а клеймо раба!

Вопли ярости были ответом на слова великого вассалегля; военачальникам пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать воинов, горевших желанием броситься в кровавую битву.

А такая битва уже становилась неизбежностью. ибо так же, как и ацтекские войска, были возбуждены и жаждали вступить в бой войска противника, а Кортес к тому же получил из Веракруса и от Тласкалы требуемое подкрепление

Восемнадцать или двадцать тысяч воинов, присланных Советом Тласкалы под командой двух своих именитых вождей, вошли в Тескоко вместе с Сандовалем и его людьми, неся на высоком древке герб республики и оглушая город воинственным грохотом барабанов и воем раковин.

Посланцу Кортеса не удалось привести во главе тласкальского войска молодого Хикотенкатля, хотя решительный отказ молодого вождя вызвал сильное недовольство Совета республики. Сандоваль, однако, заверил своего каудильо, что испанцам не грозят неприятности: если республика и не смогла сломить упрямство Хикотенкатля, то и ему никогда не удастся испортить ее хорошие отношения со своим союзником.

Тем не менее Кортес, занятый весьма серьезными делами, не забыл направить второе послание тласкальскому Совету, рекомендуя принять все возможные меры, чтобы преодолеть упрямство этого военачальника, ни словом не обмолвившись о своем опасении, что тот постарается употребить весь свой авторитет, дабы ослабить его влияние в республике. Напротив, всемерно восхваляя Хикотенкатля, Кортес заявлял, что присутствие военачальника-героя якобы абсолютно необходимо для поднятия духа тласкальских воинов.

После этой акции Кортес всецело посвятил себя подготовке осады Теночтитлана, но прежде решил навести страх на ацтеков еще одной демонстрацией отваги своих солдат: каудильо объединил тласкальцев с восемью или десятью тысячами тескоканских воинов и, оставив половину испанских сил в Тескоко под командованием Сандовалья, сам возглавил другую часть испанского войска и выступил во главе этих объединенных сил против одного из прибрежных городов, в свое время казнившего теуктли из Тескоко, который был послан туда Кортесом с предложением о союзе.

Армия насчитывала примерно двадцать девять тысяч человек, это были отборные опытные воины, что много значило для такого военачальника, как Кортес. Кроме того, городок — цель похода — не был густо населен, и, хотя гарнизон, поставленный там Куаутемоком для защиты жителей, был достаточно велик, испанский каудильо не отказал себе в удовольствии добиться быстрой и отнюдь не маловажной победы, ибо в его власти оказалось одно из поселений, находившихся вблизи столицы, которая была главным объектом его мечтаний.

Ацтекские селения, мимо которых шли союзные войска под водительством Кортеса, встречали захватчиков с ненавистью, посылали им навстречу небольшие вооруженные отряды, которые бесстрашно пытались остановить врага. Но кавалерия без особого труда рассеивала группы индейских воинов и, оставляя за собой дома и хижины, брошенные мирными обитателями, Кортесово воинство продолжало путь, направляясь к Такубе, городу, который и был основной целью экспедиции.

— Соратники! — воскликнул Кортес, заведя городские башни. — Богатой будет добыча, которая достанется сегодня нашим воинам. Преступный тлатоани Такубы, которого мы идем наказывать, один из самых могущественных правителей Ацтекской империи. Этой ночью мы отдохнем в его дворце, а назавтра наших лошадей будут чистить самые прекрасные знатные женщины города.

Едва он успел произнести эти слова, которые были не слишком понятны индейцам, но тем не менее вызвали радостные вопли тескоканских и тласкальских вождей-военачальников, а также довольные улыбки испанских капитанов, как до них донесся тот своеобразный громкий клич, который можно было бы назвать (как мы уже отмечали ранее) «ура» ацтекских воинов, и взору Кортеса открылось бесчисленное множество скользящих по озеру каноэ, переполненных ацтеками, которые устремились к Такубе и вторглись в прибрежные болотистые поймы, углубленные мотыгами и превращенные в лагуны. Изумился Кортес такой военной хитрости индейцев, и, когда с более близкого расстояния он смог разглядеть древко с гербом неожиданно-негаданно появившегося врага, он сказал, обратившись к своим людям:

— Друзья! Ацтеки начинают постигать нашу ратную мудрость и смелость. Никогда не поверил бы, не увидев своими глазами, что правитель Такубы захотел избавить нас от труда идти и отнимать у него его дворец.

Действительно, каноэ приближались в боевом порядке, и можно было разглядеть враждебные приготовления тех, кто в них находился, кто проделал в них путь по озеру не менее чем в двадцать миль. Среди суденышек, в самом большом и пышно убранном каноэ, стоял вождь-властитель Тескоко, подвергнувшегося нападению вражеских войск во главе с испанцами. Один из теуктли держал над головой тлатоани древко с гербом его древнего рода: в центре ярко-голубого поля свилась клубком серебряная змея, голову которой с тремя языками венчала диадема, усеянная драгоценными камнями и крупным жемчугом с берегов Калифорнии.

ХІІІ

БИТВА У ТАКУБЫ

Место, где внезапно были атакованы испанцы, абсолютно не отвечало их военной тактике, ибо весьма затрудняло маневры кавалерии. Город, расположенный на берегу озера, со всех сторон оказался окруженным водой: пойменные луга, как мы уже говорили, превратились в лагуны, а насыпная дорога, связывавшая город с твердой землей, была разрезана широкой

канавой. Но даже если бы обитатели Такубы так умело не подготовились к защите и даже если бы удалось потеснить их, при новых сложившихся обстоятельствах вступление в город представлялось невозможным. Кортес понял это, видя, как падают его люди под градом камней, стрел, копий противника, и каудильо предпочел отступить или, по крайней мере, немного отойти назад на безопасное расстояние, чтобы вынудить ацтекских воинов бросить каноэ и начать сражение на твердой земле, где можно было бы использовать все преимущества кавалерии, которая вязла в этих болотах. И действительно, Кортес протрубил отход — лицом к противнику, — и его рвавшиеся в бой отряды повиновались, хотя и не безропотно.

Осмелевшие жители и воины Такубы при виде отступления испанцев с союзниками бросились им вдогонку, осыпая их проклятиями и бранью. И не выдержал тогда один тескоканский воин, не вынес оскорбительных насмешек, несшихся вслед, бросился в ярости к Кортесу и громко сказал, подкрепив слова решительным жестом:

— Малинче! Если твои солдаты не побоятся пойти за мной, я сумею ввести их в Такубу, перехитрив толпы этих глупцов, орущих, что мы не вояки, а слабые женщины. Если мы обогнем справа болота, то окажемся перед канавой, которая перерезает дорогу. Потом пройдем по мелководью и поднимемся на дорогу, ведущую к твердой земле. Единственная трудность состоит в том, что твои солдаты могут побояться этого пути, потому что придется идти по пояс в воде, не обращая внимания на свист вражеских стрел над головой.

Индеец сказал и умолк, а испанцы, разозленные обвинением в трусости, стали громко требовать осуществления этого плана. Кортесу пришлось уступить; сам же он остался с кавалерией на прежнем месте, прикрывая с тыла войска, бросившиеся в воду и приведшие в изумление ликующих обитателей Такубы, которые собрались их преследовать, считая, что отпугнули атакующих.

Водный путь, указанный тескоканцем и выводивший людей Кортеса к Такубе, не был достаточно широк и глубок для прохода каноэ, но летевшие из суденышек камни и стрелы тучей накрывали шедших по воде людей, редкий раз не попадая в цель. Однако захватчики продолжали двигаться вперед с непостижимым самообладанием и перебрались на другую сторону разрушенной дороги к Такубе. Оказавшись на твердой земле, они уже без особого труда вошли в ближайший к Такубе городок, несмотря на неожиданно оказанное им сопротивление. Страшнейшим образом отомстили испанцы и их союзники-индейцы за это жителям! Городок был разграблен, а затем превращен в место кровавой резни и самого дикого разбоя. Несчастный правитель городка едва спас свою жизнь, ускользнув в каноэ по озеру в Теночтитлан.

Завершив расправы и грабежи, Кортес вышел из городка, прихватив с собой немалое количество пленных. После ночного привала в маленьком придорожном селении он продолжил на следующий день свой марш на Такубу. Упиваясь радостью одержанной победы, каудильо рисовал в мечтах свое триумфальное вступление в этот стратегически важный — своей близостью к столице — город и его полный разгром, аналогичный свершенному накануне.

Его уверенность возрастала по мере продвижения вперед по земле, где ему встречались одни лишь брошенные жителями деревушки. Без всяких помех Кортес стал лагерем возле самой Такубы, причем обитатели большого города не подавали никаких признаков жизни. Удивленный подобной инертностью, но не придав этому значения, Кортес распорядился о вступлении в город и только тогда увидел перед собой появившееся словно по волшебству огромное войско, возглавляемое — Кортес узнал властительного вождя по пышному плюмажу — самим отважным Нецальком. Однако действия индейских сил Такубы нельзя было назвать наступательными: они, казалось, приготовились только к защите и в первом же рукопашном бою проявили такую растерянность, что испанский каудильо мог обещать себе, без ложного самообольщения, быструю и неизбежную победу.

Хотя войны Такубы пятились, отступая лицом к врагу, тот их теснил, вовсе не думая, что отход индейцев мог быть заранее подготовленным маневром. Продвигаясь вперед, Кортес велел поджигать оставшиеся сзади дома. И вот в тревожном свете пламени, среди жалобных воплей женщин и детей, которых настигал огонь, или тех, что в ужасе метались по улицам, прозвучал победный клич испанского каудильо, когда он увидел вдруг побежавшего противника, который, хотя и с очевидным трудом, но все-таки мог до этой поры сдерживать наседавшего врага.

Действительно, словно в панике ринулись назад войны Такубы, ранее будто еще пытавшиеся отбить дорогу, связывавшую их город с Теночтитланом. Вслед за ними войска Кортеса бросились на городской мост, затрепавший под тяжестью солдат, лошадей, союзных отрядов. В этот самый момент преследователи замедлили шаг и осмотрелись: со стороны озера к мосту стремились полные ацтеков каноэ, а войны Такубы внезапно повернули навстречу врагу, сомкнув ряды и испуская яростные крики. Громче всех гремел голос Нецалька:

— Малинче! Пришел твой час! Здесь твоя могила!

Кортес понял, хотя и поздно, в какую западню он попал. Под напором наступавших от города воинов Нецалька, застряв на длинном мосту, к которому летели почти две тысячи каноэ с ацтеками, посылавшими тучи камней и стрел, чувствуя, как беснуется и рвется в бой вдруг появившиеся сзади обитатели оставленных пустых деревень, дрогнул бесстрашный каудильо, впервые в жизни ему изменила ясность мысли. К тому же произошло еще одно, едва ли не решающее в этих обстоятельствах

событие, которое грозило усугубить растерянность Кортесовых войск и, напротив, вселить в противника полную уверенность в победе.

Опасно раненный испанский знаменосец падает вниз с моста со штандартом, который покачивается на окрашенных кровью водах озера. Множество каноэ устремляются к тому месту, где расходятся водяные круги над тонущим испанцем, и радостный шум голосов возвещает о скором захвате бесценного трофея.

В самом деле, это был бы славный трофей, который ацтеки уже видят возложенным на алтарь Уицилопочтли как свидетельство посрамления героев Испании, которым предстояло бы узреть свое священное знамя в руках презренных варваров!

Подобная мысль одновременно поражает воображение обоих главных военачальников, ибо спадающее напряжение битвы позволяет им с волнением устремить взор туда, куда спешат, из всех сил нажимая на весла, гребцы быстрых каноэ.

Но вдруг воды возле моста снова открываются, разрывая успокоившиеся было волны, и на поверхности показывается несчастный знаменосец: бурые от крови брызги летят в стороны, но его пальцы мертвой хваткой сжимают драгоценный стяг.

В унисон звучит рев обеих войск.

— К нему! — вопят ацтеки.

— К нему! — властно кричит Кортес. А раненый герой, который понимает, чем вызвана безумная торопливость обеих сторон, еще сильнее сжимает древко штандарта и пытается влезть на мост. Кортес велит помочь ему, и с моста раненому протягивают колья, чтобы он уцепился за них и ускользнул от преследователей. Однако прежде, чем испанец успевает принять помощь, он чувствует, как его задевает киль одной из пирог, он видит, что воин-индеец уже протягивает руку к штандарту и почти достал древко. Напрасны старания изнуренного испанца: ослабев от потери крови, от последних тщетных усилий спастись, он в конце концов перестает сопротивляться, вместе со знаменем теряя и свою жизнь.

— Он — наш! — восклицает ацтек, гордо выпрямившись. Но, едва он успевает вымолвить эти слова, как пуля навсегда смыкает ему уста; его кровь обрызгивает лица других воинов-ацтеков, а мгновенная смерть вырывает из цепенеющих рук уже захваченный штандарт.

Бессильно отдавшийся воде раненый испанец вдруг словно оживает, делает последний рывок, вызывая к Иисусу; он вцепился в падающее, столь славно защищаемое им знамя, он опирается на длинное древко, воткнувшееся в дно лагуны, и с отчаянным криком: «Вива, Кастилия!» прыгает на мост, на виду у всего вражеского войска, стремившегося к нему в каноэ, которые теперь застывают на месте. Однако это нечеловеческое усилие не проходит даром. Отважный знаменосец, обливая кровью стяг — свидетеля бывших великих побед, — бросает его Кортесу и замертво падает у ног каудильо.

Кортес вздымает вверх стяг и, потрясая им, вдохновенно и громко восклицает:

— Соратники! Штандарт Кастилии непобедим! Его несет наша вера, ему покровительствует Сантьяго!

— Слава Сантьяго, вперед на врага! — несется ему в ответ крик ободрившихся солдат-испанцев, и в порыве безумной храбрости, внезапно развернувшись, Кортесовы войска с таким неистовством бросаются на атакующие с тыла вражеские отряды, что индейцы отступают так быстро, словно назад откатывается единая монолитная громада.

Битва ожесточается: прибрежные воды озера темнеют от льющейся крови, трупы устилают мост, но натиск испанцев не ослабевает ни на миг, равно как и упорство противника.

Наконец на дороге, ведущей из Теночтитлана, показываются свежие войска великого властителя, и тогда Кортес, которому с помощью усиленного арьергарда удастся оставить позади себя длинный узкий мост, начинает отходить другим путем, стараясь сохранить военное построение и не упускать из виду основные силы индейцев.

В это время в городе начался пожар, охвативший большое количество домов и грозивший превратить в пепелище всю Такубу. Этот гибельный свет, озарявший Кортесу дорогу, привел в замешательство и остановил его преследователей. Хотя, затушив огонь, они несколько часов спустя возобновили преследование испанцев, это ни к чему не привело. Кортес и его люди, совершая долгие переходы, успели добраться до границы владений города Тескоко.

— Соратники! — сказал тогда неустрашимый военачальник своим солдатам, валившимся с ног от усталости. — Добыча потеряна, но слава сохранена. И я клянусь вам святым Сантьяго, что испанский стяг, который мы чудесным образом спасли сегодня, взвоется через месяц на самой высокой башне Такубы.

Часть четвертая

I

КОРТЕС В ТЕСКОКО И НОВЫЙ ПОХОД

Для того чтобы возродить несколько пошатнувшееся доверие союзников, обеспокоенных последней неудачей Кортеса, ему были просто необходимы новые благоприятные стечения обстоятельств, подтвердившие бы неизменное к нему благоволение фортуны. И вот, словно по заказу, через несколько дней после

возвращения каудильо в Тескоко он получил известие о том, что в порту Веракрус пришвартовался корабль из Испании, который доставил не только добрые вести — относительно впечатления, произведенного на императора Карла V его письмами и дарами, — но и подкрепление, состоявшее из молодых солдат с большим запасом огнестрельного оружия и прочего снаряжения.

Почти одновременно с этим радостным сообщением прибыли в Тескоко тотонакские послы, желая заключить мирный договор и обещая помощь других восставших племен, которые к тому же особо славились в Ацтекском царстве своей силой и храбростью.

Такие неожиданные удачи вдохновили Кортесово воинство, заставив позабыть о недавнем поражении, а ввиду того, что жители Чалько, не имея возможности противостоять не перестававшим атаковать их ацтекам, снова обратились к своим союзникам за поддержкой, испанские солдаты стали бурно оспаривать честь встретить лицом к лицу новые опасности под командой капитана Сандовалья, которого Кортес вознамерился тотчас послать на помощь друзьям. Он не хотел, чтобы враги захватили селения между Тласкалой и Веракрусом, и, кроме того, полагал, что должен вознаградить своих людей за недавние потери, дав им возможность захватить новую добычу.

В этих целях он предоставил Сандовалью полную свободу действий, дабы тот, отогнав ацтекское войско от Чалько, позволил солдатам, если сочтет нужным, грабить соседние селения в свое удовольствие. Имея подобное разрешение, которым он явно был намерен воспользоваться, капитан Сандоваль вышел из Тескоко во главе крупных военных сил и, пока главный военачальник готовил к спуску на воду тринадцать бригантин для окружения Теночтитлана, дошед до Чалько, расправился без особых трудностей с ацтекскими отрядами, осаждавшими этот город, и направился к городу Уастепек. К Сандовалью присоединились воины из Чалько, и после жестокой схватки с гарнизоном Уастепека городок был взят, разграблен и превращен в пепелище. Затем Сандоваль обрушился на красивейший город Акапиццу, чья геройская оборона изнурила испанских солдат и их союзников, которые в течение долгих часов мучились жаждой, ибо светлые воды реки, омывавшей город, стали бурными от лившейся ручьями крови.

Нагруженные богатой добычей и сопровождаемые несметными толпами пленных — мужчин и женщин, — вернулись войска Сандовалья в Тескоко, чтобы, оставив здесь все трофеи, снова идти к Чалько, который опять подвергся нападению ацтекских отрядов. Сандоваль не успел разделить с победителями ни опасностей, ни успеха сражения, но прибыл вовремя к торжествам по поводу полного разгрома войск Ацтекского царства и победы испанских ставленников, которым помогли ранее подоспевшие воины республики Тласкалы.

До отказа были в ту пору заполнены рынки Тескоко пленным ацтекским людом, который клеймили, как скот, и продавали с публичных торгов¹.

Этот спектакль был первым, который преподнес Кортес любопытствующим взорам тех, кто только что прибыл из Испании, стремясь, конечно, разжечь их алчность и показать, что они не зря в него верят и явились из такого далека разделить судьбу храброго завоевателя.

На площадях, превращенных в огромные базары, испанские солдаты торговали прелестными индейскими девушками, а рядом тласкальцы всячески поносили пленных ацтеков, своих заклятых врагов. На этих площадях в гомон оскорбительных и пошлых шуток покупателей врывались грозные, никому не страшные голоса мужей, отцов, возлюбленных, на глазах у которых срывали одежды с их жен, дочерей, невест, чтобы выставить нагими напоказ, а торговцы ощупывали их, чтобы оценить упругость и свежесть тела.

Какие страшные превратности судьбы! Жены вождей-правителей Акапицлы и Уастепека, еще три дня тому назад дремавшие в своих роскошных гамаках, которые в стенах красного дерева тихо покачивали родовитые индеанки-прислужницы, певшие им о подвигах своих предков,—эти властительные супруги стоят теперь там, где ведется гнусная торговля, голые, выставленные на позор, ожидающие как наивысшего блага проявления к ним интереса какого-нибудь похотливого испанского капитана, чтобы спастись от разнузданной солдатни, которая делает приобретения такого рода, как правило, вскладчину.

Как-то в базарный день одна из площадей, о которых мы говорим, стала театром поистине трагических сцен.

Прелестная девушка четырнадцати лет, купить которую вознамерились сразу несколько человек, досталась в конце концов красавцу Альварадо, который не считал денег, если речь шла о такого рода тратах. Девушку, смущенную и сникшую,

¹ Впечатляющие картины, которые мы могли бы предложить читателю, желая дать ему точное представление об ужасах этой войны, в которой побежденные были обречены на смерть или жесточайшее рабство, никогда не сравнятся с тем эффектом, который достигается правдивым рассказом Б. Диаса дель Кастильо, который живописал страшные эпизоды Конкисты и у которого мы заимствовали несколько строк. Вот некоторые свидетельства этого хрониста, доказывающие справедливость наших слов:

«Когда прибыл Гонсало де Сандоваль с большим количеством рабов, было велено, чтобы их клеймили каленым железом, и когда об этом было объявлено, все мы, солдаты, взяли себе эти «вещи», которые мы получили, и поставили на них клеймо Его Величества с буквой «Г», что значит «Герра» («война» — исп. — *Примеч. перев.*). Хотя Кортес нам сказал и посулил, что хорошие «вещи» можно продать с торгов за высокую цену, а не очень хорошие — за цену пониже, ничего путного не получилось, потому как офицеры короля (императора Карла V. — *Примеч. перев.*), которые устраивали торги, делали там что хотели, а потому и мы, солдаты, захватившие красивых индеанок, припрятавали их для себя и не давали клеймить их королевским клеймом». (*Примеч. автора.*)

подтолкнули к ее господину, который, окидывая сладострастным взором ее еще не созревшую грудь, обращает к ней ласковые слова, смысл которых несчастная не понимает, но ласковый тон подает ей надежду: она бросается на колени и указывает на сильного, внушительного вида ацтека, который на другом конце площади отбивается от нескольких солдат, вознамерившихся заставить его следовать за ними.

— Татли! Татли!¹ — рыдая, повторяла бедная девочка. Капитан ее понял и выкупил у солдат этого раба. Она в благодарность целовала Альварадо ноги, а потом вскочила и, легкая, как газель, бросилась к отцу, которого подвели к его новому господину.

Схватив ее в объятия, бедняга стал так странно проявлять свою радость, что обратил на себя внимание окружающих. Он целовал голову дочери, словно хотел съесть; потом уставился безумными глазами на ее лицо и обеими руками неистово гладил точеную шею.

Вдруг легкий стон вырывается из груди дочери, судорога пробегает по ее хрупкому телу, а руки хватают пальцы, вцепившиеся ей в горло. Изумленный Альварадо бросается к ним. Тогда раб отрывает от себя девичье тельце, гибкой лианой висящее у него на руках, и, бросая к ногам капитана, хрипло кричит:

— Бери ее!

Альварадо нагибается..., трогает принадлежащее ему сокровище: оно еще хранит тепло жизни!.. Но рабыня уже на свободе! Ее хозяин получает лишь труп!

На том же самом месте несколько часов спустя задушил себя своим собственным языком один ацтекский военачальник, которого за шесть хлопковых покрывал купил какой-то торговец из Тласкалы.

Тем не менее город Тескоко устроил пышные празднества в честь Кортеса, а его союзники, вожди-правители Чалько, Мескике, Отумбы, Семпоалы и других горных городов, громко провозглашали его (презрев власть Ацтекского царства) «спасителем народов и бичом всех тиранов».

Не возражая против таких лестных прозваний, конкистадор продолжал направлять своих посланцев в другие соседние земли, предлагая помочь в борьбе против «тирании» ацтекского монарха. И — странное дело! — те самые, словно одурманенные люди, которые видели, как их же соплеменников продают, подобно скоту, с публичных торгов пришельцы, называющие себя «освободителями», были глухи к призывам своего достойного верховного вождя и, выражая недовольство собственным законным правлением, внимали воззваниям чужеземца, который нес с собой железное клеймо рабства.

Однако Кортесу было мало тех союзников, которых удалось

¹ Мой отец (*науа*)

приобрести поблизости от трех главных городов-государств Ацтекского царства, которое он задумал поработить. В высшей степени важным делом Кортес считал лишение царства поддержки, оказываемой ему теми крупными городами-данниками, которые опоясывали его на более далеком расстоянии, рассчитывая завоевать их дипломатией или силой. Если же каудильо сразу не удавалось сделать ни того, ни другого, он обычно сам наведывался в селения, сообщавшиеся с каким-либо городом, который предназначался им для осады, и вначале захватывал их в соответствии со своими далеко идущими планами.

В этих целях была подготовлена экспедиция, участвовать в которой выразили желание вожди-военачальники из Тласкалы, а также из Тескоко, Чалько, Отумбы и тотонаки, силы которых составили войско, насчитывавшее более сорока тысяч человек, которому Кортес придал половину своей кавалерии и четыре сотни своих солдат.

С такой внушительной армией выступил Кортес 5 апреля 1521 года, и Куаутемок с болью в сердце смотрел, как на его самые красивые и стратегически важные города идут не только испанские, но в основном индейские войска, составленные из его бывших подданных.

II

СЛАВНАЯ ЗАЩИТА ХОЧИМИЛЬКО

Неудачи, постигшие ацтекские отряды под Чалько при попытке усмирить этот восставший вассальный город, поражения других монарших войск, намеревавшихся отобрать у испанцев Отумбу и Мескике, пожар, уничтоживший половину Такубы и помешавший использовать великолепную возможность разделаться с захватчиком, открытая измена одних вождей-данников, тайное непослушание других и, в конечном счете, ослабление здоровья, так и не обретшего былой мощи после черной оспы, — все это связалось в тугую узел, чтобы сломить дух несчастного ацтекского властителя. Однако ничто не могло сломить его упорство.

Предчувствуя, как это обычно бывает с наделенными особым чутьем неординарными людьми, приближавшуюся катастрофу, Куаутемок решил, тем не менее, встретить ее хладнокровно лицом к лицу, противопоставив неизбежной судьбе великую мощь несдающейся души.

Узнав о первых шагах Кортеса, направленных против приозерных городов, он усилил в них гарнизоны, оставив основную часть войска для защиты своей столицы Теночтитлана, но, получив точные сведения о внушительных силах, которыми располагал наступавший испанский каудильо, он послал ему навстречу — во главе со своими лучшими военачальниками — две трети войск,

находившихся в Теночтитлане. В то же время в более далекие селения понеслись гонцы к их правителям с наказом великого властителя употребить все возможные средства, чтобы отрезать врагу отступление в случае победы над ним.

Одновременно монархьи войска заняли всю огромную гористую равнину Чималоакан, по которой непременно должен был двигаться Кортес, если он намеревался не сворачивать с первоначально избранного пути. Надеясь на это, ацтеки готовились к битве, которая, по всей видимости, должна была стать решающей. Однако, может быть, по тем же соображениям испанский каудильо не захотел рисковать. Вместо того чтобы идти по равнине, он прошел горными дорогами, да так осторожно и незаметно, что противник еще поджидал его внизу, когда он со своими войсками уже преодолел гористую часть местности, пересек долину Яутепек и, проявив удивительную смелость и напористость, взял почти неприступную гору, где укрывались многочисленные индейские семьи, бежавшие из встречавшихся ему на пути деревушек.

Жажда и усталость, валившие с ног испанских солдат и их союзников индейцев после перехода через горный перевал, однако, не умерили их решимости следовать дальше. Захватив эту естественную крепость, Кортесовы войска начали штурм еще более трудной горной дороги, которую местные жители перекрыли с большой выдумкой и умением. Все же после упорного сопротивления индейцы были вынуждены отступить, ибо запасы воды исчерпались, а среди голых скал, где они прятались, не выбивался наружу даже крохотный ручеек.

Кортес внимательно осмотрел эту природную скалистую фортификацию на тот случай, если бы она когда-либо ему понадобилась; он милостиво оставил на воле обнаруженных там людей, запретил солдатам привычные грабежи и насилия и, взяв у защитников горных перевалов клятву не поднимать оружия против армии императора Карла, данниками которого они признали себя со времен Моктесумы, продолжил путь к маленькому городку Тепуслану, который, оказав тщетное сопротивление превосходящим силам врага, был разграблен и обращен в пепел.

Унося с собой захваченное добро и провиант, завоеватели тут же обрушились на соседние селения. Напрасно рассчитывала Коадальвака на окружавшие ее овраги, топи и болота: она пала под ударами кастильских клинков и видел, как ее юные дочери и матери пошли, закованные в цепи, по кровавым следам победителя.

Однако другое желание владело в ту пору душой Кортеса. Ни Тепуслан, ни Коадальвака не были главной целью его устремлений; его не радовала захваченная добыча, хотя и была она богатейшей.

Он задумал во что бы то ни стало овладеть — дружественными ли уговорами или силой оружия — городами-государствами

Хочимилько, Койоаканом, Чурубуско, Истапалапой и Такубой, которые играли первостепенную роль в осуществлении его замысла — окружения Теночтитлана. И, не дав отдохнуть своей армии, он повел ее к Хочимилько, правда, кружной дорогой, дабы обмануть врага, которому доносили об избираемых испанцами путях беглецы из окрестных селений.

Несмотря на этот маневр, жители Хочимилько сумели подготовиться к встрече: разрушили дороги вдоль побережья и среди болот, возвели земляные укрепления, а вооруженные отряды без страха поджидали врага.

Испанцы первыми пошли на приступ со своей обычной дерзкой отвагой, хотя терпели от индейских отрядов ощутимый урон, а многие солдаты, переходившие лагуну и каналы вброд, тонули в глубоких местах или падали, споткнувшись, в воду. Однако ничто не могло удержать бесстрашных авантюристов, привыкших свершать невозможное, ничто не могло удержать и их буйных союзников, которым они подавали блистательный пример, но сражались все они с людьми Куаутемока, столь же воинственно настроенными и к тому же занимавшими более выгодные позиции. А потому бой должен был быть жестоким и страшным, каким он в самом деле и оказался, ибо груды трупов послужили мостами для переправы кавалерии, которой удалось ворваться в город.

И каждая улица стала полем брани. Кортес, окруженный на одной из них яростными защитниками Хочимилько, которые прилагали все усилия, чтобы пленить его, бился с такой неистовой страстью, что то и дело заставлял изумленных индейцев отступать. Однако положение Кортеса было почти безвыходным: рядом с ним находились только один его солдат-кавалерист и несколько тласкальских воинов. Меж тем число атаковавших все возрастало, улицу и впереди и сзади уже перекрывал противник. Только было Кортес вознамерился сделать отчаянный рывок, как его лошадь пала, пронзенная копьем, и бесстрашный всадник оказался на земле. Тут же, как стая голодных стервятников, набросились на него разъяренные защитники Хочимилько. Уже некоторых из них пометила кровь героя, раненного в голову испанским же клинком (ибо многие военачальники Ацтекского царства вооружились шпагами и копьями, которые испанцы бросили после отступления в Ночь Печали); уже сотня криков возвестила о невиданном триумфе, и Кортес, считая жизнь свою конченой, в последний, как он думал, раз громовым голосом, покрывая шум боя, кликнул боевой клич испанских войск, призвав в помощь святого Сантьяго и всю доблесть Кастилии.

Клинок толедской стали, уже пробивший шлем, который прикрывал его голову, снова занесен над нею; звенят от ударов доспехи у него на груди... Однако не суждено ему было в тот миг лишиться жизни, предназначенной для великих почестей. Отважный Олеа (таково имя солдата-кавалериста, помогшего ему

в том неравном бою) отвечает зычным воплем, заставившим на мгновение оцепенеть победителей, и бросается на них, как лев: рубит, давит, колет,—словно бы каким-то чудом утраиваются его силы, удваивается пара рук. Бросившиеся за ним воины Тласкалы прикрывают своими телами Кортеса, которому все же удастся встать на ноги и—раненому, спешенному—хватает сил снова защищаться до тех пор, пока не подоспевает один из его эскадронов и не рассеивает беснующуюся толпу индейцев, которые минуту назад одним ударом копья могли бы решить не только исход битвы, но, может быть, и судьбу Ацтекского царства.

Сражение продолжалось еще несколько часов, но завоеватели уже не ждали успеха. Почти все испанские военачальники были ранены или контужены, погибло более десяти тысяч индейцев из союзных войск, и единственным спасительным шагом в этой ситуации был захват самого большого в городе храма-теокальи. С этой целью Кортес, возглавив свое войско, в таком иступлении ринулся к храму, что сумел одолеть упорнейшее сопротивление защитников Хочимилько и укрыться в этом надежном убежище. Тут же на землю спустилась темная ночь, и противник, также уставший за целый день непрерывных боев, прекратил атаки.

Спасшиеся в теокальи испанцы и их союзники провели там ночь, врачуя раны, считая стрелы для арбалетов и готовясь к защите всеми средствами, какие имелись в их распоряжении, и используя то короткое время, какое им отводила ночная тьма. С рассветом вражеские войска стали атаковать здание с помощью свежих сил, прибывших ночью из Теночтитлана, но три следовавших одна за другой атаки были отбиты, и Кортес смог продержаться в храме-крепости еще один день и одну ночь, когда в темноте на врага обрушивалась кавалерия, всегда превосходившая ацтеков в ночных вылазках.

Однако таких малых побед было явно недостаточно, чтобы удержать подобные бесперспективные и, более того, опасные позиции, ибо по земле и по воде подходили новые ацтекские подкрепления, и Кортес вознамерился покинуть свое убежище, упоая на судьбу и на свой полководческий талант, хотя, судя по всему, противник не собирался позволить ему отступить.

Тем не менее Кортес уже успел привыкнуть побеждать любые трудности с помощью своей неколебимо твердой воли, а его дерзновенная сметливость так часто подсказывала ему столь неожиданные выходы из, казалось бы, самых безысходных положений, что и на сей раз, как бывало и прежде, он выбрался из опаснейшей западни.

Кортес вывел своих людей из Хочимилько— правда, не без значительных потерь—и к тому же еще сумел по дороге отразить несколько нападений монарших отрядов, одни из которых бросились за ним вслед, а другие, выходя ему наперерез, пыта-

лись остановить его продвижение вперед. В конце концов он все же достиг владений Тескоко, где его поджидала абсолютно непредвиденная опасность, опасность, может быть, более страшная, чем все те, которые он счастливо преодолевал раньше своей отвагой и немислимым упорством.

А тем временем обитатели Хочимилько с ликованием направились в Теночтитлан представить великому властителю пленных врагов, среди которых были три испанских солдата, чьи трепещущие сердца тут же востребовали — в качестве жертвенного трофея — жрецы-теописки бога Уицилопочтли.

III

ЗАГОВОР ВИЛЬЯФАНЫ

Никогда не бывает безнаказанным интеллектуальное и духовное превосходство. Никогда люди, покоряющие себе подобных лишь превосходством разума, не могут вызвать то слепое благоговение, которым мы, не задумываясь, одаряем тех, кто выше нас по роду и крови. Эта странность объясняется весьма просто. Первое обстоятельство определяется нашей волей, второе находится исключительно во власти небес. В первом случае мы ощущаем свою силу, во втором воспринимаем иерархию как неизбежность, собственную слабость. Мы без чувства отвращения подчиняемся хозяину, которого сами себе выбираем, но не слишком склонны терпеть власть того, кто распоряжается нами по высочайшему повелению природы.

Всегда и всюду неординарные личности, вознесясь высоко над другими, становятся предметом инстинктивной враждебности со стороны людей обычных, предчувствующих, еще даже не испытав ее на себе, удивительную силу, которая грозит покорить их, и стараются избавиться от нее, как необъезженный конь, который бьет копытом, ржет и стремглав бежит от идущего к нему человека, ибо природа, милостивая и благосклонная ко всем своим созданиям, дала коню, дабы предупредить его об опасности, вместо глаз увеличительные стекла, невольно побуждающие представлять себе страшным великаном то разумное существо, чья слабая рука должна обуздать его по своему усмотрению.

И в благих деяниях, равно как в дурных, всегда встречают упорное сопротивление и вызывают неприязнь те, кто рождается на свет с великим даром творить то или другое. Но все действия таких людей суть своего рода триумфы, ибо вся их жизнь — постоянная борьба, борьба оправданная и даже закономерная, если она не злонамеренна, если она являет собой лишь картину борения многих против насильственной власти одного. Иначе говоря, людское самолюбие чинит препоны дерзкому проявлению возвысившегося разума.

Однако не всегда борьба ведется подобным образом: большинство пользуется для своей защиты не только дозволенными средствами и порой не ограничивается ненавистью, клеветой, расставленными западнями; иногда, к несчастью, применяет и грубую силу, чем подтверждает собственную ущербность, оплачивая победу преступлением.

Сколько лиц сошло в могилу с прозвищем «тиран» только потому, что прозванием «освободитель» себя одалили убийцы!

Мы никогда не будем судить о Цезаре лишь по кинжалу Брута и даже, вероятно, не станем вменять ему в вину растерзанное тело Катона, ибо пролитая им кровь дурманит нас флюидами силы, и мы вдруг спрашиваем себя: а может быть, прославленный римлянин распахнул врата своей могилы, чтобы не быть свидетелем падения и развала своей родины или чтобы укрыться от лучей славы, которая его ослепляла, или от счастливой судьбы, которой не довольствовалось его тщеславие?..

Эрнан Кортес, одна из примечательных фигур в истории человечества; Эрнан Кортес, который никогда не был представлен во весь рост — даже теми неуклюжими панегиристами, которые превозносили до небес его чисто «человеческие» черты, стараясь его обожествить; Эрнан Кортес, именитый посол своей нации в том веке, когда она была великой, воинственной, героической, фанатической и устрашающей; Эрнан Кортес, который стал бы Наполеоном, если бы его колыбельной песнью были громы Французской революции, и который ныне, овеванный большей славой, нежели Наполеон, представляется нам в ореоле завоевателя целой Империи, вставшей в один ряд с другими крупнейшими вассалами; Эрнан Кортес, сказали бы мы наконец, должен был разделить и разделил судьбу всех действительно выдающихся людей. Вначале его преследовала зависть, потом его силилась чернить — даже посмертно — клевета; подстерегала и измена, созревшая в тех же самых сердцах, которые заимствовали твердость его сердца и мужественно преодолели столько опасностей, что это покрыло их неуязвимой славой.

В то время, как неутомимый каудильо брал озеро Тескоко в широкое кольцо, осматривая и выбирая места для атак в соответствии со своим грандиозным замыслом; в то время, как шел на огромный риск, чтобы разрушить сплошной бастион из окружавших Теночтитлан городов; в то время, как он подтвердил свою военную славу личной отвагой, пролив кровь на земле Хочимилько, — вероломство исподволь, тихо и тайно минировало почву, на которую после преодоления невероятных трудностей должны были ступить его ноги.

Вильяфанья — один из его военачальников — стал главным вдохновителем предательского заговора, который уже готовился против человеческой жизни, отмеченной многими подвигами и сохраненной провидением для еще более значительных даров судьбы.

Многие из храбрых солдат, соратников Кортеса по изнурительным походам, сменили (лишь со стыдом можно упомянуть об этом) почти всегда победоносную шпагу на роковой кинжал. Герой, чудом избежавший вражеских копий, вернувшись в Тескоко, попал, не ведая о том, в окружение друзей-изменников.

Бледный, положив похолодевшую руку на эфес благородной толедской шпаги, вышел навстречу Кортесу Вильяфанья. Глаза орла, привыкшие к сиянию солнца, обычно не глядят на неприметные извивы тела скользящей по болоту ядовитой змеи. Так и пронизательный взгляд Кортеса, постоянно устремленный в свое блистательное будущее, ни на миг не задержался на лице соратника, отмеченном печатью страха перед преступлением, и позволил запечатлеть на своей влажной от пота щеке нечистый поцелуй нового Иуды.

Предатель, однако, заметно оробел, и голос его звучал глухо, когда он сказал:

— Слава нашему Господу Богу, который вызволил вашу милость из когтей этих собак-индейцев. Много забот выпало нам на долю во время отсутствия нашего великого капитана: мы зорко следили за тем, чтобы не допустить измены со стороны ненадежных союзников. Теперь же мы благодарим небо за ваше счастливое возвращение живым и здоровым, просим вашу милость принять наши поздравления и приглашаем откусать сейчас вместе со всеми нами.

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, сеньор Вильяфанья,— вежливо ответил каудильо.— Ибо противник все время шел по пятам за нами, а в придорожных селениях нас встречали прескверно, и мой желудок не опровергнет моих слов, если я скажу, что не ублажал его уже более полутора суток. Мои соратники, как вы можете легко предположить, находятся не в лучшем состоянии, и, если запасы провизии у вас достаточно велики, как я могу судить по вашему цветущему виду, я был бы вам весьма признателен, если бы вы оказали нам любезность и также пригласили к столу моих военачальников вместе с некоторыми вождями из Тласкалы, Чалько и Тескоко, поскольку все они дрались на совесть.

Присутствие стольких людей на пиру смерти не входило в расчеты Вильяфаньи, который с извинением отклонил эту просьбу под тем предлогом, что приборы и места за столом рассчитаны лишь на уже приглашенных, и каудильо, далекий от подозрений, весело сказал, обернувшись к вождю-властителю Тескоко, стоявшему справа от него:

— Я надеюсь, сеньор дон Фернандо, что вы хорошо позаботитесь о наших союзниках и ваших подданных, которыми я очень доволен. А завтра я сам приглашаю себя на ваш завтрак, поскольку сегодня меня хочет познакомить с искусством своего повара из Тласкалы наш добрый друг Вильяфанья.

Тесковский властитель, не спускавший глаз с лица изменника, тут же повернулся к Кортесу и странно многозначительным тоном сказал на плохом испанском языке:

— Я просить Малинче очень уважать свой добрый капитан Вильяфанья и кушать только то, что дает его рука и пробует его рот.

Беспокойство, слышавшееся в словах молодого тлатоани, было замечено Кортесом, хотя и не навело на дурные мысли. Окруженный другими испанскими капитанами и знатными людьми Тескоко, которые наперебой поздравляли его, он забыл и думать об этом эпизоде. Спустя несколько часов Кортес, в нарядном костюме, шествовал по городу, дружески опираясь на руку Вильяфаньи, в чьем доме его уже ждали за столом вероломные заговорщики, готовые поднять тост за его здоровье в начале пиршества, а на десерт наполнить свои кубки его кровью.

Дом, который занимал Вильяфанья, был предоставлен ему одним из знатных теуктли Тескоко и расположен на гой же самой площади, где возвышалось огромное здание, прежде бывшее храмом-теокальи, а затем превращенное в испанские казармы. Большая часть размещенных там солдат были вовлечены в заговор и готовились взяться за оружие при первом же сигнале. Предполагалось отстранить Кортеса от командования войсками и тотчас после осуществления крамольного замысла отправить на Кубу судно, чтобы известить о происшедшем Диего Веласкеса, кубинского губернатора, на чье покровительство и благодарность рассчитывали заговорщики, ибо намеревались устранить того, кто был давним предметом ненависти и мучительной зависти губернатора Кубы.

Предприняв все необходимые меры, позволявшие надеяться на успех сговора, приглашенные гости ожидали Вильяфанью не без некоторого страха перед злодеянием, в то время как вероломный хозяин дома вел на пир свою жертву, расточая Кортесу любезности медовым голосом коварного льстеца.

Какой-то неопрятного вида солдат, который спотыкался на каждом шагу и выписывал ногами замысловатые фигуры, словно в состоянии сильнейшего опьянения, все время следовал за ними, хотя ни хозяин, ни гость не обращали на него никакого внимания. Несмотря ни на что, при входе на площадь, где стоял дом Вильяфаньи, пьяный ускорил шаги, быстро догнал шедших впереди и, поравнявшись с ними, снова зашатался и стал безобразно кривляться, пока наконец каудильо не заметил разнузданного поведения солдата, чего он никогда не спускал своим подчиненным. Он резко вырвал руку из-под локтя своего спутника и, сурово нахмурившись, шагнул к пьянчуге, который, вместо того чтобы застыть на месте, отпрянул в сторону с таким проворством, вынуждая Кортеса отойти подальше от Вильяфаньи, какому трудно было ожидать от сильно выпившего человека.

— Негодай! — крикнул с угрозой в голосе главный военачальник испанцев. — Как ты смеешь появляться на улице, захмелев от проклятого питья, словно горький пьяница, наглотававший всякого зелья?

— Мой капитан-генерал,— быстро и отчетливо произнес солдат.— Ваша милость, не входите в дом Вильяфанья, там вы распрощаетесь с жизнью.

На миг заколебался Эрнан Кортес, но, привыкнув быстро принимать решения, он спокойно вернулся к ожидавшему его предателю и учтиво сказал ему:

— Я буду у Вашей милости, сеньор Вильяфанья, через некоторое время. Меня чрезвычайно возмутила дерзость этого наглеца, я желаю присутствовать при его наказании.

— Я готов сопровождать Вашу милость,— в свою очередь вежливо отвечал Вильяфанья,— если вы сами желаете сделать то, что положено делать вашим подчиненным, которых можно называть вот из этой казармы.

— Не беспокойтесь,— твердо сказал Кортес.— Я хочу пойти сам и своими глазами увидеть, как расправятся с этим бездельником, и прошу Вашу милость подждать меня десять минут в своем доме.

После этих слов он повернулся спиной к Вильяфанье, и тот увидел, как разгневанный Кортес, подойдя к солдату, дал ему тычок в спину, чтобы заставить идти, и последовал за качавшимся во все стороны человеком с тем хладнокровием и упрямством, которые были отличительными чертами его характера.

Отойдя на значительное расстояние, оба вдруг одновременно остановились — генерал и солдат, и Кортес сказал:

— Говори!

— Вас предали, мой капитан-генерал! Вильяфанья — изменник. Его сообщники — гости, с которыми вы должны пировать, и те, кто расквартирован в этих казармах, у порога которых мы стоим. Если Ваша милость пройдет мимо дома или, не дай Бог, войдете в дом, где вас ждут, то наверняка расстанетесь с жизнью. Ваша милость должны сообразить, что делать, ибо они уговорились заколоть вас кинжалами, а заговорщиков немало, и опасности трудно избежать, как мне думается.

Никаких вопросов больше не задает каудильо, лицо его не выражает никакого волнения, душа его не уstraшена. Без тени смущения или колебания Кортес отпускает солдата, не забыв пожаты ему — с братской простотой — руку, и быстро направляется к дому своего друга Сандовала, где случайно застает Альварado, Луго, Олеа и нескольких других капитанов. Он рассказывает им об услышанном и дает — со своим обычным спокойствием — подробные наставления, как действовать, словно бы речь идет о самом простом незначительном деле, но при этом добавляет, что намерен самым суровым образом покарать виновных.

При этих словах его испытующий взор скользит по лицам капитанов, но никто из них не побледнел, все выражали удивление и негодование. Обнял их Кортес, и то, чего не удалось ни гневу от вести об измене, ни ощущению нависшей опасности, сделала убежденность в нерушимой дружбе: дрогнуло каменное

сердце героя, и слеза скатилась на руку одного из его верных соратников.

Около часа спустя Вильяфанья увидел Кортеса на пороге зала с улыбающимся лицом, а остальные гости-сообщники поспешили радушно его приветствовать, и никто из них не увидел ничего примечательного на лице Кортеса, на которого они взирали пылливо, с плохо скрываемым смущением.

— Бульон остывает, и все ожидают только Вашу милость,— сказал хозяин дома, протягивая руку обреченному на смерть.

Кортес ответил столь крепким рукопожатием, что Вильяфанья не смог сдержать стона.

— У вас железные пальцы, мой капитан,— пробормотал он, но тут же умолк и вздрогнул, встретившись глазами с высоким гостем.

— Вы это хорошо знаете, сеньор Вильяфанья,— сказал Кортес с горькой усмешкой.— У меня железная рука и верный глаз. Но вы еще не знаете, и я хочу это доказать, что и сердце мое не поддается кинжалу убийц, ибо оно защищено, как вы видите, прозорливостью, которая позволяет мне видеть вас насквозь и говорить об измене, написанной на ваших лицах.

Тут же по его призыву в зал ворвались Кортесовы капитаны и множество вооруженных солдат, которые во мгновение ока схватили преступников, ошеломленных такой внезапной и непредвиденной развязкой. Кортес вырвал из рук Вильяфаньи лист с перечнем имен заговорщиков, когда тот вынул из-за пазухи бумагу, желая ее уничтожить, и прочитал от начала до конца, порой издавая короткие изумленные или горестные возгласы. Он действительно должен был испытывать и горечь и изумление, ибо, как тогда говорили, в коварном заговоре участвовали многие из его самых высокочтимых соратников, однако их имена покрывает вечная тайна.

Вильяфанья был приговорен к смерти и казнен за измену, главных его сообщников с позором изгнали из их владений, с таким трудом завоеванных. Когда же Сандоваль в присутствии других капитанов попросил Кортеса назвать всех виновных, значившихся в перечне Вильяфаньи, а также спросил, какому наказанию следует подвергнуть батальоны, замешанные в преступном заговоре, этот поистине незаурядный человек вынес такое великодушное решение:

— Сей список, сеньоры, остался на совести Вильяфаньи, и только на нем лежит пятно гнусного предательства. Я надеюсь, что указанные там имена будут торжественно занесены лишь в список храбрых и верных воинов, не посрамивших славы нашей общей родины и состоящих на службе у нашего великого императора, чьей короне мы обязаны поднести эти обширные владения. Что касается войск, вовлеченных в заговор, я должен очистить их от грязи, которой они испачкались по недомыслию, заставив их омыться в ручьях вражеской крови.

СОВЕТ ТЛАСКАЛЫ И ХИКОТЕНКАТЛЬ

Был первый день Святой Пасхи, когда Кортес, осмотрев все тринадцать бригадин и отдав необходимые распоряжения для осады Теночтитлана в самое ближайшее время, устроил смотр своему войску, побывав прежде на нескольких торжественных мессах, которые по его приказу отслужили в храмах Тескоко, как того требовал большой праздник.

Неофиты-индейцы Тласкалы в этот день тоже совершали религиозные католические обряды вперемишку со старинными ритуалами своих предков, и на этих церемониях присутствовали члены Совета, которые не упускали случая сделать приятный сюрприз Кортесу. Дон Лоренсо де Варгас (так теперь звался отец Хикотенкатля) подавал новоиспеченным христианам пример истинного благочестия. Глядя, как он преклонял колена на белом полу часовни, как крепко прижимал к груди худые старческие руки, как закрывал глаза и громким голосом горячо молил небо заступиться за справедливое дело (дело конкистадоров!), как озарялись пряди серебристых волос на его склоненной голове красноватым пламенем смолистых факелов,— глядя на все это, сторонний наблюдатель был бы поражен и подумал, что этот индеец-республиканец—само воплощение фанатизма его иноземных господ, типичный представитель тех времен слепой веры и заблуждений, когда врата Царства божьего не открывались в Европе для людей, когда учение о милосердии несли на острие шпаги и в огне костров; когда сооружали жертвенник для чистых и наивных душ, основание которого покоилось на земле, залитой кровью невинных.

После окончания службы Совет медленно удалился, но при этом все его члены не преминули шепотом заметить, что вождь Хикотенкатль не явился в храм, хотя ему было приказано прийти. Старый дон Лоренсо поспешил оправдать сына, но в глубине души тоже был не слишком доволен его поведением.

Советники, казалось, были удовлетворены объяснением отца, но, поскольку в эту минуту сообщили о прибытии гонцов из Тескоко, решительно потребовали присутствия молодого начальника всех войск Тласкалы на заседании Совета, дабы заслушать послание Кортеса.

Таким образом, через некоторое время, когда все именитые советники собрались в обширном зале заседаний, туда, почти одновременно с посланцами Кортеса, вошел и Кортесов враг.

Первыми вступили в зал тескоканские теуктли в сопровождении одного тласкальского вождя и переводчика Агиляра с несколькими испанскими солдатами. Все были в парадных военных одеждах, и Хикотенкатль тоже явился при всех полагавшихся ему по чину регалиях. Цвета этого вождя были белый и розовый,

и в тот день, о котором мы рассказываем, роскошный бело-розовый плюмаж украшал его серебряный шлем. На нем была широкая, доходившая до колен искусно сотканная из кроличьего пуха и окрашенная кармином юбка с каймой из лебединых перьев. Грудь защищал тоже красный, непроницаемый для стрел доспех из плотнейшей хлопчатой ткани, поднимавшийся вверх до шеи, но не затруднявший движений. На плечах лежал легкий белый плащ, спереди скрепленный золотыми брошами, а сзади ниспадавший волнистыми складками. За спиной висели лук и колчан, в левой руке — щит, в правой — короткий дротик с серебряным наконечником. Обычно прикрывавший воину глаза козырек шлема был приподнят, и можно было видеть нахмуренные брови и мужественное лицо Хикотенкатля.

Он встал справа от советников, которые расселись на массивных скамьях красного дерева, и стоял, неподвижно и молчаливо, пока держал речь испанский посланец, который сначала от лица своего господина в коротких словах пожелал процветания и славы «республике» Тласкале, а затем сообщил, что суда, предназначенные для осады Теночтитлана, готовы для спуска в озеро по каналу и что приняты все меры, дабы успешно завершить это великое предприятие. Испанскому военачальнику Кортесу не хватает лишь одного — полного объединения всех его военных сил, в связи с чем Кортес нижайше просит Совет как можно скорее прислать в его распоряжение всех воинов-тласкальцев.

Кортес, как сообщил испанец, обратился с такой же просьбой к своим союзникам из Тескоко, Чалько, Мескике, Отумбы и других городов, участвующих в этой операции, и ожидает, что сможет собрать преогромное войско, силами которого и с помощью неба можно добиться скорой и полной победы, тем более, если непобедимый Хикотенкатль, уступив настояниям родины, согласится встать во главе храброго войска «республики».

Сенат, без всяких раздумий, единодушно проголосовал за выполнение всех требований их иноземного покровителя, строго приказав молодому полководцу, который молча наблюдал за происходившим, без промедления собрать все военные силы Тласкалы и выступить во главе их на подмогу испанскому военачальнику, чтобы скорее завершить и облегчить завоевание Теночтитлана, отвечающее общим интересам.

Неторопливо, с суровым видом выступил вперед сын Варгаса: встав перед советниками — спиной к посланцам Кортеса — и опершись правой рукой на свой дротик, он сказал раздраженно, хотя и сдержанно, как того требовало место, где он находился:

— Отцы республики! Если голос воина, к которому вы уже много раз не хотели прислушаться, может громче прозвучать сегодня или хотя бы привлечь к себе ваш слух, я воспользуюсь этим правом, чтобы решительно сказать вам со всей откровенностью, что Тласкала не может, не покрыв себя вечным позором,

подчиняться приказам чужеземных богов и вождей. Теперь уже не Теночтитлан является главным врагом нашей свободы, не против него должны мы воевать: для нашей республики почетнее зваться не лучшим другом людей с востока, а рабом Ацтекского царства.

Возмущенный ропот приглушил голос оратора, но он во всю мощь своих легких взволнованно продолжал:

— Я знаю, к несчастью, что подобные доводы здесь никого не убедят, я могу только молить вас, о отцы родины, взять на себя всю ответственность за те действия, с которыми я не могу согласиться, которых мне не дано понять и осуществлению которых никоим образом я не могу содействовать своими скромными силами.

Старейший из советников поднялся и, словно бы не слышав слов молодого воина, торжественно и сурово объявил, что Тласкала требует должного повиновения и что ему приказано исполнять возложенные на него обязанности, иначе он будет отстранен от них как недостойный такой высокой чести и предан суду как изменник.

Глубокое возмущение, охватившее при этих словах душу Хикотенкатля, можно было сравнить лишь с горькой печалью, поразившей сердце его отца.

Охваченные этими столь разными чувствами, оба они одновременно рванулись к центру зала: первый, по всей видимости, желал сам сорвать с себя знаки отличия верховного военного вождя, чтобы предупредить исполнение услышанной угрозы, а второй своими мольбами хотел отвести от сына эту угрозу.

Встретившись лицом к лицу, юноша и старик, которые так любили друг друга до сего дня, когда между ними встал испанский каудильо, вдруг замерли, с тревогой глядя в глаза друг другу. Каждый угадывал намерение другого. Хикотенкатль боялся, как бы его отец не унизился перед этим высоким собранием, прося за него Совет, а неофит дон Лоренсо, со своей стороны, страшился, как бы его неразумный юный сын не усугубил свою вину новым проявлением неуместной гордыни.

Оба в гневе и в тоске секунду молчали. Тишину нарушил Хикотенкатль, сказав с упреком, но почтительно:

— И ты, отец, ты тоже намерен причинить мне боль! Совет Тласкалы, этот Совет, который...

Старик поспешно прервал сына, ибо уже в первых его словах слышалось обвинение, и, сжимая трясущиеся руки, со слезами на глазах сказал дрожащим голосом:

— Хикотенкатль, сын мой! Сегодня исполнилось двадцать семь лет с того дня, как твоя мать, измученная и обессиленная страшными муками, которые возвестили твое появление на свет, положила тебя мне на руки, сказав: «Боги дали отцу сына, а родине — защитника». Хикотенкатль, прошло двадцать семь лет, и родина призывает тебя, а я обращаюсь с этой же просьбой к сыну. Хикотенкатль, если родина скажет тебе: «Я отвергаю

тебя, ты изменник»,— твой отец ответит: «А я тебя проклиная, ты недостойный сын!» Но этот день станет последним, свет которого увидят мои глаза. Хикотенкатль, подумай об этом! Сегодня исполнилось двадцать семь лет, как ты вошел в мир, причинив страдания своей матери, которая, тем не менее, радостно улыбалась сквозь слезы, ибо я ей сказал: «Ты дала мне сына, который составит все мое счастье!»

Это трогательное напоминание, выраженное безыскусными словами и сопровождаемое патетическим жестом, воспламенило благородное сердце молодого военачальника. Досада и раскаяние еще боролись в его душе, когда он хотел бросить яростный взгляд на Совет, молча взиравший на эту сцену, но невольные слезы, вдруг заставшие ему глаза, погасили готовый было вырваться из них огонь, и, устыдившись своей слабости, подавшись прорвавшимся сыновнему чувству, он бросился в объятия отца, и минуты две комок, сжавший горло, не давал ему произнести ни слова.

Свидетели происходившего были растроганы и хранили молчание, а Совет, казалось, тоже сменил гнев на милость.

Вскинул наконец голову молодой военачальник Тласкалы и сказал с глубоким волнением:

— Сегодня исполнилось ровно двадцать семь лет, как я пришел в мир, и в тот день моя родина и мой отец, верные своим богам, наградили меня силой, которая всегда отличала тласкальцев, и независимым нравом, который должен быть у обитателей независимой страны. Прошло двадцать семь лет, и теперь родина и отец требуют от меня принести в жертву мои убеждения!.. Посылают меня в сражение именем чужеземных божеств, дабы возвеличить тиранов!.. Унижение, которым грозит мне мой справедливый отказ, не обесчестило бы меня, но голос отца проник в мое сердце, и у меня нет сил сохранить свое достоинство ценой его счастья. Двадцать семь лет назад я пришел в мир и с того дня принадлежу Тласкале и тому, кто дал мне жизнь, чтобы служить Тласкале. Пусть распоряжаются мною Тласкала и мой отец, но да не падет на голову подчинившегося вся тяжесть этого недостойного повеления. Я все сказал, отцы республики. Как только солнце погасит свои лучи, дабы не освещать наш позор, пятьдесят тысяч воинов пойдут со мной к Тескоко.

После этих слов он исчез среди возликовавших сановников и, согласно своему обещанию, в последний вечерний час вышел из города во главе многочисленного войска, в центре которого при слабом свете сумерек поблескивал на высоком древке гордый герб «республики»: белый надменный орел на красном поле, вперивший взор в золотое солнце.

— Я вернул себе сына!—говорил, плача от радости, старый Варгас, но тяжкое предчувствие сдавливало ему грудь, и он шепнул дрогнувшим голосом:— Есть счастье, похожее на молнию: ярко блеснет убивающий луч, а потом все тонет в глубокой тьме.

ХИКОТЕНКАТЛЬ

Два дня спустя тласкальское войско вошло в Тескоко. В нескольких милях от города Кортес со своими капитанами встречал славного Хикотенкатля с великими почестями. Под бой барабанов и трубный глас ему было сообщено о предстоящей осаде Теночтитлана и даны наказы, которые следовало строго выполнять. В тот же самый день в распоряжение Кортеса предоставил своих людей тлатоани Тескоко, собравший для своего покровителя около тридцати тысяч воинов. Из Чалько и других союзных городов тоже подоспели не менее значительные силы во главе с обоими вождями Чалько и кичливым вождем-правителем Отумбы.

Грандиозное зрелище являло на общем войсковом смотре, который делал Кортес, это скопление разноплеменных армий, склонивших свои гербы перед штандартом Кастилии, водруженном на чужой далекой земле отрядом в полторы тысячи авантюристов, число которых не увеличивалось, хотя испанцы не раз получали подкрепления.

За два дня до начала окружения Теночтитлана в поздний час, когда все войска были разведены по своим лагерям, а жители Тескоко спали, какой-то человек высокого роста, кутавшийся в широкий плащ, медленно прогуливался по берегу безлюдного озера. Время от времени он останавливался, бросая грустные взгляды туда, где столица Царства ацтеков устремляла ввысь стройные башни своих огромных храмов-теокальи.

Невозможно передать душевное состояние, лишавшее покоя закутанного с головы до ног человека, не вспомнив при этом, что на том же самом роковом берегу и в таком же меланхоличном настроении мы видели, еще не столь давно, храброго Какумацина, которому жестокая судьба не дала увидеть рождение того нового дня, когда смогли бы рассеяться ночные кошмары, в которые обращались его горькие думы неукротимой бессонницей.

Думы столь же печальные, правда, иного рода, тревожили гнавшего сон незнакомца, который теперь занимает нас и чье имя, возможно, перестанет быть тайной для наших снисходительных читателей, если они обратят внимание на одно обстоятельство: при слабом свете луны, опускавшейся за горизонт как раз в то время, когда мы предложили остановить ваш взор на одинокой фигуре, можно было заметить, что порывы ночного ветерка распахивали полы плаща и открывалась его одежда — белого и красного цвета. Впрочем, это еще мало о чем нам говорит. Больше скажет сам незнакомец, который, снова остановившись в задумчивости и обратив взор к Теночтитлану, произнесет наконец следующие слова, не оставляющие у нас никакого сомнения насчет того, кому они принадлежат:

— О Теночтитлан, Теночтитлан! С малолетства я учился ненавидеть твое имя, но сегодня, устыженный тобой, я сочувствую тебе и завидую твоей судьбе! Победишь ты или будешь разрушен?.. Впрочем, это неважно! Целый или лежащий в обломках, ты сохранишь свою славу. А вот о твоём старом враге, то побеждавшем, то покорявшемся, будут помнить лишь то, что он вступил на твои земли, чтобы надеть на тебя цепи, которые самым постыдным образом сам надел на собственную шею.

Он умолк, ибо в его голове роилось столько разных мыслей, что губы не могли бы их все произнести. После того, как, поддавшись сыновнему чувству, он неожиданно для себя пожертвовал своими самыми сокровенными убеждениями, Хикотенкатль почувствовал, что его начинает мучить раскаяние. Проявленное малодушие заставило его залиться краской, и несколько раз ему пришлось преодолеть искушение вернуться, чтобы, бросившись к ногам отца — так он был устыжен, — предложить тому свою жизнь, которую ненавидел, ибо должен был покрыть ее позором, отдавая себя добровольно для защиты иноземных тиранов. Никогда еще не происходила в его душе такая жестокая борьба, как в ту ночь, о которой идет рассказ.

В его разгоряченном мозгу мелькали картины минувшего дня: торжественное объявление об осаде Теночтитлана, шум ликующих голосов, бригантины в канале перед выходом в озеро; другие военные приготовления, произведенные поразительно точно и обдуманно, и, наконец, зрелище такой массы племен и народностей, мятежных и предающих свою землю, готовых своим оружием возвеличить неизвестного им монарха, притом ведомых своими законными вождями. Все это, им виденное, наводило на грустные размышления, и вдруг показалось не только диким и гнусным, но преступным и трусливым действием подобное выступление в поддержку испанских насильников и захватчиков против верховного вождя, преданного своими вождями-данниками и без причин преследуемого неблагодарными гостями, которые нашли у его предшественника, Моктесумы, столь же щедрое, сколь и губительное для несчастного монарха гостеприимство.

Хикотенкатль видел в тот день огромные силы, собранные завоевателем; по собственному опыту он знал, какие выгоды приносит тактика и дисциплина войск во главе с испанцами, а также их превосходство в вооружении. И, подумав о реках крови, которые прольются в предстоящих сражениях, представив себе возможность гибели царства ацтеков, он не мог не содрогнуться и в страхе тут же спросил себя: а какой же окажется в таком случае судьба Тласкалы? Уже сегодня она — орудие чужих вождедений, а что может завтра ожидать это могущественное государство долины Анауак от тех, чью власть само признало?

— О непостоянная и обольщенная врагом страна свободы! — воскликнул молодой воин, похолодев от этих мыслей. —

Неужели я должен уступить твоим безумным требованиям и неразумным просьбам отца, чье сердце стало бесчувственным от холода его семидесяти зим? Неужели я должен сражаться под командой чужеземного военачальника, чтобы завоевывать для его господина индейские владения? А Совет, обманывающий сам себя и убаюканный своей же доверчивостью, не прислушался к моему голосу, кричавшему: «Очнись, неразумный, очнись, еще есть время, но завтра уже будет поздно! Встань и оглянись на родину, которая, доверившись тебе, забывает о былой славе, но позже, одумавшись, у тебя же потребует вернуть ей свободу, ибо ее свобода утонет в реках крови, которые потекут по всем этим землям и смешаются с водами этого озера! У тебя не останется выбора после этой борьбы не на жизнь, а на смерть! Тот, кто победит, станет твоим господином!»

Завершив свой страстный монолог, словно и в самом деле он выступал перед Советом Тласкалы, Хикотенкатль погрузился в глубокое и долгое раздумье. Затем снова ходил в волнении вдоль берега и снова останавливался.

Без сомнения, все эти часы он мучительно обдумывал, как ему поступить: принять или отвергнуть страшное решение. Когда же он увидел, как заалели облака на востоке, возвещая скорое появление солнца, его колебаниям пришел конец. Он надвинул капюшон на самые брови, сжал в руке дротик, воткнувший ранее в прибрежный песок, и быстро зашагал прочь.

Шесть часов спустя вожди тласкальского войска сообщили Кортесу, что в Тескоко нет их военачальника Хикотенкатля, а один тескоканец заявил, что встретил его в двух лигах от города, одинокого и переодетого, и спешившего вроде бы к границам Тласкалы. Испанский каудильо приказал тем, кто принес эту весть, отправиться вместе с другими теуктли из Тескоко в погоню за беглецом, повелев убедить его тотчас вернуться в лагерь, приказать ему, наконец, сделать это именем Совета Тласкалы, если уговоры не возымеют действия.

Хикотенкатль, уставший от многодневных тяжелых дум и волнений, от бессонной ночи и уже изрядно долгого пути, остановился отдохнуть в небольшом селении на землях Тескоко, где его и нашли в маленькой хижине эмиссары Кортеса.

Удивленный их появлением, но спокойный и решительный, он выслушал их, не перебивая, не выказывая никаких признаков недовольства или, напротив, согласия, пока не исчерпалась весь запас красноречия тех, кто говорил ему о гнусности дезертирства, о том, что для его же славы, даже для спасения жизни ему надо вернуться с ними и служить интересам республики-родины, какие совпадают с интересами всех ее союзников.

Молодой военачальник ограничился коротким, но энергичным ответом:

— Если я преступник и заслуживаю смерти, я предстану только перед теми, кто имеет право меня судить. Передайте

тому, кто вас послал, что, покинув его лагерь, я бежал не от опасностей, а от позора и что позор падет на головы тех, кто осмелится осуждать поступок воина, который всегда был первым в сражениях и последним при отступлении, когда он сражался за свободу и честь родины, а не во славу корыстных пришельцев. Мне больше нечего добавить, и я не желаю слушать повторения того, что вы уже высказали.

Посланцы вернулись в Тескоко, не добившись цели, а Хикотенкатль после двухчасового отдыха продолжил свой путь, обдумывая речь, которую он произнесет перед Советом, чтобы вырвать советников, если удастся, из плена их роковых заблуждений.

— Если же ничего не получится, — размышлял он, — если они, как обычно, останутся глухи к моему зову, если их глаза не разглядят истину, пусть возьмут мою жизнь, но моя честь останется при мне. Когда-нибудь моя смерть еще покажется завидной, ибо я приму ее, отстаивая свободу своей родины, предпочтя могилу бесчестию.

Углубившись в свои мысли, Хикотенкатль продолжал идти размеренным шагом, когда вдруг услышал за спиной цокот лошадиных копыт, становившийся все громче. Он сошел к обочине дороги, спрятался за раскидистыми ветвями цветущего мамея и посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Вскоре он увидел, что неспешной рысью приближаются четверо испанских солдат-кавалеристов в сопровождении альгуасила верхом на кордовской кобыле, принадлежавшей Кортесу. Внимательные взгляды, которые они бросали по сторонам, свидетельствовали о том, что они кого-то ищут, и Хикотенкатль ни минуты не сомневался, что преследователи охотятся за ним.

Едва ли всадники не заметили бы его, и к тому же гордость не позволяла ему прятаться. И когда солдаты подъехали вплотную к тому месту, где он стоял, Хикотенкатль вышел им навстречу, спокойно и твердо. Ему было известно не так много слов из испанского языка, и, более полагаясь на красноречивость своих жестов, нежели на слова, он все же промолвил с достоинством:

— Теуктли! Не меня ли вы ищете? Я иду в свою страну, и вы мне не нужны.

Солдаты, верные исполнители жестокого наказа, тут же пронзили ему грудь пиками и, подняв затем с окровавленной земли, на которую он рухнул, умирая, повесили его на одной из ветвей дерева, только что его укрывавшего.

— Тласкала! Отец! — были последние слова, которые прошептал несчастный, чье тело стало добычей хищных сопилотов¹. Участники же кровавой расправы быстро вернулись и доложили Кортесу о выполнении его бесчеловечного приговора.

¹ Сопилот — латиноамериканский стервятник с черно-зеленым оперением и красными перышками на голове

Такой черной неблагодарностью испанский военачальник отплатил за любезности своему старому другу дону Лоренсо де Варгасу, и мы отнюдь не склонны предположить — дабы несколько сгладить неприятное впечатление, произведенное на нас подобным фактом, — что Кортес хотя бы в душе почувствовал скорбь или втайне пролил слезу по поводу принесения столь большой жертвы в угоду своей жестокой политике. Нет, тот день был слишком заполнен важными приготовлениями, чтобы Кортеса могли волновать иные мысли или заботы, кроме многочисленных и серьезных дел, относящихся к его грандиозной затее, судьба которой решалась в ту пору.

Утром 13 мая 1521 года¹, когда стервятники в свое полное удовольствие пировали на трупе героя из Тласкалы, флот Кортеса уже был на озере Тескоко: горделиво взмыл ввысь испанский стяг под грохот двенадцати пушечных выстрелов и ликующие вопли союзных войск, заполнивших берег.

VI

ОСАДА ТЕНОЧТИТЛАНА

Взяв на себя командование своей небольшой армадой, Кортес разделил сухопутные силы на три войска во главе с Сандовалем, Альварадо и Олидом, которые выступили (в тот же самый день, когда были спущены на воду бригантины) в направлении Такубы, Койоакана и Истапалапы, чтобы отрезать столицу от этих важных городов с востока, запада и юга.

Теночтитлан сосредоточил для своей защиты все основные силы Ацтекского царства: цвет молодого воинства и самые прославленные вожди из всех подданных городов и земель собрались в подвергавшейся опасности столице, а остальные многочисленные отряды расположились в близлежащих городах и селениях.

Первые лучи солнца озарили выступление из Тескоко захватнических войск, а в тихих водах озера отразились под возгоравшимся небом развернутые испанские стяги. Восход солнца громко и торжественно приветствовали и многочисленные защитники Теночтитлана, заполнившие площади и улицы столицы. Здесь, вокруг эмблемы Ацтекского царства, красовавшейся на длинном древке, над головами людей покачивались на шестах разноликие гербы индейских городов: Сопанко — бледных тонов, Мехикальцинко — черный с красными звездами, Тепеполько — с коронованным пеликаном на серебристом поле, Тулы — с двумя жемчужными башнями на зеленом поле, Хочимилько — с голубым крокодилом, который еще никогда не падал на землю;

¹ Эту дату указывает хронист Берналь Диас дель Кастильо

Атласко — с бусами из драгоценных камней, шевелящимися при дуновении ветра; Куатлитана — с гирляндами золотистого цвета и белыми, как пена, лентами; удивительный герб Куанауака — два куска огненно-красной материи, прикрепленных к древку серебряной львиной лапой, — и многие другие эмблемы, которые невозможно перечислить.

Упомянем лишь, что в Теночтитлане находились и гордые обитатели Пополоки, и отважные сыны Малиналько, и пылкие уроженцы прекрасной Тосантлы, древнего Сопи, вулканических земель Колимы; и те, кто слышал несмолкаемый ропот Тихого океана на влажном побережье Акапулько; и те, кто жил в каменных пещерах горы Туспа; были там и дикие сапотекы, и воинственные минхе, и разодетые оланчи, которые воздвигли свой город на золотоносной земле; и нелюдимые тантаманки, чьи неприступные ущелья впоследствии стали знамениты под названием Сан Луис Потоси;¹ и сластолюбивые мескаленки, и учтивые сакуальки, и те, кто весь год наслаждался дивными ароматами садов Атотонилько... И наконец, здесь были жители с берегов озера Чапала, а также и те, кто пил воду из Яки, кто орошал свои родные поля водой из Наепле, и те, кто засыпал по вечерам под шум водопадов Рио Гранде.

Куаутемок сам идет вдоль плотных рядов всех этих войск, то и дело обращаясь к ним с краткими и горячими призывами, в ответ на которые несутся воинственные крики. Высоко поднятый защитный козырек шлема позволяет видеть юношеские черты его лица, изрытого оспинами; тяжкая болезнь оставила свои следы на щеках, но глаза его пылали в тот день почти нечеловеческим огнем. Великолепный плюмаж его золотого шлема покачивал на ветру своими зелеными и пурпурными перьями; грудь и спину защищала кираса из трехслойного спрессованного хлопка, сверху покрытая красивой серебротканой материей, а от пояса до колен спускалась широкая белая юбка с пурпурными узорами; тонкими ремнями из бизоньей шкуры были подвязаны его легкие сандалии. Шпага толедской стали — бесценный трофей — висит на правом боку в богатых ножнах, украшенных изумрудами и бирюзой; на левой руке — огромный щит, на правую руку накинута зеленая царская мантия, отороченная мехом горностая.

В десять утра испанцы пошли в наступление, бросив три отряда на упомянутые выше города и подняв паруса бригаنتين, лежавших в дрейфе.

Три атаки отразили силы Ацтекского царства, но главной заботой великого властителя была флотилия, которой командовал Кортес и которая нагоняла страх на его людей, ибо индейцы, пользуясь лишь каноэ, никогда не видели таких кораблей.

¹ Ныне область в центральной Мексике, известная добычей серебра и других цветных металлов.

И вот в один прекрасный момент, когда утих ветер, поверхность озера сплошь покрылась маленькими лодками, которые на веслах устремились навстречу бригаантинам. Разгорелась бы кровопролитная битва, если бы продолжался штиль и ацтекский «флот» успел окружить испанские суда, но снова повеял ветерок, надул паруса, и бригаантины в неодолимом броске прорвали цепь ошестинившихся дротиками каноэ, которые рассеялись по сторонам, как стаи голубей после выстрела охотника, а испанцы стали полными хозяевами этого водного поля боя, где их превосходство сделалось бесспорным. Отнюдь не столь заметны были успехи сухопутных испанских сил. Такуба отбила атаку мощного отряда Альварадо, который довольствовался одним (но довольно важным) достижением: его солдаты разрушили акведуки Чапультепека, которые снабжали водой приозерные поселения и Теночтитлан.

Сандоваль тоже добился не многого. После жестокого сражения с защитниками Истапалапы этому капитану пришлось отойти на исходные позиции. А Кристобаль де Олид, упорно стремившийся завладеть Койоаканом, дорого заплатил бы за свое упрямство, если бы к нему на выручку не подоспела флотилия Кортеса.

Судовые пушки начали бить по храмам-теокальи Койоакана, превращенным в крепости, но койоаканцев не удалось запугать: буквально под жерлами орудий индейцы двинули навстречу испанцам массу каноэ, заполненных воинами, небо покрылось тучами дротиков и стрел.

Неожиданное сопротивление дало испанскому каудильо представление о трудностях, с какими могли встретиться два его других капитана, если их вовремя не поддержать. И Кортес тут же распорядился послать на помощь Альварадо четыре бригаантины, Сандовалю — три, а с шестью остальными решил помогать Олиду.

Поддержанные судами со стороны озера, три большие сухопутные части Кортесовой армии снова идут в атаку на три города, преграждавшие путь к Теночтитлану: сокрушают баррикады, сложенные осажденными на дорогах-дамбах через озеро; форсируют каналы и подходят почти к самой столице, заваливая обломками поджигаемых по пути домов бреши мостов, разрушенных индейцами.

Однако оборона столь тщательно подготовлена, ацтекские войска сражаются с такой отвагой, что, несмотря на первые удачи, захватчикам не удается добиться решающего преимущества, и они в конце концов отступают после двенадцати часов непрестанных боев. Осажденные же спешат восстановить фортификации, а великий властитель Куаутемок (который тоже сражался врукопашную на дорогах), вместо того чтобы немного отдохнуть, всю ночь проводит там, где возводятся новые укрепления, посылает людей ставить новые преграды врагу, дает

необходимые распоряжения о подвозе на каноэ провианта и снаряжения в столицу, поскольку противник перерезал дороги, соединяющие Теночтитлан с сушей, и разрушил акведуки Чапультепека, так что столица отныне не имела иной питьевой воды, кроме соленых вод озера.

Оставим пока отважного Куаутемока наедине с его заботами и обратимся к поистине прекрасному и патетическому зрелищу, которое являет во дворце его семья.

В день сражения властительная супруга и остальные женщины собрались в большом храме-теокальи бога Уицилопочтли, присоединяя свою молчаливую мольбу к песнопениям жрецов, которые просили могущественное божество защитить его верных слуг. Вернувшись из храма с наступлением ночи, они долго и напрасно ждали Куаутемока с вождями-сородичами.

Уалькацинтла сидела в окружении прелестной Оталицы, печальной Текуиспы, прекрасной Теуитлы, безутешной Миасочили, а также дочерей и сестер многих вождей-правителей, которые сочли благоразумным оставить в дни опасности своих близких под покровительством Уалькацинтлы. Таким образом, в ту ночь, о которой мы рассказываем, в покоях супруги Куаутемока собрались все самые красивые и родовитые молодые женщины (старшей из которых — вдове Моктесумы — еще не исполнилось и тридцати лет) из приозерных городов-государств.

Там, в их кругу, своей величественной фигурой выделялась сестра несчастного вождя из Матлальцинко, супруга вождя-правителя Атенко; там сверкали огромные черные, удивительно живые глаза супруги вождя из Сопанко, принадлежавшей славному роду: в ее жилах и тонких прожилках, голубевших под нежной кожей, текла кровь древних тольтеков; там была тайно вздыхавшая по храброму вождю-правителю из Хочимилько единственная дочь вождя из Атлиско, которая отличалась от своих соотечественниц такой белизной лица, хрупкостью и нежностью своего облика, что ее прозвали Местликочитль¹. Там, наконец, присутствовали и две преклонных лет женщины из Такубы: матери Куаутемока и его сводного брата Нецалька; мужественная супруга вождя из Тлакопана, не подпускавшая супруга к брачному ложу с тех пор, как он показал спину врагу; две молодые жены влюбчивого и непостоянного Исканексумы, вождя-правителя из Тепеполько со своими весьма привлекательными девушками-рабынями, которые потворствовали мимолетным прихотям своего господина.

На изящном мозаичном столе в большой золотой чаше курится благовонный копаль во славу хранителей очага-тепистотонов, а вокруг стола — окруженные белыми облаками душистого дыма — восседают на креслах из драгоценных пород деревьев

¹ «Дева полнолуния» (*науа*).

благородные представительницы индейской знати, названные нами любезному читателю.

— Сестра Солнца уже сошла с голубых полей в своем паланкине из слоновой кости, оставив в печали землю, которая без нее тоскует,— говорит наконец после часа молчания супруга монарха.— Наверное, уже прошла половина ночи, но еще не вернулся отдохнуть в лоно своих тепистотонов мой муж — слава ацтеков и счастье моей души.

— Не горюй, моя дорогая сестра,— ласково отвечает Оталица.— Враги-теуктли, разящие молниями, отступили к своим лагерьям, как только Тонатиу склонил свою пылающую голову на ложе, которое готовят ему ветры Запада и которые закрывают за ним пурпурный занавес. Мы ведь уже слышали из уст гонцов твоего супруга, что он вышел из сражения жив и невредим и что вместе с ним избежали беды все воины, дорогие нашему сердцу.

— Воины из рода Моктесумы,— громко восклицает гордая жена вождя из Атенко,— не помышляют об отдыхе, когда его может нарушить боевой клич врага. Великий властитель со своими тлатоани выполняют свой долг и во мраке ночи и при блеске дня. Они придут к нам, когда смогут сказать: «Спи спокойно, супруга; покоящаяся на твоей груди голова увенчана победной короной бога Уицилопочтли».

— Они скоро смогут это сказать,— добавляет бесстрашная женщина из Тлакопана.— Боги предрекли гибель этим чудовищам с востока, а сердце подсказывает мне, что прежде, чем Местли покажет на небе свой бледный лик, мои глаза узрят ручьи крови последнего из них на жертвенном камне, а мои зубы вопьются в его тело.

— Ты сказала,— с жаром возражает юная Текуиспа,— и прекрасные, и страшные слова. Я всего-навсего девушка, в груди которой еле слышно бьется жизнь, хотя меня еще не коснулся холод моей двадцать четвертой зимы, но мне кажется неподобающим для женщины, грудь которой вскормила младенца, жадать человеческого мяса. Твои сыновья восславят тебя, когда положат вражьи сердца на алтарь Уицилопочтли, но они со страхом прикоснутся губами к твоей руке, когда она, протягиваясь к ним, замарают их головы кровью.

— Молчи, Текуиспа! — говорит, содрогнувшись, прекрасная Местликочитль.— Я слышу заунывное пение птицы гуанаба. Значит, нас ожидает несчастье. О, горе мне! Зачем мой возлюбленный украсил свой шлем роскошным плюмажем из перьев этой птицы, предрекающей беды?.. Она назовет погибель на его голову!

В самом деле, издали слышался грустный посвист этой птицы, чье дивное оперение могло бы поспорить лишь с оперением африканского марабу, и зловещая тишина опустилась на женщин.

Немного погодя во дворец вернулся великий властитель со своими тлатоани, но женщины не смогли скрыть охватившего их

чувства подавленности и уныния, и Уалькацинтла, отерев пот с лица своего властительного супруга, тихо сказала ему дрожащим голосом:

— Птица-гуанаба пела песнь на берегах канала! Пожелай сыну счастья, Куаутемок, ибо час горестей близок!

VII

ПЛАН «ТРИДЦАТИ ДНЕЙ» И ЕГО ПРОВАЛ

Несмотря на свой выдающийся военный талант, Эрнан Кортес не мог разработать иного, более подходящего плана осады города, подобного Теночтитлану, тогда как Куаутемок прекрасно знал, каким образом надо оборонять такой город.

С 13 мая, когда — и мы уже знаем об этом — была предпринята первая попытка взять приступом великую столицу, и до 12 июня, когда первоначальные намерения испанцев претерпели некоторое изменение, осада города проводилась так, как она была задумана вначале: то есть сражения происходили только днем, а ночью осажденные имели полную возможность снова восстанавливать свои защитные сооружения, сводя на нет успехи противника.

И потому бои, которые обе стороны вели с одинаковой отвагой и упорством, не приносили преимуществ ни одной из сторон.

В осажденной столице ацтеков стал ощущаться недостаток продовольствия, ибо бригаантины непрерывно бороздили воды озера, охотясь за каноэ, подвозившими провиант. Не раз обитатели Теночтитлана видели по утрам тела лодочников — поставщиков съестного, захваченных ночью испанцами и повешенных на реях. Однако не всегда бдительность осаждавших превосходила осторожность осажденных, и угроза голода еще не прибавилась к их остальным бедам.

С большими или меньшими потерями Кортес ежедневно продвигался к Теночтитлану и ежедневно вынужден был отходить назад, довольствуясь поджогами домов, разрушением мостов и порчей дорог, которые к следующему утру восстанавливались людьми Куаутемока.

Устав от такого упорного сопротивления и убедившись наконец в несостоятельности атак подобного рода, Кортес частично изменил свою тактику, и бои приняли более затяжной и жестокий характер.

Было бы излишне рассказывать о всех подробностях этой беспощадной борьбы, когда, как одни, так и другие не видели иного выхода, кроме победы или смерти.

В обоих лагерях не смыкают глаз; рука сжимает оружие день и ночь, — ревет ли ураган, сверкает ли молниями гроза; в жару

и в холод, в дожди и в туманы,— всегда на чеку, всегда готовы к внезапному броску, всегда одинаково бдительны,— война продолжалась, и конца ей не было видно.

В самом деле, фортуна была очень изменчива, словно не решалась вынести окончательный приговор. Если в одном сражении Альварадо смог опустошить Такубу, то в другом, под Койоаканом, войско под командой Олида было разгромлено. Если Кортес не без успеха старался затруднить ввоз продовольствия в город, то противник, ставя заслоны на пути его флотилии, даже умудрился однажды захватить лучшую из его бригадин.

Напрасно знаменитый капитан пытался найти какой-нибудь хитроумный ход и применение своей неумолимой энергии, показывая примеры личной отваги: ацтекские войска, вдохновляемые своим вождем-властителем, защищались с такой беззаветной храбростью и упорством, что бои шли за каждую пядь земли, на которую с излишней опрометчивостью ступила нога захватчика.

Чаша победы не склонялась ни на чью сторону даже тогда, когда, казалось бы, измена могла определить успех, приблизить час катастрофы.

Как мы уже говорили, в войсках Куаутемока сражались почти все вожди-правители приозерных городов, и их присутствием решили воспользоваться три властолюбивые личности, одинаково достойные порицания. Один из предателей, бывший дальним родственником вождя-правителя Истапалапы, остался вместо него господствовать во владениях этого города; другой был видным военачальником Ацтекского царства и командовал большим отрядом воинов, которые защищали Койоакан, отбивавший все атаки испанцев, и, наконец, третий предатель — тлатоани из Чурубуско, коварный и влиятельный человек, задумал использовать свою популярность у местных жителей, ибо был богат и умел завоевывать расположение людей.

Столковавшись между собой, эти три вероломных человека вошли в секретные переговоры с неприятелем и обещали сдать города, где они временно правили, если им будет торжественно обещано законное господство в их владениях под покровительством Кортеса.

Кортес, конечно, с радостью согласился предоставить необходимые гарантии обольщенным иллюзиями мятежникам, которые выполнили гибельные условия договора и отдали во власть испанского каудильо вверенные им города.

Для Куаутемока это был сильный и неожиданный удар, тем более что враг снова обрел свою было пошатнувшуюся надежду на победу и решился перейти в широкое наступление, пополнив свои войска людьми из этих сдавшихся городов.

Кортес тщательно определил цели всех войсковых частей, составил продуманный план действий, который мог привести к серьезным успехам; распорядился, чтобы войска засыпали землей каналы и протоки на случай отступления, и сам подробно

объяснил каждому из своих капитанов, как себя вести в той или иной ситуации. Для грандиозного наступления, которому, по его расчетам, надлежало стать завершающим, был выбран день 29 июня.

Ни одно из его приготовлений не ускользнуло, однако, от неусыпного внимания ацтекского властителя. Куаутемок понимал, что подходит грозный день, когда будут решаться судьбы царства, и, несмотря на последние несчастья, на внутренние конфликты, которые вызывала уже ошутимая нехватка продовольствия, несмотря, наконец, на гнетущее убеждение, что конец ацтеков предрешен и час гибели близок, он почувствовал, как в его жилах закипела кровь при мыслях о родине, как охватил его новый порыв отваги, как прояснился разум, и душу его охватила столь героическая решимость, что испугалось бы вражье счастье, если бы оно, бесчеловечное, не было слепым.

Под стать своему прославленному монарху были настроены — яростно и смело — его вожди-военачальники, среди которых особенно рвались в сражение законные тлатоани земель, предательски отданных испанцам. Это был вождь-правитель Истанапалпы, еще бодрый старец, белые волосы которого удивительно контрастировали с горящими черными глазами, метавшими искры. Двое других еще не достигли своего шестого пятилетия, но у обоих серебряный шлем был перевязан красным шнуром, что указывало на их принадлежность к властительному роду, а множество кисточек на шнуре свидетельствовало о большом числе ратных подвигов.

Среди стольких прославленных воинов была и — скажем так — амазонка, которая, убоявшись, что холод пятидесяти семи декабрей, овевших стужей чело ее супруга, умерит его воинственный пыл, двадцать восемь лет назад покоривший ее гордое сердце, надела кирасу, закинула за спину тяжелый колчан и, сжимая копье в одной руке и держа щит в другой, поспешила показать пример своим двум сыновьям, едва достигшим юношеского возраста, когда жестокая война призвала их отдать родине силы.

Читателям не понадобится наша подсказка, чтобы узнать в этой бесстрашной женщине мужественную Килену, супругу вождя-властителя Тлакопана.

Молниями сверкают ее глаза сквозь отверстия в защитном козырьке, сделанном из раковины, обрамленной золотом; легкий румянец покрывает ее выразительное лицо, хотя уже и лишенное свежих красок первой молодости, но еще хранящее ту живую красоту, которая некогда заставила тлакопанского вождя — отпрыска древнего рода колуа — забыть, что весь этот блеск придавала ей кровь воинственных тарасков.

Гордая женщина встает впереди мужа между своими подростками-сыновьями, которых она страстно призывает предпочесть смерть позору.

— Моя плоть,—говорила она,—та плоть, что дала вам жизнь и укрывала вас девять лун, послужит щитом для ваших сердец, пока в них будет место алтарям родины, пока они будут биться во славу великого Уицилопочтли, но если я почувствую, что они дрогнули, сжались от страха... Вот эта моя рука, учившая вас ходить, поднимется и пронзит ваши сердца копьем, если его опозорит ваша рука.

Достойные сыновья своей матери, оба тлакопанских властительных юноши отвечали, дрожа от гнева и обратив на нее пылающий взор:

— Как ты осмелилась сказать, что подозреваешь нас в трусости и не пожелала вспомнить, что мы вскормлены твоим молоком и в нас — твоя кровь!

Хотя примеру Килены никто не последовал, ее слова произвели впечатление на прекрасных обитательниц монарших покоев. И в ночь перед тем знаменательным днем они собрались в зале властительной Уалькацинтли, сели в круг на мягкие подушки и стали прикреплять перья к стрелам, готовить бальзамы для раненых, а некоторые из них взяли в свои слабые руки пращу для метания камней, чтобы научиться ею владеть, если беда подступит к этим стенам.

Едва порозовел восток, послышалось движение в обоих лагерях, и женщины, преодолевая томление души, хором запели военный гимн во славу Уицилопочтли, хотя их нежным тихим голосам отнюдь не соответствовали содержавшиеся в гимне военные угрозы.

Волнение быстро нарастало. По улицам шли все новые и новые войска, спешившие к дорогам; время от времени, покрывая шум толпы, слышались энергичные голоса вождей, которые поднимали дух воинов короткими яростными призывами; и наконец первый ружейный залп врагов потряс воздух: страшное сражение началось.

Властитель ацтеков устремляется к местам, где возникает особая опасность, и вершит чудеса храбрости. Там, где в клубах порохового дыма мелькает его пышный плюмаж, туда спешит смерть собирать урожай. Там, где слышится его громкий голос, рождается героизм и утверждается победа. Его клинок всегда разит смертельно, его лук шлет стрелы только в цель.

Но вдруг на ацтекское войско с трех сторон обрушивается вражеская кавалерия. В этот же миг раздается грохот пушечной канонады на водах озера, что возвещает о победе союзников Кортеса над воинами Куаутемока, сражавшимися на каноэ. Ожесточенность битвы достигает предела; кровь течет потоками, но отчаянный бой не унимается. Однако наконец в ацтекских войсках открывается брешь, и Кортес с одной стороны, Сандоваль — с другой, бросившись вперед, расширяют ее, вырываются на главную дорогу и уже достигают города, преследуя индейцев, которые, не оборачиваясь к ним спиной, быстро отступают.

В пылу радости испанцы забывают о флангах: непрестанно гремит голос Кортеса «Вперед! Вперед!», и послушные ему солдаты в таком неодолимом порыве устремляются к Теночтитлану, что кажется, будто пули пронзают плотные ряды индейцев как бумажную стену.

— Соратники! — восклицает Кортес. — Теночтитлан — наш! Теперь — на Тлателолько! Не успеет зайти солнце, как на большом теокальи взвоется флаг Кастилии!

— На Тлателолько! — вторят ему криками победоносные войска, сгоряча не видящие, что вражеские полчища, в центр которых они вклинились, полностью окружили их и что множество каное с индейскими воинами ворвались в канал, который они не перекрыли, беспечно позабыв о том.

Ацтекские войска уже не отступают, они, словно по волшебству, устроились и сплоченной массой, нацелив на испанцев копья, замкнули вокруг них кольцо. Напрасно старались захватчики вырваться, напрасно Кортес, спохватившись и вспомнив о подобном же хитром маневре врага под Такубой, вскипает яростью и поносит на чем свет стоит своих потерявших голову людей. Но тут же дает команду своим всадникам и во главе кавалерии сам устремляется туда, где над головами индейцев покачивается на высоком древке эмблема Ацтекского царства, устремляется с такой бешеной силой, что прорывает тройное ограждение вокруг эмблемы и обрушивает страшный удар на голову «знаменосца»: ацтек падает, выпуская из рук священную реликвию.

При виде такой беды — а по суеверным понятиям ацтеков потеря воинской эмблемы равна поражению — многоголосый вопль ужаса оглашает поле битвы, однако быстрый как молния воин-ацтек вырывается из облака порохового дыма и под прикрытием тучи стрел поднимает и возносит — левой рукой — вверх древко с гербом Теночтитлана под общий крик радости индейцев, а правой рукой успевает достать клинком грудь дерзкого смельчака-испанца.

Ацтекские воины громогласно повторяют имя героя. Услышав, что противник, с которым он столкнулся лицом к лицу, — сам Куаутемок, легко раненный Кортес безумеет от ярости, но успевает отдавать приказы своим стиснутым со всех сторон эскадронам и с такой отчаянной смелостью вырывается из окружения, что никто не может удержать его.

И тут ацтекский властитель подает знак рукой. С быстротой электрического тока пробегает эта весть через все индейское войско, и вот уже над всем Теночтитланом несется оглушительный, жуткий и странный вой, долетающий до соседних гор.

Испанцы, не понимая, откуда он исторгается, невольно замирают и прислушиваются. В то же время индейцы, не помня себя от жажды мести и крови, бросаются на них, будто в этом таинственном и мрачном завывании им слышится голос всемогущего божества, повелевающего презреть жизнь во имя святого отмщения.

ПОРАЖЕНИЕ КОРТЕСА

Замысел Куаутемока был достоин его мудрости. Те грозные торжественные звуки были голосом священной раковины, хранившейся в большом храме Уицилопочтли под присмотром трехсот жрецов, единственной заботой которых была забота о неприкосновенной реликвии. Один только уэй-теописк — или верховный жрец — имел право заставить звучать этот священный инструмент и лишь тогда, когда родине грозила смертельная опасность.

Бесстрашие ацтеков, переходившее почти в безумие, в религиозный фанатизм под жуткий гул раковины, дорого обошлось Эрнану Кортесу в тот достопамятный день. Ему не удалось поднять дух своего войска, которое уступило яростному натиску врага. Поле сражения было усеяно трупами, воды озера помутнели от крови, разрозненные отряды захватчиков в панике искали путь к отступлению, а победители еще более ожесточались, видя растерянность побежденных, но уже опускалась ночь, накрывая своим траурным покрывалом леденящее душу зрелище. Лишь приход тьмы спас разгромленное войско, а если бы продлился день, испанцы не нашли бы спасения.

Мрак, всегда помогающий бегству, и ослабевавший натиск индейцев, веривших, что любое сражение несет гибель, если оно не освещается солнцем, позволили наконец Кортесу с большим трудом упорядочить отступление. В битве пали одиннадцать тысяч союзных ему воинов-индейцев и двадцать или тридцать его солдат, а также храбрый капитан Олеа, который погиб, как всегда защищая своего капитана, хотя до сих пор судьба его миловала. Кроме значительного урона, нанесенного испанцам, противнику удалось захватить три тысячи пленных, среди которых находились шестьдесят испанских солдат, известных своей храбростью.

Эта беда была не единственной, которую принес трагический день отважным авантюристам, привыкшим нести победу на своих штандартах.

Педро де Альварадо, в начале сражения добившийся некоторого перевеса, полностью его лишился, когда появившийся откуда ни возмись свежий ацтекский отряд бросил на землю в качестве грозного вызова пять отрубленных бородатых голов, сопровождая дар такими страшными словами:

— Вот вам ваш военачальник и его лучшие капитаны! Мы отдаем вам эти головы в обмен на голову вашего Тонатиу. — Так, «Солнцем», индейцы называли красавца Альварадо.

Подобная акция произвела ожидаемое действие. Испанские солдаты остолбенели при виде катившихся к ним окровавленных голов, принадлежавших, по словам индейцев, Кортесу и его капитанам; растерялся от неожиданности и сам Альварадо, а внезапно подоспевшее индейское подкрепление, воодушевив своих

воинов сообщением о победе и видом трофеев, вскоре склонило успех на сторону ацтеков. В час, когда преследуемое остервеневшим врагом войско захватчиков стало отходить, завывания раковины Уицилопочтли возвестили разгром одних и ввергли в безотчетную ярость других.

Трудно передать читателю все ужасы бегства, которое стоило испанскому каудильо одной трети его людей, но достаточно полное представление обо всем этом дают простые и точные слова уже не раз цитированного нами Берналя Диаса дель Кастильо:

«Мы отступали (говорит он) под какое-то тоскливейшее завывание, похожее на голос самого дьявола, и такое громкое, что слышалось оно на две или три лиги округ. Это был знак, который подавал своим людям император ацтеков, дабы они знали, что им следует либо наступать, либо умереть. Это завывание действовало на нас удручающе, но врагов словно подстегивало: они бросились на нас с великим ожесточением, и, если бы Бог не пришел нам на помощь, спастись не было бы никакой возможности».

В этой битве с участием Альварадо, о которой нам поведал историк, и в другой, которую вели одновременно Кортес и Сандоваль, бригадины не могли прийти им на выручку, как они ожидали. Одна была захвачена индейцами, другие застряли среди камней и бревен, которыми противник завалил прибрежные лагуны, и в то же время несметное количество каноэ, из которых неслись тучи дротиков и стрел, не позволяло судовым командам проложить бригадинам путь сквозь эти баррикады.

Лишь когда ветер подоспевшей ночи, спасительный для побежденных, повеял над озером, суда смогли вырваться из ловушек и, величественно подняв паруса, пробились сквозь заграждение из каноэ, которые, правда, их преследовали, но без особого успеха.

Таким образом, испанцы отступили, причем с большими потерями и трудностями. Разгром сильно, однако ненадолго омрачил душу Кортеса, как это бывает с отважными людьми, предназначенными для великих и трудных дел.

Раненный, усталый, под доносившиеся издали ликующие крики праздновавших победу ацтеков, прохаживался возле своей палатки испанский каудильо в ту злополучную ночь. Сложив руки на груди, нахмутив брови, он порой останавливался, поднимал к небесам осунувшееся лицо и смотрел ввысь мрачно, почти осуждающе, невольно вздрагивая от стонов бесчисленных раненых, лежавших вокруг.

Другой такой же молчаливый и погруженный в думы человек вышел из тьмы и медленно, тяжелым шагом приблизился к тому месту, где в горести стоял главный испанский военачальник. Это был Сандоваль, его любимый капитан и лучший друг. Узнав Сандовалья, Кортес протянул ему правую руку в знак молчаливой благодарности, ибо подумал, что тот, всегда разделявший и его

славу былых дней, и горечь поражения, пришел, как полагается, оказать поддержку в трудный момент или хотя бы выразить сочувствие в горе. Полной неожиданностью и потому предательским ударом в спину оказались для него слова, сорвавшиеся с губ друга и, возможно, ставшие одним из самых неприятных переживаний, которые обрушивались на Кортеса в этот тяжелый, но достославный период его бурной жизни.

— Что же это такое? — неожиданно произнес недовольным тоном капитан. — Позорный разгром стал конечным итогом гигантских замыслов? Таков плод ваших военных хитростей и вашего пресловутого военного счастья?

Кортес не сразу нашелся с ответом, глаза вспыхнули, однако, умея сдерживать себя в минуты раздражения, он наконец проговорил с наигранным спокойствием:

— Люди, друг Сандоваль, не несут ответственности за капризы судьбы или за предначертания небес. Не успехи приносят славу, а величие самих деяний. Если постигшие нас беды — результат моих просчетов, вы можете упрекать и даже обвинять меня. Если же в том повинен злой рок, было бы жестоко и несправедливо вменять это тоже мне.

С этими словами Кортес отошел от капитана, однако рана, нанесенная ему на сей раз в самое сердце, казалось, вывела его из оцепенения. «Я добьюсь победы! — тихо сказал он себе, обнаруживая ту силу воли, ту силу самовнушения, которая служит надежным залогом выигрыша в любом деле. — Я добьюсь победы, черт побери, и эта моя рука, не каравшая многих обидчиков, дабы сохранить единство во имя самой высокой нашей цели, все-таки водрузит на этих неведомых землях крест раньше, чем их иссушит лето, крест, как на Голгофе, который навеки сохранит здесь память о моем имени».

Всходившее в эту минуту солнце озарило картину, которая должна была причинить глубокую боль испанцам.

Покрывая немалое расстояние, до испанского лагеря долетали из Теночтитлана бой барабанов, свист дудок и веселый шум голосов. Конкистадоры быстро разгадали причину громкого ликования: несчастных испанских пленников вели к жертвенному алтарю!

IX

НОВЫЕ ПОПЫТКИ КУАУТЕМОКА СПАСТИ АЦТЕКСКОЕ ЦАРСТВО

Триумф не ослепил ацтекского властителя, понимавшего опасность своего положения. Царство было лишено своих важнейших владений, хитростью или силой отторгнутых от него

врагом; нависала угроза новых измен, ибо Куаутемок знал, что в подвластных ему городах идет борьба за власть между разными родами и племенами. Он был уверен, что у Кортеса недавнее поражение должно вызвать не отчаяние, а гнев, и что нельзя предаваться неразумной беспечности, которую военная удача внушила большей части его вождей-сородичей и военачальников. И Куаутемок постарался увеличить свои военные силы, дабы не дать возможности завоевателям привлечь вассальных индейцев на свою сторону.

Посланцы Куаутемока, не теряя времени, направились в соседние земли, подкрепляя свои предложения о совместных действиях трофеями, взятыми при славной победе. Каждый вожде-правитель получил голову испанца или коня, убитых в сражении,— как знак доброго расположения богов к Ацтекскому царству и предостережение против союза с презренными чужестранцами, которые навлекают на себя гнев неба.

Жрецы, со своей стороны, возвещали громким голосом о небесных знамениях, предсказывающих скорую и неизбежную гибель «чудовищ» с востока.

— Бог Тескатлипока устал,— говорили они,— устал терпеть оскорбления этих нечестивых, он приказал Тонатиу-солнцу как можно быстрее осветить кровавый час возмездия. Бог Уицилопочтли в гневе поднялся к небу на своей огненной колеснице и так сказал нам громоподобным голосом:

«Слишком долго я позволял Тлакатекотлю подвергать мой любимый народ горьким и пагубным испытаниям, из которых он вышел со славою, укрепив свою душу в несчастье. Настало время покончить с бедами царства, которое меня превозносит и любит с тех пор, как на трон его высочайший вззошел всемогущий бог Солнца. Время настало снова омыwać ежедневно мой алтарь кровью недругов моего народа, и пусть народ мой снова восстанет великим и самым могучим среди всех народов мира, словно гигантская сейба среди низкорослых кустов. Пусть Тлакатекотль тешит себя невзгодами, пусть ухнет слезами, а слух улаждает стенаниями, но не ищет пусть жертв среди тех, кого я своим щитом заслоняю. Из мест неизвестных идут злые люди, несут во владения народа, мне воздающего почести, странных и чуждых богов. Эти люди — тебе отданы, жестокосердный Тлакатекотль! Они уже твои, никогда пришельцам дерзким победа не протянет руку! И горести обрушатся на тех из нас, кто вместе с пришлыми врагами пожелает разжечь огонь отмщения! И горести обрушатся на тех, кто отвернется от алтарей моих, чтоб подношения нести богам чужим!..»

Пока, применяя подобные меры, властитель ацтеков старался, чтобы враг не обрел союзников,— ведь Кортесово воинство состояло в основном из индейцев,— он также продолжал строить в столице новые защитные укрепления и постоянно посылать небольшие отряды, тревожившие Кортеса, мешавшие ему попол-

нять войско за счет местных жителей. Чтобы воспрепятствовать этим намерениям врага, Куаутемок перекрыл все дороги, соединявшие испанцев с поработанными землями, стараясь также, чтобы эти земли не кормили отряды своих воинов, входившие в состав испанских войск. Однако это было трудной задачей, если принять во внимание преимущество бригаантин перед ацтекскими суденышками, которые, несмотря на свое множество, не могли состязаться с испанскими судами в быстророходности. Тем не менее усилия властителя не были безуспешны.

Пророчества жрецов-теописков, их горячие призывы, наряду со страшными угрозами, возымели действие. Союзники Кортеса стали его покидать. Никто, кроме воинов из Тескоко, не остался в испанском лагере. Даже тласкальцы, узнавшие об убийстве Хикотенкатля по приказу Кортеса и обескураженные поражением, в котором они видели кару за свой союз с испанцами, все с меньшим пылом отстаивали интересы чужестранцев. Многие индейские отряды просто разбегались, а те, которые боялись испанцев или были им верны, тем не менее открыто проявляли желание вернуться к своим очагам.

Куаутемок знал о положении дел в испанском стане и, поскольку опять начала ощущаться нехватка продовольствия и воды, ибо противник на своих бригаантинах неустанно охотился за каноэ с провиантом, решил побудить испанцев к действию и вынудить их, если возможно, снова пойти на приступ.

Следуя тактике Эрнана Кортеса, Куаутемок разделил свое войско на три части и, поставив во главе каждого отряда самого смелого военачальника, приказал одновременно атаковать бивуаки испанцев. Сражение с войском Олида было долгим, и перевес в бою оказывался то на одной, то на другой стороне, пока наконец ацтеки не отступили. Более успешным было их нападение на лагерь Сандовалья, но и здесь победа никому не досталась, а с наступлением ночи бой так и закончился. При нападении на Альварадо дела обстояли не лучше, ибо после первой же схватки испанец потеснил нападавших.

Победы в этих сражениях принесли неоценимую пользу Кортесу, ибо некоторым образом рассеяли страхи его союзников. К нему вернулось несколько отрядов из Чалько, Отумбы, Мескике и других дружественных городов. Тескоко прислал подкрепление из двух или трех тысяч человек, а тласкальцы, приободренные и новым доказательством удачливости своих покровителей, и красноречивой продуманной речью, с которой по этому поводу обратился к ним испанский военачальник, заявили, что они раскаиваются в своем неверии и поклялись впредь не сомневаться в обещаниях Малинче, как они называли Кортеса.

Напрасно обращался Куаутемок к массам обманутых соплеменников, снова готовых связать свою судьбу с судьбой авантюристов. Неисполнившиеся угрозы и прорицания жрецов

потеряли силу, и он с отчаянием видел, как на глазах у него увеличивались — наряду с усилением войск его царства — войска чужеземцев, отнюдь не оставивших надежду обратить Ацтекское царство в прах.

Скоро под началом Кортеса было уже сто пятьдесят тысяч воинов, и, боясь опять лишиться поддержки своих ненадежных союзников, он думал только о том, как бы развернуть такое сражение, в котором можно было бы обрушить на Теночтитлан все имевшиеся в его распоряжении силы. Он велел перекрыть все дороги из Теночтитлана, запросил и быстро получил из Веракруса множество всякого оружия, и, не прекращая ни на день стычки на озере, мешавшие подвозу продовольствия осажденным, которые уже видели страшный оскал голода, Кортес с неизменным спокойствием продолжал свои военные приготовления.

Властитель ацтеков тоже не терял времени даром, изобретая все новые способы защиты, делавшие честь его военному таланту, однако сердцем предчувствовал катастрофу, свидетелем которой ему предстояло стать, и его видимая невозмутимость была в действительности тем мертвенным покоем души, который отражает наивысшую степень отчаяния.

Наступил день 15 июля. Прошло уже шестьдесят два дня, как началась осада столицы, и все говорило о том, что осаждающие задумали завершить ее одним из тех штурмов, когда иного выбора нет: или окончательное поражение, или полный триумф.

Куаутемок ждал этого решающего дня, сделав все возможное для благоприятного исхода сражения, но глубока была его скрытая печаль.

Он взял на руки своего маленького сына и долго смотрел на него в немом и горестном волнении. Стая птиц-гуанаба в это время огласила берега канала своими печальными криками-стонами. Прибежала встревоженная Уалькацинтла: по спине разметались ее прекрасные черные волосы, под накинутой в спешке розовой туникой часто вздымалась в испуге располневшая от кормления грудь.

— Куаутемок! — сказала она, опустившись на колени у ног молодого монарха. — После нескольких ночей, когда боги отказывали глазам моим в благодатной слепоте сна, чтобы видели они, не смыкаясь, наши невзгоды, сегодня я заснула на мгновение в объятиях Оталицы, которая тихо пела мне гимн надежды. Несчастная, боги изблещили ее во лжи! Когда я проснулась, увидев в страшном сне тебя с сыном на руках, — вот так, как ты сидишь сейчас, но под огромной скалой, которая рушилась на тебя, — я вдруг слышала крики зловещей птицы, которая не впервые предупреждает нас, что близится беда. Куаутемок! Послушай меня со вниманием, мне трудно говорить, словно перед смертью, ибо близится страшный день. Ты — мой супруг по воле наших родителей и по велению наших сердец; ты — мой супруг перед богом и перед людьми. Твоя кровь бежит по жилам этого

младенца, который был зачат в моем чреве. Потому-то, Куаутемок, я призываю себе на помощь святую силу всех этих своих прав и их именем тебя умоляю и обязываю, что, если суждено пасть царству Акамапитля, если Теночтитлан падет...

Рыдания помешали говорить властительной супруге. Уалькацинтла смолкла, но, огромным усилием воли подавив волнение, продолжала, торопливо и сурово:

— Пусть не станет рабом наш обожаемый сын! Моя рука слишком слаба... Я женщина! Я мать! У меня не хватит сил дать ему свободу в смерти. Поклянись, поклянись, что ты это сделаешь, о мой возлюбленный супруг! Одним ударом ты пресечешь две жизни, мать и сын избегнут позора и свободными войдут во дворцы Солнца.

Куаутемок глухим от боли и сострадания голосом попытался произнести страшную клятву, которую требовала от него жена, однако, чувствуя, как жгучие слезы набегают на глаза и вот-вот упадут на головку Учелита, он умолк.

— Не могу! — хрипло проговорил он. — Не могу разрывать пополам свою душу.

Заклучив в объятия жену и сына, он долго молчал, ибо слезы все же пролились. Плакала и Уалькацинтла, а крохотный мальчик радостно смеялся, дергая ручонками в свое полное удовольствие роскошные волосы матери.

— Послушай, Уалькацинтла, — сказал наконец властитель. — Ты просишь меня дать клятву, которая выше человеческих сил. Но существуют боги. Я никогда не осквернял их святых алтарей, не злоупотреблял той властью, которой они меня наделили, и потому не заслужил бесчестья. Только те властители, которые тиранят свои народы и губят людей, только те, кто, испытывая судьбу, во зло употребляют свою власть и навлекают на себя непредвиденные беды — праведное для них искупление, законную месть Вселенной, — только они, повторяю, должны бояться, что станут рабами их царственные потомки. Но такие страшные приговоры обычно произносит суровый и справедливый Тескатлипока! Я никогда не унижал человеческое достоинство и не заслуживаю видеть унижение моей семьи. Всемогущие боги не отдадут меня на посрамление, если и откажут в победе. И только им, о возлюбленная моя супруга, им одним мы должны верить будущее сына нашей любви. Он пришел чистым и невинным на свет, моя кровь не позорит его ни одной каплей. И если он останется сиротой на развалинах повергнутого Царства ацтеков... Того Царства, где под балдахином качалась его колыбель... Если он останется сиротой — о несчастная мать, — боги не покинут его! Боги никогда не покидают беспомощных на земле!

С этими словами Куаутемок встал, передал ребенка Уалькацинтле, оставшейся на коленях, и, положив руки на головы любимых жены и сына, поднял горящие глаза к небу, воздел затем к небу и руки, страстно взывая к милости бессмертных божеств.

В момент когда последний звук его голоса замер на устах, дрогнувших от волнения, во дворце послышался шум и в монарших покоех появился вождь-властитель Такубы.

— Брат мой! — воскликнул он — Час пришел. Враг на подходе, идет по дорогам!

Словно облако, рассеянное ветром, исчезла печаль, омрачавшая бледное лицо властителя, которое стало надменным и жестким. Страшным огнем полыхнули его глаза, и он бросился вон из покоев, где только что им владели нежные и скорбные чувства, бросился с таким грозным, устрашающим видом, что ошеломленная и трепещущая Уалькацинтла не осмелилась разомкнуть губы, чтобы произнести слово прощания, может быть, в последний раз.

Х

ПОСОЛЬСТВО

Когда великий властитель вышел из дворца, он увидел своих многочисленных вождей-сородичей и военачальников, спешивших ему навстречу.

— К дорогам, о тлатоани! — воскликнул негодуяще Куаутемок. — Дорогам грозит враг, а вы не спешите принять его вызов!

— Ты заблуждаешься, уэй-тлатоани! — тотчас ответил ему старейший военачальник. — Ты заблуждаешься! — повторили все хором.

Властитель остановился, ничего не понимая, а вождь-правитель Хочимилько объяснил, не скрывая радости:

— Испанцы и тласкальцы, которые идут к нашему городу, машут куском белой материи и не угрожают оружием. С ними идут под стражей, пока ты не оградишь их жизнь своим словом, три пленных теуктли, которым поручено передать тебе предложение о мире.

— Пусть достойно будут приняты эти послы, — ответил Куаутемок, — будь то ацтеки или чужестранцы. Их миссия священна, а личность неприкосновенна.

И он вернулся с сановниками и советниками в зал для аудиенций, чтобы встретить и выслушать посланцев.

Живейший интерес вызвало в Теночтитлане появление новых послов, шедших во дворец — теперь под охраной ацтекских воинов — среди людского моря.

Смущены были посланцы, оказавшись перед своим великим властителем; было видно, что их угнетало то, что им предстояло сказать, и лишь после того, как Куаутемок великодушно ободрил их, один из пленных осмелился заговорить:

— О тлатоани, уэй-тлатоани, прихоти войны сделали нас рабами Малинче Эрнана Кортеса, который послал нас к тебе, чтобы из наших уст ты узнал о его намерениях и желаниях.

Этот испанский вождь говорит, что навеки будет благодарен великому Моктесуме за его радушное гостеприимство и щедрые дары, о чем он не может забыть даже в кровавой войне, которую ведет против тебя, данника Моктесумы, ибо рядом с тобой на троне восседает дочь Моктесумы, а сам ты находишься в городе, который в былое время дал приют его войскам. Не поднимается рука Малинче на этот прекрасный город, печалится его душа при мыслях о тех бедах, которые обрушатся на Царство ацтеков, с которым он заключил торжественный договор о дружбе от имени своего господина. И прежде чем нанести последний удар, он нашими голосами закликает тебя удержать его от такого шага и принять предложение о мире на следующих условиях:

Во-первых, ты немедленно разоружишь свои войска и выведешь их из столицы

Во-вторых, соберешь всех своих тлатоани и вместе с ними объявишь Царство ацтеков данником испанского великого вождя.

В-третьих...

— Молчи! — воскликнул в сердцах молодой властитель. — Отсохнуть должен твой язык, произнесший столь постыдные слова. Тлатоани и теуктли! — продолжал Куаутемок, обращаясь к своим сановникам. — Вы слышали первые условия, на которых враг предлагает нам заключить мир. Я считаю ненужным выслушивать остальные, они не будут достойнее.

Никогда во время моего правления Ацтекское царство не подчинится наглým завоевателям; никогда, пока Куаутемок вершит здесь власть, он не позволит утвердиться никакой чужеземной власти. Лучше пусть меня погребут под обломками ацтекского трона! К тому же я — верховный вождь по свободному волеизъявлению выборщиков царства; я — властитель, получивший из их рук священную корону и призванный сделать счастливыми свои народы. Если бедствия, которыми угрожает враг, покажутся нам более страшными и близкими, чем те, которые я вижу в позорных предложениях отвергнутого мною ложного мира; если вы устали от этой долгой и кровопролитной войны и хотите любой ценой ее закончить; наконец, если вы колеблетесь перед выбором: умереть или стать рабами, я готов отказаться от власти, которой вы меня облекли, и сложить с себя корону верховного вождя, корону, которая с моей головы никогда не падет к ногам чужеземного господина.

Поднявшийся шум почти заглушил последние слова этой недлинной речи, которая привела всех в необычайное волнение, хотя и вызвала разные чувства. Многие с восторгом выразили свое одобрение властителю, другие возмущались его сомнениями в их приверженности родине, считая это незаслуженным упреком, третьи — по разным причинам — заявляли, что опасения преувеличены и не следует пренебрегать предложенным миром, условия которого — в их понимании — не столь страшны или позорны,

как их оценивает Куаутемок. Нашлись и такие, кто осмелился сказать, что надо принять отречение монарха и предложить корону Эрнану Кортесу. Истины ради и к чести ацтеков, мы должны признать, однако, что сторонники двух последних мнений, выраженных немощными стариками, оказались в абсолютном меньшинстве.

В момент наивысшего возбуждения присутствующих и душевного волнения властителя, слушавшего споры, вызванные его речью, внезапно распахнулась дверь в сей роскошный зал и появился уэй-теописк — верховный жрец — во всем блеске своих регалий и в сопровождении более чем пятидесяти жрецов, которые шли вслед за ним и выглядели мрачно и странно в своих черных мантиях, тащившихся по полу.

Верховный жрец остановился на середине зала и, нарушив глубокую тишину, воцарившуюся с его неожиданным появлением, сказал величественно и сурово:

— В уединении храма боги мне поведали, что здесь собрались все вожди Царства ацтеков, дабы выслушать условия мира, продиктованные нам нечестивыми пришельцами. Боги мне открыли, о Куаутемок, что твое доблестное сердце их отвергло с презрением, предпочтя смерть бесчестию. Но кто же, — тут голос жреца стал жестким и грозным, — кто те трусливые люди, кому не по душе твое упорство? Кто те богохульники, которые отважились сказать, что более приемлем союз с недругами, чем с богами? Скажите это громко при мне! Поднимите свой голос — и вы падете мертвыми: вас испепелит святая ярость, кипящая в моей груди и убивающая огнем моих глаз! Уицилопочтли трепещет от гнева над своим священным алтарем, а Тескатлипока раскаивается в том, что создал человека, недостойное творение его всемогущих рук. Пусть вздохнет тот, кто разжег праведный гнев богов, и от его тлетворного дыхания вспыхнет небесный пожар, который обратит богохульника в прах!

Уэй-теописк кончил говорить в той же мертвой тишине, которая воцарилась при первых его словах. Затем раздался голос тлатоани из Тепеполько:

— Здесь, я уверен, нет таких, кто мог бы произнести трусливые слова, и я, не страшась, что чей-нибудь голос перебьет меня, осмеливаюсь просить тебя спокойно вернуться, о теотеуктли¹, в священный храм и сказать богам, что мы не позволим чужеземным божествам завладеть их алтарями. А ты, о могущественный уэй-тлатоани, ты, всегда благородный в своих побуждениях, всегда разумный в своих деяниях, не должен подозревать в слабости духа и неверности тех, кто учится на твоём примере. Только тебя мы признаем великим властителем и вместе с тобой отвергнем любое другое подданство, готовые умереть, но не сдаться на милость врагу.

¹ Святой господин (*науа*)

Мощно прозвучала многоголосая хвала Уицилопочтли, Куаутемоку и верховному жрецу, и все поклялись погибнуть с оружием в руках.

— Да будет так, как ты сказал! — воскликнул верховный жрец. — Если вы исполните свое обещание, вас охранит Уицилопочтли и вознаградит Тескатлипока.

— Но горе тому, — добавил Куаутемок, встав на ноги и угрожающе взмахнув рукой, — горе тому, кто подло нарушит клятву и осмелится произнести слова «мир врагам» или станет слушать их речи! Он будет приговорен к смерти и предан поруганию, будь это воин в простых доспехах, теописк в черной мантии или тлатоани со всеми знаками отличия.

— Война! Война! — вскричали все.

— Война до последнего вздоха или победы! — твердо вымолвил верховный жрец. — Так приказываю я вам именем Уицилопочтли!

— Война! — повторил монарх, бросив к ногам послов дрогик, который он держал в правой руке. — Передайте это, о теуктли, приславшему вас военачальнику. Война до полной гибели одного из войск! Таков ответ Ацтекского царства подлым завоевателям, а сами вы оставайтесь с ними, ибо Теночтитлан отвергает своих недостойных сынов, осмелившихся вступить на нашу землю с таким унижительным посланием.

— Война! Война! — вновь и вновь несется клич, вырываясь из дворца на улицы.

— Война! — слышат со всех сторон посланцы Кортеса, возвращаясь, смущенные и устыженные, в испанский стан. И столь глубокий стыд их охватывает, столь поражает их сердца это свидетельство общего возмущения их миссией; столь остра боль от того, что великий вождь отвергает их, что при переходе через мост, за которым послов ожидает испанский конвой, один из них вдруг останавливается и оборачивается к двум другим.

— Дальше я не пойду, — говорит он. — Мой отец родил меня не для того, чтобы я стал рабом и презренных человеком. Моя родина и мой властитель мною пренебрегают, и они правы, ибо я запятнал себя передачей недостойных предложений. И я смою свой позор! — восклицает он и бросается в воду, а за ним, без колебаний, охваченные такими же чувствами, кидаются его злосчастные товарищи, которым Кортес велел выполнить это постыдное поручение.

Их трупы, выловленные несколько часов спустя испанскими солдатами у берегов озера, стали ответом Кортесу. Он их увидел и понял, что следует убивать или будешь убит. Смерть его эмиссаров, будь это акт насилия со стороны ацтекского монарха или следствие отчаяния самих жертв, так или иначе сообщала истину, которая встревожила каудильо: этот народ нельзя подчинить, не уничтожив полностью.

— Соратники, — сказал он тогда своим капитанам. — С первыми лучами солнца мы пойдем на последний штурм столицы Ацтекского царства!

КИЛЕНА И ЕЕ СЫНОВЬЯ

В то самое время, когда Кортес отдал этот приказ, он получил донесение о том, что многочисленное войско из земель Матальсинчи, Альтепек, Кауачи и Малиналько, скрытно продвигаясь, намерено атаковать его с тыла одновременно с Куаутемоком, который во главе всех своих сил, сосредоточенных в Теночтитлане, выйдет ему навстречу при штурме столицы. Таким образом, испанец оказывался между двумя вражескими войсками, одно из которых преграждало ему путь, а другое отрезало отступление. Кроме того, единственным полем боя оставались подъездные дороги-дамбы, где кавалерия не могла свободно действовать, а потому было весьма нелегко, если вообще не невозможно, с честью выйти из столь затруднительного положения: войска Ацтекского царства грозили разом покончить с противником.

Однако события развернулись иначе, благодаря донесению, о котором мы упомянули выше и которое Кортес получил накануне того дня, когда он собирался напасть на Теночтитлан. Со свойственной ему быстротой в принятии решений он тут же послал Сандовалю и Тапию с достаточно большим отрядом отразить нападение ацтеков с тыла. Этот маневр не прошел незамеченным для ацтеков, которые, видя перед собой врага, ожесточенные неудачей своего общего тактического замысла, перехватили, как обычно, инициативу и ринулись в бой.

Войску Кортеса пришлось сражаться сразу на трех атакованных врагом дорогах, и, хотя нельзя сказать, что на сей раз он добился значительных успехов, ему удалось удержать свои позиции и в конце концов заставить отступить утомленного противника.

Сандоваль и Тапия тоже остановили и затем побудили в беспорядке отойти назад вспомогательные отряды ацтеков, заходившие с тыла.

Ликвидировав угрозу внезапного окружения, Кортес дал своим людям несколько дней отдохнуть, а потом снова штурмовал, как и задумал, столицу, стремясь во что бы то ни стало ворваться в Теночтитлан и строго-настрого приказав солдатам — по мере продвижения по улицам разрушать до основания все дома и прилагать все силы, чтобы заваливать обломками каналы и превращать в твердую землю то, что до сих пор было водной гладью.

Июль подходил к концу, когда Кортес обнародовал свой варварский приказ, обрекший на полное разрушение прекраснейшую и богатую столицу ацтекских властителей, несравненный памятник индейской цивилизации и могущества, который должен был исчезнуть с лица земли, не оставив для потомков ни малейшего о себе напоминания.

Действительно, в соответствии с новыми предписаниями Кортеса, шло неспешное наступление испанцев с попутным

уничтожением всех строений, дабы после войска конкистадоров оставались одни развалины, которые арьергард должен был использовать для засыпки каналов. Таким образом, преодолев отчаянное сопротивление ацтеков, испанцы добрались до некоторых городских улиц. В грабежах и опустошении участвовали также тласкальские отряды, и, видя, как тласкальцы с топором в руке яростно ломают, рыча от удовольствия, великолепные здания на окраинах Теночтитлана, несчастные хозяева домов говорили им с горькой усмешкой:

— Плохо вы делаете, о воины Тласкалы, уничтожая наши жилища. Если мы выйдем победителями, вам придется их восстанавливать. Если победите вы, то вам же придется поднимать их для испанцев.

Тласкальцы только смеялись над подобными вполне справедливыми замечаниями и с великой радостью продолжали сравнивать дома с землей. Горько осознавать, что прекрасная столица Ацтекского царства была приговорена к уничтожению какой-то кучкой пришлых иноземцев, а в роли палачей выступали сами же индейские народы.

Одним из главных устремлений Кортеса было овладение Тлателолько и его крепостями-теокалями, которые при необходимости могли послужить надежным укрытием. Однако в тот день все попытки овладеть этими храмами были безуспешны, ибо при штурме храма Уицилопочтли Кортес услышал—второй раз за все время войны—страшное завывание священной раковины. Едва разнеслись по воздуху эти скорбные звуки, как на защиту храма и на подмогу воинам бросились, не помня себя от ярости, все ацтеки, даже жрецы и женщины, и дрались с таким отчаянием и мужеством, что Кортесу в конце концов пришлось отступить.

На площади же остались горы мертвых тел, и, когда вражеское войско отошло, над пустынным полем боя слышались только стенания женщин, которые находили здесь трупы своих мужей, отцов, братьев или сыновей.

Позже всех, осторожно пробираясь среди павших, пришла сюда воинственная женщина-амазонка. Ее тяжелый меч был обгажен вражеской кровью, а на полуобнаженной груди виднелась открытая кровоточащая рана, которую она, казалось, и не замечала. На землю уже опускались сумерки, а потому за героиней шли вослед шесть рабов с массивными факелами, красноватый свет которых отражался в лужах крови на площади.

Навстречу воительнице поднялась, выпустив из объятий труп мужчины, молодая женщина, которую напрасно старались увести сопровождавшие ее слуги.

— Килена! — сказала она с рыданием. — Ты видела много ран, подойди и скажи, правда ли, что уже нет спасения тому, кто составляет половину моей жизни. У него рассечена грудь, хранившая мой образ; у него молчит сердце, которое билось только для любви. Подойди, бога ради, о Килена! И скажи, верно ли, что моего мужа уже нет на свете?

Приблизилась воительница и положила свою залитую кровью руку на грудь тому, кто еще недавно был одним из самых славных ацтекских вождей. И тут же сказала ровным голосом:

— Мертв тлатоани из Сопанко, у тебя уже нет супруга, дочь тольтеков.

— Умер! Умер! — стонала молодая вдова и в горе рвала на себе волосы.

— Умер, как и оба моих сына! — отвечала с жутким спокойствием Килена. — Пойдем со мной! Они неподалеку! Пойдем, ты поможешь мне вытащить их из этой кровавой кучи.

Сказала и твердым шагом пошла к тому месту, где во время жестокой схватки пали — Килена это видела — ее мальчики. Откинув своей рукой несколько трупов, громоздившихся сверху, она действительно обнаружила их друг возле друга, распрощавшихся с жизнью почти в одно время. Было видно, что тот, который пережил другого на несколько минут, прижался во время агонии к уже остывавшему брату так крепко и сила его последнего объятия была столь велика, что слуги с трудом разделили мертвых близнецов.

— Вот они! — сказала жена вождя-властителя Тлакопана. — Родились в один день и в один день покинули землю. Не думала я, что потеряю их так скоро, что так скоро останусь без сыновей. У меня больше нет детей, были только они.

Вдова вождя из Сопанко с ужасом взирала на эту потрясающую сцену.

— Успокойся, о Атауалька! — произнесла Килена, погладив ее по щекам окровавленной рукой. — Твой супруг и мои сыновья погибли со славой. Счастье не оставило их: они испустили дух одновременно с победным кличем своего народа! Кто может сказать, что услышат те, которые навсегда умолкнут завтра?

Она помолчала, уставившись в небо — мрачное, предвещающее грозу: ее долгий взгляд, казалось, хотел проникнуть в тайны грядущего. Затем она опустила глаза, обратила их на сыновей и сказала, не проронив ни слезы:

— Мир вам, бедные дети! Солнце в своих вечных садах встретит цветами вашу шестнадцатую весну, которой вы не захотели дожидаться на земле. Чрево мое, сотворившее вас, пустынно, а сердце — как край вечной зимы, но я согрела его кровью ваших убийц, и я не приду к вам в небесные дворцы, пока трижды не орошу свое нутро вражеской кровью.

После этих слов она взвалила себе на спину один из трупов, приказала рабам взять другой и обратилась к ошеломленной от горя и страха Атауальке:

— Возьми и ты своего мужа. Стоны этих слабых женщин, которые пришли только мучить души своих убитых, терзают мой слух. Скоро сюда явятся воины, чтобы вынести раненых и сжечь трупы. Уйдем же скорее.

Молодая вдова покорилась без слов и велела положить тело мужа в носилки, принесенные слугами.

Когда они покинули площадь, заполненную кровавым месивом, вдова робко спросила:

— Куда мы идем?

— Отдать их озеру, — невозмутимо ответила воительница. — Я не желаю, чтобы прах моих сыновей остался на этой земле, ибо... Послушай меня, Атауалька, но не говори об этом никому из воинов, ибо сердце мне говорит, что эта земля скоро будет принадлежать иноземцам.

— Хватит ли у тебя сил сделать то, что ты желаешь? — тихо спросила молодая вдова. — Я ослабела, Килена. Мои руки не смогут бросить в воду любимого мужа.

— Вода свободнее, чем земля, — отвечала со страшным спокойствием дочь тарасков. — Она, по крайней мере, не потерпит следов ног подлых грабителей, которые пришли завладеть нашей землей. Ну-ка, ускорь шаги, робкая женщина! Ночь глубока и темна, давай тихо споем песнь смерти.

— Хорошо, — сказала Атауалька. — И пусть Тлалок великодушно примет дар, который мы ему несем.

Обе женщины затянули унылую песнь и растворились, как тени, в тумане на берегу широкого озера.

Час спустя Атауалька с рабами вошла во дворец монарха и, снова подняв с отчаянием руки к своим черным волосам, сказала Уалькацинтле:

— Я нашла своего супруга среди мертвых, и все же меня не столь устрасил вид его окровавленного тела, как то, что произошло потом.

— Неужели вернулись враги? — спросила с испугом властная Уалькацинтла.

— Нет, враги не вернулись, — отвечала вдова. — Я видела только двух пленных испанцев, которых Килена спрятала в тайном месте на берегу озера. Там я увидела, как она обезглавила их собственной рукой, как жадно пила их кровь, а потом сказала, что жажду свою еще не утолила, и бросилась, обняв своих мертвых сыновей, в воду. Озеро поглотило их и моего мужа.

ХП

ВЗЯТИЕ ХРАМА И ВСТУПЛЕНИЕ КОРТЕСА В ТЕНОЧТИТЛАН

На следующий день после того, как произошли упомянутые события, около девяти часов утра, когда Кортес обращался к своим людям с призывом вторично атаковать столицу и немедленно захватить храм-теокальи, кое-кто из его капитанов издалека заметил густые клубы дыма, вырывавшиеся из этого здания, отнюдь не похожие на белые струи фимиама, который в этот час обычно жгли в курильницах жрецы.

Это привлекло внимание каудильо, и он велел своим солдатам подняться на холм и выяснить, что там происходит. Велики же были его удивление и радость, когда он узнал, что над огромным храмом, поверх бушевавшего пламени, величественно колыхалось, озаряемое вспышками огня, испанское знамя.

Действительно, Альварадо, после внезапной атаки со стороны Такубы, сумел проникнуть в Теночтитлан и овладеть храмом. Момент был более чем благоприятен, и Кортес не замедлил им воспользоваться, тотчас приказав войскам вступить в город.

Несмотря на то что ацтеки были ошеломлены видом горящего теокалы, они и на этот раз, как всегда, героически сопротивлялись, но уже ничто не могло противостоять натиску сил завоевателей.

Несколько часов спустя испанская кавалерия захватила большую площадь в соседнем Тлателолько, а союзные индейские войска устремились на улицы этого прекрасного города, с неистовством превращая его в руины. Это было невиданное опустошение! История завоеваний не знает столь кровопролитной борьбы!

Исступленные орды тласкальцев и других сторонников Кортеса, ворвавшись затем в Теночтитлан и разрушив большую часть столицы, бросились к монаршему дворцу, оспаривая друг у друга честь первыми ударить топором по жилищу властителя. Семья Куаутемока уже покинула дворец. Властитель с упорством отчаяния отстаивал каждую пядь земли своей столицы, но был в конце концов оттеснен и отступил в ту довольно большую часть города, которая, будучи окружена со всех сторон широкими каналами, еще давала возможность защищаться. Туда, к нему, в смятении бежали и все обитатели дворца; к нему присоединились также и многие городские жители, спасавшиеся от страшной бойни. Население Теночтитлана в одно лишь то утро сократилось наполовину.

Триумф, хотя и принес Кортесу вполне понятную радость, но вид страшной кровавой резни вызвал отвращение, и каудильо приказал остановить наступление. «Я согласился (пишет он в одном из своих писем императору Карлу V) прекратить на несколько дней военные действия, ибо мне было весьма жалко и больно смотреть, как гибнут толпы их людей, и мне еще раз захотелось предложить им мир».

Он и в самом деле так поступил и, видимо, ожидал, что условия предложенной им капитуляции будут приняты, ибо положение побежденных было в высшей степени тяжелым. Отрезанные от суши в городском квартале, окруженном водой, они нуждались в продовольствии и пили соленую воду, а не имея достаточного количества оружия, не могли питать абсолютно никаких надежд. Единственным средством спасения было мирное соглашение с противником, и монарх (по мнению

Кортеса) должен был пойти на это, вопреки сопротивлению фанатиков жрецов и не считаясь с тем, позорно это соглашение или нет. Но каудильо еще не оценил в достаточной мере всю силу поистине царственной души ацтека, не угадал, нет, что рок принес ему, Кортесу, в жертву одного из тех величайших людей, славу которых затмила яркая слава врага и образ которых многократно искажала история из-за их фатальных неудач,— до тех пор, пока наконец усилиями вдохновенного поэта не будут разогнаны тучи, не просияет святой ореол канувшей в забвение славы и не откроется то, что выразил в прекрасных стихах, посвященных достопамятному событию, один из наших поэтов:

Многих героем иль богом народ
В мире нашем с восторгом зовет.
Но общей молве никогда я не льщу.
Средь тех, кого забывает Беллона
И кто не страшится ни грома, ни стона,
Героя всегда я ищу¹.

Куаутемок в качестве единственного ответа на предложенный мир собрал остатки своих войск и бросился в отчаянную атаку в последней надежде на спасение или с желанием положить конец войне.

Жестоким, страшным было то сражение, где схватились не на жизнь, а на смерть — скажем так — отчаяние и судьба. Героизм тех, кому было предназначено стать жертвами, на долгие часы задерживал приход победы других. Кортес, сгорая от нетерпения и в то же время изумляясь тому, что все его усилия не достигают вожаемого перевеса, а враг даже улучшил свое положение, решил прибегнуть к той военной хитрости, которая не раз применялась против него. Он ввел в бой подкрепление и устроил засаду в том месте, куда хотел завлечь противника, сделав вид, что отступает.

Почувяв неладное, Куаутемок сначала с опаской двинулся в открывшуюся брешь, не увлекая за собой основные силы с поля сражения. Но отступавшие так умело изобразили хаос и беспорядок в своих рядах, что им удалось полностью усыпить бдительность ацтекского властителя и заставить ринуться за ними все его войско. Как только Эрнан Кортес увидел, что цель достигнута, он дал знак, и в тыл индейцам из укрытия в мощном рывке бросились солдаты и кавалеристы, присланные Альварадо и Олидом.

Поражение ацтеков было полным. Великий властитель с огромным трудом вырвался из засады, оставив на поле битвы половину своих воинов.

¹ Автор цитирует стихотворение испанского поэта Хуана Б. Арриасы (1770—1837), посвященное Трафальгарской битве (1805 г.), в которой флот английского адмирала Нельсона разбил испано-французскую армаду.

И тем не менее эта беда не сломила его духа. Отвергнув с презрением новое предложение о капитуляции, направленное ему победителем, Куаутемок снова собрал силы, чтобы опять затеять бой.

В то время как несчастный монарх, к удивлению врага, делал последние шаги, которые можно было бы сравнить с конвульсиями умирающего, голод со всеми его ужасами охватил ту часть города, где укрывалась семья великого властителя и остатки населения Теночтитлана, где ранее жило шестьсот тысяч жителей.

По улицам бродили толпы голодных детей и женщин, чьи стоны и вопли разорвали бы и каменное сердце. Многие из этих горемычных падали замертво у дверей дома, где жила властительная жена Куаутемока,—к ней люди шли просить милостыню, милостыню, которую она ждала так же, как они. Дочь вождя из имениного рода ела траву и корни, чтобы грудью накормить бледными губками к материнскому источнику жизни. Но ее грудь была пуста, и вместо молока его губы красила кровь.

В минуту наивысшего отчаяния бедная мать схватила обеими руками мальчика за горло, словно желая удушить его. Но силы ее оставили, и она разразилась рыданиями.

— О возлюбленный плод чрева моего! — восклицала Уалькацинтла, орошая слезами головку ребенка, упавшую на ее иссохшую грудь. — За какой проступок меня так жестоко карают боги! Неужели я должна видеть, как ты умирешь у меня на руках от голода, слышать, как ты жалобно просишь дать тебе кусочек лепешки! О сын мой! Гнев Тлакатекотля выхватил твою душу из небесных дворцов и вселил в мое чрево. Мое чрево произвело тебя на свет в злосчастную ночь, и духи зла окружили твою колыбель. Но за что же наказывать тебя, невинный младенец? Что сделал ты, чтобы тебя так преследовали духи? Разве ты не был зачат на благословенном ложе? Разве не благоухал в курильницах копаль в честь теписотонов при твоём рождении?

— Не мучай себя, несчастная мать,—глухо проговорила Миасочиль, которая тоже плакала над своим голодным сыном. — Гибель Моктесумы была предречена неблагодарными богами. Я больше никогда не обращусь с мольбами к этим несправедливым божествам.

— Вот, возьми образ Девы Долорес,—вмешалась, всхлипывая, Текуиспа. — Возьми, бедная моя сестра! И положи себе на грудь, чтобы Дева накормила Учелита. Она ведь тоже мать, и она тоже видела, как умирает ее единственный сын, как он томится жаждой, и не могла его напоить.

— Ты думаешь, сестра, что эта чужеземная богиня, которая покровительствует нашим врагам, смиростивится над моим сыном?

— Не знаю, Уалькацинтла, не знаю. Но Веласкес мне часто говорил, что мать его Бога добра ко всем матерям.

— Тогда умоли ее, о Текуиспа, умоли божество с востока пожалеть моего сына! Я боюсь разгневать наших богов, хотя они жестоко расправились с моей несчастливой семьей.

Печальный диалог был прерван появлением покрытого пылью и кровью вождя-властителя Такубы.

— Мы разбиты! — сказал он мрачно. — Враг заставил нас отступить и вошел в город. Следуйте за мной, у меня еще есть убежище для вас, бедные женщины.

— А мой супруг! Где мой супруг? — воскликнула Уалькацинтла.

— Твой супруг сделал больше, чем может сделать смертный, — отвечал Нецальк. — Уицилопочтли вдохнул в него свою мощь, и духи всех тепанекских и ацтекских властителей с гордостью взирают с небес на его невиданные подвиги. Но супруг твой ранен, его врачуют слуги там, куда я хочу отвести и тебя.

— Пойдем туда! — сказала жена великого властителя. — Но твоя супруга слаба и не может идти, а твоей сестры коснулась рука Тлакатекотля, от страшных видений у нее помутился разум, и она только плачет и стонет от ужаса.

— У меня хватит сил унести их обеих на спине, — заметил вождь. — Пойдем, возьмем их, нельзя терять ни минуты. Враг скоро доберется и сюда.

— Потерпи, сердце мое, — грустно говорила властительная Уалькацинтла сыну, отправляясь в путь. — Конец близок! Пойдем! По крайней мере, ты умрешь, любимый сын мой, плоть от плоти моей, на груди своего отца. Грудь твоей матери, пустая и усохшая, ничего уже не может дать тебе, кроме жидкой крови робкой женщины.

Едва семейство великого властителя покинуло дом, как вражеские войска ворвались в эту часть города.

ХІІІ

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

С трудом приходится брать в руки перо, чтобы описать кровавое зрелище, предстающее перед нашим воображением. На страницах истории этого страшного по своей жестокости, хотя и прославленного завоевания последние события изображены в мрачайших красках.

Чужеземцы были даже более человечны, чем их союзники — индейцы, и старались, хотя и безуспешно, приостановить ту дикую резню, которую затеяли их приспешники. «Смерть никого не миновала (свидетельствует Кортес), ибо наши друзья-тласкальцы до такой степени озверели, что убивали всякого

и каждого на своем пути, хотя мы их за это порицали и наказывали».

Остатки отрядов защитников Теночтитлана, окопавшиеся в одном месте города, направили Кортесу послание, прося его, как сам он пишет, «поскольку он — сын Солнца, а это светило очень быстро оборачивается вокруг земли, быть таким же быстрым, как оно, и скорее с ними покончить».

Кортес, однако, остановил своих людей и в ответ на эту странную петицию направил к Куаутемоку одного из пленных теуктли, обещая властителю от своего имени пощаду, если уцелевшие ацтеки сдадутся в плен, ибо ничего другого им не остается.

Великий властитель был, как мы знаем, ранен и лежал, стиснув зубы от боли, в окружении своей жестоко страдающей от голода семьи. Положение было безысходным, но жизнь продолжала испытывать негибемый характер обреченного вождя: к нему снова явился посланец врага:

— Нам не остается никакой надежды, — сказал посол-индец, вздрагивая от сдерживаемых рыданий. — Ацтекское царство на пороге смерти. Спаси, по крайней мере, жизнь себе и своей семье, сдайся на милость победителя.

Возмущенный монарх с трудом приподнялся на своем ложе и велел убираться вон трусу, который осмелился дать ему подобный совет.

— Потомки Чимальпопоки, — сказал Куаутемок окружавшим его вождям-сородичам, — родина велит нам не складывать оружия, пока у нас остается хотя бы пядь земли, которую можно защищать. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто предпочел бы славной смерти жизнь, выпрошенную у врага?

— Смерть! Желаем смерти! — в один голос вскричали глагоани.

— Смерть! — горестно повторила супруга Куаутемока. — Вы встретите ее в сражении, а мой сын... Посмотрите... Он хочет есть!

Эти слова произвели тяжелое впечатление на отважных воинов, выбравших посмертную славу и отвергших спасение; у некоторых на глаза навернулись слезы, не удержался и сам Куаутемок. Он взял сына на руки, а некоторые из родственников вождей пошли на поиски пищи для ребенка. Отец с тоской смотрел на бледное, осунувшееся лицо мальчика, который протягивал к нему холодные ручки, но, ничего не получив, снова потянулся к матери, всхлипывая так тихо и жалобно, что сердце ее обливалось кровью.

Меж тем вожди-сородичи Куаутемока прибегли к хитроумной уловке, чтобы раздобыть съестное для голодающей семьи. Притворившись, что идут навстречу желанию противника, они направили к Кортесу послов с богатым воинским убранством в качестве дара для него и в знак своих мирных намерений. В кратком послании испанцам выражалась просьба

об однодневном перемирии, чтобы великий властитель мог подготовиться к личным переговорам с каудильо о капитуляции — завтра на площади Тлателолько. Хитрость достигла цели: Кортес, искренне желавший скорее покончить с затянувшейся страшной войной, охотно согласился на просьбу и послал в виде ответного дара провиант — маис и битых кур, — которого было предостаточно в испанском стане и в котором так нуждались ацтеки.

Верные слову, но не изменившие своим истинным замыслам, явились в назначенный час и место пять ацтекских тлатоани к Кортесу и сказали, что великий властитель болен и они пришли вместо него сообщить о его категорическом отказе от капитуляции, а также о том, что «Пусть не воображает себя испанский военачальник господином Ацтекского царства, хотя он и разрушил столицу: многочисленные дальние провинции уже вооружились, идут на помощь своему властителю, а если он погибнет в сражении, они отомстят за него».

Это дерзкое заявление было сделано очень вежливо и сдержанно и выслушано победителем тоже со спокойным вниманием, однако в ответе испанского каудильо вновь прозвучали настоятельные призывы к ацтекам отказаться от ненужного упорства и спасти себе жизнь.

Кортес столь долго убеждал их в этом, что они в конце концов обещали употребить все свое влияние, чтобы уговорить монарха, хотя признались, что не надеются на успех, и распрощались с такой сердечностью, будто в самом деле заключили весьма почетный и выгодный мирный договор.

Кортес не возобновлял военных действий еще двое суток, предпринимая и другие шаги, чтобы склонить Куаутемока к капитуляции, но все попытки были напрасны, и он решил силой оружия вынудить монарха сдаться.

И в этот же самый день испанский военачальник окружил последнее убежище злополучных ацтеков, атаковав их с суши и с воды. Зная, что здесь нельзя продержаться долгое время, вожди просили властителя бежать с семьей с этого клочка земли, который оставался у него вместо обширных владений.

— Нам не принесет большой пользы, о уэй-тлатоани, твое присутствие здесь, — говорили они ему. — А если тебе удастся спастись с нашим священным гербом и добраться до какого-нибудь дружественного города, ты сможешь созвать туда всех мужчин из самых отдаленных подвластных тебе земель и создашь могущественное войско, с которым вернешься, чтобы возродить из руин свою столицу и вышвырнуть отсюда врагов.

Отверг Куаутемок это предложение как недостойное верховного вождя, который не может бросить своих людей в минуту наивысшей опасности, и приказал вождям-властителям Такубы и Тескоко попытаться выйти из окружения, затем, если удастся усыпить бдительность испанцев, объединить силы дальних земель и привести войска к Теночтитлану.

Вожди-сородичи воспротивились этому наказу, ибо, по их мнению, никто не мог лучше Куаутемока воодушевить своих данников и призвать их к войне против нечестивых пришельцев, захвативших столицу, которой покровительствуют боги. И в то же время, считали они, всем на погибель послужила бы весть о случившихся бедах, особенно известие о смерти того, кто олицетворяет силу Ацтекского царства.

Все эти доводы не убедили героического юношу, который решил один встретить смерть во главе своих верных защитников-воинов, и, едва закрылись его раны, он снова пошел в бой и оказал врагу никак не ожидавшееся с его стороны сопротивление. Однако жертвы были напрасны! Пришел час, назначенный судьбой для последнего вздоха умиравшего Царства ацтеков! Страшный час, который мы не в силах описать! Час, который, по словам не кого-нибудь, а конкистадора Кортеса, явил такие потрясающие картины, каких никто и никогда еще не видел,— ни более трагичных, ни более жестоких.

Всюду высились горы трупов, а среди них бродили женщины, старики и дети, которых приканчивали вражеские копья, и таким жутким было зрелище поголовного истребления, таким ужасным концертом из воплей и криков сопровождалось вторжение победителя, что, по собственному признанию Кортеса, «разрывалось сердце».

Трупный смрад заставил испанцев быстро удалиться из этой части города, где уже много дней назад распространилась зараза, сопутствовавшая грязи и голоду. В эту пору перед Куаутемоком появился желтый, до костей исхудавший старец уэй-теониск.

— Что ты здесь делаешь, рыдая, как женщина, над развалинами и над мертвыми?— спросил старик мрачно и злоеюще.— Может, ты ищешь что-то среди грунов или ждешь, когда возвратится враг и выжжет на твоем лбу клеймо раба?

— Я жду смерти!— ответил властитель.

— Великий властитель не имеет права умереть по своей воле,— ответил высший жрец.— Не имеет права, пока существуют народы, которые вверены ему богами и когорых еще можно спасти от позорного рабства. Куаутемок! Уицилопочтли обратился ко мне, его громоподобный голос слышали мои уши среди грохота вражеского оружия, криков беззащитных женщин и стонов умирающих воинов. «Уэй-теониск,— сказал мне бог,— страшным испытаниям подвергается мой народ, но я подарю ему день победы. Пусть не падает духом венценосный юноша, которого я наградил своим собственным дыханием. Были времена, когда его предки, побежденные сильными народами, должны были бросить свои земли, но я дал им другие, лучшие и более обширные, и основал для них это великое царство, которое погублено теперь стараниями Тлакатеотля. Но разве Тлакатеотль мощный меня? С каких пор дозволено моему народу не верить в свое спасение? Пусть сейчас же уйдет верховный вождь

из этого разрушенного города, над которым витает дух гибели; я приказываю ему спасти свою священную особу, чтобы он собрал новые войска по всей земле, которую я сделал подвластной ему, и вернулся отомстить за поругание и заново воссоздать мои храмы». Так сказал Уицилопочтли, о Куаутемок! И ты должен подчиниться его высочайшему приказу.

— Я обещаю подчиниться, о уэй-теописк! — отвечал монарх. — Но мой долг — остаться на этой земле, пока жив хотя бы один воин, чтобы защитить ее. Отведи взор от мертвых, и ты увидишь еще немало воинов, которые, прежде чем найти вечный покой, как другие, еще могут принести множество жертв своими окровавленными руками. Я вижу, что невозможно уйти всем, кто здесь находится, ибо враг заметит, когда все наши каноэ отчалият от берега. Также невозможно и мне бросить несчастных, обреченных на смерть. Я должен разделить с ними опасность, и, когда у меня под началом не останется никого, тогда, если небо позволит мне их пережить, я выполню наказ божества, которое так мало о нас печется.

— Преступен твой упрек, и преступно твое упорство, — грустно проговорил жрец. — Твое решение принесет гибель всему несчастному царству, которым ты правил, Куаутемок. Я заклинаю тебя именем Уицилопочтли, и горе тебе, если ты не послушаешься моих слов! Только покинув пределы царства, ты сможешь обрести надежду когда-нибудь снова воскресить его. Только презрев судьбу нескольких тысяч своих подданных, ты сможешь спасти тысячи тысяч людей, которым принадлежит твоя жизнь. Я сказал.

С этими словами он побрел прочь и скрылся среди развалин.

Долгое время пребывал Куаутемок в молчании и тяжелых раздумьях. Меж тем ночь уже проделала половину своего пути, и тлатоани, пользуясь темнотой, успели подготовить к отплытию пятьдесят каноэ, в которых быстро разместили властительную Уалькацинтлу и других женщин.

Испанские бригаантины в тот час находились довольно далеко, хотя их дозорные продолжали наблюдать за озером, не упуская из виду ни один маневр противника.

XIV

ПЛЕНЕНИЕ КУАУТЕМОКА

Голод, смрад, наконец, отчаяние, достигшее предела, заставили этой ночью ацтеков бежать оттуда, где еще укрывалось значительное число воинов и их семей. Одни кинулись к стану противника, громко требуя смерти; другие бросились в озеро, к берегам которого поутру прибило множество трупов.

«Соленая вода, которую они пили. — свидетельствует Кортес, — голод, мерзкий тлетворный дух, исходивший от стольких

трупов, так загромоздивших землю, что некуда было ступить (ибо в течение многих дней индейцы не спускали в воду ни одного трупа, дабы бригантины не натыкались на тела и мы бы не знали о их бедственном положении),— все это послужило причиной гибели более пятидесяти тысяч человек. Женщины и дети уходили из своего убежища и являлись к нам, а многие тонули в озере, не добравшись до каноэ».

Несмотря на безвыходное положение, Куаутемок упорно призывал умереть в этом месте с оружием в руках, собирал и подбадривал теперь уже совсем ничтожные остатки своего войска, чтобы защищать до последнего издыхания это грустное кладбище, свободный кусочек земли, оставшийся от огромного Теночтитлана.

— Спасайся! Спаси мою семью и свою,— говорил Куаутемок Нецальку к исходу ночи.— Мой долг предписывает мне не покидать эту землю, пока на ней помещается хотя бы одна моя ступня. Но моя супруга, и твоя, и столько несчастных женщин, родившихся под сенью балдахина и ныне лишенных крова на земле, требуют от тебя этой жертвы. Беги, брат, пока милостивая богиня тьмы не убрала своего покрывала; беги и ищи пристанища в далеких землях, которые еще не прокляты разгневанными божествами.

— Боги велят уйти тебе,— сурово отвечал вождь-властитель Такубы.— И ты, мой брат, не должен быть глух к зову богов наших предков. Все женщины вместе с твоей супругой находятся в самом быстром каноэ, сорок девять других каноэ ждут сопровождения их воинов. Но без тебя мы не отплывем.

— Воины,— ответил властитель,— должны умереть, сражаясь. Пусть в каноэ отправятся только дети и женщины. Мы должны спасти беспомощных, если вообще спасение возможно.

Тлатоани из Тескоко, Исталапаны, Хочимилько, Тепеполько, Койоакана и другие присоединились к просьбе Нецалька, но напрасно. На рассвете ацтекский великий властитель снова возглавил своих последних воинов, чтобы навязать врагу еще один отчаянный бой.

Героическая и неожиданная атака!

Ее неуспех был предрешен, и тем не менее развернулась такая упорная битва, что всходящее солнце, осветившее ее затем своими прямыми лучами, уже медленно клонилось к горизонту, а кровопролитие все продолжалось.

Ночь уже опускала свою сумеречную вуаль, когда Эрнан Кортес, одержав победу, полностью овладел мертвым полем брани. Жрецы и немногие вожди, пережившие это последнее страшное поражение, бросились к каноэ, почти силой увлекая за собой несчастного монарха, который напрасно ждал смерти от пуль врага.

Маленькая флотилия на веслах стала удаляться от тех кровоточивших берегов, но бригантины, подняв паруса, ворвались

в гущу каноэ. Гарсия Ольгин, командовавший одной из бригадин, заметил, что в самом большом каноэ находятся ацтекские воины, по виду своему и одежде — военачальники, и приказал арбалетчикам сосредоточить стрельбу на этой лодке.

Куаутемок, увидев приготовления испанцев, невольно прикрыл руками жену и сына. Но прежде чем раздался роковой залп, Нецальк, стоявший рядом с братом, заслонил его своим щитом и грозно закричал:

— Остановитесь! Не лишайте жизни великого властителя!

Гарсия тотчас отменил приказ и, причалив к каноэ, взял в плен семейство монарха.

Вся флотилия сдалась после пленения властителя, а Гарсия со своей добычей отправился в лагерь к Кортесу.

Августейшего пленника сопровождали его жена и сын, вдова Моктесумы, жены и дочери вождей: Текуиспа, Теуитла, Оталица, Местликочитль и другие молодые женщины, а также вожди-властители Такубы и Тескоко, правители Истапалапы, Хочимилько и Койоакана, вышедшие живыми из крошечного ада последней битвы.

Конкистадор принял их в окружении своих капитанов под победным штандартом Кастилии.

Приблизился к нему Куаутемок, хотя и с безразличным видом, но исполненный достоинства и решимости, — дотронулся своей обнаженной рукой до великолепного эфеса толедской шпаги победителя и громко сказал:

— Я сделал все, что мог, защищая свое государство; боги меня направляли. Только слабым присуще убивать себя своей собственной рукой, если они побеждены. Милосердным победителям же пристало оградить отважных от бесчестия рабства. Поэтому вонзи эту шпагу в мою грудь.

— Куаутемок! — ответил каудильо, отведя его руку. — Ты попал в плен не к варвару, который не умеет ценить отвагу и стойкость. Рабство никогда не станет уделом такого знаменитого монарха, и твоя империя станет подвластной непобедимым испанским войскам, не потеряв при этом своего достойного господина, оказавшего нам столь упорное сопротивление.

— Я — твой пленник, — ответил заметно тронутый такими словами Куаутемок. — Ущиплопочтли подчинил меня твоей власти, и у меня хватит сил покориться своей судьбе. Но здесь — моя супруга и мой сын. Прояви милосердие к ним и к другим несчастным женщинам, женам, сестрам, дочерям вождей.

Последние слова властителя были покрыты рыданиями и стонами тех, за кого просил монарх. Кортес подошел к ним, почтительно их приветствовал и старался успокоить любезными речами.

С таким же почтением он отнесся ко всем вождям, плененным вместе с Куаутемоком; приказал их угостить за столом и просил всех именитых пленников, особенно монарха, доверять

ему и не опасаться никаких унижений с его стороны. Затем Кортес передал всех под надзор Сандовалю, приказал отвести в Койоакан и поместить в лучшее здание этого соседнего города.

Так — после девяностотрехдневной осады столицы — было окончательно побеждено великое Ацтекское царство 13 августа 1521 года, в вечерний час. Когда Куаутемок с семейством отправлялся в заключение под конвоем испанцев, разразилась страшная гроза, бичуя ливнем порабошенную землю.

При мертвенном свете молний, озарявших воинственную фигуру Кортеса, словно являвших собой ореол его смертоносной славы, встал испанский военачальник во весь рост, и к грохоту громовых раскатов присоединился его сильный голос.

— Соратники! — сказал он. — Наша великая экспедиция закончена. С сегодняшнего дня два мира лежат у ног императора Карла, и новой вечной славой покрыла себя родина Сиды и Гусмана¹. Воздадим же хвалу всемогущему господу Богу, сеньоры, навсегда укрепив святой крест в землях Новой Испании, и проявим милосердие к побежденным, — и во имя великодушия, и ради нашей собственной выгоды. Видимость власти, которую мы сохраним пленному верховному вождю ацтеков, поможет нам, не прибегая к оружию, подчинить многочисленные области, которые платили дань огромной Ацтекской империи. Приобретая расположение властелина и его богатых родственников, мы, кроме того, завладеем сокровищами, которые, по слухам, они тщательно укрывают и которые, если мы прибегнем к насилию, они нам никогда не выдадут.

Сладкий, медоточивый голос прервал речь Кортеса следующими страшными словами:

— Выдадут под пыткой!

Это был голос Альварадо.

Кортес неодобрительно взглянул на него и, призвав повелительным взмахом руки к тишине, медленно продолжал:

— Сеньоры, наше великодушие и наша выгода побуждают нас проявлять милосердие к родственникам Моктесумы. Я так советую вам, как друг, ратующий о вашей доброй славе, и так приказываю, как ваш командир, уполномоченный принимать меры, которые считаю необходимыми для полнейшего успеха нашего общего дела.

После этой краткой речи Кортес удалился в свои покои, но солдаты продолжали роптать, и то там, то сям еще долго слышалось страшное слово, брошенное безжалостным Альварадо.

Меж тем Куаутемок был помещен с женой и сыном в самых просторных покоях дворца в Койоакане. В других залах расположились остальные вожди с членами своих семей.

¹ Сид (наст. имя Диас де Бивар Родриго Руй, род. ок. 1030 г., ум. 1099) и Перес де Гусман Альфонсо (1258—1299) — испанские легендарные военачальники, отличившиеся в освободительных войнах с маврами.

Здание охранялось значительными силами испанцев, но слуги могли беспрепятственно входить к августейшим пленникам.

Эта ночь была действительно страшной. Такая гроза давно не обрушивалась на долину Анауак. Однако великий властитель спокойно беседовал с супругой, державшей на руках Учелита.

— Боги,—говорил он,—создали человека не только для счастья. С рождения он подвластен бедам, сопровождающим его на тернистом пути по земле. И потому он награжден чуткой, сильной и бессмертной душой, способной поддерживать слабое тело. Большого презрения достоин тот, кто сгибается под тяжестью несчастий, чем тот, кто радостно упивается своим преуспеванием. Ты, о первая половина моей души, ты в эти горькие часы должна помнить о своей доле: ты связана со мной неразрывными узами, и можно сказать, что мы — единое целое. Посему укрепи свое сердце, о любимая, и пусть твое лицо никогда не станет лицом униженной рабыни, как того хотел бы видеть тиран-испанец.

— Я достойна твоей любви,—отвечала Уалькацинтла,—ибо умею подавлять рыдания и осушать свои слезы. Посмотри на меня, Куаутемок: мои глаза сухи. Но что ожидает нашего бедного сына? Об этом мне все время напоминает сердце тихим и грустным голосом: что ждет нашего бедного сына?

— Может быть, все люди — каждый по-своему — представляют себе бога, своего создателя и творца мира? — спросил монарх. — Но как бы его ни называли смертные, этот великий дух существует и вечно господствует над своими творениями. Или ты в своей горе хочешь отказать ему в доброте, или не видишь в собственном светлом разуме доказательства его всемогущества? Этот бог, о сокровище сердца моего, этот бог позаботится о нашем безвинном сыне.

— Да будет так, как ты сказал,—промолвила, вздохнув, Уалькацинтла, запечатлев поцелуй на лбу мальчика. — Твой голос всегда был для меня утешением, ниспосланным небесами, хотя были дни, когда я сомневалась в истине твоих слов. Но для твоей супруги ты всегда останешься земным образом этого высокого духа мудрости и справедливости. Он и ты — опора души моей.

— Кому дано знать, — отвечал монарх, — что случится завтра и послезавтра? Мы были могучи, а теперь обездолены. Кто может уверить нас в том, что не наступят вдруг снова какие-нибудь перемены? Надежда — это дочь неба, обвенчанная с человеком. Я не расстанусь с ней и все еще надеюсь.

— Да, надейся! — сказала Уалькацинтла. — Сердце мне тоже говорит, что еще не все кончено, что еще есть нечто там, дальше, за нашими нынешними бедами. Будем надеяться, да, не будем терять надежды, супруг мой. Ты прав, говоря так: кто может видеть грядущее?

Она положила голову на колени мужу, у ног которого сидела, разговаривая с ним, и, сраженная страшной усталостью, погружаясь в сон, едва слышно пробормотала:

— Не будем терять надежды.

Да, сколь ужасно было бы ее пробуждение, если бы злой гений показал ей во сне это самое «там, дальше», на которое она уповала; если бы ей открылась тайна завтрашних дней, которых она так страстно ждала!

XV

ПЫТКА

После того как победа испанцев была прославлена повсеместными богослужениями и обильными пиршествами, снова стала терзать конкистадоров жажда золота, ибо обретенные ими богатства их уже не удовлетворяли. Сокровищами, награбленными во дворцах и храмах, они не насытились: аппетит разгорается во время еды.

Вовсю занимались грабежами и индейские союзники испанцев. Говорили также, что испанские солдаты выменяли у них на всякие безделицы огромное количество золота и серебра. Однако и те и другие были убеждены, что плененные вожди обладают большими богатствами, и, хотя распускали слухи, что пленники бросили все свои ценности в озеро, чтобы не дать их завоевателям, Кортес всячески старался выведать у ацтеков, соответствует ли это истине.

Пленники единогласно заявляли, что золота у них не осталось. Никакими просьбами, обещаниями и угрозами не удавалось вырвать у них то признание, которое так желали услышать победители. Принимая отрицательный ответ за злонамеренную ложь, солдаты свирепели, тем более что видели — трофеи многих капитанов значительно превосходят их собственную добычу.

Хищные авантюристы уже не довольствовались разговорами о том, что пленников надо подвергнуть пыткам, чтобы добиться желаемого ответа, они требовали экзекуции, громко стуча в двери Кортеса, а в своих дерзких требованиях дошли до предела, бросив ему в лицо бесцеремонное обвинение: мол, он вошел в сговор с Куаутемоком, чтобы самому заполучить спрятанные сокровища, взамен обещая августейшему пленнику свободу и его, Кортеса, особое благорасположение.

Каудильо старался навести порядок и установить в войсках дисциплину всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Однако он был не в силах охладить кипение страстей среди своих солдат, жаждавших вознаграждения за перенесенные испытания. Кортес не был сторонником применения силы к пленным, но, видя, что все его старания ни к чему не приводят, что солдатские бунты учащаются, приобретая день ото дня все более угрожающий характер, он наконец уступил бесчеловечным требованиям разнузданной солдатни и приказал пытать великого властителя

и его брата, вождя-властителя Такубы, с которыми, согласно людской молве, он якобы заключил недостойную сделку.

23 мая, в девять часов утра, исполнители этого несправедливого приговора явились в место заточения монарха. Куаутемок вместе с женой и сыном только что окончил завтрак и, удивленный мрачным и грозным видом испанцев, спросил с некоторым волнением:

— Чего вы хотите от меня, о теуктли? Почему пугаете мою семью своими суровыми взглядами?

— Ты упорно не желаешь открыть место, где спрячешь свои сокровища, — сказал резким тоном переводчик Агиляр. — И генерал-капитан Кортес осудил тебя на пытку, чтобы ты открыл тайну.

— Я тебя не понимаю, — ответил властитель, вновь обретая свое спокойное достоинство, — хотя вижу, что должен умереть. Ты сказал, что пытка может открыть тайну нахождения моих сокровищ. Я же клянусь честью верховного вождя, что больше ничего не имею. И какова бы ни была смерть, которой вы меня предадите, я ничего другого, кроме этой торжественной клятвы, дать не смогу.

— Под пыткой дашь, упрямый язычник, — заметил со злобой усмешкой один из солдат. — Более сильные, чем ты, отвечали в такой беседе на вопросы. Ты знаешь, что такое пытка? Это не смерть, нет, это в сто раз хуже. Тебе предстоит отдохнуть не на императорском ложе, а на раскаленной решетке. Теперь понимаешь? Тебя поджарят на медленном огне.

Душераздирающий крик вырвался из груди Уалькацинтли, и она упала наземь, словно сраженная молнией. Маленький мальчик громко заплакал, будто сердцем почуял беду, которую не мог осознать своим детским разумом.

— Вы жестоки, о теуктли, вы слишком жестоки! — промолвил с горечью Куаутемок. — Зачем вы сказали об этом при женщине? Не могли подождать, пока мы выйдем отсюда?.. Я надеюсь, что вы не приведете свой приговор в исполнение в присутствии моей супруги и моего сына.

Экзекуторы смеялись и стояли молча, один из них даже хотел помочь подняться Уалькацинтле. Куаутемок мягко отстранил его, попросив позвать кого-нибудь из прислуги, и, сам подняв жену, прижал ее и сына к своей груди. Когда служанки вошли, он велел им приблизиться, отдал одной из них плачущего ребенка, поцеловав его в лоб и в глаза, и сказал крохотному сыну нежно, но твердо:

— Успокойся, душа моей жизни, твой плач разбудит твою мать: она спит. Успокойся ради любви к ней.

И снова поцеловал мальчика, не выпуская из рук супругу, чья голова бессильно лежала у него на груди. Потом, с неописуемой нежностью взглянув на Уалькацинтлу, тоже передал ее женщинам, проливающим над ней слезы.

— Берегите ее,— сказал им Куаутемок.— Окропите водой ее лицо, а когда она придет в себя, скажите, что я ушел спокойным, что никогда не будет сломлен тот, чья душа не выносит унижений и преступлений, что она — мать и боги велят ей жить ради сына.

Заметив, что одежды молодой жены распахнулись и обнажили прекрасную грудь, он снял с себя плащ, всегда прикрывавший его плечи, и набросил на поникшее женское тело, на которое были устремлены похотливые взоры безжалостных свидетелей этой патетической сцены.

— Я — в вашем распоряжении,— сказал он им и невозмутимо пошел с ними, на секунду задержавшись у порога, чтобы бросить последний взгляд на своих близких.

— Куаутемок, супруг мой!..— простонала Уалькацинтла, казалось, на миг пришедшая в сознание.

— Берегите ее! — повторил властитель и поспешно вышел из покоев.

Не успев пережить эти грустные минуты, он столкнулся с Нецальком, который тоже шел под конвоем испанских солдат.

— И ты! — воскликнул Куаутемок, хладнокровие ему изменило, и он бросился с повлажневшими глазами в объятия брата.

— Эй, не задерживаться! — грубо окликнул их начальник стражи. К властителю моментально вернулась выдержка, он отстранился от брата и сказал:

— Пойдем.

Возмущенный Нецальк бросил несколько недобрых слов в сторону стражей, однако старший браг выразительным взмахом руки попросил его успокоиться и мужественно перенести страдания.

— Боги послали нам жестокие испытания,— сказал Куаутемок,— но мы преодолеем их и будем достойно вознаграждены собственной твердостью и хладнокровием.

Когда они подошли к месту пыток, там их ожидала бурлившая от нетерпения толпа солдат, встретившая свои жертвы злобными криками. Уже пылали жаровни с решетками для пытки, и лютые экзекуторы насмешливо сказали пленникам:

— Смотрите, какие великолепные постели вам приготовлены, грешники! Вы хотите сначала отдохнуть на них или сразу скажете, где спрятаны соковища?

Оба властительных вождя взглянули на них с презрением и горделиво, твердым шагом направились к палачам, которые раздували огонь. Они хотели было схватить ацтеков, но те в один голос сказали: «Не надо»,— и бесстрастно легли на адские ложа.

В тот момент, когда острая боль ожога вырвала громкий стон из груди юного вождя Такубы, его царственный брат обратил к нему взор, упрекая в слабости, и, словно бы перенеся всю вину за страдания и нестерпимую боль на раскаленную решетку, подбодрил Нецалька своими вошедшими в историю словами: «Трус! Или, думаешь, я лежу на ложе из цветов?»

Изумленный подобным героизмом и в то же время недовольный жестокостью невозмутимых экзекуторов, равнодушно наблюдавших эту сцену, Кортес велел прекратить пытку и укротил бушевавшую солдатню зычным повелительным голосом.

— Горе тому, — сказал он, — кто снова осмелится настаивать на таких варварских пытках! Может быть, у этих несчастных действительно нет золота, но зато у них предостаточно смелости, чтобы умереть молча!

Народ не без ропота разошелся, а мученики были возвращены на носилках в заточение, причем Кортес распорядился немедленно послать к ним опытного войскового врача.

Когда Куаутемок оказался в объятиях своей супруги, он думал только о том, чтобы утешить ее и скрыть жестокую боль.

— Я выдержал, — говорил он. — Я скоро буду здоров. Уцилопочтли позаботился обо мне и не дал моему супругу опозорить себя.

В ответ властительная Уалькацингла, слушавшая его с необъяснимым спокойствием, громко захохотала.

Она сошла с ума!

Два часа спустя из этого дома вынесли мертвое тело. Тело прекрасной Оталицы.

Это хрупкое существо не вынесло душевных мук, причиненных ей одной лишь мыслью об ужасной экзекуции, которую осылали твердость духа ее обоих братьев.

Кортес тем временем велел раздать войску бывшие в наличии сокровища, ибо потерял надежду скоро их приумножить, и приказал оставшимся в живых ацтекам восстановить разрушенную столицу.

ЭПИЛОГ

Три года, или около того, минуло с тех пор, как произошли события, о которых мы рассказали в последней главе этой истории. Наступало утро одного из тех прекрасных зимних дней, какими славится благословенная мексиканская земля. Едва забрезжила заря, как поднялись на ноги все обитатели маленького селения провинции Алькала, где в то время расположился на отдых Эрнан Кортес, направлявшийся в другие, более далекие земли.

Каждый, кто заметил бы тогда тревожное любопытство, столь рано выгнавшее индейцев из их скромных жилищ на улицу; кто увидел бы, сколь суров, почти грозен вид испанских солдат, группами выходивших из своего походного лагеря и заполнявших улочки, ведущие к главной площади селения, каждый, повторяем, понял бы, что какое-то примечательное событие, какое-то важное действо должно произойти в первой половине того дня.

Действительно, не было еще восьми утра, когда и кавалерийский эскадрон испанцев появился на площади, а с башен

местного храма-теокальи и с крыш соседних домов множество недоумевавших и встревоженных жителей увидели странное, не виданное ими доселе сооружение. Это была виселица, возведенная ночью в центре упомянутой площади! Поняв, для чего предназначено подобное устройство, алькаленцы содрогнулись от ужаса, и многие из них поспешили избавить себя от страшного зрелища, покинули селение и укрылись в ближайших дремучих лесах.

На площади перед храмом-теокальи, откуда хорошо был виден разрушенный алтарь Уицилопочтли, сидели, удобно устроившись в предвкушении кровавой сцены на этом превращенном в театр месте, две прекрасные дамы, каждой из которых не исполнилось еще и тридцати лет. Обе были одеты на испанский манер, но можно было заметить, что платье одной из женщин не отвечало ее внешности. Цвет кожи, черты лица, маленькие руки и ноги, неправильное произношение испанских слов выдавали ее индейское происхождение. Другая была андалузкой с блестящими, черными, как у мавританки, глазами; она в ожидании предстоящей экзекуции с удовольствием вспоминала об аутодафе и боях быков, которые не так давно служили основными развлечениями ее молодости.

Прислушавшись к беседе, которую ведут эти дамы до появления еще неизвестных участников трагедии, развязка которой близилась, наши читатели смогут узнать, о чем идет разговор.

— Посмотри, как мужественны и блестящи наши воины,— говорила испанка.— Не правда ли, донья Марина, они как золото, которое еще ярче сверкает после того, как переплавится в очистительном огне? Столько невзгод и тягот вынесли наши люди в этом долгом и трудном походе, когда им пришлось преодолевать непроходимые горные ущелья, пустынные равнины, гнилые трясины, холод и жару, голод и жажду,—ничто не сломило крепкий дух наших солдат, их истинно испанские сердца.

— Они берут пример со своего вождя,—отвечала индеанка.— Осуществив столь тяжелое путешествие, если это можно назвать путешествием, великий Кортес, наш господин, показал, что для отважной души нет ничего невозможного. Было бы справедливо, если бы после таких славных дел небо наградило его отдыхом, но вы видите, какая беспокойная жизнь предопределена этому герою. Подчинив себе большую часть земель, составлявших огромное Ацтекское царство, храбрый завоеватель борется теперь с преступными посягательствами своих собственных соратников.

— Сказать по правде, я все еще сомневаюсь, донья Марина, в верности слухов о бунте Олида. Я всегда считала его честным, благородным капитаном, и мне трудно поверить, что он поднял мятеж со своим войском, которое ему доверил капитан-генерал для завоевания тех селений, куда мы идем.

— По крайней мере, так утверждают,—ответила индеанка.— И поскольку другой военачальник, посланный туда, так

долго ничего не сообщает ни о себе, ни о выполнении приказа, наш господин счел необходимым пойти туда самому и наказать, как подобает, послушавшихся его воинов.

— И зачем только надо ему возить с собой этих индейских царьков!.. Как вы думаете, донья Марина? Ведь эти язычники не приучены к трудностям, которые с таким терпением переносят испанцы с помощью господина нашего Иисуса Христа и святого Сантьяго. Кроме того, мне кажется весьма неразумным, и я сказала об этом своему супругу, что по всем этим недавно завоеванным землям везут того, кто был их властителем. И вот результат! При виде своего пленного господина все касики взволновались и устроили тот адский заговор, который, если бы его вовремя не раскрыли, унес бы жизнь нашего величайшего полководца.

— Так говорят, — откликнулась донья Марина, с сомнением покачав головой. — Один изменник, ацтекский военачальник, который во время осады Теночтитлана сдал конкистадорам свой приозерный город, может быть, оклеветал своего бывшего властителя Куаутемока. Никаких доказательств, подтверждающих сказанное, он не привел.

— А вы не назовете мне имена обвиняемых? Имена так трудны, что я не смогла их запомнить.

— Обвиняемых, по утверждению доносчика, — сказала со вздохом Марина, — много, очень много, ибо говорится, что в заговоре якобы участвовали все тлатоани, по чьим землям мы идем, и многие другие их подданные. Но главными подстрекателями и руководителями намечавшегося восстания объявлены Куаутемок, Нецальк и Коанакот, которые нашим господином приговорены к позорной казни.

— Я часто видела их во время пути, и, вы знаете, донья Марина, все трое — очень красивые юноши, они мало походят на индейцев. Главный касик держится с таким величавым достоинством, какое, мне кажется, не присуще людям его расы. Двое других, как я понимаю, — его родственники, но они выглядят не так царственно и лица их не столь значительны. Однако оба выделяются из толпы индейцев своим горделивым видом и, как бы это назвать, даже каким-то изяществом. Бедные варвары! Искренне говорю вам, донья Марина, что мне душевно жаль будет увидеть их на виселице.

— Даже испанское войско разделяет ваши чувства, — сказала индеанка с плохо скрываемой печалью. — Многие их жалеют, ибо несчастные, на казни которых мы будем присутствовать, переносили свой плен с таким мужеством и стойкостью, что внушили сострадание и уважение даже самым лютым солдатам, которые к тому же считают их преступление не вполне доказанным. Но я понимаю, что они должны умереть. Господин не мог оставить их в Теночтитлане, ибо слишком опасно держать в столице таких важных пленников, где нет никого из испанцев,

к кому побежденные ацтеки относились бы с почтением и страхом. С другой стороны, весьма обременительно возить их с собой по этим трудным дорогам. И к тому же они были могущественными вождями. И сейчас их чтут за отвагу и жалеют за поражение в войне все те племена, по землям которых мы пойдем. Если и неверно то, что они хотели поднять восстание сейчас, то можно бояться, что такое произойдет в будущем. По этим и другим причинам, которые мне приходят на ум, вероятно, и желает наш господин лишить жизни несчастных пленников, которых, может быть, и простил бы великодушно, если бы нашел другой выход.

В словах Марины прозвучало единственно возможное объяснение факта, о котором пойдет речь; единственно правдоподобное толкование жестокого приговора, который, не будучи мотивирован, выглядел бы преступным актом и который мы зря старались бы обелить, опираясь только лишь на обвинение одного из подданных, изменника, не вызывавшего доверия многих испанцев, хотя, по всей видимости, Кортес к нему прислушался.

— Мне доставляет большое огорчение,— сказала прекрасная андалузка,— что их смерть больше определяется политикой, нежели справедливостью.

— Я, наверное, не так выразилась,— живо и встревоженно откликнулась возлюбленная Кортеса.— Все, что делает Малинче, правильно и справедливо, и не подобает мне, бедной рабыне, облагодетельствованной им, не подобает выносить суждение о его мудрых поступках.

— Мне нравится ваша скромность,— заметила испанка,— но скажите: разве эта высокая и худая, довольно привлекательная, хотя и смуглая индеанка, которая идет вместе с нами и то плачет, то смеется, тоже должна умереть? Мы обе и она — немногие женщины, набравшиеся смелости, чтобы сопровождать наших героев в столь утомительном походе, и мне хочется больше узнать об этой отважной бедняжке, разделяющей со всеми трудности долгого пути.

— Эту женщину, о которой вы спрашиваете,— медленно и грустно сказала индеанка,— зовут Уалькацинтла, она — дочь великого Моктесумы и супруга несчастного Куаутемока, последнего властителя Теночтитлана. В этом проклятом походе умер их единственный сын, ибо ребенок не мог вынести всех лишений. Но бедная мать и не замечает отсутствия мальчика. Она сошла с ума!

— Если она безумна, ее не казнят, как ее мужа, ибо, если и она замешана в заговоре, безумие ее оправдает.

— Никто не обвиняет бедную женщину,— сказала Марина,— но смерть была бы для нее актом милосердия. Чего ждать от жизни этой горемычной супруге вождя? Когда умрет ее муж, она останется одна, совсем одна! Ее мачеха приняла христианскую веру, как и ее сестра, которую ацтеки зовут Текуиспой, а испанцы — доньей Исабелью Моктесума.

— А! Значит, сестра этой безумной — та красивая девушка, которая, говорят, так долго оплакивала смерть Веласкеса де Леона и которая скоро должна выйти замуж за кого-то из наших капитанов?

— Так приказал наш господин, и бедная Текуиспа должна повиноваться, ибо ей не на кого опереться в этом мире. Ее мачеха — слабая запуганная женщина, которая во всем старается угодить завоевателям, чтобы они сохранили ей жизнь и земли ее сына. Вы, наверное, заметили еще одну красивую ацтекскую женщину? Я вас сейчас очень удивлю, когда открою, кто она на самом деле.

— Не о женщине ли, принадлежащей капитану Андраде, вы говорите?

— Да. Наложница названного вами испанца в действительности законная супруга одного из преступников, которых вскоре казнят. Это — Теуитла из рода властителей Тескоко, жена Нецалька, вождя-властителя Такубы. В нее влюбился испанский военачальник, взял ее себе и... Вы ведь знаете... Победитель всегда приказывает побежденному. Говорят, правда, что наложница Андраде не желает покориться новому хозяину и просит, как милость, сделать ее пленницей, но только не разъединять с мужем.

— Вот глупая! — воскликнула, взмахнув руками, экспансивная испанка. — Но посмотрите-ка, донья Марина, как заволновался на площади народ. Не иначе, ведут преступников.

Действительно, так и было. Едва прозвучали последние слова диалога, который мы весьма скрупулезно воспроизвели, как на площади под усиленным конвоем появились трое ацтекских вождей, приговоренных к казни. Рядом с ними шли несколько францисканских монахов, старавшихся наставить их на путь истинной веры. Подойдя к помосту, Куаутемок обернулся к ним и сказал:

— Я благодарю вас, о испанские теописки, за проявленное к нам сочувствие, и поскольку вы — служители бога, которого постоянно называете милосердным, проявите милосердие к несчастной, лишившейся разума женщине, которая после моей смерти останется на земле беззащитной.

И продолжал торжественным тоном:

— Я умираю невиновным! Я невиновен, хотя должен умереть той смертью, какой умирают преступники и злодеи! Эрнан Кортес! Боги покарают тебя за этот приговор. Я же принимаю его с радостью, ибо он освобождает меня от мучительной жизни, хотя я переносил ее с достоинством и покорностью.

Затем Куаутемок обнял двух других смертников и спокойно поднялся на эшафот, а Нецальк и Коанакот опустились на колени и целовали его следы, повторяя:

— Мы счастливы умереть вместе с тобой и вместе с тобой войдем, о великосердный уэй-тлатоани, во дворцы Солнца!

Палач уже накинул петлю на шею своей жертве; горестным прощанием с жизнью прозвучало имя Уалькацинтлы. И вдруг

в ответ раздался дикий пронзительный крик. Куаутемок уже висел в петле, когда на площадь перед теокальи ворвалась его жена, бледная, с распущенными волосами.

Ее душераздирающий вопль привлек всеобщее внимание.

— Безумная! Безумная! — переговаривались люди, а обе дамы, свидетельницы этой сцены, которые хотели было убежать, увидев рядом с собой несчастную женщину, застыли на месте, объятые жалостью.

Уалькацинтла без единой слезы смотрела на тело своего супруга, качавшееся в воздухе, вздрагивавшее в последних конвульсиях. Внезапно с лица молодой женщины исчезло бессмысленное выражение. Первый удар, нанесенный ее сердцу три года назад, отнял у нее разум; второй страшный удар рассеял помрачение ума.

— Пойдем с нами, бедная женщина, — сказала ей прекрасная андалузка. — Ты внушаешь мне большую симпатию, я хочу утешить тебя.

— Уалькацинтла, — добавила Марина, не будучи в силах сдержать слезы. — Я была подданной твоего отца, и мой долг позаботиться о тебе в дни несчастья. Хочешь жить со мной вместе под покровительством великого и могущественного победителя дона Эрнандо Кортеса?

— Эрнан Кортес!.. Эрнан Кортес!.. — дважды повторила властительная Уалькацинтла, словно стараясь что-то вспомнить. — Это он приказал пытать моего супруга... Это он, да, да, — он! Это он приказал умертвить его сегодня!

Обе дамы в удивлении переглянулись: они никак не ожидали услышать столь разумные слова. Индеанка Марина поспешила сказать:

— Если ты понимаешь, что муж твой умер, покорись, Уалькацинтла, своей судьбе и знай, что такой приговор был необходим... и справедлив. Не нам, глупым женщинам, судить о решениях всезнающего господина, который определяет нашу судьбу.

— Значит, это — он! — опять заговорила Уалькацинтла. — Эрнан Кортес!.. Да, я все вспомнила! Он подло поступил с моим отцом, осквернил наши храмы... А потом... Я повторяю, что все вспомнила! Потом он захватил наши города, выжигал рабское клеймо на лбу у наших вождей, пытал самого великого и отважного из всех них... Куаутемока, моего супруга, которого велел сегодня убить на глазах у всего народа!.. Я все понимаю!.. А мой сын!.. Мой сын умер от голода и страшной жары на этих пыльных дорогах, по которым он гнал нас от селения к селению, чтобы унижить и замучить!.. Эрнан Кортес! Да, я его знаю! Хорошо знаю!

— Ты говоришь, как безумная, о Уалькацинтла! — сказала Марина, хотя ее печальный голос опровергал ее слова. — В твоих речах нет ни смысла, ни истины, и рассудок твой помрачен. Твой супруг предан смерти, потому что совершил преступление; твой

сын очень счастлив в небесном дворце, где истинный Бог встречает невинные души. Не думай больше об этом, пойдем со мной. Будешь жить у меня в любви и уважении, и тебя возьмет под защиту добрый и милостивый испанский военачальник, на которого ты клеветал в своем безумии.

— Ты его раба!.. Да!.. Я вспомнила! Ты всегда рядом с ним! — медленно произнесла вдова Куаутемока, и вдруг, словно озаренная какой-то мыслью, с мрачно вспыхнувшим взглядом, хрипло воскликнула:

— Да, я пойду! Я хочу жить у тебя!

Она еще раз оглянулась на тело мужа и затем вместе с обеими дамами скрылась в толпе. Во время этого разговора был казнен Нецальк, а минутами позже и Коанакот. Люди молчаливо расходились по домам, солдаты вернулись в лагерь, и тот день прошел без всяких иных происшествий, если не считать приказа, отданного Кортесом о продолжении похода на рассвете следующего дня.

В ранние вечерние часы испанский военачальник несколько раз посетил покой своей возлюбленной, находившиеся в том же большом доме, где остановился и он сам. Там Марина представила Кортесу несчастную вдову, которую она пригрела, и Эрнан Кортес обошелся с ней весьма любезно, обещая впредь заботиться о ней. Однако все эти заботы и хлопоты, казалось, были напрасны: судя по виду и упорному молчанию Уалькацинтли, здравомыслие, было вернувшееся к ней в те минуты, когда она присутствовала при позорной казни мужа, вновь покинуло ее, и она стала еще более мрачной и грустной, чем была раньше.

В десять часов вечера каудильо отправился к себе, а Марина отвела свою гостью в приготовленную ей спальню.

— Постарайтесь отдохнуть и поспать, — сказала она, ласково обнимая Уалькацинтлу. — Завтра поутру надо отправляться в дорогу.

Уалькацинтла молча легла в постель и, когда Марина ушла, она — по крайней мере так представлялось — погрузилась в глубокий сон.

Время подходило к полуночи, когда стража вдруг услышала какой-то шум в покоях Кортеса. Прибежавшие солдаты увидели Кортеса в дверях, полураздетого, бледного, залитого кровью, почти испуганного.

— Мой генерал! — воскликнул кто-то. — Что случилось? Почему кровь на вашем лице?

Кортес преградил им путь в свою спальню и, вытирая кровь со лба протянутым ему платком, неуверенно проговорил после секундного молчания:

— Ничего особенного... Кошмарный сон... Я ударился лбом. Вы же видите: рана пустая. Уходите.

Стража повиновалась, а он вернулся в комнату, где его ждала, тоже полуодетая и встревоженная, донья Марина.

— Она вас ранила? — с волнением спросила Марина Кортеса. — Откуда кровь?..

— Легкая рана, — ответил он тихо. — К счастью, безумица промахнулась, а ты, Марина, бросилась на нее, как львица, не допустила второго удара кинжалом.

— Небо хранило тебя, мой господин! — ответила, содрогнувшись, индеанка. — Кинжал, который в ярости схватила эта безумная, был самым острым из твоих кинжалов. К счастью, сон мой чуток, как у зайца, а нюх остер, как у собаки. Да, мой господин и хозяин, если к тебе приближается женщина, я чувствую ее запах издалека.

— Но что же ты сделала с этой несчастной? — спросил Эрнан Кортес, ответив лаской на влюбленный взгляд, который при своих последних словах бросила на него пылкая индеанка.

— Я задушила ее! — мрачно проговорила она.

— Задушила?..

— Да. Лежит недвижима, будто и не жила никогда.

— Что делать, Марина, чтобы никто не узнал о ее смерти? Для меня было бы позором прослыть убийцей, поднявшим руку на женщину... Да и тебе... Марина! Не забывай, что у тебя теперь есть муж, а у меня всегда была супруга.

— Не беспокойся, — сказала Марина с горькой усмешкой. — Я знаю, что должна быть верной мужу, которого ты мне дал. Даже когда ради тебя я забываю о нем, ты знаешь, господин, что я всегда уважаю твой семейный очаг и стараюсь не огорчать счастливую женщину, которая носит твоё имя. Никто не узнает, что я, к счастью, находилась рядом с тобой, когда бедная Уалькацинтла хотела убить тебя. Я положу труп в ее постель, а завтра всем расскажу, что она покончила с собой в припадке безумия. Теперь, мой господин, позволь мне перевязать твою рану и своими губами смыть с твоего лица твою драгоценную кровь.

— Ты удивительная женщина, Марина!..

— Потому что я обожаю тебя, люблю тебя так, как не умеют любить женщины, не родившиеся под жарким солнцем, озарявшим мою колыбель, — с горячностью ответила индеанка. — Ты, о хозяин мой, ты прекраснее неба, ты — мой Бог! Ты тот, в ком сочетаются величие, мудрость и героизм, тот, кто владеет моими помыслами и кому я несу все свои чувства! И больше ничего не говори, только знай, что я люблю тебя всей душой! Такой меня и помни: я всего лишь женщина, которая сошла с ума от любви к тебе.

То, о чем на следующий день говорили испанские солдаты, запечатлено в следующих строках Б. Диаса дель Кастильо:

«Был Кортес дурно настроен и весьма задумчив после того, как повесил Куаутемока и его брата, властителя Такубы, без должных на то оснований, и ночью не спал, и, будто бы, встав со своей кровати, пошел в залу, где стояли идола, споткнулся, упал и разбил себе голову, но про то ни добром, ни злом не помянул, только врачевал свою рану и молча сносил свою боль».

Содержание

<i>М. Былинкина. Авельянеда и ее Куаутемок.</i>	3

КУАУТЕМОК, ПОСЛЕДНИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ ЦАРСТВА АЦТЕКОВ

РОМАН

Часть первая

I. Эрнан Кортес и Моктесума.	19
II. Семья верховного правителя Ацтекского царства.	24
III. Визит Кортеса к Моктесуме.	34
IV. Народное празднество.	43
V. Парад.	52
VI. Судилище.	58
VII. Пленение Моктесумы.	67
VIII. В семье верховного вождя.	72
IX. Моктесума в заключении.	77
X. Куальпопока.	81
XI. Обвинители, судьи и палачи.	84
XII. Заговор.	90
XIII. Изгнание.	98
XIV. Успехи Кортеса.	106

Часть вторая

I. Призыв Моктесумы.	110
II. Новые пленники.	121
III. Вассальная зависимость.	128
IV. Волнения.	132
V. Положение Кортеса ухудшается.	138
VI. Война.	146
VII. Смерть Моктесумы.	155

VIII. Героизм.	162
IX. Совет Звездочета.	169
X. Ночь Печали.	178
XI. Конец Ночи Печали.	187

Часть третья

I. Несчастливая любовь.	195
II. Завершение любви.	205
III. Еще одна утрата.	210
IV. Куаутемок — великий властитель.	214
V. Супруг, отец, властитель.	225
VI. Действия великого властителя.	229
VII. Кортес в Тласкале.	232
VIII. Нежданный посетитель.	236
IX. Эрнан Кортес в Тескоко.	245
X. Эпидемия.	251
XI. Новые союзники.	256
XII. Послание мира и объявление войны.	261
XIII. Битва у Такубы.	267

Часть четвертая

I. Кортес в Тескоко и новый поход.	273
II. Славная защита Хочимилько.	277
III. Заговор Вильяфаньи.	282
IV. Совет Тласкалы и Хикотенкатль.	289
V. Хикотенкатль.	293
VI. Осада Теночтитлана.	297
VII. План «Тридцати дней» и его провал.	302
VIII. Поражение Кортеса.	307
IX. Новые попытки Куаутемока спасти Ацтекское царство.	309
X. Посольство.	315
XI. Килена и ее сыносья.	319
XII. Взятие храма и вступление Кортеса в Теночтитлан.	322
XIII. Последние усилия.	326
XIV. Пленение Куаутемока.	330
XV. пытка.	336
Эпилог.	339

Гомес де Авельянеда Г.
Г64 Куаутемок, последний властитель Царства ацтеков: Роман/Пер. с исп., предисл. и примеч. М. Былинкиной.— М.: Худож. лит., 1990.— 350 с.

ISBN 5-280-01258-0

Моктесума, верховный властитель Царства ацтеков, веря в легенду о приходе «Белого бога» и отвергнув опасения соплеменников, открыл свои богатые, обширные и густонаселенные владения малочисленным войскам испанского конкистадора Эрнана Кортеса. После убийства Моктесумы его племянник Куаутемок, ставший верховным властителем Ацтекского царства, объявил завоевателям войну. Несмотря на героическое сопротивление иноземным захватчикам, Куаутемок был пленен и казнен Кортесом.

Исторический роман классика кубинской литературы Г. Гомес Авельянеды (1814–1873) «Куаутемок, последний властитель Царства ацтеков», по праву стоящий в одном ряду с романами В. Гюго, В. Скотта, П. Мерима, публикуется к 500-летию открытия Америки. Герой романа, Куаутемок, является национальным героем Мексики. Ему воздвигнут памятник в центре столицы, многие свои работы посвятил ему выдающийся мексиканский художник Д. Альфаро Сикейрос.

Г 4703040100-259 151-90
028(01)-90

ББК 84.7Ку

*Гертрудис
Гомес
де Авельянеда*

**КУАУТЕМОК,
ПОСЛЕДНИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ
ЦАРСТВА АЦТЕКОВ**

●

Редакторы *Д. Суворова, О. Хуциева*
Художественный редактор *А. Моисеев*
Технический редактор *Е. Полонская*
Корректоры *Г. Володина, Г. Ганапольская*

ИБ № 5933

Сдано в набор 18.12.89. Подписано в печать 05.09.90. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага
офсетная № 1. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл.
кр.-отт. 22. Уч.-изд. л. 24,29. Изд. № 4223. Тираж 50 000 экз. Заказ № 224.
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литерату-
ра». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28